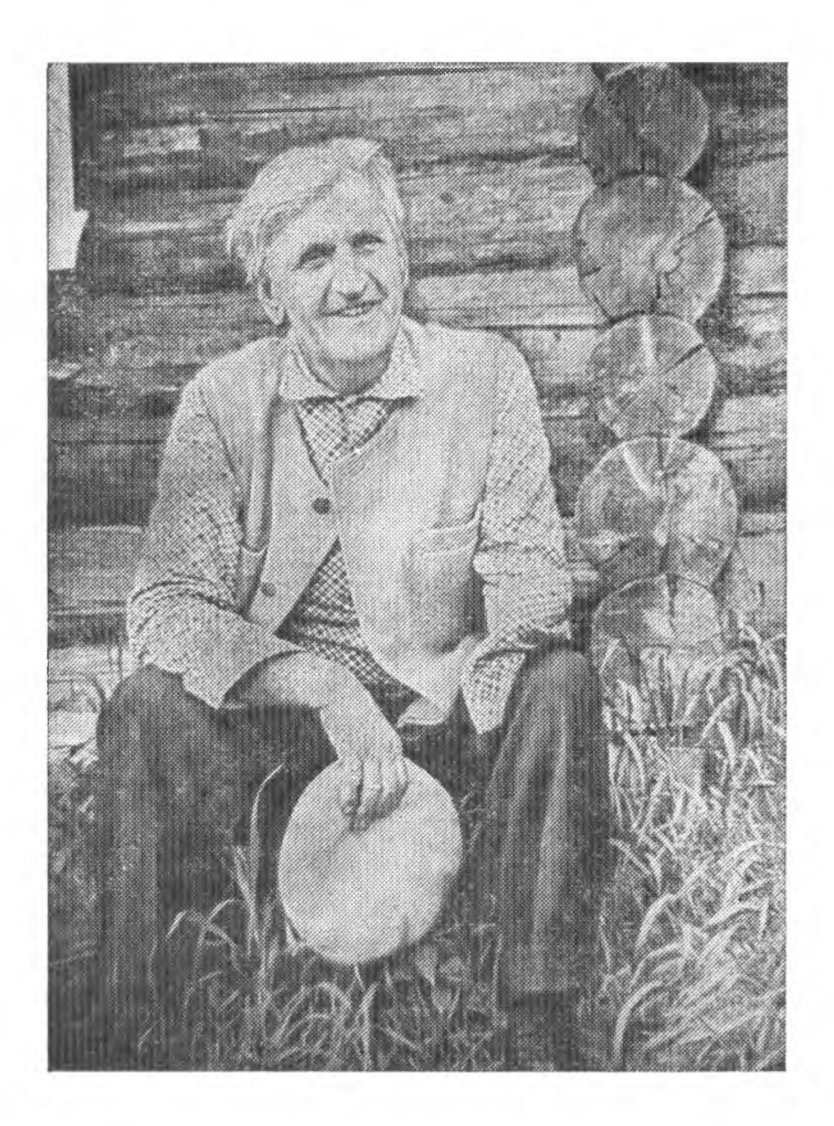
С. С. Гейченко

У ЛУКОМОРЬЯ









С. С. Гейченко

У ЛУКОМОРЬЯ



Рассказы
хранителя Пушкинского заповедника

ЛЕНИЗДАТ · 1986

84.3(2)7
Г27

Рисунки
В. М. ЗВОНЦОВА

Г $\frac{4702010200-130}{М171(03)-86}$ 201—86

ХРАНИТЕЛЬ ЛУКОМОРЬЯ

Удивительными людьми держится мир, его история, его культура. Удивительные люди встречаются не часто, но все-таки встречаются, и от общения с ними, от их присутствия в нашей жизни хочется жить, делать, верить, тратить себя полней и целесообразней, вглядываться внимательнее в души людей, находить в них искры творческого начала и приобщать их к общему свету.

Это правда: не место красит человека, а человек место. Но иногда и само место очарованием своим благородит человека, делает его лучше, выше, значительней. Это — обоюдная взаимосвязь.

Прекрасны в северо-западной полосе России пушкинские места — эта древняя земля, густо засеянная костьми и политая кровью доблестных битв наших предков. Есть в этих бесконечных холмах и курганах, поросших сосновыми перелесками и березовыми рощами, заглядывающими в тишайшие воды бесчисленных озер западных отрогов Валдайской возвышенности, особая умудряющая и уравновешивающая человека красота.

Эти места когда-то очаровали нашего Пушкина, а он очаровал ими нас в своих стихах.

Не будь в судьбе Пушкина Михайловского, у нас, наверно, не было бы того Пушкина, которым мы дышим с детства.

Рядовой минометного расчета Семен Гейченко не дошел до Пушкинских Гор и не участвовал в боях за эту святую землю.

Его тяжело ранило под Новгородом. Форсировать Великую и Сороть, штурмовать Тригорское и Михайловское, врываться в Святогорский монастырь пришлось другим.

А бои в этих местах были жестокие. Какое дело было фашистам до святынь русской культуры!

Под знаменитым дубом в Тригорском, под тем самым дубом, при виде которого губы невольно шепчут: «У лукоморья дуб зеленый...», они сделали блиндаж. Само Михайловское было превращено в узел обороны, парк перерыт ходами сообщения, в доме Пушкина была огневая позиция артиллеристов. Колокольня в Святогорском монастыре была взорвана, а могила Пушкина заминирована.

Огонь, дым, пепел да зола, искореженная, оплетенная ржавой колючей проволокой, начиненная минами земля — вот что оставили, отступая, фашисты.

Вместо заповедника — пустыня. Рваная незатянувшаяся рана, боль и мертвая тишина.

Бывший тогда президентом Академии наук Сергей Иванович Вавилов, по старой памяти, через верных друзей разыскал Семена Степановича Гейченко. Он знал его давно как работника Пушкинского дома, как хранителя петергофских дворцов; ценил этого не ведающего покоя ученого, умеющего мыслить и действовать.

Может быть, при встрече кто-нибудь из них произнес вслух, а может, каждый поодиночке, про себя вспомнил пушкинские слова, которые были для них с мальчишества клятвой верности:

Мой друг, Отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

— ...Я надеюсь на вас. Беритесь. Восстанавливайте! — сказал Сергей Иванович, заканчивая беседу.

Стоял апрель 1945 года. Война подходила к Берлину во всей своей нарастающей силе и беспощадности. Земля оживала. Ее оживлял обретающий свое истинное призвание человек.

В это время на случайных попутных машинах, с вещмешком за плечами, по разъезженной, перевороченной железным тараном войны дороге и приехал в Пушкинские Горы Семен Степанович Гейченко. Приехал, чтобы остаться здесь навсегда. Никаких «или» не могло быть. Только навсегда!

Надо было расчистить, разгрести эту опоганенную войной землю и на пепле восстановить все так, как было при Пушкине. Это понимали все, об этом говорилось и в предписании Академии наук. Надо было восстановить равновесие и в своей собственной искореженной войной душе, восстановить эту душу, — об этом знал только он сам да, может быть, догадывалась жена, Любовь Джелаловна, которая приехала к нему вскоре.

Надо было найти в себе силы для этого двойного подвига.

Он отлично понимал, что восстанавливать гораздо трудней, чем строить заново. Но для него слово было делом.

— Ну что ж, милый, начнем... — сказал он не то себе, не то первому скворцу, которого увидел в чудом сохранившейся скворечне на полуобгорелой, иссеченной осколками березе, одиноко стоящей у развалин фундамента домика няни. — Тебе-то легче, у тебя есть скворечник, а у меня ничего нет. Ну, хоть ты пой, — все-таки веселее...

За скворцами прилетели утки, цапли. Два аиста облюбовали старую ганнибаловскую липу со сбитой снарядом верхушкой и начали вить гнездо. Запела серебряную песню иволга.

— Раз аисты прилетели, значит, всё будет! — Это сказала тетя Шура Федорова, а может быть, дядя Леня Бельков, только что вернувшийся после ранения из госпиталя, а может быть, Вася Шпи-

нев — мастер на все руки. Все они были местные жители, и Пушкин был для них своим, родным человеком. И всем им надо было налаживать свои жизни на этом пустом месте.

Трава пошла в рост. Посеченные осколками березки чудом пускали новые побеги. На треть подпиленная могучая сосна, на которой был наблюдательный пункт и которую фашисты не успели срезать, заплывала смолой и оживала. Из-под векового дуба в Тригорском по бревнышку был вытащен весь блиндаж, а пустое пространство было забито землей и навозом. И дуб стал охорашиваться, и при некоторой доле воображения в его зеленых листьях можно было заметить скрывающихся русалок.

Могила Александра Сергеевича от взрыва оползла, и каменный склеп пришлось перекладывать заново и укреплять.

Всё было растащено, разгромлено, разворовано фашистами. Но директор заповедника и люди, работающие с ним, верили святой верой в то, что всё будет так, как было, и не жалели для этого сил, трудясь от зари и до зари.

Первым был восстановлен домик няни.

И тетя Шура, полушутя-полусерьезно изображая Арину Родионовну, села у окна светёлки, подперла двумя пальчиками щеку и певучим голосом сказала:

— Вот, бывало, зайдет сюда ко мне Александр Сергеевич и скажет: «А не выпить ли нам кваску, Арина Родионовна?» — «Что ж, — отвечала я, — это можно...» — и шла в погребок, а погребок-то вот тут рядом, под окошком, и был.

Теперь этот погребок тоже восстановлен.

В 1949 году был отстроен дом Пушкина и состоялось торжественное открытие заповедника.

Я хорошо помню прекрасный июньский полнокровный день Пушкинского народного праздника. Я нарочно подчеркиваю н а р о д н о г о, потому что на нем, в этот благословенный день, наполненный солнцем и грозой, ливнями света и радугами, свистом птиц и пересверком молний, всех — и почтенного академика, и колхозника — объединяла одна святая любовь к чуду своего народа, к чуду своего языка — к вечному Пушкину.

Со всех континентов на это неумирающее торжество поэзии съехались поэты, и их разноязыкие голоса, усиленные репродукторами, звенели в промытой буйной зелени, и к ним прислушивались пестрые праздничные толпы людей и в самом Святогорском, около могилы поэта, и в Михайловском, на широком лугу у входа в усадьбу.

Я запомнил на все времена, как люди входили в домик Арины Родионовны, разувшись, чтобы не запачкать полы и не спугнуть той святой тишины, которая свойственна только высокому духовному настрою.

А этим настроем был пронизан весь праздник рождения поэта.

И среди этой праздничной, восхищенной и зачарованной толпы то тут, то там мелькала сухая высокая фигура резкого в движениях человека с выразительным острым лицом, с доброй улыбкой и густым наплывом русых волос, спадающих на глаза. Он то и дело поправлял их или единственной правой рукой, или характерным взмахом головы. Он объяснял, советовал, показывал. Он был весь в движении. И незримое чувство удовлетворенности содеянным, может быть даже неосознанное, делало его прекрасным.

Я залюбовался им.

Потом жизнь подарила мне Семена Степановича в друзья. И от этой дружбы я стал богаче, уверенней в жизни, наполненней.

И сам Пушкин стал для меня другим, куда более глубоким и многообразным, куда более трагическим в своем одиночестве. Только здесь во всей полноте я понял, насколько Пушкин народен.

Сколько раз я бывал в Михайловском — мне теперь уже и не припомнить. Я ездил туда ежегодно — и зимой, и летом, и ранней весной, и в пору золотой осени. Ездил как к себе домой. Сколько вечеров мы прокоротали за разговорами около лежанки в заставленной книжными полками квартире Семена Степановича или гуляя по тропинкам и аллеям заповедных парков и лесов — уму непостижимо! Мне всегда там хорошо работалось, хорошо думалось — и о мире, и о людях.

Сейчас в самом Михайловском, в Тригорском, в Святогорском монастыре восстановлено все. Летом 1977 года открыли Петровское — и все стало как при Пушкине.

Важна даже не точность реставрации, важно то, что восстановлен сам дух природы, которая когда-то очаровала Пушкина. «Ель-шатер» рухнула, посеченная во время войны пулями и осколками, липы на аллее Керн подозрительно скрипят во время ветра, а иногда и падают замертво, — что поделаешь, деревья тоже старятся, — но вместо них растет новая поросль. На месте трех сосен поднимается вершинами другое «племя, младое, незнакомое». Но оно по духу похоже на то, которое видел сам Пушкин.

Оно от одних и тех же корней, из одних и тех же семян.

Сорок лет отдал Семен Степанович Пушкинскому заповеднику. Хозяйство у него беспокойное, и, конечно, все, что он делал и делает, он делает не один, он умеет заражать своим беспокойством окружающих. Он сумел породнить своих товарищей по труду с Пушкиным, внушил им любовь к жизни, справедливой и вечной. Это он заставил полуграмотного парня Васю Шпинева закончить десятилетку, а потом и Псковский педагогический институт, и стать хранителем заповедника, человеком с обширными познаниями. Это он, директор, намекнул сотруднику Володе Самородскому сделать



«птичий дворец», и теперь этим сказочным домиком на старой липе любуются все посетители.

И во все это вложена любовь, душа. И еще — бесценное богатство — творческая фантазия. Я помню слова из письма к С. С. Гейченко, написанного близким заповеднику человеком — скульптором, народным художником Е. Ф. Белашовой: «Вы тот человек, который соединяет в себе фантазию и практику жизни». Воистину так!

Число паломников Пушкинского заповедника давно перевалило за миллион. Сюда идут и едут со всей страны, со всего света.

Здесь ведется громадная воспитательная и научная работа, которая увенчается созданием единого научно-культурного пушкинского центра в Пушкинских Горах.

Здесь всегда гостят ученые, поэты, писатели, художники, музыканты, студенты.

Здесь идет приобщение к духу творчества.

Экскурсия по заповедным пушкинским местам не просто экскурсия, а погружение в прекрасную пушкинскую душу.

А сколько этих экскурсий провел сам Семен Степанович! Ныне Герой Социалистического Труда, почитаемый всей Россией человек.

Он знает Пушкина, как никто. Знает по-своему. В его отлично систематизированном, уникальном по своим материалам архиве собраны рассказы старожилов обо всем, что касается жизни и самого поэта, и его друзей.

Этот материал ждет обработки и, наверное, будет сформирован в книгу. В поисках этих материалов была исхожена и изъезжена вдоль и поперек вся округа и самого Пушкиногорского района, и Себежского, и Новоржевского.

Семен Степанович стал в этих местах своим человеком, заслужившим по достоинству уважение и доверие. Он посвятил Пушкину свою судьбу, талант, страсть. Только он да ближайшие сотрудники его знают, сколько трудов положено на поиски каждой пушкинской реликвии, выставленной в витринах заповедника.

Прекрасное очень тяжело создавать.

Но ради этого стоит жить!

Ради этого и живет хранитель пушкинского Лукоморья, редкостный человек — Семен Степанович Гейченко.

Михаил Дудин

ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМЕНА

Когда люди уходят, после них остаются вещи. Вещи безмолвно свидетельствуют о самой древней истине — о том, что они долговечнее людей. Неодушевленных предметов нет. Есть неодушевленные люди. Без вещей Пушкина, без природы пушкинских мест трудно понять до конца его жизнь и творчество. Это хорошо знали еще современники поэта, и лучше всех Александр Иванович Тургенев, писавший о доме Пушкина, о соснах, сирени, гульбище и многом другом в Михайловском.

Сегодня вещи Пушкина — в заповедниках и музеях. Здесь они живут особой, таинственной жизнью, и хранители читают скрытые в них письмена.

Передо мной в Михайловском прошли сотни тысяч людей разных возрастов, знаний и стремлений. И все они хотели увидеть то, что окружало поэта. И вот я говорю им: «У этого окна любил сидеть Пушкин». Тут все они начинают смотреть на обыкновенное окошко и вдруг видят, что оно не обыкновенное, что никто из них такого окна раньше не видел, не видел около окна этого зеленого куста, что другого такого куста нет на всем свете, что над кустом небо, какое было при Пушкине, и облако, и отраженный стеклом силуэт пролетающей птицы, которую, может быть, видел и он.

Еще много-много лет после того, как совсем обветшали окна, и двери, и порог пушкинского дома,— пышная сирень каждую весну раскрывала для людей свои душистые цветы. Когда-то ее сажали и холили чьи-то заботливые руки, и сирень заглядывала в комнату Пушкина. А потом всё кануло в Лету.



И вот теперь выровнялись и порог, и ступени, и окна пушкинского дома, и мы вновь посадили сирень, и, как прежде, дарит она мечтательному путнику свои цветы.

В каждом листике куста есть свои письмена. Пушкин умел их читать. Чтобы понять деревенского Пушкина, нужно, чтобы всякий приходящий в Михайловское попробовал разобрать эти письмена.

Когда Пушкина спрашивали про его кабинет, он отвечал: «Деревня — вот мой кабинет».

Деревня — это природа. Деревья, травы, кусты, птицы и звери. Пушкин любил эту землю. Он ходил по лесу без сюртука, в рубашке, часто на босу ногу, в ветер, и дождь, и прохладу, и не только когда было тихо и жарко. Он видел, что в природе всё безгранично и почти ничто в ней не меняется. Она — вечность. Это только мы меняемся, люди.

Весной, когда в Михайловском начинается всё заново и люди выходят на волю, они видят и слышат только воду. Так было при Пушкине, так и сейчас. Вода идет отовсюду, она заливает заветные луга, рождает огромное море и топит в нем ручьи и реки, старицу реки и ее новь,— и вода эта стоит от одной горы до другой.

Природа Михайловского имеет своих стражей. О них Пушкин писал в стихотворении «Домовому». И самый верный страж этого места — вода.

Каждый день деревья, кусты, луга и поляны Михайловского проявляют свой характер по-новому. Каждое утро хранитель этой великолепной галереи заменяет одну из старых картин какой-нибудь новой и как бы говорит нам: «Всё это видел Пушкин. Посмотрите и вы. Станете лучше».

Когда будете в Михайловском, обязательно пойдите как-нибудь вечером на околицу усадьбы, станьте лицом к маленькому озеру и крикните громко: «Александр Сергеевич!» Уверяю вас, он обязательно ответит: «А-у-у! Иду-у!»



9 АВГУСТА 1824 ГОДА

Благодатный летний день. Тишина такая, что слышно, о чем далеко за рекой спорят зимарёвские бабы.

Листья лип дрожат от обилия пчел, снимающих мед. Меду много, почитай на каждом дереве фунтов тридцать будет. Аппетитно хрупает траву старая кобылка, привязанная к колу на дерновом круге перед домом. Господский пес, развалившийся на крыльце, изредка ни с того ни с сего начинает облаивать кобылку. Тогда в окне дома открывается форточка и чей-то картавый голос кричит на собаку: «Руслан, silence!»[1] Форточка остается открытой, и из комнаты доносятся стихи:

Un voyageur s'est égaré.
Une lueur s'offre à sa vue.
Entre lui et nous n'est-il pas,
N'est-il pas quelque dépendance?
Nous voyageons tous ici-bas...

Пауза. И снова те же стихи, только уже по-русски:

Заблудившемуся путнику
Огонек, вдали мерцающий,
Возвращает силы прежние,
Льет отраду в душу страстную...
Так не правда ли, мой милый друг,
Мы все здесь ведь только путники?

Это голос хозяина дома — Сергея Львовича Пушкина. Он занят своим излюбленным делом — сочинительством стихов.

---

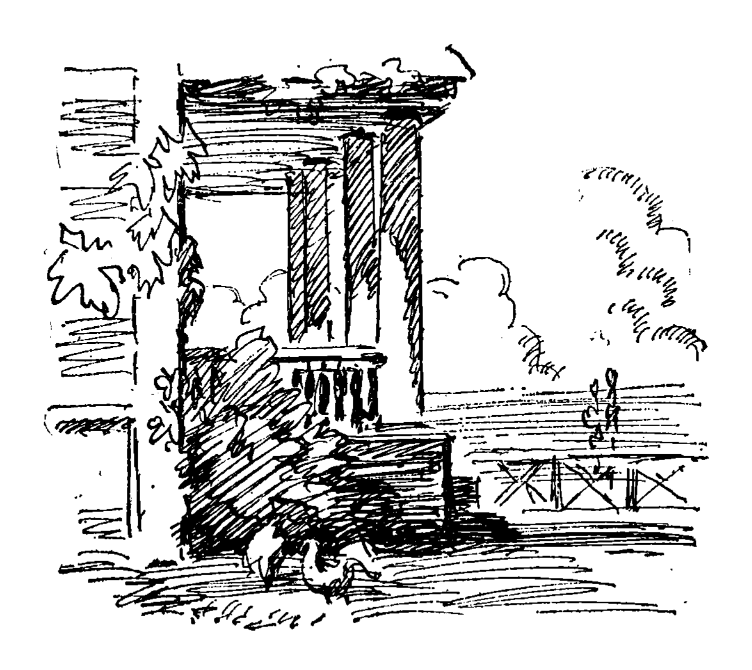
[1] Замолчи! (*Франц.*)

* * *

Июль 1824 года был на всей Псковщине жарким и душным, а август и того больше — совсем пекло. Вся тварь изнывала. Кругом горели леса и травы. Болота высохли, по озеру Маленец — хоть гуляй. Дым пожаров заволакивал горизонт. Старики Пушкины скучали в Михайловском, в деревне они вообще всегда скучали, а сейчас и подавно. Изнывали... Одна радость — когда после обеда перебирались из дому в горницу при баньке, в которой всегда было прохладно и сыровато. Рядом был погреб, откуда господа то и дело требовали себе то квасу, то медовой или брусничной воды, то холодной простокваши прямо со льда.

Жизнь без людей, без общества, без столичной суеты казалась невыносимой. И они изо дня в день только и ждали приглашения соседей — погостить, поиграть в карты, посмотреть заезжего танцора или фокусника, сыграть живые картины, которые тогда были в большой моде. Им было всё равно к кому ехать — что к выжившей из ума Шелгунихе, что к предводителю-балаболке — Рокотову, или к суетливым сестрицам Пущиным, которые всё знали, всё слышали, всё видели, или в Тригорское, где всегда шумно и весело. Только бы не сидеть дома.

Хозяйство свое они не любили. Что делалось в их деревнях, в поле и на гумне, их не касалось. Вот парк и сад — это другое дело! Сюда Сергей Львович заходил часто, мечтая о разных новшествах и благоустройстве. Иной раз, начитавшись старых книг с рассуждениями о хозяйственных опытах доброго помещика-селянина, Сергей Львович приказывал казачку́ крикнуть приказчика. Шел с ним осматривать усадьбу, оранжерею, вольер, пруды и разглагольствовал о том, как лучше устроить новые цветники, куртины и рабатки, как развести в огороде дыни, а в прудах — зеркальных карпов, где



поставить новую беседку или грот и как превратить один из старинных курганов в Парнас.

Приказчик слушал вдохновенные барские речи, подобострастно кивал головой и говорил, что ему всё это отлично понятно и что всё будет завтра же готово. Сергей Львович удивленно смотрел на приказчика и выговаривал ему, переходя на французский: «Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village est de tâcher de ne plus penser» [1].

Потом кричал: «Ах, Мишель, Мишель, чучело ты гороховое, где тебе понять меня!..»

---

[1] Лучшее, что я могу сделать в своей печальной деревенской глуши, — это ни о чем не думать (*франц.*).

На что приказчик отвечал: «Покорно вами благодарны!»

И всё оставалось по-старому, до нового обхода.

Сергей Львович мечтал о том, чтобы перестроить обветшалый дедовский старый дом, эту, как он говорил, «бедную хижину», хотел увеличить его, убрать современными мебелями, превратить дом в сельский замок, наподобие английского коттеджа. Но как объяснить всё это бестолковому приказчику, да и где взять деньги, в которых всегда была нужда?

Еще мечтал он о своем хорошем портрете, который украсил бы залу господского дома, где висели портреты царей и предков. Дочка Ольга Сергеевна любила рисование. Одно время даже хотела стать художницей. Сергей Львович часто заставлял ее писать с него портреты. Составляя программы в стихах и прозе, принимал позы. Читал вслух «Канон портретиста» Архипа Иванова — старинную книгу о портретном искусстве, которую как-то нашел в библиотеке Тригорского. Бывало, сильно тиранил художницу, придирался к каждой детали, распространялся о величии рода Пушкиных и Ганнибалов и почти всегда заканчивал свои рацеи или рассуждениями о несчастной судьбе своего опального сына, или брал гитару и начинал напевать романс, сочиненный им на сей предмет:

Где ты, мой сын, — там мысль моя витает,
Туда стремятся все мои мечты,
И сердце быть с тобой желает, —
О Александр, где ты, где ты?

Я здесь, я в горьком чувств забвенье,
Не вижу время долготы,
Я здесь не знаю наслажденья,
О Александр, где ты, где ты?

Приди ко мне, здесь жизнь светлее.
Я жду тебя, скорей приди...

Та-та-ра-ра, та-та-те-те-те...
О Александр, где ты, где ты?..

Вот и сегодня, сидя в затененной от мух и комаров спальне, перед туалетным зеркалом, и внимательно разглядывая в стекле свой орлиный профиль, он опять заговорил про «него», обращаясь к жене и дочке, склонившимся над пяльцами:

— Ну скажите вы мне на милость, почему Александр такой неблагоразумный? В кого он таким вышел? Ах, господи, каково-то ему там? Бедный! Подумать больно. Четыре года лишенный родительской ласки и заботы... Каково-то ему живется там, среди этих, как их, тамошних турков? У меня сердце кровью обливается, когда подумаю о расстоянье, которое нас разделяет. Я никогда не привыкну к этой мысли. Он без нас, мы без него... Entre lui et nous n'est-il pas, n'est-il pas quelque?..[1] Неужели бог не услышит молитвы любящего отца? Le Dieu c'est l'amour![2] Я знаю, он услышит, услышит, и Александр будет с нами. Вот возьмет и приедет. И будет счастье и большая радость!.. Не правда ли, мой друг? — спросил он Надежду Осиповну.

Та, не отрываясь от рукоделья (по-видимому, не слушала супруга), заговорила совсем о другом:

— Нет, я никак не могу понять Прасковью: подумать только, сорокалетняя женщина, а уже с утра старается расфуфыриться, словно на бал. Прическа в три этажа, тут и косы, и букли, и ленты, и банты, и громадный гребень. Это при ее-то фигуре! А духи?! Спрашиваешь ее о жизни — отвечает, что совсем больна, мучится спазмами, истерикой и что в животе у нее целая аптека с лекарствами. Вся пропахла гофманскими каплями. Всё плачет, говорит, что не может забыть своего Иванушку-дурачка... Боже мой! Дочки на выданье, бьет их по щекам, при людях...

---

[1] Нет ли между ним и нами какой-то связи? (*Франц.*)
[2] Бог есть любовь! (*Франц.*)

Сергей Львович удивленно слушал супругу. Та не успела закончить свои язвительные критики на тригорскую соседку, как вдруг в комнату, словно ветер, влетел младший сын Лёвинька:

— Maman, а к нам дядюшка Павел Исакович!..

Перед домом остановилась коляска, запряженная парой взмыленных лошадей. Коляска была какая-то особенная и чем-то напоминала боевую походную колесницу древних. К передку ее был приделан шест, на котором развевался пестрый стяг с изображением ганнибаловского слона и надписью: «FVMMO». По бокам крыльев коляски вместо фонарей были поставлены две маленькие чугунные мортирки, к задку приделана шарманка с приводом к колесам. Когда коляска двигалась, шарманка наигрывала веселую мелодию.

Об этой коляске в округе ходили легенды, как, впрочем, и о самом хозяине — развеселом человеке. В прошлом году на ярмарке в Святых Горах коляска сия наделала большого шуму, когда Павел Исаакович Ганнибал во время крестного хода въехал на ней в толпу, чем попам и монахам доставил большую досаду и испуг, а подгулявшему народу истинное удовольствие, и все кричали «ура». Тогда на ярмарке и песня сложилась о том, «как наш бравый господин Ганнибал во обитель прискакал...».

Павел Исаакович был в гусарском доломане, через плечо — лента, на которой висел большой медный охотничий рог. На передке коляски сидел какой-то неизвестный в затрапезном сюртуке и помятом картузе — не то купеческий сын, не то уездный стряпчий. На задке — огромный верзила из дворовых, с красной нахальной рожей.

И Ганнибал и его товарищи были сильно навеселе. Увидев вышедших на крыльцо дома Пушкиных, Ганнибал бросился к ним с восторженным воплем:

— Сестрица, ангел, богиня! Братец, милый, ангел! Ручку, ручку!

Он галантно припал на одно колено, бросил шапку на землю и пополз к Надежде Осиповне, простирая руки. Та нехотя, но церемонно протянула гостю свою руку и молвила:

— Ну, ну, здравствуй, ястреб... Где это ты так намаскарадился? Какими чудесами к нам занесло? Редко жалуешь, а ежели и жалуешь, то всегда чудом и в эдаком триумфе!

— Не чудом, не чудом, сестрица, а с приятным ошеломительным известием. Так сказать — Христос воскресе и ангел вопияше! Возрадуйтесь и возвеселитесь! Наш орел Александр Сергеевич в наши родные края прибыл. О радость, о счастье!.. Уже в Опочке... Приехал. В лапинском трактире лошадей дожидается. Отслужился. С дороги отдыхает. Тамошний чиновник господин Трояновский случайно встретил, сообщил, что по дороге из Опочки обогнал дворового человека Александра Сергеевича, который шествует сюда с известием и за лошадьми. А я, как только узнал сие,— как был, так прямо с места сюда марш-марш, на полном аллюре, к вам, вроде как архангел Гавриил с пальмовою ветвию...

Тут Ганнибал повернулся к коляске и крикнул:

— Митька, музыку! Полный ход вперед! Огонь! Победа! Ура!

Грянула труба, загудела шарманка, ахнули мортирки, и Павел Исаакович исчез, как огонь из огнива.

Из людских изб стали сбегаться к крыльцу господского дома люди.

Сергей Львович словно обронзовел заживо. Медленно подняв руку к небу и указывая на солнце, воскликнул:

— Свершилось! Яко видеста очи мои. Услышал гос-

подь молитвы мои! — и стал медленно по ступенькам спускаться с лестницы.

Спустившись на землю, он оглядел всех толпившихся у крыльца и крикнул:

— Эй, люди! Где Михайла? Гришку сюда, Прошку, Архипа, Василису... Где Габриэль? Que diable![1] Лошадей! О мой сын, о Александр!.. Слушайте мое приказание: Гаврюшке — бежать на Поклонную гору и во все глаза глядеть на дорогу, а заметив путников, лететь стрелой ко мне для доношения. Архипу — запрячь лошадей и гнать в Опочку. Михею — зажечь лампады в часовне и зарядить пушку!

Помедлив, Сергей Львович повернулся к дому и, шествуя вверх по лестнице, простирая руки, словно библейский старец, встречающий блудного сына, продолжал:

— Слуги и рабы господина вашего! Велите заколоть лучшего агнца, приготовьте плоды, вина и брашна! Готовьте столы! Мой блудный сын грядет в отчий дом!

Заметив в толпе старую няньку, он указал на нее пальцем и крикнул:

— А ты, мать, отправляйся на Воронич и скажи отцу Лариону, чтобы приготовился к молебствию!

Обернувшись к Надежде Осиповне и детям, Сергей Львович воскликнул:

— Жена моя, дети! Возрадуемся и возвеселимся! Пробил час радости и веселья. Свершилось! «Начальнику хора. На струнных орудьях. Псалом Давида. Твердо уповал я на господа, и он приклонился ко мне и услышал вопль мой. Аминь!..».

Возгласив псалом, Сергей Львович театрально раскланялся и вошел в дом, как за кулисы сцены...

---

[1] Какого черта! (*Франц.*)

* * *

Блудный сын прибыл домой лишь к ночи, когда родители, изрядно притомившись за целый день ожидания, изволили почивать. Не спала лишь нянька Арина Родионовна, ночной сторож — глухой дед Василий, братец Лёвушка да старый пес Руслан.

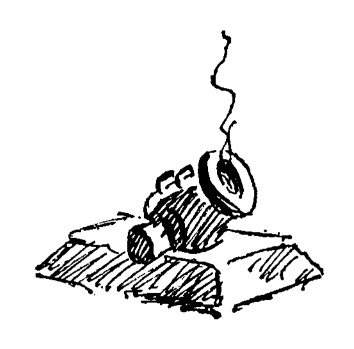
Салюта не было, и вообще торжественная встреча не состоялась. Коляска подъехала к крыльцу. Пушкин соскочил на землю и сказал:

— Ну вот и приехали.

Увидев встречающих, он весело крикнул:

— Здравствуй, брат Лев, здравствуй, нянюшка, здоро́во, дед! Здравствуйте, люди добрые, вот и я!

Сторож подошел к чугунной доске, подвешенной возле людской, и ударил полночь.



ПУШКИН УСТРАИВАЕТ СВОЙ КАБИНЕТ

По дому можно судить о его хозяине и часто, взглянув на человека, можно представить себе его дом. Но иногда бывает, что дом и его хозяин по природе своей и по внешнему виду являются полной противоположностью друг другу, и невесело выглядят тогда и дом, и его обитатели. На всем лежит печать какого-то беспокойства и неустроенности. Но бывает и так, что человек настолько сроднится со своим жильем, что подчас и понять трудно, где кончается обиталище и начинаются обитатели.

Восстанавливая Михайловский дом, я много думал о жилище Пушкина, стараясь реально представить себе, как оно устраивалось и как выглядело. Ведь сам Пушкин и его друзья, бывавшие у него в деревне, так были скупы на рассказы об этом доме!

И вот как-то мне представилось: еще там, на юге, Пушкин заставил героев своего «Онегина» жить в такой же деревне, в окружении такой же природы, среди которой ему пришлось жить теперь самому в Михайловском. Там, на юге, он мечтал о старом господском доме, который был бы расположен на скате холма, в окружении лугов, за лугами вечно шумящие густые рощи, речка, огромный запущенный сад...

Теперь он и все вызванные им к жизни герои должны жить здесь, в таинственной северной глуши...

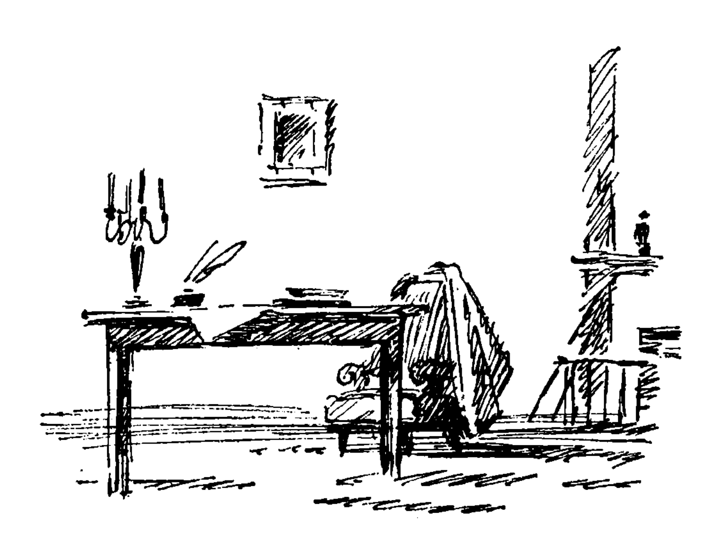
* * *

Он долго привыкал к Михайловскому дому. Беседовал сам с собой: а зачем ему в сущности все эти хоромы?.. Еще в Лицее он понял великое таинство уедине-

ния, «жития в пещере». Все другие годы, где бы он ни был, он провел в «скромной келье», в одной комнате,— в Петербурге ли, Кишиневе, Одессе, в гостинице или трактире. В одной комнате он чувствовал себя как-то собранней, крепче. В ней всё под руками, всё только нужное. Никакой тебе суеты, гофинтендантских штучек и красивостей. Нет, никогда, никогда не станет он жить многими хоромами! Никогда и ни на что не променяет свою каморку-норку, свою пещеру, светелку с заветным сундучком-подголовничком, дорожной лампадкой, чернильницей и верным кожаным баулом!

После отъезда родителей, прежде чем окончательно устроить свой кабинет, он долго присматривался к дедовским хоромам. Сперва ему показалась привлекательной комната в центре дома, где когда-то было Ганнибалово зальце с портретами предков. Стеклянные окна и дверь в сторону Сороти вели на балкон, откуда открывался чудесный вид на окрестности. Но комната эта была проходной и ветхой, штофные обои клочьями свисали со стен, и кругом под штофом клопы, клопы... Поэтому передумал и переселился в комнату рядом, где была родительская спальня. Но она всегда была сумрачной, и в непогоду, в свирепые северные ветреные дни, ее продувало насквозь, так что даже бумаги слетали со стола.

В старых комнатах было порядочно вещей, любезных сердцу его деда и отца с матерью. Вот огромный комод, из которого так же трудно тянуть ящики, как открывать бутылку цимлянского с порченой пробкой. Вот кресла и стулья — доморощенные псковские «жакóбы» и «чиппендейли», бильярд с неизменно заваливавшимися под рваное сукно щербатыми костяными шарами. Кровати двуспальные и односпальные, шкапы, полушкапы, канапеи, гора изрезанной ножами и вилками фаянсовой посуды и просто черепье. В углу спальни — книжный шкап. В нем землемерные планы имений,



озер, лесов, деревень, бумаги по хозяйству, календари, месяцесловы, памятные книжки, Священное писание, несколько французских романов. Всё это сильно источено мышами и крысами.

А это — старенький альбом с оторванными бронзовыми петельками, перевязанный розовой ленточкой. Раскрыл. Стал листать. На первой странице нарисован венок из незабудок и якорь — символ надежды. Под ним старательно выведенная рукой отца надпись: «Ангелу души моей несравненной Надиньке от верного и нелицемерного супруга. Июля 1801 года». Дальше шли стишки, стихи и стишищи. Улыбнулся: «Верный и нелицемерный... Хм, хм!»

А всё-таки как здóрово получается — все Пушкины, вся фамилия — поэты! Отец, мать, брат, сестра, дядя один, дядя другой и сам Александр Сергеев Пушкин! Поэтическая семейка. Поэтическая деревенька. Сплошной Парнас!

Надежда, Надежда, мой сладкий удел,
Куда ты, мой ангел, куда улетел?

И еще:

Сраженный бурей роковой,
Во прахе дуб лежит, перунами разбитый,
С ним гибкий плющ, его обвитый,
О дружба, это образ твой!

Ах, тятенька, ах, Сергей Львович, душа поэтическая, сколько ты бумаги намарал!

Опять полистал:

Жилище мирное, услада дней моих, —
И озеро, и лес, и сад, любимый мною,
Где слезы лил под сенью древ густых,
Где услаждали вы страдальца тишиною.

Где я, друзья, мечтал о вас!..
Простите все в последний раз!..

«Первые две строчки ничего, чем-то напоминают моего „Домового"...»

Захлопнув альбом, положил себе в карман...

Путешествие по дому закончилось. Он сделал окончательный выбор. Остановился на большой светлой комнате, выходящей окнами на юг, во двор, на гульбище, цветники. Здесь всегда было весело, солнечно. Вся усадьба видна как на ладони. Всё нужное рядом. Большой хороший камин. Чуланчик. Что еще нужно?

Велел вызвать старосту, дворовых, кликнул няньку. Началось переселение вещей, изгнание иных из дому. Вещи упирались, как зажившиеся родственники. Не лезли в двери. Пришлось выкидывать через окно. Дворовые ужасались святотатству. Хозяин весело командовал и хохотал. Всё мало-мальски стóящее было свалено в родительской спальне, остальное отправлено в сарай.

Зальце приказано было ошпарить кипятком, обои

подштопать, потолок побелить, после чего полагать аванзалом для приема знатных обоего пола персон первых пяти классов по табели о рангах, буде таковые попросят аудиенции.

Еще приказал: «В собственный нашего сиятельства апартамент поставить: книжных шкапов — два, канапей один, туалет тож, кресел четыре. Кровать поставить в углу, завесив ее пологом, который приказано найти госпоже Родионовой незамедлительно. Дорожный баул — под диван, ящик с пистолетами и книгами не трогать под страхом отправления в крепость! Всё!»

Оставшись один, раскрыл портфель, шкатулку, вынул памятную мелочь и стал размещать ее в кабинете. Стали на свои места портреты Жуковского, Байрона, «столбик с куклою чугунной», табачница, подсвечник, чернильница, «черная тетрадь», болван для шляпы.

Подвинув кресло к окну, забрался в него с ногами, свернулся калачом, оперся локтями на подоконник и уставился во двор: «Господи, а здесь всё же ничего! Но, боже мой, боже, угодники и святители, неужели мне суждено жить здесь долго? А вдруг вечно, до конца жизни?.. Нет! Нет! Нет!» Встал, открыл ящик с пистолетами, подошел к окну, взвел курок, прицелился в небо и бабахнул.

С вершин деревьев слетела стая ворон.



ВЕСЕЛАЯ ТРАПЕЗА

В Михайловском доме было настолько тихо, что он казался необитаемым. Да он и был сегодня необитаем. Старуха нянька с другими дворовыми бабами ушла на богомолье в Опочку, хозяин заперся в своей каморке, приказав всем-всем не тревожить его под страхом гнева. Без задвижки — крепкой щеколды — и спущенных на окнах штор он работать не мог. А работалось сегодня усердно. Но вот кто-то нарушил приказанье. Вошел в соседнюю комнату. Постоял. Взялся за дверную ручку. Вздохнул, как мрачный волк.

— Эй, кто там?— крикнул Пушкин.

Молчание...

— Ах, мать моя богородица, кто там?

— Вашего приходу добрый пастырь,— прорычал волк.— Это я, отец Ларион Воронецкий, по вашему приказанию явился, Александр Сергеевич.

Пушкин задул свечи, откинул занавески и открыл щеколду.

— А... батя! Гряди, гряди, отче... Здравствуй, святой отец!— Пушкин смиренно сложил руки, сделав вид, что хочет подойти под благословение, как все обычно делают, когда встречаются со своим духовным пастырем.— Зачем пожаловал, отче?

Поп смешался:

— Да вот насчет сочинения я пришел, как вы приказывали, историю воронического погоста принес. С древней церковной книги переписал собственноручно... А вот это,— он протянул Пушкину завязанную узелком белую салфетку,— моя благоверная гостинца вам при-

слала — свеженьких просвирочек, только что из печи, горяченьких. Просила откушать.

Топая, как лошадь, поп вошел в комнату, положил на стул узелок и оглушительно крякнул. Оглядев комнату, книги, он развел руками и пророкотал:

— Вот он, храм наук и искусств!

Пушкин схватил узелок и стал его развязывать, просвирки выскочили на стол, как ядреные бабки. И тут он затараторил, как сорока на сосне:

— Уважаю тело Христово. Эх, дух, дух-то какой! Отче Ларивоне, а ведь недурно бы к этому телу добавить и крови бога живого. А? Вы ведь вкушаете, я знаю...

— Как будет милость ваша,— ответил поп.— Аз есмь грешен и многогрешен. Как говорится в писании: «Сподоби, господи, в сей день слегка напитися нам!»

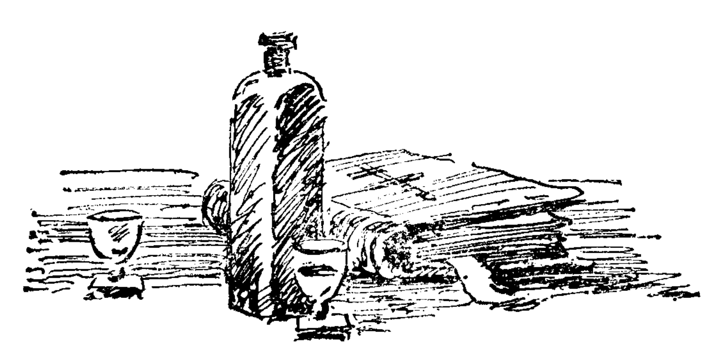
— Аминь!— добавил Пушкин.— Вы, отче, пока устраивайтесь тут, а я сбегаю распорядиться по хозяйству.— И Пушкин выскочил в сенцы.

Поп остался в кабинете один. Поднявшись с дивана, он стал разглядывать комнату. Остановился перед портретом английского поэта, пытаясь прочитать нерусскую надпись: «Байрон». «Хм, красив, как девка». И прочитал надпись вслух по-русски:

— «Вучоп»! М-да. Вучоп какой-то...

Кругом были книги, книги, книги. На стенах, на полу, на полках. Открытые. Закрытые. В углу поленница навалена. На столе бумаги, писания...

Увидев отдельно лежащую на маленьком столике толстую книжицу в кожаном переплете, с крестом на обложке, ухмыльнулся и подумал про себя: «Похоже на нашу премудрость. Библия, сразу видно». Колупнув пальцем застежки, он раскрыл книгу. Что Библия — это верно, а только бес знает по-каковски писана, не по-церковному. Из Библии посыпались листки бумаги. Опять писания. Взял листок, поднес к глазам: невоз-



можно понять, что писано, каракули какие-то да рисунки разные. Люди. Головы... Господи, да ведь это бабьи ноги! А это что, неужто сам Александр Сергеевич? Только почему с рогами?.. Тьфу, пакость — мыши с хвостами! Да кой леший мыши — черти это! Хм! Неужели хиромантией какой занимается, колдовством?

Отец Ларион крепко задумался, громко крякнул и только хотел закрыть «священную книгу», как дверь вдруг распахнулась и в комнату влетел Пушкин. Поп не успел положить книгу на место. Застигнутый врасплох, он покраснел как вареный рак.

— Всё любопытствуешь, отец Ларион?— усмехнулся Пушкин и, взяв со стола щипцы-съемцы, поднес их к носу попа.— А ты знаешь, что с любопытным случилось на балагане? А?

— Простите, сударь, я это не из любопытства, а от нескромности изображениев,— пролепетал отец Ларион,— к чему они? Ну, писание — оно писание и есть, вещь понятная — то есть мысли, сочинения разные, художества. А вот рисованы-то вы зачем, и в эдаком, извините, тревожном естестве? Извините меня, вы, значит, что ж, в нечистую силу верите?

— А то как же?— ответил Пушкин.— Есть бог, значит, есть и черти. Об этом ведь и в писании ясно сказа-

но. Ты-то сам, отче Ларивоне, как, в какую силу больше веришь, в чистую или нечистую? Да ты не трясись и не крестись. Это и самому богу не очень-то ведомо. А знаешь, что такое нечистая сила? Сила эта — искушенье. Искушенье духовное и телесное, искушенье сердца и ума. Искушенье, которое заставляет человека думать, задачи решать, песни сочинять, книжки писать. Ведь вот ты пришел ко мне с крестом и молитвой, со святым делом. А какая сила стоит в сердце твоем — чистая или нечистая? По-моему, нечистая! — рявкнул Пушкин, ткнув пальцем в свои бумаги с нарисованными чертями. Черти забегали по бумаге.

Поп схватился за крест. Ноги его обмякли, и он чуть не повалился на стул.

— Ну, хватит! — крикнул Пушкин. — До чертиков дело еще дойдет, а пока что давай сюда...

В комнату внесли поднос. Пушкин пододвинул столик к окну, поставил стулья себе и гостю и пригласил к трапезе.

...Поп тянул вторую бутылку доморощенной. За кого и за что только не провозглашал Пушкин тостов! И за отцов-матерей, бабок-пупорезниц, за всех поящих, кормящих, милосердие творящих. За добрых людей во здравии и в болезнях и в нетях обретающихся. Потом стал возглашать многолетье полоненным, заключенным, затюремным, царской службой угнетенным...

Особую чару отец Ларион поднял за здравие покровителей храма своего — знатный род Ганнибалов и Пушкиных, за здравие своего возлюбленного кума Вениамина Петровича Ганнибала, по-дьяконски прокричав ему эдакое многолетие, что у Пушкина даже мурашки по коже пошли.

— Ну и труба иерихонская! — воскликнул он.

Когда уже поп был на последнем взводе, начались особо важные разговоры. Пушкин говорил о смысле жизни. Отец Ларион жаловался на свои убытки, на

господ помещиков, которые неисправны в помощи священнослужителям, и что это потому, что все они аспиды и василиски.

Незаметно разговор перешел на божественное. Тут Пушкин словно вскочил на боевого коня, дав ему шпоры. Началась катавасия. Отец Ларион кричал, что это богохульство и канальство, что за такие безбожные речи ему, Пушкину, Сибирь полагается и вырывание ноздрей. Пушкин же летел все выше и выше, и, словно из поднебесья, на голову отца Лариона полетели срамные стихи про царя Никиту и его милых сорок дочерей...

— Нечестивец, анафема!— кричал пьяный поп.— Упеку! Всё благочинному пропишу. Быть тебе ужо в Соловках! Быть! Отдай мою историю! Где салфет? Ухожу. Ноги моей в этом вертепе не будет!

— Накося выкуси!— в свою очередь крикнул Пушкин и пустил под потолок бумажки отца Лариона.

...Возвращался поп домой, совсем уже поздно было. Шел берегом Маленца, выделывая ногами кренделя. Вдруг навстречу ему — нечистая сила под видом барского служителя, едущего на чудесной тройке. Остановил человек лошадей и кричит отцу Лариону: «Садись, батюшка, приятным мигом до дому вас довезу!» Обрадовался поп, сел в карету и кричит: «Ну, давай, трогай с богом!» Только сказал — «с богом», ан вдруг видит: нет ни лошадей, ни кареты, а сам он по самую бороду в Маленце. Тонет. Сразу отрезвел. Молился. Матерился. Еле выбрался на берег.

Вернулся домой туча тучей. Поповна к нему:

— Тятенька, ну как михайловский барин?

А отец Ларион шапкой об землю ударил да как заорет:

— Мартын Задека твой михайловский барин. Алхимец он и безбожник, вот что! Разругался я с ним — вот до чего! Ушел, прости господи, не попрощавшись. Спасибо, ноги сами унесли...

И батюшка, как был в мокрых сапогах и подряснике, повалился на постель...

На другое утро под окошком поповского дома остановился всадник. Он постучал в окошко плеткой и крикнул:

— Люди добрые, скажите, отец Ларион дома? Лежит, говорите, недужит? Дайте ему стакашек зубровочки. Полегчает. Да передайте, что Александр Сергеев Пушкин мириться приезжал. Будет через час-два, к чаю. Да чтобы просвирочек свеженьких приготовили, таких же, как вчера. Он до них большой охотник!

И Пушкин ускакал в поле.



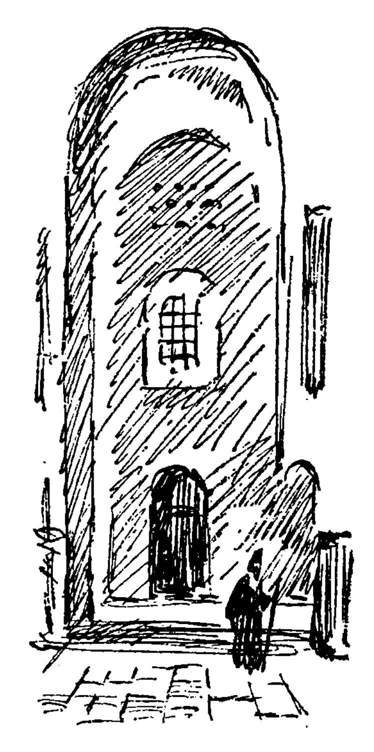
ИЗ ДНЕВНИКА ИГУМЕНА СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ

Игумен Святогорской обители отец Иона давно был не в ладу со своею братией, крепко не в ладу. Обитель значилась в особых списках как исправительная — для проштрафившихся священнослужителей. Здесь все монахи были ссыльными — кто за развращенность ума и сердца, кто за прелюбодейство, кто за воровство или какие-нибудь другие большие прегрешения. Все были обидчивы, сварливы, злы, как осы осенью. Ну где ему с ними справиться? Тут нужен кнут и цепи, а не доброе слово пастыря. Правда, цепи в монастыре были давно заведены, еще при игумене Созонте, после того как монах отец Варсанафий ограбил все монастырские кру́жки для подаяний и поджег питейный дом в слободке... А тут еще особое дело свалилось на игумена, дело государственной важности,— неусыпное наблюдение за прихожанами сельца Михайловского, и господами и их крестьянами, и особливо за сыном помещика Пушкина, Александром Сергеевым, который сослан за вольнолюбие и «афеизм» в родительское имение, без права куда-нибудь отлучаться, даже в Псков...

Господи, спаси и помилуй! Ну откуда ему, немощному, исправлять это дело, когда сам-то он попал в обитель не по хотению сердца, а по распоряжению начальства, в наказание за нерадивость и разные оплошности! Ведь и над ним, Ионой, есть, поди, наблюдение, чье-то недреманное око, высматривающее его грешную жизнь. Только кто сие?

Так думал, сидя в своей горнице, святогорский пастырь. Разные темные дела монахов и ложные доно-

сы их совсем одолели игумена. И он ожесточился и сам стал сочинять на смутьянов доносительства. Но на его доносы духовная консистория смотрела криво, потому что был он у нее в недоверии за некогда совершенные им по молодости лет различные провинности и блудни. И тогда игумен решил писать книгу про свое монастырское житье и о прегрешениях братии. Он считал, что ежели случится какая ревизия, то такая книга поможет ему вспомнить, что нужно и кто в чем виновен.



Как-то, будучи в Пскове, он купил синей сахарной бумаги, сшил листы, сделал переплет с застежками и замочком, нарисовал на переплете сердце и вписал в него греческое слово «Диариуш», что значит по-русски — дневник.

И стал отец Иона, как древний летописец, записывать про свою жизнь, про жизнь своей братии и все ее прегрешения.

Украсив первый лист красивою заглавною буквою, он надписал:

«Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. Писал сию книгу Святогорского Успенского третьего класса монастыря игумен Иона».

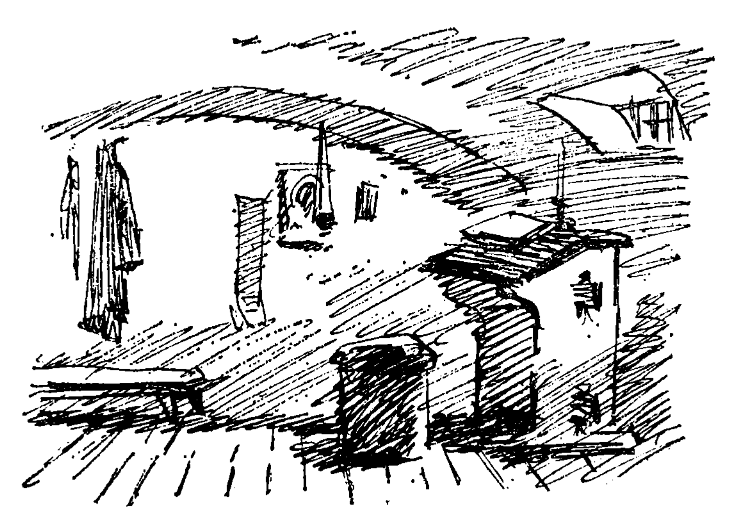
Далее следовали записи.

4 майя 1824 года.

Разные грязные материи и ложные бумаги одолевают дни мои. Открываюсь и признаюсь книге сей чистосердечно: всё, что в ней мною записано,— Истина. Говорят, что я своекорыстен, люблю подношения, целые дни провожу в соблазнительных встречах с господами помещиками, что я жаден до вина. А кто говорит? Да всё они, здешние недруги мои... Каюсь. Грешен я, вкушаю и принимаю, но ума своего не теряю и сундуки мои не бренчат златом.

20 майя 1824 года.

Решил я в книгу сию сделать выписки из монастырских журналов про то и про сё, про все худые поступки окружающих.



Меня из сего и слепой узрит — кто из нас праведник, а кто грешник. У меня еще загудят все монастырские колокола, и в Пскове узнают истину, когда я свое писание приведу в порядок.

Раз пришел отец Василий в церковь к вечернему пению совсем пьяный, в продолжение коего силы его так ослабели, что он едва мог кончить служение. Не вечерня получилась, а комедийный феатр. После сего сел он на скамейку, неподалеку от святого престола, потом встал, затрясся, аки бес пред заутреней, и испустил ... !!! Все видели, и никто не возмутился, потому что не такое еще видели прихожане.

30 июня 1824 года.

Вчера в святой обители и по всей Ворончанщине праздновался день святых отец наших, апостолов Петра и Павла. Обедню в Успенском соборе служил сам преосвященный епископ Псковский Евгений. Служба была велелепная, одних священнослужителей собралось, полагаю, осьмнадцать — из Велья, Опочки, Новоржева, Острова и Воронича. На правом клиросе пел хор братии Святогорского монастыря, а на верхнем клиросе, где я прошлый месяц ставил новые балясы, пел хор Псковского Мирожского монастыря. Когда оба хора слились воедино и запели «Достойно» — душа моя раю приблизилась. После службы я и вся моя братия — а именно: о. Василий, о. Иоанн, о. Александр, о. Моисей, о. Агафон, о. Вениамин и все прочие, общим числом 15 персон,— были приглашены епископом к генерал-маэру Петру Абрамовичу Аннибалу в его сельцо Петровское для молебствия и освящения имения, рабов и плодов земных. Для сего его превосходительством были присланы линейки пароконные и городской экипаж, именуемый «Эгоистка», специально для высокого духовного гостя, то есть отца Евгения.

При входе на усадьбу владетелем была устроена нашему духовному воинству истинно генеральская встреча, а именно: на подъезде стояло полукружием коленопреклоненно хамово отродье, включая всех дворовых людей мужеска и женска полу во главе со старостою. На отлете, ближе к господскому дому, играл оркестр «Марш, марш, марш, воевода наш!». Звуки лилися из многих труб, литавров и других орудий, а иные играли на скрипицах и гуслях, и всем сим заправлял генеральский сын Вениамин Аннибал, отменно махая палкою.

На балконе со всеми регалиями стоял его великолепное естество сам генерал Аннибал, опираясь на трость и отставив одну ногу в сторону. Сделав тростью знак оркестру, он пошел навстречу епископу и, подошед, воскликнул: «Благословен грядый!» — и склонил голову под благословение. И вновь дал тростью знак музыке, и та грянула пуще прежнего.

Тут произошла конфузия, то есть заминка. Благословив хозяина и осенив крестным знамением всех людей и строения, преосвященный воздел руку к генералу для целования, но Аннибал встряхнул всею левою стороною тела, дернулся в сторону — будто это ему некасаемо и не входит в этикет. После заминки сей он разинул зев и громко, как из орудия, выпалил: «Расходиться!»

Стоявший за спиной Аннибаловой его клеврет — известный в округе староста Михайло Калашников, у коего сам генерал всех детей крестил и был ему кумом,— изогнувшись фертом, отбежал к крыльцу и обеими руками распахнул нам парадные двери, и мы все, чин за чином, как лебедушки за лебедем, взошли внутрь господского дома. Через прихожую проследовали мы в главную залу без всякого промедления, где уже был накрыт большой аглицкий стол с такими яствами, каких обыкновенная утроба человеческая восхотеть даже

не смеет. В красном углу перед Святыми возжены были все лампады, особая большая горела пред образом святых апостолов Петра и Павла. Тут не премину приписать историческое известие. Икона сия была подарена родителю сего Аннибала самим Императорским Величеством Петром Великим Всероссийским, о чем на ризе золотом крупно и написано.

Зная мой писательский талант и постоянное записывание всего примечательного, преосвященный, толкнув меня тихонько большим перстом в пузо, кивнул на стол и заметил: «Чтобы воспеть такой стол, нужен талант Гаврилы Романовича Державина!»

На сие замечание сделал я владыке известный всем духовным семинарский знак, коему тот усмехнулся и, наклонясь к уху моему, добавил тихо: «Как сядем за стол, так писательское свое искусство забудь...» Что я впоследствии и исполнил, хотя и жалею теперь, ибо после обильной трапезы здесь, в Петровском, случились с нами такие чудеса, припадки, анекдоты и неблагопристойности, какие не всякому смертному и во сне приснятся. Одним словом, была великая аннибальщина!!!

Однако, хотя и дал я слово преосвященному положить на перо мое замок, я не могу не записать того, что случилось со мною и со всею братиею после отъезда в Псков преосвященного, который отъехал из Петровского в десятом часу пополудни в экипаже Аннибаловом, с его фолетором.

Под конец пира всякое соображенье нас оставило. Генерал нас покинул, и мы догуливали в одиночестве. Наконец я дал отбой. Приказано было к отъезду для обратного в монастырь прибытия к вечерней молитве. И тут случилось бедствие, которое в конце привело к полному беспорядку обители.

В дороге наш поезд встретил около деревни Бугрово крестьянин Алексей Михайлов и, несмотря на расстроенный вид наш, стал умолять направить к его дому

чудотворные иконы и братию для молебствия и прошения ко господу о избавлении от болезни жены его, которую кусил змей. По человеколюбию моему сие было сделано, и мы разгрузились и молебствие свершили, но тут опять случился обильный стол, хотя и старое в нас еще не перебродило.

Диакон Иван Федоров стал делать неприличные соблазны, подсев к хозяйской дочери, стал песни свадебные петь и говорить скоромные речи. Я, видя сие, крикнул команду погрузить его на телегу и всем ехать к себе домой. Диакон кричал и вырывался, и мы еле довезли его до Святогорья, чуть и иных монахов не растеряв по дороге. Возвратясь в обитель, скоро пошел он, Иван, на скотный двор и стал таскать за власы послушника младого, а потом полез к пастуховой жене на квартиру. Та закрылась на щеколду. Диакон, взяв тынину, ударил ею в окончину, в коей все звенья выбил, ругаясь матерно-скверно разными словесы. Потом выбил тыниной двери. Пастухова жена хотела бежать с малым ребенком, но диакон стал бить ее по щекам и дубиною, которая сломалась, тогда, схватя ее за власы и косы обвив около рук своих, таскал и бил, сколько ему было угодно, отчего у нее видны были боевые знаки и рубаха рваная. И бысть вопль и стенания на дворе до шестого часа пополуночи, пока сей несчастный не был пойман, скручен вервием и посажен мною на цепь железную.

Вскоре зазвонили к ранней обедне и началась служба. День сей эпитимной. Вызывал всю братию по очереди и всем греховодникам отдавал должное.

3 августа 1824 года.

Дни стоят жаркие, и вся тварь жаждет. Для питья прихожанам и всем прочим поставлены по моему приказанию две дубовые бочки. Около Святых ворот. Не

поспевают воду подавать. Другие ворота мною заперты по причине множества людей и безобразий. Сие пришлось не по сердцу иным власть имущим, говорят, от ворот до ворот путь далек, и они стали совершать недозволенные действия. Так, 17 июля новоржевский помещик Петр Петров Жеребцов, подъехав к воротам и видя их взаперти, ударил послушника костылем, сбил замок и не вошел, а даже въехал на Святой двор, целя на людей и крича и стуча, как враг. А и въехал он не для богомоления, а для испития от жаркости природы монастырского квасу и для удовлетворения своей к купечеству некоторой надобности, коя расположена на Торговом дворе. Возвращаясь, приказал господин Жеребцов ехать другими воротами, крикнув своим гайдукам выломать и в них замок, что поставлен был еще в 1795 году иждивением опочецкого купца Лапина, а прибой взять и в овраг забросить. Отъехав, господин Жеребцов громко кричал и поносил братию обидными словами, как то: «долгогривые» и проч. И смеялся, когда из ворот пошли за ним вслед лотошники и мелкие купчишки, не уплатя постоя на Торговом дворе, чем обители был нанесен ущерб. Несмотря на всю зависимость, написал я архимандриту доношение для воздействия на сего разбойника Жеребцова, дабы иным не повадно было делать такие нападения на обитель.

12 сентября 1825 года.

Камо пойду от скверного духа братии и от лица их камо бегу?! Ей господи, мазурики сущие, особенно отец Иоанн Федоров. Он тать и разбойник первостатейный. Это его рук дело, что открыл ревизор. Сердцем чую! В Успенском соборе в образе Успения выдран жемчуг, в венце нет камня голубого. В иконе Тихвинской богоматери не оказалось мелких жемчужин. На Евангелии серебряной застежки и звезды не оказалось. Серебряное

кадило тоже пропало. Записано: «Всё сие произошло по слабости игумена!» Вечером молился. Отбил пред образом владычицы триста земных поклонов, а сам всё думал — это дело рук отца Иоанна. Почему написал в консисторию доношение о дурной нравственности отца Иоанна и о необходимости закрытия питейного дома в слободке. Оттуда и идет вся зараза и грехи моей братии.

14 сентября 1825 года.

Всю ночь писал Сочинение для братии «Како вообще всякому монаху сохраняться потребно», или иначе — «Сосуд святости».

Сочинять-то сочинял, а всё равно перед очами вежество не вставало. Учить моих молодцов — для сего застенок гишпанский нужен, а не райская куща. Сколько воду ни толки, елею не получишь. А писать нужно,— консистория требует, хоть умри.

Вот и сочинил.

Главнейшие правила хранения естества и чувств монастырской братии

1-е. Ум — от лукавых помыслов.

2-е. Сердце — от злых похотей и вознесения.

3-е. Взор — от женских прелестей.

4-е. Слух — от суетных и стихотворных бесед, а наипаче злословных и подчиняющих, сиречь начальствующих.

5-е. Язык — от осуждения и ропота на все сущие движения и действия.

6-е. Всего себя и сущее в теле от сластолюбия и пьянственного излишества!

Хранить-то хранить, а вот как быть пастырю, ежели

уже нетути того, что хранению надлежит, егда все развеяно и нечистою силою захвачено и в адской консистории Вельзевулом в свою книгу записано? Как тут быть?

Ох, ох, одолела темная сила обитель мою!

16 сентября 1825 года.

В воскресенье приходил ко мне сиделец Иван и жаловался на монаха Агафона, что он 15-го дня, в субботу, был в кабаке и просил вина в долг у жены сидельцевой, а как она в долг ему не давала, то он, вскоча в застойку, бил ее, изодрав рубаху и руку обкусав. В которые дни монах Агафон самовольно отлучился в слободку, и дрался близ кабака с мужиками, и не был в монастыре сутки двои, сказывался больным и привезен был в телеге. Назавтра не был к заутрене, в обеднюю пришел пьяный, и я приказал Кирилы вывести его, за что и был посажен после обедни при всей братии на цепь большую. Сидя на цепи, рычал, аки лютый зверь. Эх Агафон, Агафон, страшило ты монастырское! Теперь твоим именем детей пугают, а монастырю от тебя поношение.

2 октября 1825 года.

Горести и недомогание. Вчера, во время утренней службы, обошел все кельи и нашел в сундуке отца Иоанна донос на меня. Пишет от имени всей братии, будто я подозрительный человек и, кроме разорения обители, ничем не отличился. Донос сей поднес я к лампаде и предал огню, развеяв и затоптав пепел в великом гневе.

Сидя пред окном в своей светёлке, предавался унылым мечтам, держа в руках книгу сию и перо. Вдруг

увидел бегущего, как тать, послушника Ивана Дементьева, у коего живот вздулся, словно в обременении. Взяло меня сомнение. Кликнул в окно, заставил послушника показать, что у него под рубашкой, и нашел братские снетки, кои нес он к шинкарке в промен на винище. Экое паскудство! Куда идем? Снетки забрал, а лиходею дал по загривку костылем и приказал в вечерню отбить в соборе пятьсот земных поклонов пред иконой «Умиления».

26 июня 1826 года.

Преосвященный затребовал срочно к себе в Псков нарочного и вручил ему пакет со своею печатию для немедленного доставления мне. Спал плохо, видел страшные сны, а про что — не помню. Наконец нарочный прибыл, и я вскрыл пакет, на коем было напечатано: «Совершенно секретно, в собственные руки игумену». Приказано с получением оного, по воле высочайшего указа, без всякого промедления высочайше опробованное благодарственное молебное пение господу богу, даровавшему победу на ниспровержение в 14-й день декабря 1825 года крамолы, угрожавшей бедствиями всему Российскому государству, елико торжественно учинить с полным колокольным звоном и с крестным хождением вокруг всея обители.

На другой день дадено всем знать о молебствии, что и учреждено в воскресенье со всею торжественностию.

На молебствии присутствовали все господа помещики окрестных сел и иные прихожане. Из Петровского, Батова, Лысой Горы, Тригорского, Воронича, Рече, Воскресенского, Васильевского, Михайловского, Савкина и иных прочих. О чем и ответствовано срочно в духовную консисторию с присовокуплением извещения о том, что никаких возмутительных речей или восклицаний среди молящихся замечено мною не было.

15 июля 1826 года.

Сегодня явился ко мне некто, предъявил секретную бумагу, дал мне ее прочесть, а потом взял обратно. Спрашивал — не возмущает ли кто из окрестных помещиков крестьян к неповелеванию и к вольности. Я стал жаловаться на свою братию, и он сказал, что это не по его ведомству. Еще спрашивал о молодом Пушкине, его поведении, что я слышал и видел, бывает ли он в храме, когда последний раз говел и причащался святых тайн, был ли на молебне по поводу победы над супостатами 14 декабря. На что я ответил, что бывает на всех праздниках и так в гости заходит, а нянька его — та бегает в монастырь чуть не каждый день, всё с молебнами и панихидами по его заказу, что дружит Пушкин с семьею госпожи Осиповой в Тригорском, днюет и ночует у нее. Ничего плохого о нем не слыхивал. На благодарственном молебне присутствовал. Сам я с братией бываю у него на праздниках, на Рождество, Пасху, в Михайлов день. Живет одиноко, как красная девка, и ни в чем подозрительном не замечен. Сей некто, кажется, остался мною чем-то недоволен, даже от трапезы отказался. Внес в монастырь вклад 5 рублей, спросил, нет ли покороче дороги на Порхов, и уехал.

1 сентября 1826 года.

Воистину гром может грянуть и с ясного неба. Поздно вечером, яко тать в нощи, явился в обитель отец архимандрит Венедикт. Был он скучен, рассеян и придирчив. Подошел к диакону отцу Агафону, спросил его, читала ли братия сего дня поучения, на что диакон объявил, что он, Агафон, слаб глазами и при себе очков не имеет, почему и не читал. Архимандрит потребовал книгу, дал диакону свои очки — читай-де, что тот с превеликим заиканьем и свершил, а мне за нерадивость братии было записано в объездном журнале замечание.

26 декабря 1826 года.

Кому Рождество Христово, а мне — Успенье! Ей господи, свершилось то, чего я так боялся. Пришло определение, утвержденное Его превосходительством. Записано об увольнении меня за непорядочное управление монастырем. Переводят в Торопецкий Троицкий монастырь. А я ли не старался держать порядок в обители? Но всё напрасно. Василиск останется василиском, аспид — аспидом, прах — прахом!

Святогорские монахи — сущие беглые солдаты, а не святые отцы, им нужен не отец Иона, а хороший унтер-лейтенант с большою дубиною!

29 декабря 1826 года.

Весь день составлял реестр собственному имению своему, прижитому в обители и оставляющему здесь на время, в связи с выбытием моим навсегда.

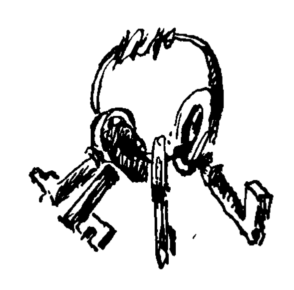
1. Образ пророка Ионы на липовой доске.
2. Крест кипарисовый в серебряной оправе.
3. Молитвослов киевской печати.
4. Новый завет.
5. Акафисты киевской печати.
6. Библия сильно потертая в телячьей коже московской печати 1760 года.
7. Пять оловянных ложек.
8. История римская 1798 года.
9. Часы серебряные с ключом и цепью. Подарок.
10. Сокращенный катехизис.
11. Книга, именуемая «Начатки христианского учения».
12. Книга чистописания. Книга о Святогорской обители сочинения отца Евгения с дарственной надписью, 1821 года.
13. Тюфяк кожаный.
14. Чемодан кожаный.
15. Сундуков четыре разных.
16. Минея месячная.
17. Книга о княжестве Псковском. Подарок.
18. Мантьё камлотовое.
19. Клетчатого тику 10 аршин. Подарок.

20. Холста тонкого 33 аршина. Подарок.
21. Холста редеевого. Подарок — 18 аршин.
22. Верховного холста 3 аршина. Подарок.
23. Тонкого холста в 7 трубках числом 105 аршин. Подарок тоже.
24. Набойков льняных 102 аршина.
25. Шкур волчьих 5.
26. Шкур лисьих 16.
27. Сукна домотканого без промера.
28. Ниток в кругах, кругов 5.
29. Посуда разная.
30. Погребец ореховый.
31. Чайница дорожная с чайником.
32. Шкатулка вишневая с секретным замком.

Чует сердце мое, что по слабости здоровья скоро мне быть больничным игуменом. Аминь!

На последней странице запись чья-то, приписка:

«Сия книга записана в архив под № 783.
Подканцелярист Михайло Тюшкин.
г. Псков, 12 Генваря
1829 года».



ПОКЛОННИК ПУШКИНА

Так уж повелось со время оно — старое хочет, чтобы молодое жило по-старому, а молодое не хочет старого и ищет нового... Как ни старался опочецкий купец Игнатий Григорьевич Лапин образумить свое единственное чадо Ивана, как ни учил его жить жизнью отцов и дедов,— ничего не получалось. В конце концов он махнул на сына рукой в надежде, что придет время и все образуется само собой. Старик дорожил своим родом и своим делом. Имя Лапиных было записано в древней книге Крестовоздвиженской церкви Опочки еще в 1686 году. Купеческий дом, построенный далеко за сто лет тому назад, был сущей крепостью. Маленькие щелевидные окна вразбежку, ворота дубовые, с железными заклепками, цепями, хитроумными замками, на окнах — глухие ставни и кованые решетки... Дом строился еще тогда, когда польский рубеж был недалек от Опочки и враг часто погуливал по окрестностям.

Имел Игнатий известную всему уезду большую лавку, в которой было всё, что нужно людям: кумач и шелк, шерсть и меха, полотно и китайка. Здесь можно было купить соль, сахар, ножи, кушаки, платки, свечи, хомуты, картины печатные, книги, пряники, бумагу, рюмки, помаду, чубуки, вина заморские, подковы лошадиные и даже апельсины. Продавались здесь и разные марамляшки, ленты-банты, плошки и ложки. Сам хозяин выделывал и продавал конфеты собственного изобретения. Они напоминали свадебные свечи, покрытые серебряной канителью. На каждой конфетине — «билет», на котором были написаны добрые пожелания, сочиненные самим Игнатием Григорьевичем: «Полсердца



в радости, полсердца в утешеньи, и оба принесут вам равное мученье», «Утолить вас нету мочи, коль пленили черны очи»...

Такие лавки, как лапинская в Опочке, были в то время во всех уездах и заштатных городах. Это были своего рода маленькие универмаги, вполне удовлетворявшие потребности сельского жителя — как помещика средней руки, так и крестьянина.

За товаром для лавки ездили на лошадях в Псков, Москву, Петербург, Ригу, Ревель. В Пскове у Лапиных находился большой складской магазин, куда свозили привезенную издалека всякую всячину. О поступлении свежего товара и новинок окрестное население оповещалось особыми «билетами», рассылаемыми «гг. помещикам и их приказчикам».

За нужными в доме припасами ездили в Опочку и Пушкины. Кроме лавки Лапин содержал питейный дом, ренсковый погреб с заморскими винами и трактир с

двумя большими горницами — одной для «лиц подлого состояния», то есть мужиков и солдат, и другой для «гг. помещиков и офицеров». Для последних были и отдельные номера.

Пока старик был крепок, вся торговля была в его руках и в руках жены его, Матрены Гавриловны. Сын рос в барстве. Его лелеяли и баловали. Мальчишка, родившийся весною 1799 года, был от природы живым, любознательным и довольно миловидным. Одевали его по самой последней моде, по-модному стригли ему волосы у полкового цирюльника, долго служившего в Петербурге в государевой гвардии. Для обучения сына разным наукам отец нанял трех учителей — старого, бывшего уже не у дел чиновника Варькина, дьякона соборной церкви отца Гервасия и француженку, мамзель Веронику. Чиновник и дьякон учили молодца истории российской и древней, географии, латыни, числительству и красноречию, а француженка научила молодого Жана щебетать по-французски и читать веселые французские книжки, а также приятным манерам и модным танцам «экосезкадриль, алагрек и вальсé».

Эта француженка случайно залетела из Франции в Опочку в 1816 году с каким-то лихим уланом, который, поиграв с нею в любовь, оставил ее в псковской глухомани, а сам перебрался не то в Тамбов, не то в Тулу. Когда мамзель скончалась от неустроенной жизни, бед и обид, старик Лапин похоронил ее на окраине городского кладбища, поставив над ее могилой камень с надписью:

«Здесь покоитца нещастная Вераника Лалантъ, потерявшая Родину и скончавшаяся от печали по Ней».

Молодой Лапин неплохо усвоил все преподанные ему науки. Умел к месту употребить изречения древних — Горация и Овидия, много читал, завел собственную библиотеку, в которой было все, что можно было в то время встретить в обычной помещичьей библиотеке,

Тут и Вольтер, и Ломоносов, и Державин, и Дмитриев, и древняя римская история, сочинения мадам Жанлис, и знаменитая «Кларисса» — роман «отменно длинный, длинный...». Он зачитал до дыр «Письмовник» Курганова и «Сельскую энциклопедию». Научился переплетать свои книги, и первое, что переплел, был комплект журнала «Вестник Европы».

Начитавшись французских и английских романов, он стал жить в каком-то своем, вымышленном мире, среди рыцарей, прекрасных дам, замков и их таинственных обитателей. Освобождал от тиранов разных прелестниц. Совершал воображаемые путешествия в неведомые страны. Завел себе шпагу, шляпу с перьями, пистолет. Одевался то рыцарем, то разбойником, то кавказцем. Мнил себя смелым дуэлянтом. Был немного художником. Рисовал «натуру» и «прелести природы». С пятнадцати лет стал вести дневник, в котором писал не только по-русски, но и по-латыни и даже «масонскою азбукою», которой научил его проживавший порядочное время в лапинском трактире какой-то гвардейский корнет.

Ему всюду мерещились нимфы, зефиры, бахусы, бореи и морфеи. Любил музыку. Научился играть на флейте и ходил с оною на вечеринки, городское гульбище, изображая собою Орфея, потерявшего Эвридику.

На одной из дуэлей, возникшей на почве оскорбления уездным писарем любезной Лапину «нимфы», нашему Жану был поврежден левый глаз, и он навсегда окривел. Будучи веселого нрава, он скоро свыкся с этим недостатком и даже воспел свою дуэль в стихах.

Стихи вообще были его страстью. В его альбомах были переписаны стихи Державина, Панаева, Гнедича, Жуковского, Воейкова, Батюшкова. Здесь были стихи и доморощенных сельских пиитов, и даже стихи игумена Святогорского монастыря, которые ему напел один загулявший на ярмарке в Святых Горах монах:

Певец прекрасный, милый,
Приятный соловей!
Утешь мой дух унылый
Ты песенкой своей.
Ведь ты, мой друг, на воле,
Не в клеточке сидишь,
Почто ж так медлишь доле
И к милой не летишь?..

Были в альбомах и стихи собственного сочинения. Он по-своему отдал дань «дедушке-классицизму». Писал их по-русски и по-немецки. Потом многие из них зачеркнул, оставив только первые строчки: «Храни меня ты в памяти своей...», «Люблю тебя, но тщетно...», «Не презирай моей ты клятвы...», «Herr Bruder, ich vill dir etwas sagen...»[1].

В те времена в Опочке, в общественном сарае близ магистрата, был открыт театр, в котором ставились комедии «Отец по случаю» и «Новый век» господина Коцебу. Изредка здесь ставилась «тальянская опера», и во оном представлении были «Действия королевы Дидоны, князя Енея — любовника Дидонья и Жоржа Дидор — короля арапского». Здесь же можно было увидеть выступления некоего солдата, «который представлял чудесную маску игумена во всем виде и пел разные шуточные ирмосы, и представленье двух кукол, которые, выскочив из подобия гроба, плясали весело...». Бывали здесь и фокусники, «один из них ел серу горящую, а также сургуч, брал в руки раскаленное железо и мыл ноги растопленным оловом». Наш Жан не пропускал ни одного представления и после каждого спектакля долго сидел по ночам перед своим дневником. Только ему он доверял все свои тайны, радости и печали.

Он рано постиг «науку страсти нежной», стремился беспрерывно ухаживать за опочецкими «нимфочками» и «венерками».

---

[1] «Милый брат, я хочу с тобой поговорить...» (*Нем.*)

Влюбленность он считал естественным состоянием человека, стремясь пребывать в нем постоянно, меняя лишь предметы своего обожания.

Тятька и мамка не понимали его, но прощали шалости, надеясь, что со временем дурь пройдет и сын возьмется за ум...

* * *

В один из последних сентябрьских дней 1824 года у дома Лапиных остановились две большие запыленные кареты. Из карет слышался девичий смех. Подобрав лошадей к коновязи, ездовые открыли дверцы, и из карет выскочил целый выводок молодых дев под командованием Пушкина.

— Эй, мало́й!— крикнул Пушкин Жану, кормившему голубей у крыльца.— Эй! Места в «Надежде» есть?— продолжал кричать Пушкин, указывая тростью на большую вывеску, висящую над крыльцом: «Трактир Приятная Надежда».— Кому я говорю! Есть места для путешествующих и страждущих или нет?!

Лапин молчал, словно воды в рот набрал.

— Да ты что, глухой, что ли?

Разглядывая молодого Лапина, Пушкин увидел на нем приличное городское платье и заметил пристальный взгляд его...

— Эта милашка язык проглотила, увидав такой букет красивых дам,— сказал Пушкин по-французски, обращаясь к своим спутницам.

— Ха-ха-ха, милашка... да он просто чучело,— рассмеялась самая молоденькая.

— Вы сами дерзкая девчонка, не умеющая себя вести,— вдруг крикнул ей тоже по-французски Лапин.

Дева закраснелась и отвернулась...

— О, о... вот так фунт! Вот это здо́рово!..— воскликнул Пушкин уже по-русски.— С кем имеем честь говорить, милостивый государь?

— Я Лапин. Жан Лапин... Это наш дом. Мы будем рады видеть в нем вас, господин Пушкин, и ваших дам.— Жан сделал поклон дамам.

— Хм! А откуда вы меня знаете?— продолжал заинтересованный Пушкин.

— Да я вас однажды уже видел. Это было месяца полтора-два тому назад, когда вы, едучи к себе в Михайловское откуда-то издалека, остановились в нашей «Надежде», в ожидании, когда ваши родные пришлют сюда лошадей для дальнейшего следования в Святые Горы. Вы тогда расписались в книге приезжих. Обедали у нас. Смотрели мою библиотеку, даже подарили свою книжку «Бахчисарайский фонтан», который я выучил наизусть... Вы меня забыли, а я помню и не забуду никогда...

— О, о, тогда здравствуй, мой старый знакомец!— И Пушкин крепко пожал его руку и спросил:— Дорогой, нам нужна комната. Места в отеле есть?

— Для вас всегда и всё в этом доме есть и будет!

Устроившись, Пушкин и приехавшие с ним его соседки по имению — Осиповы из Тригорского — долго гуляли по Опочке. Были на городском валу. Лапин сбегал в лавку за фейерверками-бураками, жгли их, и они лопались, как пистолетные выстрелы. Потом пели хором «Ленок» и «Золото». Водили хоровод. Катались на качелях. На базаре купили корзину яблок и кидались ими, как мячиками. Возвратясь в дом, зашли в лавку, где Пушкин купил всем подарки: книгу «Товарищ разумный и замысловатый» — Лапину, золоченые сережки — Аннет, портрет Витгенштейна с саблей наголо — Нетти, коробку из слоновой кости с чернильницей — Евпраксии и назидательную картинку «Странствующий пилигрим с посохом „Надежды"» подарил себе самому. И всем, всем, всем — по кульку кедровых орехов, изюму, миндалю и по конфетине-свечечке.

На прощанье Жан вынес шампанского. Пушкин крикнул:

— За славный город Опочку, за милых дам, за вас, господин Жан!..

После отъезда гостей Лапин долго был как во сне.

* * *

День девятой пятницы по пасхе Лапин любил особенно. К «девятнику» готовились загодя. Это был не простой, а уездный праздник, и проводился он в Святых Горах вместе с ярмаркою. В Святые Горы обычно устремлялись все, и прежде всего торговцы. Возглавлял лапинский выезд обычно Жан, он и торговал в Святых Горах. Отец с удовольствием поручал ему это дело, в надежде, что это приведет к осуществлению его заветной мечты и Иван полюбит торговлю. Собираясь на ярмарку, Жан заранее сочинял вирши, которыми потом зазывал покупателей к своему прилавку:

— Эй вы, тетки и бабки,
Малашки, Аришки, Наташки,
Привез я вам глиняные чашки!
Честные господа, пожалуйте сюда!
Красным девкам — мое почтенье.
Старикам — разное угощенье.
Мир крещёный, неси к нам
Мешок холщовый.
Тем ленты и банты,
У кого глазки словно брильянты,
Тому, кто с Велья, — роскошное зелье.
Кто из Опочки — тому барские порточки.
А кто из самого Пскова —
Тому заморского винца густова!

Выезжали из Опочки на неделю, а то и две, смотря по погоде. Июнь в здешних местах обычно мокрый бывает. В Святых Горах жили цыганским порядком: в шатрах, на сене, при кострах. Ярмарки были шумны.

Народу — тысячи, и все развеселые, и всё пьяным-пьяно. Веселился и наш Жан. Если торговцы в ярмарку эту выручали кто тысячу, а кто и две тысячи рублей, то Жан больше двухсот домой не привозил, а то и совсем возвращался с мелочью, как это было, например, в 1823 году. Ему не сиделось за прилавком, тянуло всё необычное, новое, невиданное. Если на ярмарке появлялся какой-нибудь заезжий и показывал редких зверей, он был тут как тут. Он торчал там, где располагались цыгане, слепцы, кудесники, балагуры, раёшники. В своем дневнике он потом подробно записывал всё виденное и слышанное: «Ярмарка была величественная. Колес, лык, дровень, решет, марамляшек разных — изобильно и неописуемо! Встретясь со своею опочецкою приятельницею Анною Лаврентьевной, проходил с ней ярмарку от края в край. Накупил всякой всячины: кадильницу, трость ольховую искусной работы, книжечку по истории Святогорской обители, сочиненную преосвященным псковским Евгением. В продолжение нашего путешествия по столь обширной картине встретил взором своим много забавных сцен между черного народа. Анна Лаврентьевна увидала старца, поющего гимны божеству, сжалясь над ним, дали мы ему несколько копеек».

На Святогорской ярмарке 1825 года судьба вновь свела его с Пушкиным. Только странной была эта встреча. Он сразу даже не узнал Александра Сергеевича. Так изменились его лицо и внешность. В своем дневнике он записал об этом событии так: «Был я вновь в Святых Горах о девятой пятнице и ехал довольно счастливо, потому что еще в Свешниковом бору дожидалась меня Аннушка М., с коей я, почти не разлучаясь, доехал до Рождественского погоста. Торговал на ярмарке рублей 200 с небольшим. И здесь имел счастие видеть Александра Сергеевича, господина Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею

одеждою, а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою, с железною в руке тростию, с предлинными черными бакенбардами, которые более походят на бороду, также с предлинными ногтями, которыми он очищал шкорлупу в апельсинах и ел их с большим аппетитом, я думаю, около полдюжины...»

Лапин увидел, как Пушкин сделал какое-то замечание толкнувшему его полицейскому чину, тот взнегодовал, полагая по его костюму, что это какой-нибудь цыган. Полицейский вызвал караул, и Пушкина повели в кордегардию. Страха ради Иван Лапин не пошел вослед арестованному, чтобы увидеть, что дальше будет, хотя ему очень того хотелось. Страха ради он и в дневник свой не записал сего происшествия. Только долго ломал голову: что бы это значило? Почему Пушкин был не брит, не стрижен и в эдаком странном виде?.. Что случилось? А может быть, это и не Пушкин вовсе, а какой-нибудь действительно цыган?..

И в следующем, 1826-м и в последующем, 1827 году, отправляясь на очередную ярмарку, Лапин надеялся вновь увидеть Пушкина, но тот на ярмарке больше не появлялся.

Почему? Об этом Лапин узнал только осенью 1827 года. Совершенно случайно. Однажды в лапинском трактире остановились какие-то дворовые люди, везшие в Петербург из Михайловского старуху. Эта старуха оказалась нянькой Александра Сергеевича. Она отправлялась на постоянное проживание в Петербург. Ехала в обычной телеге, уставленной разными ящиками, мешками и узлами. В дороге ее сильно подрастрясло, и она целый день отлеживалась в «мужичьей комнате» трактира.

Лапин долго вертелся возле Родионовны, не решаясь ее расспрашивать про Пушкина. Потом всё-таки подошел.

— Мой кормилец теперь в Москве живет,— сказала она ему.— Его вызвал сам царь. К себе приблизил, в большом чине теперь. Важные книги пишет. А меня не забывает. Письма присылает, и деньги, и гостинцы. Намедни пятьдесят рублей прислал. И я ему пишу... Всё думала, что вернется мой соколик. Только, видно, нет. Теперь еду жить к евонной сестрице Ольге Сергеевне...

— Ты уж извини меня, бабка,— перебил ее Лапин,— а почему он в эдаком странном виде на ярмарке разгуливал? Всё думаю про это, да никак ума не приложу к истине.

— А про то только он сам знает. У него нрав непростой. И не всё мне, старой, в нем понятно...

Больше о Пушкине он ничего не слыхал до самого 1837 года, когда Лапина как-то весною вызвал к себе опочецкий предводитель и спросил, знал ли он Пушкина и читал ли что из его книг. Лапин смутился, но сказал всю правду про свою благоговейную любовь к поэту.

Тогда предводитель сообщил ему, что Пушкин скончался и российская словесность лишилась одного из замечательных талантов, ее украшавших. Оставил он после себя сирот — жену и детей, и что государь милостиво разрешил издать книги его сочинений за государственный счет, а деньги за продажу отдать сиротам. И что надо бы и ему, Лапину, купить билет на собрание сочинений Александра Сергеевича в шести томах, ценою 36 рублей с пересылкою, что Лапин и совершил, подписавшись со всем почтением к Александру Сергеевичу.

Да и то сказать, во всем Опочецком уезде, по сведениям, поступившим к губернатору Пещурову, нашлось только два человека, подписавшихся на издание; одним из них был купец Иван Лапин.

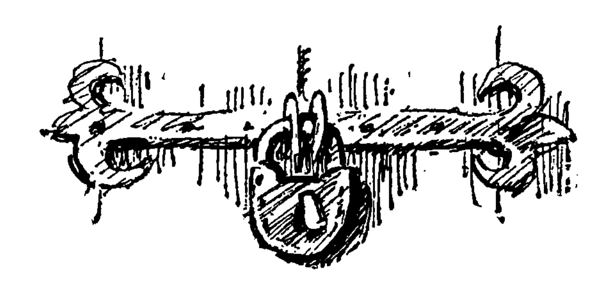
* * *

В 1828 году тяжело заболел старый Игнат Лапин. Чуя свой скорый конец, он решил женить сына, что вскорости и произошло. После этого важного события и смерти родителя жизнь Ивана переменилась. Поэтическая полоса его бытия кончилась. Дневник превратился в простую лавочную книгу, в которой он обозначал уже только одни торговые обороты.

В 50-х годах Лапин переехал в Псков, где у него было торговое подворье. Там он и жил до конца своих дней, завещав перед смертью библиотеку, бумаги и дневник сыну своему Александру.

В центре Богословского кладбища Пскова находится фамильный склеп Лапиных. В нем похоронены Иван Лапин, его сын Александр и дети последнего. Над склепом — мраморное надгробие. Странно видеть его в здешнем месте. Оно повторяет черты надгробия Пушкина в Святогорском монастыре — тот же мраморный обелиск, акротерий, цокольный камень, гранитные ступени...

«Странные бывают сближенья...» — говорил когда-то Пушкин...



ДВОРОВЫЕ ЛЮДИ МИХАЙЛОВСКОГО

В первые дни ссылки деревня показалась Пушкину тюрьмой. Бешенству его не было предела. Всё его раздражало. Он хандрил, скандалил, бывал во хмелю. С утра приказывал седлать и уезжал в никуда. Стремительно несущегося всадника можно было встретить очень далеко от Михайловского. И конь и седок возвращались домой в мыле. Он исколесил всю округу — деревни и села Новоржева, Опочки, Острова, Пскова, Порхова.

Потом всё переменилось, и он стал чувствовать себя в деревне как у бога за пазухой. Что же произошло?

Его спасла работа. Он полюбил природу этих мест. Он нашел верных друзей в Тригорском... Но не только это. Он пришел к простым людям, и они пришли к нему. Он полюбил их, и они полюбили его. Перед ним раскрылся мир неизведанного, мир народного творчества. Он стал дневать и ночевать в своих деревнях, часто забегал в людскую. Увидел воочию торжественный обряд русской свадьбы и записал его. Бывал гостем на крестьянских праздниках. Крестил ребят. В радоницу ходил со всеми на могилки и подпевал поминающим мертвых вечно живую песнь «От юности моея мнози борют мя страсти...». Любил зимними вечерами сидеть в людской и в горнице няньки и слушать деревенские сказки и песни. Записывал их и обрабатывал. Полюбил балалайку и понял, что этот нехитрый инструмент — кусок души народной. Он полюбил деревенскую девушку и был любим сам. Хорошо узнал жизнь крестьянского люда не только во всем ее тогдашнем ужасе, но и во всей красе и бессмертии древних обрядов и традиций,



познал тайну русского народного характера. Всё это пришло к нему здесь, в Михайловском.

Есть у нас во Пскове, в Государственном архиве, «Ревизские сказки» Михайловского 1825, 1836 и 1838 годов. И благодаря им мы знаем имена людей «мужеска и женска полу», живших в Михайловском, когда там жил и Пушкин. Знаем не только имена людей, но и чем они занимались, в каком были возрасте. В год ссылки поэта их было семнадцать душ, а в год гибели только девять. Остальные по воле родительской или были переведены в Болдино, или взяты в услужение в Петербург.

В «Описи Михайловского, учиненной во исполнение указа Опочецкой дворянской опеки над семьей и имуществом А. С. Пушкина 18 мая 1838 года земским исправником Васюковым и стряпчим Пастуховским при двух благородных свидетелях» перечислено все движимое и недвижимое имущество сельца Пушкиных, в том числе и дворовые люди.

Вот их имена:

Еремей Сидоров, 75 лет, пастух,

Авдотья Сергеева, его жена, 61 года, скотница,

ее зять Павел Курочкин, 51 года, кучер, конюх и кузнец,

жена его Авдотья, 36 лет, скотница,

птичница Авдотья Архипова, 37 лет,

Дмитрий Васильев, 31 года, полесовник, сторож и садовник,

Прасковья, племянница Ульяны старой, живущей в Петербурге у А. С. Пушкина няней, 18 лет, по общему хозяйству дворовая,

Настасья Василия Михайлова дочь, 23 лет, в услужении при господском доме и флигелях,

и дочка Андреевой Дарьи, что в Петербурге у Ольги Сергеевны Пушкиной, малолеток 7 лет.

А как они выглядели, сохранились ли их изображения? Считается, что нет. Только утверждение это неверно. Изображения есть.

Весной 1837 года, по просьбе А. И. Тургенева, М. Ю. Виельгорского, Г. А. Строганова, Натальи Николаевны Пушкиной, при содействии псковского губернатора А. Н. Пещурова псковский землемер Илья Степанович Иванов приехал в Михайловское, чтобы запечатлеть вид места, где жил и творил Пушкин. С рисунка Иванова известный художник П. А. Александров сделал литографию. Ее теперь все знают. Она воспроизводилась тысячи раз. На ней изображены двор, усадьба Михайловского, дом поэта, флигеля, куртины, сад, дорожки, Пушкин на коне верхом, Осиповы, едущие в карете, на ветхом крыльце дома няня — Арина Родионовна. Но не только это изобразил Иванов. Есть в литографии еще одна деталь. Все думают, что это просто группа крестьян, изображенная для оживления пейзажа.

А что это за *старик с клюкой,* идущий мимо усадьбы? А не старик ли это Еремей? А кто эти *семеро* возвращающиеся с граблями и косами с сенокоса? А может, это и есть дворовые: Прасковья — племянница Ульяны, Настасья Михайлова, Дмитрий Васильев и другие? А что это за маленькая *девочка,* идущая рядом

со взрослыми? Да это, конечно же, дочка Андреевой Дарьи — малолеток с косичками.

Вот и выходит, что «Сельцо Михайловское» Иванова — это не только изображение усадьбы Пушкина, но и портреты близких к нему людей, начиная от Арины Родионовны до девочки-малолетки, дочки Дарьи Андреевой.

Илья Степанович Иванов не был художником. Он был всего лишь землемером-топографом, чертежником. Он, конечно, старался быть точным в своем рисунке. На литографии словно ожившая опись Михайловского. Других изображений исторического сельца у нас нет. Поэтому ивановский рисунок бесценен.



ЖИЗНЁНОК

Он был любим, по крайней мере так думал он, и был счастлив. Работалось легко и радостно. Был в ладу со всеми окружающими и самим собой. Носился по комнатам колесом, пел на все лады, хохотал, лаял на пса, сидевшего на крепкой цепи около людской. Палил из пистолетов и дедовской пушчонки, пугая кур и индюшек, теснившихся возле погреба. Всюду совал свой нос: на конюшню, в птичник, на гумно, в пчельник, кузницу, сад. Был добр и ласков со всеми.

В это утро он проснулся рано. Ногой откинул полог, высунулся из кровати, лохматый, как домовой, Вскочил, подбежал к окну, ударил ладонью по раме и с треском распахнул створки. Крикнул во двор: «Вот благодать-то!»

Сидевший под окном на кусте сирени скворец испуганно шарахнулся в сторону и закричал, как подстреленный. На его крик отозвался весь выводок мелюзги, теснившейся в скворечнике под окошком. Поперхнулась иволга, голосившая на вершине березы.

Махнул рукой — да ну вас!

Накинул рубашку. Подошел к зеркалу. Сделал страшную рожу. Отодвинулся. Погладил кудри. Причесался. Подумал: «Великолепен, многая лета болярину Александру!» Вздохнул. Сел верхом на локотник кресла. За отсутствием живых собеседников он любил в своем осадном сидении вести воображаемые разговоры с друзьями, с царем. Говорил, говорил, говорил... После таких разговоров на душе становилось легче и свежее.

Еще вчера, по получении очередного послания от брата Льва, решил по душам поговорить с ним. Ужо

ему!.. Взял трубку. Потянулся за огоньком к лампадке. Раскурил табак. Всё вокруг стало как в тумане. Пересел в кресло так, чтобы в зеркале отражался портрет Жуковского — «побежденного учителя». Закинул ногу на скамейку, принял удобную позу. Пустил еще раз облако дыма и стал выговаривать брату:

— Милый друг мой, братец Лёвинька! Все вы давно за мной наблюдаете. Справки собираете... Я ведь всё знаю. Встревожились?! Извините, дорогие. Да, у меня всё не так, как вы хотите. Всё не так... Ах, как мне тошно от всех ваших родственных поучений, от всех этих «веди себя как следует, веди себя как следует...». Он должен вести себя как следует! Надоело! Ecoutez bien. Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? Non? Миль пардон! [1]

Так вот, слушай меня хорошенько, мой дорогой братец! Я прошу тебя запомнить раз и навсегда. Преображенье мое свершилось, и я воскрес душой. Между мною и всеми вами теперь легла великая пропасть. Вы — и те, и те, и те — на том, а я на другом берегу. Вы на этом, а я на другом свете. Поймите это хорошенько...

Брат Лев. Остановись, что ты говоришь! Как я боюсь за тебя!

Пушкин. Не бойся, хуже не будет. Не может быть! И не суди, пожалуйста, мои поступки вашим столичным аршином. Я порвал со всеми моими идолами. Мне теперь стыдно за себя. Святое провиденье открыло предо мной путь к свету. Теперь я знаю — что́ я, где я, зачем я, для чего я!..

За окном громко запела иволга. Пушкин повернулся от зеркала к окну и увидел скворца, который сидел на ветке сирени, не решаясь приблизиться к скворечне. Птенцы ревели истошно.

[1] Слушайте хорошенько. Знаете ли вы, почему я хотел с вами поругаться? Нет? Тысяча извинений! (*Франц.*)

— Ну иди, иди скорей, дурья голова,— крикнул ему Пушкин и захлопнул окно. И вновь стал выговаривать брату:— Ну что, милый, хочешь мои новые стихи послушать? Слушай же и не перебивай:

Там звезда зари взошла,
Пышно роза процвела:
Это время нас, бывало,
Друг ко другу призывало...

И являлася она
У дверей иль у окна
Ранней звездочки светлее...

Брат Лев. Что это?

Пушкин. Нравится? Это про нее... Про мою Леилу...

Девы, радости моей,
Нет! на свете нет милей!
Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?..

Брат Лев. Прекрасно! Мило!

Пушкин. Мило?! Это — душа моя; недоступное для всех, всех, всех, и для тебя в том числе, хранилище моих помыслов, куда ни коварный глаз неприязни, ни предупредительный родственный взор не могут проникнуть. Там на страже меч архистратига, моего михайловского заступника...

Брат Лев. Нет, все же кто она?..

Пушкин. Ах, ты вот о чем? Не знаешь будто?! Пожалуйста. Она — та, кого я сегодня люблю. Люблю искренне и нежно... Та, которая вас всех так напугала, и вы решили меня навестить, чтобы предупредить, как вы говорите, страшные последствия... Ха! Ну что́ вы все толкуете, как мой святогорский игумен: «Подумай о будущем, сын мой, подумай о будущем!» Да я не хочу думать об этом будущем. Будущее мое не в этом... А впрочем, будущее... вероятно, оно будет невеселым. Но,

как любит говорить дорогой Василий Андреич, мой старший друг и наставник на путях истины, «когда любят искренне — не думают»...

...Кто посмеет под луною
Спорить в счастии со мною?..

Тут Пушкин нахмурился и стал кричать:

— Это всё ты, болван! Бегаешь по гостиным, тявкаешь, как левретка: «А вы слышали, наш-то Александр Сергеич чудит... Променял музу свою на какую-то деревенскую девку, не то птичницу, не то телятницу, и занимается уже не поэзией, а прозой!» И друзья тоже хороши, и этот,— Пушкин покосился на портрет,— благостный тихоня... Ах, бог ты мой, ну я знаю, мы с ней не ровня... Но я люблю ее. Люблю! Почему вы думаете, что всё должно обернуться подлостью? А деды наши, а дядья наши — Василий Львович, Веньямин Петрович, а Куракины, Шереметевы? Они тоже любили своих дворовых, прижили с ними детей, дали им свое звание, фамилию. Они любили их...

Брат Лев (*перебивая Пушкина*). То они, а то ты.

Пушкин вскочил с кресла и ринулся на брата:

— Ну так пусть это дело будет только моим, моей совести, и ничьей больше. Моя любовь! Мое божье испытание. Я сам себе бог, судья, царь!..

Тут Пушкин совсем разъярился, побледнел, стал неузнаваем. Стал крепко браниться по-русски, по-французски, всяко... Схватил трубку и, как копье, бросил ее в своего собеседника. Закрыл глаза. Застыл. Рванулся к столу, схватил перо. Полоснул им о свою белую рубашку, словно ножом по сердцу. Сдвинул со стола вороха бумаги и стал быстро перебирать листы. Бумаги разлетелись по комнате... Разорвал лист, который был посвободнее, склонился к бумаге, навалился на стол всем телом и быстро вывел: «Нетерпение сердца. Судьба». Запнулся и медленно приписал еще одно слово:

«Цыганка». Рухнул в кресло. Откинул голову и долго сидел, ничего не видя. Еще там, на юге, где всё было не так, как здесь, он был другим, он сам нагадал себе такую жизнь, какую ведет сейчас в деревне и должен будет вести дальше. Россия. Поля. Рощи. Деревня. Любовь. Она...

На окне красивый букет полевых цветов. Взял букет в руки, как священник чашу со святыми дарами, и долго сидел так.

Встал. Медленно выволочился на крыльцо. Остановился у стеклянной двери. Дверь отворилась. Зажмурился. В глазах потемнело. Стал считать: «Раз, два, три... Душой. Тобой. Ясен. Прекрасен... Раз, два, три...» Схватился за косяк двери. Подтянулся и повис. В голову ринулись слова, всё новые и новые. Они заполняли промежутки между строчками, наконец стали сливаться в одно целое, сплетаясь в сплошной перепутанный клубок, в котором не осталось ни единого белого просвета, в сплошной черный клубок слов, непроницаемый и отчаянный, как вопль. «Раз, два, три...» Медленно открыл глаза, глянул на цветущее гульбище перед домом и удивился, увидев торжественную праздничность раннего июньского утра. Воскликнул радостно: «Господи, а всё-таки здесь рай!»

На усадьбе всё еще спало. Это только он, скворец да иволга предупредили зари восход. Ночью роса вышила крупным бисером дерновый круг перед домом. В каждой капельке сияли солнце и звезды.

Подтянул повыше штаны и пошел босыми ногами через круг к амбарчику. У амбарной лестнички встретился с котом, гревшимся на солнышке.

— Ну, как, брат Котофеич, хорошо тебе?

Кот промурлыкал, что ему здесь очень хорошо, что ночь была чудесной и что вообще по утрам лучшего места, чтобы полежать на солнышке, на всей усадьбе не сыщешь.





— И то правда,— вздохнул Пушкин, поправил рубашку и привалился к нему рядком.

У Пушкина очень широкая, красивая деревенская белая рубашка, вся в чудесных кружевах. Это подарок, поднесенный ему в день рождения, 26 мая... ею.

Лежал и судил себя: «Разбойник. Святотатец. Тать?! Нет, нет, нет!..»

...Ты взором, мирною душой
Небесный ангел утешенья...

Вскочил. Ждать больше не было мочи. Пошел. Остановился у низенького домика, в котором жила она, его возлюбленная... Припал к оконцу. Тихо постучал. Оконце открылось. Прошептал:

— Вставай, милая. Пора!

Она была уже готова.

Мнилось, легче вкруг меня
Воздух утренний струился;
Я вольнее становился...

* * *

Они шли по берегу маленького озера. Озеро было синее, и небо синее, и у нее глаза синие. Часто останавливались, и он шептал ей: «Дай еще поглядеть!» Она вскидывала голову, и он смотрел ей в глаза и через их синь видел бездонное синее небо. Шел и думал: «Вот иду как царь». Рядом шла она. И смирялась тревога души, и он чувствовал себя высоким, головой до самого неба. И шел всё быстрее и быстрее. Рядом шла шагами великана его тень. А она — еле за ним поспевала, милое божье создание!

С нею всё было просто. С нею он не кокетничал, не паясничал. Ему не нужно было искать вычурных слов. Всё было просто и насущно, как хлеб и свежая вода в доме! Скажет: «Постоим. Сядем. Посмотри! Знаешь, милая?» И вдруг как крикнет: «Вот я!» И лес, и дол, и воды отвечали ему: «Да, да, да!..»

* * *

Цыгане приехали в Михайловское накануне вечером. Об этом ему доложил полесовник. Здесь, у дороги, «изрытой дождями», где она поднимается в Савкино, встали их шатры. На берегу Маленца паслись стреноженные кони. Около них, как статуя, стоял молодой красивый цыган, опершись на длинный кнут. Он любовался своими лошадьми. Такова уж цыганская природа.

Дым костров мягко стелился по земле. Завидев приближающихся людей, залаяли собаки.

Из крайнего шатра вышел другой цыган. Остановился в ожиданье.

— Добры день, лагоды вес,— сказал Пушкин, протягивая руку.

— Добры день,— ответил удивленный цыган и добавил: — Анатыр, гуме, джанон ромено?

Пушкин весело засмеялся и ответил:

— А ту надыкхеса, сомырым кокоро?

— Похоже-то похоже, что вы здешний барин. Но мы вас раньше не видели... А ее,— он кивнул на девушку,— мы знаем, она дочка Михайлы Иваныча... Красавица!.. Зачем пожаловали?

— Да вот пришел в гости к себе звать. Хочу песни ваши послушать. Люблю цыганские песни и много их знаю.

На разговор из шатра вышла цыганка с маленьким цыганенком на руках. Низко поклонилась и сразу же начала свое:

— Погадаем, жизнёнок, погадаем, краля!

— Ну, мне гадать, я сам гадать умею, а вот ты ей погадай, да хорошенько, хорошенько...

Цыганка протянула руку:

— Положи денежку... На кого гадать будем?— И она лукаво глянула на Пушкина.

Пушкин вынул из кармана золотой и положил гадалке на ладонь. Глаза цыганки вспыхнули радостью.

— А теперь, жизнёнок, иди... Это наше бабье дело... А ты, дитёнок, иди сюда!

Женщины отошли в сторону, уселись у костра, и началось гаданье.

Пушкин подошел к молодому цыгану. Залюбовался красивой лошадью.

— Меняться будем! У меня конь-огонь!

— А мои чем хуже?— отвечал цыган.— Попробуй!

Пушкин лихо вскочил на коня и понесся вскачь по Тригорскому проселку. Цыган вдогонку стал стрелять кнутом — трах! Трах! Трах!..

* * *

...Когда пришло время уходить, она низко поклонилась гадалке и еле слышно промолвила:

— За ваши речи — бог вам навстречу!

А потом, когда они отошли к дороге, горько зарыдала.

— Что с тобой, душа моя?— спросил Пушкин.

Она взглянула на него и, махнув рукой, промолвила тихо:

— Не знаю... так...— И добавила:— Недостойная я!

— Ангел мой,— перебил ее Пушкин.— Не надо, не надо... Всё будет хорошо...

* * *

Мать и отец всё видели. Гневались и убивались за судьбу единственной дочери. Отец кричал, что убьет, ежели она осрамит семью. Виданное ли это дело! О чем девка думает? На что надеется?..

Ночью, когда весь дом засыпал, она и мать становились на колени перед образом святогорской владычицы и шептали:

— Пресвятая дева, благодетельница, херувимов святейшая и серафимов честнейшая, воспетая, непрестанно пред вседержителем о всех девах молящаяся и обо мне, недостойной,— воспошли прощенье! Избави меня от совета лукавого и от всякого обстояния и сохранитеся мне неповрежденной. Соблюди меня своим заступлением и помощью. Прими, заступница, усердную горькую молитву мою. Матерь-заступница, прими мой грех, беду мою безмерную, помоги мне, неможной, дай опереться на тебя любови моей. Нет мне иной помощи, кроме тебя, утешительница. Спаси меня! Помилуй и спаси нас!

Но владычица смотрела с иконы на молящихся черными глазами цыганки и не принимала ни горячей молитвы девы, ни мольбы ее матери.

* * *

В келье Пушкина всю ночь тоже горела лампадка. Он сидел молчаливо и тихо за столом и переписывал свои стихи:

Дитя, не смею над тобой
Произносить благословенья.
Ты взором, мирною душой,
Небесный ангел утешенья.

Да будут ясны дни твои,
Как милый взор твой ныне ясен.

Меж лучших жребиев земли
Да будет жребий твой прекрасен.

Переписав стихи набело, он взглянул на портрет Жуковского, подмигнул ему и приписал название — «Младенцу». Затем открыл крышку сундучка-подголовника, положил в него рукопись, закрыл сундучок на ключ. Взял чистый лист бумаги и стал писать письмо брату Льву.



В КОНЦЕ „ОСАДНОГО СИДЕНИЯ“

Целью моего направления в Псковскую губернию было сколь возможно тайное и обстоятельное исследование поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к вольности крестьян.

Из донесения тайного полицейского агента А. К. Бошняка начальнику главного штаба личной его императорского величества канцелярии.

Июль 1826 г.

19 ноября 1925 года умер Александр I. Грянули декабрьские события. Пошли аресты, и аресты людей близких, единомышленников... Казни.

Пушкин испытывал глубокие страдания не только от потери друзей, его, естественно, беспокоила и собственная участь. Пушкин сам ждет допросов, ареста. Сжигает свои дневники. В крайнем возбуждении громко разговаривает в одиночестве сам с собой, представляет себе мысленно ход его допроса аудитором. Тяжелое настроение усугубляется еще и тем, что «преступниками» оказались и его псковские знакомые, ушедшие потом в далекую ссылку: Михаил Назимов, Иосиф Поджио, Нил Кожевников, сошедший с ума и заключенный в суздальский монастырь «бывший» князь Федор Шаховской. В Опочецком уезде жила графиня Коновницына, мать «преступника», «бывшего» графа Коновницына, она же теща сосланного на каторгу М. М. Нарышкина.

Начались крестьянские бунты. Запылали помещичьи имения. По ночам из окна своего дома Пушкин наблюдал грозное зарево на горизонте.

Под влиянием всех этих событий в глухой псковской провинции поползли толки, догадки, слухи, один другого тревожнее и нелепее. Распространение их, само собой разумеется, строго преследовалось.

Но находились неосторожные, у которых, в особенности под хмелем, язык излишне развязывался, и за это им приходилось жестоко расплачиваться. Рождалось грозное «государственно-уголовное» дело.

Одно из таких, заведомо дутых, «политических» дел, вряд ли оставшееся неизвестным Пушкину, возникло в его соседстве, во Пскове. Печальным героем его оказался человек, с которым Пушкина связала судьба, В. И. Всеволодов — «искусный коновал», как в шутку называл его Пушкин.

Как раз в это смутное время, в апреле 1826 года, перед самыми пасхальными праздниками, инспектор Псковской врачебной управы Всеволодов вернулся к себе в город из очень неприятной командировки в Порховский уезд, где он оперировал раненых во время бунта помещичьих крестьян.

19 апреля, на пасхе, он в 11 часов ночи производил свой очередной обход в управляемой им местной городской больнице. В ней лечились, между прочим, и больные военного ведомства, а к ним прикомандировывались для ближайшего обслуживания особые гарнизонные фельдшера, которые таким образом имели два начальства — военное и гражданское, последнее в лице Всеволодова.

Один из военных фельдшеров, находившихся под двойным начальством, Константин Иванов, пришел в больницу во время «вечерней визитации» Всеволодова, чтобы поздравить его с праздником и с ним похристосоваться. Как полагается в великий праздник, фельдшер был зело пьян. Всеволодов отказался с ним целоваться. «Ты не стоишь того по дурному поведению»,— сказал он ему. Хмельной Иванов стал ругаться и грозить Все-



володову каким-то доносом. Тогда Всеволодов велел присутствовавшим унтер-офицеру и другому фельдшеру связать Иванова. Тот вынул нож и пригрозил их зарезать. Вызванные караульные одолели буяна, связали его и потащили в арестантскую.

— Никого и ничего я не боюсь,— вопил, как исступленный, пьяный фельдшер, вырываясь от них,— потому Кольке недолго царем быть. Пятнадцатого мая будет новый царь в России, всамделишный, император Константин Павлович, а он в обиду не даст...

Несколько человек, караульные, фельдшер, унтер-офицер, кое-кто из больных, слышали эти страшные

слова. Всеволодов в своем рапорте не решился замолчать то, о чем в буйном хмелю кричал Иванов.

В тот же день была образована следственная по этому делу комиссия. Двенадцать свидетелей подтвердили рапорт Всеволодова.

Однако двое из них, фельдшер и унтер-офицер, как раз те, которых Иванов грозил зарезать, дополнили рапорт врачебного начальства одной подробностью, весьма характерной, с одной стороны, для того времени вообще, и в частности для Всеволодова, а с другой стороны, ярко характеризующей и товарищей Иванова. «Когда пьяный Константин Иванов уселся во дворе на дрожки Всеволодова,— сообщили они,— то его высокоблагородие треснули Иванова по уху за то, что тот смел сидеть в их присутствии».

Обвиняемый при допросе сначала заявил обычное «был пьян и ничего не помню», но потом принужден был разговориться.

— Не говорил я господину Всеволодову,— показывал он,— что ничего не боюсь, а сказывал только, что не боюсь их, Всеволодова.

При дальнейшем допросе Иванов обвинял Всеволодова в различных злоупотреблениях по службе и что «бьет он, Всеволодов, Иванова нещадно за малейшую провинность».

После допроса Иванова, как важного преступника, заковали, посадили на гауптвахту и предали военному суду. В защиту Иванова, однако, вступилось военное начальство, считавшее битье солдат своей прерогативой и не позволявшее штатским прикладывать руку к воинским чинам. В результате длиннейшей судебной волокиты департамент в качестве высшей военно-судебной инстанции вынес резолюцию весьма неожиданную и для Всеволодова и для Иванова.

Пугнув в своем грозном постановлении Иванова лишением унтер-офицерского звания, наказанием кнутом

и ссылкой в Сибирь на каторгу, департамент объявил Иванову высочайшее послабление с разжалованием в ротные фельдшера. Поступок же Всеволодова, «заключающийся в неприличном взыскании с фельдшера Иванова с причинением ему своеручно побоев за неисправность по должности, постановил предоставить на рассмотрение псковскому гражданскому губернатору».

В разгар всех этих нашумевших в Пскове событий друзья из Петербурга дают знать Пушкину в Михайловское, что настала пора просить нового императора о снятии опалы. Однако предприятие может увенчаться успехом, предупреждают его, только в том случае, если Пушкин выполнит намеченную ими программу. Во исполнение этих указаний Пушкин должен прежде всего подвергнуть себя медицинскому освидетельствованию, после чего ему надлежит подать на высочайшее имя прошение с приложением обязательства о непринадлежности к тайным обществам и свидетельства о болезни.

Появляется на сцене «аневризм» Пушкина.

За свидетельством о болезни Пушкин по совету своих псковских друзей обращается к Всеволодову, как к инспектору Псковской врачебной управы и как к известному хирургу. Друзья познакомили его с «псковским коновалом» еще год тому назад...

Медицинский осмотр производится, причем предусмотрительно не единолично Всеволодовым, а целой ученой коллегией Пскова под председательством Всеволодова, и коллегия единогласно свидетельствует, что Пушкин «действительно имеет на нижних конечностях, а в особенности на правой голени, повсеместное расширение кровевозвратных жил, от чего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении вообще».

Свидетельство это за подписью Всеволодова было приобщено к прошению Пушкина, которое заканчивалось следующими словами: «Здоровье мое, расстроен-

ное в первой молодости, и род аневризма давно уже требуют постоянного лечения, в чем и представляю свидетельство медиков: осмеливаюсь всеподданнейше просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

Псковский губернатор Адеркас отправил эти документы к прибалтийскому генерал-губернатору маркизу Паулуччи, в ведении которого состояла и Псковская губерния. Тот переслал их в Петербург графу Нессельроде, прибавив от себя благоприятный отзыв о Пушкине, вместе с тем, однако, высказываясь против отъезда Пушкина за границу.

Дальше прошение Пушкина с приложениями пропутешествовало в Москву, где оно лежало без движения до дня коронования нового императора. В частности, не производило, по-видимому, никакого впечатления и всеволодовское свидетельство об аневризме.

Вместо доктора «на помощь» больному Пушкину из Петербурга в конце июля 1826 года прибыл в окрестности Михайловского специальный шпион, коллежский советник Бошняк, секретно собиравший сведения совсем не о здоровье Пушкина, а о том, «не возмущал ли Пушкин к вольности крестьян...».

«Исследование» Бошняка было для Пушкина относительно благожелательным. Вскоре после рапорта доносителя Пушкин был вызван царем в Москву. «Осадное сидение» поэта в Михайловском завершилось. Из-под надзора псковских адеркасов и бошняков он был переведен под непосредственный надзор самого царя...

„ТВОЯ ОТ ТВОИХ“

В душе он уже давно распрощался с Михайловским. Родные еще в 1835 году решили продать свое сельцо, чтобы поправить тяжелое материальное положение. Для них Михайловское было только вотчиной, дачей. Для него же — местом высокого духовного преображенья и спасенья от жизненных бед и обид. Он не мыслил жизни без своей деревеньки и только после мучительного раздумья, споров с родителями, сестрой и ее мужем дал наконец свое согласие на продажу.

...И вот он опять в родных краях. Приехал потому, что мать перед смертью ему так велела. Она умерла от тяжелой болезни. Знала, что умирает, звала его. Просила прощенья за то, что всю жизнь отдавала свою любовь не ему, а другому — его брату. Этот грех ее мучил, потому что любовь ее к тому, другому, оказалась пустой. А нелюбимый пришел, просил прощенья, и они вместе плакали и убивались. Он просил прощенья за свою сыновью гордыню, за суетность, говорил ей ласковые успокоительные слова, и эти слова действовали на нее во сто крат лучше, чем исповедь, спасительные молитвы священника, соборование.

Когда пришел ее смертный час, она взяла с него слово, что он не оставит её прах в Петербурге.

— Я знаю, ты занят, тебе некогда,— говорила она.— Поклянись, что отвезешь меня в нашу деревню.

И он дал клятвенное обещание.

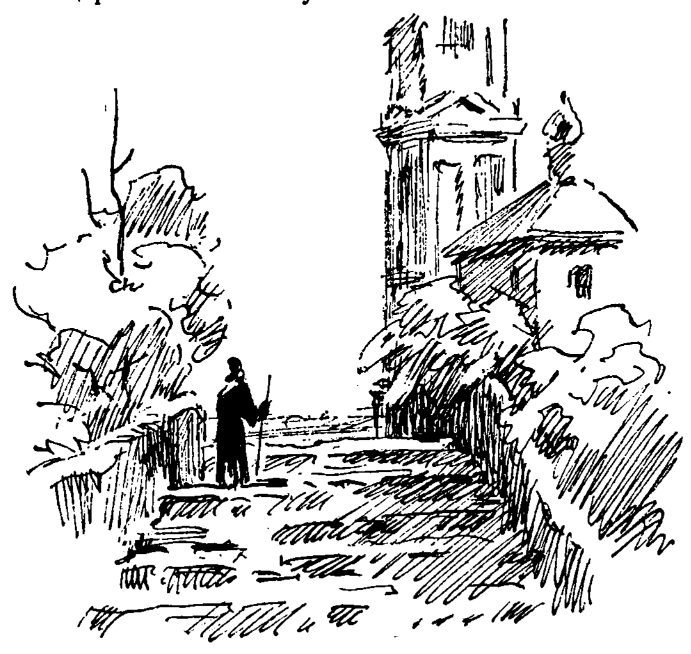
Мать скончалась у него на руках в пасхальную неделю. С ее смертью навалились на Пушкина многие трудности. Гроб, попы, отпевание, беготня по канцеляриям

за разрешением на вывоз покойницы из Петербурга. Деньги, деньги — все равно под какие проценты.

И вот, наконец, дорога... Он в четырехместной обшарпанной карете, взятой в Петербургском главном почтамте, а гроб — в большой фуре, специально приспособленной для дальних перевозок печальных грузов.

Ехали медленно. Весна 1836 года была дружная. Дорога совсем раскисла. За Лугой уже не дорога, а сплошная пучина.

Останавливаться возле заезжих домов и трактиров было неудобно, да и дорожным похоронным листом это запрещалось. Можно было останавливаться только возле церквей. Поэтому останавливались в Гатчине,



Луге, Краснополье, Пскове, Острове. И всюду — то лития, то панихида.

Дорога казалась бесконечной. От ухабов и рытвин ныло все тело. От ладана, заунывного церковного пения тошнило. Чувствовал себя донельзя плохо.

Прибыв в Псков, хотел зайти к губернатору — добрейшему Алексею Никитичу Пещурову, но, представив себе его расспросы, показные слова соболезнования, решил не заезжать. Зашел в лавку купца Лапина, приказал ездовых накормить, а сам направился в архиерейский дом отметить дорожный лист и заказать очередную панихиду.

В Святые Горы добрались только на четвертый день — утром, на заре. Монастырь еще спал. Долго и зло стучался в ворота, пока не вышел привратник-послушник. Еле удержался, чтобы не двинуть кулаком в его заспанную рожу. Привратник побежал к игумену. Игумен скоро показался, взял у Пушкина открытый разрешительный лист и предписанье, пробежал глазами документы, погладил пальцами большую сургучную круглую, похожую на медный пятак печать и спросил:

— Как прикажете служить, сударь?

— То есть как это?— перебил его Пушкин.

— Я говорю — как будем служить, по большому или малому чину? В главном храме, при полном освещении, с хором? Или просто?— продолжал монах.

— Всё, всё, всё...— ответил Пушкин и махнул рукой.

Игумен повернулся к привратнику и приказал впустить в обитель траурный поезд, внести гроб в верхнюю церковь и зажечь свечи и лампады.

Пушкин попросил игумена послать кого-нибудь из послушников в Михайловское, чтобы тот передал старосте немедля снарядить в монастырь людей копать могилу.

Начинался последний день святой недели — самой радостной недели в году. Монастырские колокола вы-

званивали пасхальные плясовые напевы. Появились богомольцы, большей частью навеселе. В эти дни, по старинному русскому правилу, всем грешным и безгрешным были дозволены все радости жизни — ешь, пей, веселись!.. И только одному Пушкину было невесело. Веселость покинула его давно, и он даже представить не мог, как он выглядит, когда ему весело...

Вышел на Святой двор. Постоял у паперти нижней деревянной Никольской церкви, где, как и десять лет назад, висела назидательная картина о краткости жизни земной, с виршами, сочиненными игуменом Ионой. На картине были изображены здешние небо и земля, луна и солнце и круглые часы, напоминающие о быстротечном времени, и неумолимая смерть с косой, указующая костлявой рукой на эти часы. Под часами — старая кривая сосна, на которой художник повесил развернутый свиток с печальными стихами:

Взирай с прилежанием, тленный человече,
Как век твой проходит и смерть недалече!
Готовься на всяк час, рыдай со слезами,
Яко смерть тя восхитит с твоими делами.
Неумолимо она извествует
И краткость жизни перстом показует,
Текут часы времени лет во мгновенье ока,
Как солнце, шествуя на запад с востока.
Гляди, человече, с верой просвещенной,
Гляди в обитель кротко и смиренно,
Молитву прилежно к богу возсылая,
На сие писание умильно взирая.

Окружили воспоминания. Вот могила Пимена — одного из первых настоятелей обители. Здесь впервые явилась Пушкину тень царя Бориса... Вот ограда монастырская. Вот келья, где когда-то проводил он часы в душеспасительных беседах со своим пастырем, игуменом Ионой. А вот келья его дружка, монаха отца Василия — чудесного ссыльного чудака, монастырского библиотекаря и архивариуса, благодаря которому он

тогда понял, что не так уж страшен черт, как его малюют...

Где все они? Всё прошло. Нет ни Ионы, ни отца Василия. И монахи другие, и послушники уже не те, да и сам он совсем другой...

Поднялся на холм. Шел и считал каменные ступени. Ступеней было тридцать семь. Подумал — и мне скоро тридцать семь... Странно! Подошел к родовому кладбищу. Поздоровался с мужиками. Присел на скамеечку и стал смотреть, как они лихо выбрасывают золотистый песок из ямы.

А хорошо всё же здесь! Высоко. Сухо. Деревья шумят. Никакой тебе суеты. И этот белый древний храм, словно богатырь, и этот проселок, по которому он часто хаживал сюда, в обитель древнюю. «Вольтер и Гёте и Расин, являлся Пушкин знаменитый...» Чье это? Ах да, Языкова...

Являлся... Являлся... И вдруг он ясно представил себе собственную «таинственную сень». Я — где? Где? Там, в свинском Петербурге? О, нет! Ни за что. Здесь! Только здесь. Здесь хорошо... «Твоя от твоих...» Только как это де-



лается, если хочешь закрепить за собою место на родном кладбище?

Эта мысль прилепилась к нему крепко, и весь день не давали покоя слова древнего канона о Великом Покое: «Твоя от твоих, к тебе приносяще, о всех и за вся»...

Мать похоронили в два часа пополудни. По окончании церемонии он уехал в Михайловское. По шаткому крыльцу поднялся он в отчий дом. Всё в нем показалось ему очень старым и ветхим. Покосившиеся скрипучие двери, облупившаяся краска на стенах, голые, без занавесок, окна, разбежавшаяся в беспорядке по комнатам скудная мебель — от всего этого повеяло на него тем странным, щемящим духом прожитой жизни, что так хватает за сердце, когда разбираешь личные вещи и бумаги, оставшиеся после смерти близкого человека.

Он открыл дверь в комнату, бывшую когда-то его кабинетом. В ней было пусто, как в сельской часовне. И хоть всё здесь переменилось, он ясно представил себе — какая вещь и где тогда стояла: дедовские кресла, канапе, полка с его книгами, кровать, покрытая молдавским ковром, привезенным им с юга, любимая кожаная подушка, дорожная медная лампа, которую друзья изготовили для него, когда он задумал побег за границу... И вдруг из закоулков сознания, более глубоких, чем память, выплыл кабинет Онегина, который он, по выражению одной из дев Тригорского, «списал» со своего михайловского кабинета: «И вид в окно сквозь сумрак лунный, и этот бледный полусвет, и лорда Байрона портрет... А вот камин; здесь барин сиживал один... Здесь почивал он, кофей кушал, приказчика доклады слушал. И книжку поутру читал...»

Поэзия, как ангел-утешитель, спасла его, и он воскрес душой... Здесь ему писалось легко и много. Здесь

были с ним его сокровенные друзья — Пущин, Дельвиг, Арина Родионовна.

Ах, бог ты мой, как всё переменилось!

В комнату бесшумно вошла дворовая бабка Настасья, на попечении которой находился господский дом Михайловского, когда хозяева его были в отсутствии.

— Барин, а барин! Александр Сергеич! Может, стол накрыть прикажете? Али чего согреть? — спросила она.

— Ничего, голубка моя, ничего не нужно. Устал я крепко. Лучше постели скорее. Мне вставать рано. Впрочем, от чайку не откажусь, душа что-то озябла. Чайницу спроси у Тимофеича, она в моем дорожном погребце.

Утром велел подать лошадь и опять покатил в Святые Горы. С полдороги вернул лошадь обратно, а сам пошел пешком: когда идешь пешком — лучше думается. Войдя в монастырь, поднялся на могильный холм, к матери. Могила была обложена дерном. Заботливые руки дворни украсили холмик подснежниками и вербой. На могиле стоял простой сосновый крест. Надо бы сочинить надпись. А зачем? Отец сделает. Он мастер сочинять эпитафии.

Было очень тихо. Пасхальная неделя кончилась. Никого вокруг. Ни мужиков, толкующих о приезде михайловского барина, ни монахов, вдоволь накануне насмотревшихся на знаменитого арапа... Вчерашняя мысль о собственной могиле созрела в душе окончательно: «Здесь лежит Пушкин. Здесь должен лежать Пушкин. Здесь, и нигде больше».

С мучительной ясностью пришла мысль: Пушкина больше нет. Он безвозвратно мертв, как те, что лежат вот там, у подножья холма... Нет! Не хочу... А впрочем, что смерть? Ведь дела людей не измеряются только пределами их земной жизни!.. И снова мысль о «гробовом входе», о собственной могиле на родной земле. «Твоя от твоих...»

Эх, жаль, что нет Войныча рядом. Он всё знает, всё умеет. И Пушкин стал мысленно сочинять письмо Нащокину: «Войныч, милый друг! Вот ты всё болеешь, а о том не хочешь подумать, что и умереть можешь. Приходится мне думать об этом за тебя. Вопрос о кладбище — вопрос не праздный, а очень важный. Так вот, знаешь, милый, лучшего кладбища, чем в моей псковской деревне, вряд ли где в другом месте сыщешь. Земля — не земля, а пух. А вид, вид вокруг — загляденье... Когда я преставлюсь, завещаю похоронить себя рядом с тобою, клянусь честью!..»

В этот день, вечером, накануне возвращения в Петербург, Пушкин внес в монастырскую казну деньги, закрепив за собой клочок земли на случай смерти. В книге прихода и расхода монастырских сумм за 1836 год игумен Геннадий записал: «Получено от г-на Пушкина за место на кладбище 10 рублей. Сделан г-ном Пушкиным обители вклад — шандал бронзовый с малахитом и икона богородицы — пядичная, в серебряном окладе с жемчугом».

Эти вещи Пушкин взял из своего Михайловского дома. Он знал, что покидает его навсегда. Солнце дважды в день не восходит. Михайловское для него — уже только вчера. Сегодня его уже нет. Остались лишь одни воспоминания, а завтра и от этих воспоминаний, быть может, ничего не останется...

„БЕЗ БОЯЗНИ ОБЛИЧАХУ“

— Ваше величество, с похоронами Пушкина надо поторопиться. В городе много шуму. Есть известия, что либералисты хотят нести гроб на руках до самого кладбища... — докладывал царю Бенкендорф.

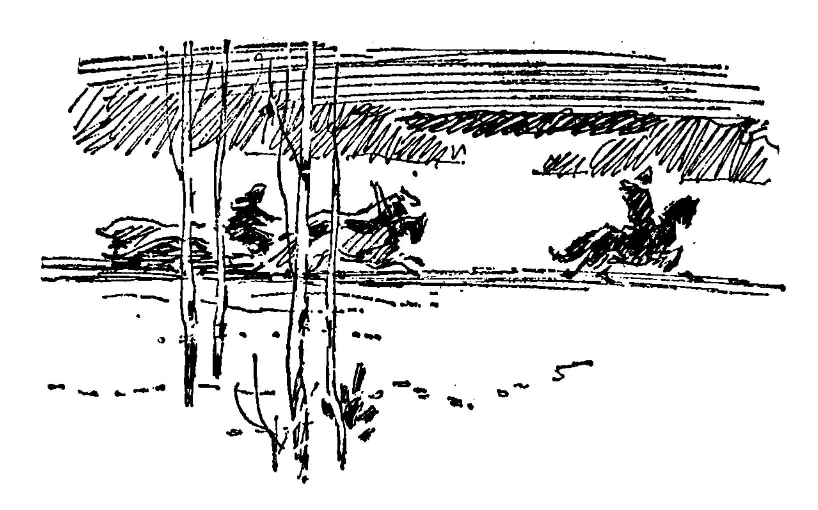
— Но я же решил хоронить его в псковской деревне?! Вдова его, Жуковский очень просят, говорят, что сам покойник так велел. Так будет лучше, — перебил Бенкендорфа Николай. — Госпожа Пушкина вначале просила направить в качестве сопровождающего подполковника Данзаса. Я счел это недопустимым. Он ведь под арестом, ждет суда и следствия... Пусть едет Александр Тургенев, давнишний знакомец Пушкиных. За него они тоже очень просили... А кого ты можешь послать в Псков из своего корпуса? Нужно бы направить жандарма порасторопнее...

— Я полагаю, Ваше величество, что для сего дела лучше всех будет капитан Ракеев. Он — сама преданность, исполнительность, усердие.

— Ну что ж, пусть будет так. Приготовь нужные предписанья. Да не забудь приказать о негласном надзоре на всем пути следования и там, на месте, в Святых Горах! Выезд из Петербурга назначай на полночь 3 февраля. Тихонько, без шуму. Конюшенную площадь нужно бы с вечера оцепить...

Итак, решено! Ракеев и Тургенев, и никого более. Всё!

Так судьбой было определено самому старшему другу Пушкина Александру Ивановичу Тургеневу сопровождать тело убитого к месту его последнего пристанища в Святых Горах.



Февраль 1837 года был суровым. Дороги на Псковщине всюду занесло глубоким снегом. Кони, везшие гроб, совсем притомились. От Острова траурный поезд бежал уже не по дороге, а по реке Великой. Снежный покров на реке был слаб, лошадям скользко. То та, то другая оступалась или падала. Плохонькая кляча, которую с трудом удалось раздобыть на Островской почтовой станции взамен одной из пристяжных, поломавшей ногу, совсем стала.

Вокруг на полях снег, снег, снег... И только благодаря Никите Козлову, дядьке Пушкина, сопровождавшему сани с телом убитого, ямщики ехали правильно и не сбились с пути.

Мороз был крут, ветер, гулявший по Великой, продувал насквозь. Наконец повернули на Сороть. Жандармский офицер то и дело приказывал ямщику остановиться и спрашивал Козлова: «Далече ли еще?»

Наконец замелькали в тумане огоньки церквей Воронича и в большом тригорском доме.

— Теперь, почитай, приехали, — сказал Козлов. — Вот и имение Прасковьи Александровны! — И, махнув рукой куда-то в сумерки, добавил: — А там вон и Михайловское... Отсюда до Святых Гор рукой подать, не больше пяти верст. Слава богу, скоро в тепле будем!

Где-то залаяли собаки. Ночной сторож Тригорского отбил в чугунную доску семь часов. Гул поплыл по реке. В такт ему гулко треснул где-то лед...

— А ну, постой, поворачивай к дому Осиповых, — распорядился жандарм.

— Как прикажете, ваше благородие, — ответил Козлов.

Жандарм глянул в сторону и, крякнув, добавил:

— Ненадолго...

Подъехали к дому. Услыхав под окном звон почтовых колокольцев, кто-то распахнул двери. Ракеев и Козлов вошли в тускло освещенные сени и стали стряхивать с шуб снег.

Показался лакей в домашней ливрее и закутанная в большой теплый платок маленькая старушка, лицо ее было еле видно. Ей явно нездоровилось.

— Кто это? — тревожно спросила она вошедших, остановив свой взор на жандарме.

Приезжие поклонились. Офицер звякнул шпорами:

— Я капитан Ракеев, сударыня! Господин Тургенев уже здесь? — Помолчав, Ракеев добавил: — Я к вам, госпожа Осипова, с недоброю вестью... Привез Александра Сергеевича... тело... по предписанию государя императора...

Вновь услышав страшные слова, Прасковья Александровна схватилась за голову, бросилась в комнаты с воплем:

— Знаю, знаю... убили, господи, убили!

Показался Тургенев, прибывший в Тригорское четыре часа тому назад. Выбежали дети, слуги, дом наполнился плачем и стенаниями.

Ракеев был милостив. Он разрешил отслужить в Тригорском панихиду, очень уж все просили, да и согреться хотелось.

Скоро в церкви на Ворониче загудел траурный колокольный звон. Так начались похороны Пушкина.

* * *

В том приделе Успенского собора Святогорского монастыря, где в ночь с 5 на 6 февраля 1837 года игумен и Ракеев разрешили поставить гроб с телом поэта, среди других изображений, повествующих о похоронах Пушкина, есть портрет Александра Ивановича Тургенева. Это копия с литографского портрета, висящего в кабинете Прасковьи Александровны в Тригорском. Тургенев подарил его Осиповой после своего возвращения из Святых Гор в Петербург, в том же феврале 1837 года. Портрет сопровождался письмом, в котором Тургенев благодарил Прасковью Александровну и ее дочь Марию Ивановну за радушный прием и беседы с ним о Пушкине в ту незабываемую ночь.

Он писал: «Минуты, проведенные мною с вами в сельце и домике поэта, оставили во мне неизгладимые впечатления. Беседы наши и всё вокруг вас его так живо напоминают! В деревенской жизни Пушкина было так много поэзии, а вы так верно передаете эту жизнь. Я пересказал многое, что слышал от вас о поэте, Михайловском и Тригорском, здешним друзьям его. Все желают и просят вас описать подробно, пером дружбы и истории, Михайловское и его окрестности, сохранить для России воспоминание об образе жизни поэта в деревне, о его прогулках в Тригорское, о его любимых двух соснах, о местоположении, словом — всё то, что осталось в душе вашей неумирающего от поэта и человека».

В этом же письме Тургенев подробно рассказывает

историю своего портрета: «Вы желали иметь мой портрет, коего оригинал писан Брюлловым. Под эгидою таланта посылаю я его для тригорского вашего кабинета. Но позвольте, во избежание недоразумений, объяснить некоторые надписи и слова на сем листе. «Без боязни обличаху» — текст из летописца Троицкого Сергиевского монастыря Аврамия Палицына, который, описывая патриотически-смелый поступок предка нашего Петра Тургенева (и Плещеева), кои обличали Самозванца в самозванстве и за то побиены им камением на Красной площади, говорит о сих двух героях искренности и любви к Отечеству «без боязни обличаху». Это приняли мы девизом нашим».

Брюлловский портрет был перерисован художником Виньеролем для литографа Энгельмана, сделавшего в 1830-х годах с этого рисунка литографию, отпечатанную в нескольких экземплярах. Один из них и прислал Тургенев Осиповой.

На этом портрете Тургенев изображен сидящим за столом; правая рука его заложена за борт сюртука, в левой он держит развернутое письмо, на котором видны слова: «До нас ли! 1821. Константинополь». На столе книга с надписью на корешке: «О налогах», а под нею листы бумаги с надписями: «К Отечеству» и «Элегия».

В своем письме Тургенев подробно поясняет эти детали: «„Элегия“ написана братом Андреем, первым другом Жуковского, открывшим в нем гений и сердце его. «К Отечеству» — его же стихи, кои несколько лет по его кончине читаны были в Таврическом дворце, в собрании дворянства, когда Россия воспламенилась против Наполеона. «Книга о налогах» осужденного навек брата Николая, о коем лучше молчать. Книги сей было два издания, — и теперь нет в продаже ни одного экземпляра». Далее Тургенев продолжает: «Письмо, которое я держу в руках, писано братом Сергеем в 1821 году из

Царя-града, во время чумы и ярости турок против греков. Правительство позволило брату оставить посольство и успокоить мать свою; он не думал о спасении своей жизни — не оставил посольство, но, описав положение греков, сказал: «До нас ли!» Я хотел сохранить это чувство, а вас прошу принять сии изъяснения свидетельством моего к вам уважения и не пенять за сии подробности, без коих все сии слова были бы непонятны».

«Без боязни обличаху» братья Тургеневы всякие скверны тогдашней жизни с ее крепостным укладом. За это особенно любил их Пушкин.

С радостью поздравил он Сергея 21 апреля 1821 года с возвращением «из Турции чужой в Турцию родную»...

С Александром Пушкин был в дружбе и переписке всю жизнь, с юных дней до предсмертного часа. Последнее письмо он послал Александру Ивановичу за день до своей гибели. На этом письме сохранилась помета рукой Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина накануне дуэли».

Судьба декабриста Николая Тургенева, случайно избежавшего царской петли или каторги, всегда волновала Пушкина. Когда до Михайловского в 1826 году дошли слухи о том, что Николай Тургенев якобы арестован в Англии и выдан царскому правительству, Пушкин написал Вяземскому свое знаменитое стихотворение «Так море, древний душегубец», в котором клеймил свой гнусный век с его тиранами и предателями.

Поясняя Осиповой надписи на своем портрете и подчеркивая патриотические заслуги братьев и предков, Александр Иванович еще раз хотел напомнить ей, что воспоминания о Пушкине, которые она хотела написать для потомства, — ее патриотический долг и написать их она должна «без боязни обличаху» всех, кто этого заслуживал.

Судьба портрета не простая. До революции он нахо-

дился на своем месте в Тригорском. В 1902 году его видел в доме Осиповых известный пушкиновед Б. Л. Модзалевский, автор книги «Поездка в село Тригорское в 1902 году». Позже портрет был передан в собрание Пушкинского дома Академии наук, откуда поступил в Михайловское, когда в нем открылся музей. При разгроме заповедника гитлеровцами в 1944 году он был увезен в Германию, откуда возвратился в октябре 1945 года в числе немногих других памятных вещей Тригорского.



ДЯДЬКА ПУШКИНА

Когда говорят о Пушкине, то невольно вспоминают имена его друзей, лицейских братьев, товарищей. И все же некоторых из них незаслуженно забывают, в особенности простых «маленьких людей» — спутников удивительной жизни Пушкина. А люди эти интересные, настоящие, достойные светлой памяти. И первый из них — Никита Тимофеевич Козлов, дядька поэта.

Между прославленной няней Ариной Родионовной и дядькой Пушкина очень много общего. Они были потомственными крепостными крестьянами. Всю жизнь прожили при господском дворе. Состояли между собой в родстве. Никита Тимофеевич был женат на дочери Арины Родионовны Надежде Федоровне.

Родившись в 1770 году в нижегородской вотчине Пушкиных селе Большое Болдино, Козлов прошел весь путь тяжелой неволи крепостного человека, испробовал всю горечь беспросветной горюхинской нищеты, подвергаясь самым разнообразным превратностям жизни.

Будучи от природы любознательным и настойчивым, он самоучкой освоил грамоту. Малым мальчонкой был взят Сергеем Львовичем ко двору, причислен к дворне и скоро занял в ней не последнее место, ибо был грамотей, балагур и остряк. В начале своего поприща он был казачком: разжигал барину трубку, бегал на побегушках.

Потом возвысился и стал лампочником и, наконец, к семнадцати годам был возведен в ранг камердинера. Натура поэтическая, он увлекался игрой на балалайке и гитаре, не был лишен интереса к стихотворству и сочинял сказки.

В своих воспоминаниях сестра Пушкина Ольга Сергеевна так рассказывает о литературных опытах дядьки: «В доме деда и бабки благоденствовала и процветала поэзия. Процветала она и благоденствовала до такой степени, что в передней комнате Пушкиных (комнате, где толпились слуги) поклонялись музе доморощенные стихотворцы... из многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, Никита Тимофеевич, поклонявшийся одновременно и богу Вакху, на общем основании состряпал нечто вроде баллады о «Соловье-Разбойнике», богатыре широкогрудом Еруслане Лазаревиче и златокудрой царевне Милитрисе Кирбитьевне. Безграмотная рукопись Тимофеича, в которой был нарисован в ужасном, по его выражению, виде Змей Горыныч, долгое время хранилась у моей матери...»

Мы не знаем подробного содержания этой баллады. Знаем только, что основой ее послужила древняя русская былина о русской удали, силе, любви, светлой победе доброго над злым.

Будущий автор «Руслана и Людмилы», который в те годы был от горшка два вершка, не раз слышал сказку своего дядьки, и она крепко запала ему в душу.

Никите было уже далеко за тридцать, когда Сергей Львович обратил на него особое внимание. Подраставшему сыну пришло время расстаться с нянькой. И вот Никита Тимофеевич объявляется дядькой маленького барина; ему доверили его растить, учить жизни, уму-разуму. С этих пор Никита Тимофеевич становится спутником всей жизни Пушкина, до его гробовой доски. Он был при маленьком мальчике в Москве. Водил его на народные гулянья. Он заставлял своего «Сашку» лазать на колокольню Ивана Великого, показывал кремлевские древности и святыни. С Пушкиным-юношей он жил в Петербурге после Лицея.

В дядьке своем Пушкин, по его словам, видел настоящего русского человека, услужливого, но без раболепства, чувствующего свое достоинство, самобытного, смышленого.

Познания дядьки были обширны. Его простая, умная речь обращала на себя внимание друзей молодого поэта.

Крамольные стихи — «Деревню», «Вольность», эпиграммы на «барство дикое» — Пушкин отдавал на сохранение верному своему дядьке. По свидетельству современников, они стали известны многим грамотным дворовым. Так, например, дворовый Алексей — дядька И. И. Пущина (друга Александра Сергеевича, будущего декабриста) — хорошо знал эти стихотворения.

О замечательном демократизме Пушкина, о его уважении к своему слуге свидетельствует событие, закрепившее навсегда дружеские отношения между ними.

В Петербурге в одном доме с Пушкиным жил его лицейский товарищ, барон, впоследствии граф, Модест Андреевич Корф — большой барин, крепостник. Однажды Корф ни за что ни про что побил Никиту Тимофеевича. Дядька прибежал жаловаться Пушкину. «Александр Сергеевич, — рассказывает об этом Павлищев, — вспылил и заступился за дядьку, вызвал Корфа на дуэль. На письменный вызов Пушкина Корф ответил по-французски: «Я не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы»... Буря,—продолжает свой рассказ Павлищев, — повела к тому, что Александр Сергеевич начал коситься на Корфа и стал его избегать».

Для Пушкина всякий простой человек, все равно, кем бы он ни был — кучером, кухаркой или ямщиком, — был прежде всего человеком, имевшим такое же чувство достоинства, как Корф и другие господа.

Никита Тимофеевич на всю жизнь запомнил его заступничество и вскорости отблагодарил Пушкина должным образом.

Царь Александр I, информированный агентурой, не преувеличивал, когда при встрече с Е. А. Энгельгардтом сказал ему: «Пушкин наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь их читает. Пушкина надобно сослать в Сибирь!»

2 апреля 1820 года царь приказал генерал-губернатору Милорадовичу сделать обыск у Пушкина и, в случае необходимости, арестовать его. Полицейский сыщик Фогель, придя к Пушкину в его отсутствие, встретил Никиту Тимофеевича и стал просить почитать рукописи Пушкина. Фогель прикинулся рьяным поклонником поэта, но Никита, предупрежденный Александром Сергеевичем о возможности такого визита, наотрез отказал Фогелю. Тогда сыщик стал предлагать Никите деньги, и немалые — 50 рублей. Но Никита открыл дверь и выпроводил гостя.

Когда Пушкин возвратился домой, он увидел сияющего дядьку.

— Что так весел, Никúтушка?

— Да как же не радоваться, когда беда ушла со двора... — И Никита рассказал Пушкину во всех подробностях о визите сыщика.

Об этой истории потом рассказывал Ф. Н. Глинка, состоявший при генерале Милорадовиче чиновником для особых поручений. Вот этот рассказ:

«Раз утром выхожу я из своей квартиры на Театральной площади и вижу Пушкина, идущего мне навстречу. Он был, как всегда, бодр и свеж, но обычная (по крайней мере при встречах со мной) улыбка не играла на его лице и легкий оттенок бледности замечался на щеках.

— Я к вам.

— А я от себя!

И мы пошли по площади. Пушкин заговорил первым:

— Я шел к вам посоветоваться. Вот видите: слух о моих пьесах, разбежавшихся по рукам, дошел до пра-

вительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька объявил, что приходил в квартиру какой-то неизвестный человек и давал ему пятьдесят рублей, прося ему почитать моих сочинений и уверяя, что скоро принесет их назад. Но мой верный старик не согласился, и я взял да и сжег все мои бумаги...»

Ф. Н. Глинка сообщал также, что Пушкин из рассказа Никиты Козлова о таинственном посетителе сразу понял, что над ним нависла угроза и дело пахнет Аракчеевым, Сибирью или Соловками.

Наступили тревожные дни...

5 мая 1820 года А. И. Тургенев сообщил П. А. Вяземскому: «Участь Пушкина решена. Он завтра отправляется в ссылку».

Царский приказ был строг. Сборы были недолги.

— Что ж, едем, Тимофеич?

— Едем, батюшка!

— А куда едем, знаешь, старче?

— Да по России, куда же еще! — отвечал Никита.

6 мая Пушкин и Никита Козлов покинули Петербург. До Царского Села вызвались проводить друзья — Дельвиг и брат лицеиста Михаила Яковлева — Павел. В Царском долго прощались. Спрыснули дорожку, чтоб пыльно не было. Наконец ссыльные сели на перекладные и по скучному Белорусскому тракту тронулись в далекий, далекий путь. В дороге сразу же скинули городское платье: Пушкин — свой городской сюртук, Никита — свою «ливрею». В красных рубашках, опоясках и высоких сапогах поэт и его дядька выглядели довольно забавно.

17 мая прибыли наконец в Екатеринослав. Остановились в дурном трактире, где их чуть заживо не съели клопы. В городе было пыльно и душно. С утра отправились купаться на Днепр.

Пушкин любил уплывать далеко. Никита волновался, кричал, умолял держаться ближе к берегу... В одну

из поездок на лодке, после купанья, Пушкин схватил лихорадку. Несколько дней пролежал в бреду. Никита натирал больного водкой, бегал в больницу за порошками. Спасибо, подъехали Раевские. С ними после выздоровления поехали дальше.

Как-то, стоя на берегу Днепра, Пушкин и Тимофеич смотрели, как два скованных железными цепями арестанта — побочные сыновья помещика Засорина, ставшие разбойниками, — спасались вплавь через Днепр. Этот эпизод запомнился поэту и его дядьке. Позже он послужил Пушкину основой для поэмы «Братья-разбойники».

Однажды, несколько месяцев спустя по приезде в Кишинев, Пушкин рассказал об этом в кругу своих знакомых. Кто-то из присутствующих выразил сомнение в возможности такого побега. Тогда Пушкин крикнул Никиту:

— А ну, Тимофеич, расскажи им, как мы с тобой смотрели арестантов на Днепре! — И Никита Тимофеевич подтвердил справедливость повествования Пушкина. Об этом можно прочитать в «Материалах к биографии Пушкина», подобранных в 1851 году Бартеневым.

В Кишиневе Никита жил в одной из двух комнат, отведенных Пушкину в доме его начальника генерала Инзова, почтенного, доброго старика. Никита Тимофеевич делил с Пушкиным все тяготы, лишения и нужду. А тягот было немало. Трудно было вольному поэту переносить притеснения со стороны власть имущих, начальства, церкви. Ему, числившемуся на государственной службе, полагалось регулярно ходить в церковь, в местный архиерейский дом или, как там его называли, «Митрополию», нужно было говеть, исповедоваться. Это было обязательно. Неисполнение наказывалось.

«Дай, Никита, мне одеться: в «Митрополии» звонят!» — писал Пушкин в одном из своих шуточных сти-

хотворений, осмеивающих местные кислые нравы и обычаи. Он любил читать эти стихи вслух, подражая глухому басу церковного колокола.

* * *

Из письма Никиты Тимофеевича Козлова, «Главного камердинера Его высокородия Александра Сергеевича Пушкина к супруге моей Надежде Федоровне Козловой из г. Одес 15 сентября 1823 года.

Милостивая государыня супруга моя Надежда Федоровна!

Пишет вам законный муж Никита Тимофеич! Долгота разлуки нашей сделала меня несчастным человеком, но, невзирая на плачевное состояние мое, я жив и здоров, чего и вам от господа бога желаю. Извещаю вас, что мы теперь перебрались в другой город, именуемый Одес. Жизнь наша имеет мало покоя. Слова мои весьма бессильны и не могут стремиться к вам с необходимой ясностью, потому что жизнь эта полна смятения и беспокойства. Но никто как бог и его святые угодники! Разлетятся все суетные привидения, и пути наши прояснятся! Посылаю я к вам 15 рублей для утешения. В здешних краях деньги весьма дороги, и мы всегда терпим от них многие неприятности и обиды.

Кланяюсь вам низко. Муж ваш Никита Тимофеич.

Еще низко кланяемся вашей родной матушке Иринии Родионовне и моей дорогой куме, еще кланяюсь Михайле Ивановичу с детками его и всем родственным и соседям.

Супруг ваш Н. Козлов.

Писано в г. Одес».

Жизнь Пушкина, «опального вольнодумца и афеиста», закончилась на юге ссорой с «придворным холопом и мелким эгоистом» — графом М. С. Воронцовым.

Это и привело к ссылке в Псковскую губернию, в село Михайловское.

29 июля 1824 года одесский градоначальник граф Гурьев прислал Пушкину бумагу. Эту бумагу предлагалось немедленно подписать.

Никита развернул пакет, надел очки и стал читать: «Нижеподписавшийся сим обязывается по данному от г. одесского градоначальника маршруту без замедления отправиться к месту назначения в губернский город Псков, не останавливаясь нигде по своему произволу... На сей путь начислено прогонных на три лошади триста восемьдесят девять рублей четыре копейки.

Получил......

Коллежский секретарь.......»

— Ну, и слава тебе, господи! Хотя и не густо отвалили... — И Никита, перекрестясь, положил бумагу на письменный стол Александра Сергеевича.

В дорогу собирались спешно. Никита бегал к разным лицам с записочками Пушкина об одолжении 20 30, 50 рублей... На деньги, взятые у Веры Федоровны Вяземской, купили дорожную, модную, даже щегольскую коляску. «Потом кому-нибудь продадим», — заметил Пушкин.

Наконец всё было кончено. 31 июля утром шикарная карета, запряженная тремя старыми казенными одрами, ехала по улицам шумной, чванливой Одессы.

В карете сидели двое — один молодой, маленький, смуглый, с голубыми чуть навыкате глазами, другой высокий, степенный старик. «В желтых нанковых, небрежно надетых шароварах, в русской цветной измятой рубахе, подвязанной вытертым черным шейным платком, Пушкин показался мне при встрече в Чернигове похожим на своего бедно одетого слугу...» — писал юноша Подолинский своим родным о встрече на дороге с Пушкиным.

Ехали долго, через многие губернии. Проехали Ели-

заветград, Кременчуг. Не доезжая до Кременчуга, на станции Семеновой, Пушкин крикнул Никите: «Вспомнил! Стой! Ночевать будем здесь. Будешь ждать меня!» А сам верхом, без седла, на почтовой лошади, не снимая хомута, поскакал к своему товарищу Родзянке, жившему отсюда в четырех верстах... Только Родзянки дома не было. Вернулся скоро, и сразу же тронулись дальше. Проехали Прилуки, Нежин, Чернигов, Оршу, Витебск, Полоцк. Мужики и бабы, работавшие в поле, с удивлением рассматривали странную пару... В дороге изрядно обносились. Похудели.

Наконец 9 августа показались холмы Опочки. Дальше казна отказывалась везти на своих лошадях. Нужно было дать знать в Михайловское. Подождали в трактире у Лапина и, как прислали лошадей, тронулись восвояси.

На другой день после приезда Никита был вызван в кабинет к старому барину на расправу.

Сергей Львович бегал по комнате, размахивал руками и кричал:

— Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, ничего не донес о сыне... Как ты исполнял свою должность! Ах ты, развратный старый черт! Да я тебя пошлю свиней пасти! Прочь с моих глаз... На конюшню... Выпороть стервеца!

Разжалованный Никита был отнят у Александра Сергеевича и вскоре отправлен в Петербург «с сельскими припасами». Впоследствии он был назначен в услужение Льву Сергеевичу.

Как жил Никита Тимофеевич у Льва Сергеевича, мы знаем очень мало, да и жил он с ним недолго...

«Утром достопамятного 14 декабря 1825 года, — рассказывает сын Ольги Сергеевны А. Н. Павлищев, — дядя Лев исчезает из родительского дома...» Как известно, Лев Сергеевич оказался на Сенатской площади. Туда же направился и Никита.

В этот день было много любопытных, толпившихся около Сенатской площади, глазевших из соседних улиц на «действо». На стройке Исаакиевского собора — и на лесах, и возле них — толпились рабочие, разного рода мелкие служащие, дворовые. Тут же устроился и Никита Тимофеевич, симпатии которого были всецело на стороне восставших. Среди них было много друзей Александра Сергеевича. Некоторых он хорошо знал... Он увидел, как Лев Сергеевич появился в центре площади, занятой восставшими, подошел к Вильгельму Карловичу Кюхельбекеру. Заметив Льва Сергеевича, Кюхельбекер, указывая на Пушкина Одоевскому, крикнул: «Господа, примем и этого молодого воина!»

Потом началась пальба и душегубство, и Никита в ужасе побежал домой.

Весть о восстании дошла и до Сергея Львовича. Когда он заметил отсутствие Льва Сергеевича, страшное подозрение зашевелилось в его душе...

— Никиту! Позвать мне Никиту! — истошно завопил он.

Никита долго не появлялся. Наконец, как рассказывает Павлищев, «знаменитый Никита Тимофеевич явился к деду в кабинет с растрепанными чувствами».

— Где ты пропадал?

— Виноват, — ответил Никита, — ей-богу, у ворот стоял!

— А Леон Сергеевич где?

И тут Никита доложил, что на Сенатской площади солдаты передрались и искалеченных видимо-невидимо, а губернатор Милорадович уже на том свете, а Лев Сергеевич там...

«Никита, — продолжает свой рассказ Павлищев, — видя, что произвел эффект, напустил на себя пущую важность и занялся причитанием: «Красное солнышко, ты батюшко, Сергей Львович! Душенька моя переворачивается, что моего ненаглядного Левона Сергеича нет.

Где он пропадает, родименький?» Сергей Львович от такого причитания напугался еще больше и рассудил тут же попотчевать причитальщика здоровенной тукманкой и бежать за Львом немедля».

Лев Сергеевич, слава богу, остался жив. Из этой истории он выпутался безнаказанным.

Зимой 1826 года Никита Тимофеевич выехал с Сергеем Львовичем в нижегородское имение Пушкиных, где Сергей Львович входил во владение селом Кистеневом. По распоряжению барина «за усердие и расторопность» Никите был пожалован бараний тулуп, о чем и «в амбарную книгу было записано».

Сидя в заснеженном Кистеневе, Сергей Львович заставлял Никиту по вечерам сказки сказывать, толковать сны: Никита считался большим мастером этого дела. В одном из своих писем Сергей Львович писал: «Я сильно беспокоился о Саше, да и теперь беспокоюсь, потому что видел сегодня во сне, будто он женился. Рассказал я свой сон Никите, а этот старый хрен: «Батюшка, ясное солнышко ты наше, Сергей Львович! Сон ведь твой не к ладу!» Знаешь манеру нашего Никитки утешать...»

В сентябре 1826 года, на радостях по случаю освобождения сына из ссылки, Никита Козлов, по распоряжению Сергея Львовича, вновь назначается в услужение к Александру Сергеевичу. Никита жил с ним в Москве в период сватовства к Н. Н. Гончаровой и после женитьбы неотлучно был при нем в Петербурге.

Он наблюдал за Пушкиным, как за ребенком. Гордился его славой, гремевшей по всему государству, гордился собой и свое «я» неразрывно связывал с именем великого поэта. Он ревностно оберегал все, что ему было доверено.

В середине июня 1830 года в Москве на квартиру Пушкина как-то зашел с визитом его приятель князь В. Голицын. Пушкина не оказалось дома. Голицын разговорился с Никитой. Тот, хорошо зная Голицына, об-

стоятельно рассказал о житье-бытье своего Александра Сергеевича и сообщил о том, что вскоре будет свадьба. Свою беседу с Никитой Тимофеевичем Голицын описал в стихах:

«Кн. Голицын

Никитушка, скажи, где Пушкин царь-поэт?

Никита

Давным-давно, сударь, его уж дома нет,
Не усидит никак приятель ваш на месте:
То к дяде на поклон, то полетит к невесте.

Кн. Голицын

А скоро ль женится твой мудрый господин?

Никита

Осталось месяц лишь гулять ему один...

Вот моя беседа с Вашим камердинером. Я продолжил бы ее в стихах, если бы не так стремился сказать Вам прозой, как бесконечно я раздосадован, что не застал Вас дома. Всего лучшего! Вл. Г.»

Особенно ревниво хранил Козлов книги Пушкина, его рукописи, переписку. Он считал себя чем-то вроде секретаря поэта. Временами даже переусердствовал. Однажды он по просьбе Александра Сергеевича так припрятал некоторые его книги, что Пушкин никак не мог их найти.

В январе 1832 года он писал из Петербурга в Тригорское Прасковье Александровне: «Велите спросить наших людей в Михайловском, нет ли там еще сундука, посланного в деревню вместе с ящиками моих книг. Подозреваю, что Архип (садовник) или кто-либо другой утаивает его по просьбе Никиты, моего слуги. Он должен заключать (я разумею сундук, а не Никиту) его



платье и пожитки, а также и мои вещи и еще несколько книг, которых я не могу отыскать...»

В конце января Осипова в ответ на это письмо пишет: «В сундуке, который, как говорят, принадлежит Никите, я нашла лишь те книги, которые я вам послала, и поломанную чайницу. Но я велю сделать обыск — мне хотелось бы знать, какого вида был сундук Никиты, так как очень может быть, что мне подсовывают другой, а настоящий прячут».

Для старого дядьки тридцатилетний Пушкин был таким же мальчиком, ребенком, требовавшим отеческой заботы, каким он был двадцать пять лет назад.

В последние годы жизни Пушкина Никита был уже не старый балагур и весельчак, а импозантный, строгий

и к себе и к людям старик. Он сознавал, кем был Пушкин в его царстве-государстве.

В 16-м томе академического Полного собрания сочинений Пушкина, в письме неизвестного к поэту, датированном 19 июля 1836 года, мы читаем любопытные строки о старом заботливом дядьке. Неизвестный пишет: «Я к Вам заходил на прошлой неделе, но благообразный служитель Ваш доложил мне, что Вы, живя теперь на даче, редко заезжаете сюда, и то, говорит, покажетесь — как огонь из огнива. Поэтическое сравнение это напомнило мне пословицу „Tel maître — tel valet"»[1].

Когда в 1833 году Пушкин, работая над «Историей пугачевского бунта», предпринял тяжелое путешествие в Оренбург, он не решился взять с собою дядьку, жалея его старые кости. Но в пути он не раз вспоминал славного Тимофеича, его заботу и ласку. Молодой слуга, взятый в дорогу взамен Козлова, оказался человеком никудышным. «Он через день пьян, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом», — писал Пушкин жене 10 сентября.

В своей «Капитанской дочке» в образе старого Савельича Пушкин несомненно запечатлел незабвенные черты своего доброго, заботливого Тимофеича.

Единственно, чем он утруждал Никиту в последние дни, — это беготней по делам своего любимого детища — журнала «Современник». А беготни было много. Пушкина жестоко жала цензура. Приходилось по двадцать раз посылать рукописи, гранки набора в цензуру, типографию.

В апреле 1836 года, в день похорон матери, Пушкин сказал сопровождавшему его дядьке, что внес в монастырскую казну деньги за место для собственной могилы, и указал, где надлежало положить его тело, буде он нечаянно умрет.

---

[1] Каков хозяин — таков и слуга (*франц.*).

Старый Никита, конечно, не знал, на краю какой пропасти стоял Пушкин в эти последние его дни. Борьба поэта со всем «свинским» Петербургом неумолимо вела его к гибели. Умудренный годами, Никита чувствовал сердцем эту беду. Но чем он мог помочь затравленному, погибающему человеку?

Велико и безысходно было горе старого дядьки в тяжелые январские дни 1837 года. В. А. Жуковский рассказывает, что, когда карета с Пушкиным подъехала к дому, на крыльцо выбежал растерянный Никита. Он взял Пушкина, как ребенка, на руки и, горько плача, понес по лестнице.

— Грустно тебе нести меня? — спросил у него Пушкин.

Мы не знаем, что ответил ему Никита. Вероятнее всего, сильнее зарыдал...

Всю ночь и весь день и опять всю ночь Никита бегал по городу к докторам, к аптекарю, в лавку за морошкой, которой попросил умирающий...

Когда Пушкин скончался, Никита безотлучно стоял около гроба, и, по свидетельству современников, «рассказывал публике всем теперь известные эпизоды смерти Пушкина».

На другой день после отпевания он снял с крышки гроба шляпу с плюмажем Пушкина и отнес ее, как драгоценную реликвию, знакомому Пушкина Н. Тарасенкову-Отрешкову.

Вместе с А. И. Тургеневым Никита Тимофеевич провожал поэта в последний путь.

«3-го (15-го) февраля, — рассказывает А. И. Тургенев, — в полночь, мы отправились из Конюшенной церкви с телом Пушкина в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах,

кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы».

Жандарм приказал лететь быстро, нигде не задерживаться. Ходили слухи, что в Пскове народ хочет распрячь лошадей и нести гроб на руках до Святых Гор.

— Шкуру сдеру, ежели что, — шипел жандарм, давая напутствие ямщикам.

И кони летели. За Псковом пала одна из лошадей. Пришлось задержаться в Острове.

Морозы в тот год стояли лютые. А Никита как встал на задок возка, припав головой к гробу, так и застыл. На что уж жесток был жандармский офицер Ракеев, сопровождавший гроб Пушкина, и тот был потрясен, видя доброго старика еле-еле живого.

«Человек у него был, — вспоминал Ракеев, — что за преданный был слуга! Смотреть даже было больно, как убивался. Привязан был к покойнику, очень привязан. Не отходил почти от гроба: не ест, не пьет...»

5 февраля, в десятому часу вечера, взмыленные кони остановились у ворот монастыря. Монастырь спал. Игумен распорядился внести гроб в верхнюю церковь. Никита побежал в Михайловское, чтобы собрать людей рыть могилу. Возвратясь, всю ночь простоял у гроба, распоряжался устройством могилы. Говорил Тургеневу: «Александр Сергеевич приказывал хоронить здесь, возле матушки...»

Рано утром другого дня гроб Пушкина был вынесен из соборного придела на руках крестьян и опущен в свежевырытую могилу.

Плакали крестьяне. Плакал Никита. Плакал древний колокол.

После панихиды Тургенев попросил Козлова приготовить ему узелок земли и еловую ветвь, чтобы увезти с собою в Петербург...

Всё было кончено. Тургенев уехал. Никита остался, чтобы отслужить панихиду в своем церковном приходе, на Ворониче.

В Михайловском были поминки: пришли все дворовые и крестьяне пушкинских деревень.

Как он ехал обратно, как добрался до Петербурга, Никита помнил плохо. Приехав — заболел простудною болезнью и чуть богу душу не отдал.

И. И. Панаев, будущий редактор «Современника», которому пришлось вместе с Краевским и Сахаровым заняться разборкой книг в кабинете Пушкина, вспоминает о Никите Козлове:

«Во время наших занятий на пороге двери кабинета появился высокий седой лакей. Он вздохнул и, покачивая головой, завел с нами речь: «Не думал я, чтобы мне, старику, пришлось отвозить Александра Сергеевича... Я помню, как он родился, я на руках его нашивал...» И потом старик рассказал нам некоторые подробности о том, как они везли тело, в каком месте Святогорского кладбища погребено оно и прочее».

Дом Пушкина без Александра Сергеевича был не дом для Никиты. Всё в нем было чужое и как бы пустое. И вот, узнав, что над имуществом и сочинениями Пушкина организована опека, а в опеке всеми делами заправляют Жуковский, Виельгорский и Тарасенков-Отрешков, Никита пришел к ним на заседание.

Упав на колени, он протянул им свое заявление, в котором просил «не оставить его, старика, своею милостью».

— Да что вы, голубчик. Встаньте! Не нужно так, — обратился к старику Жуковский.

— Заставьте богу молиться, возьмите хоть рассыльным. Я ведь и прежде много употреблялся Александром Сергеевичем по таким делам...

Просьбу старого дядьки уважили, и он был зачислен в опеку рассыльным. В протоколе заседания опеки об

этом записано так: «Для надзора за движимым имуществом А. С. Пушкина и для употребления по необходимым рассылкам по изданию сочинений его нужно нанять отдельного человека. Для сего надежнее было бы назначить крепостного человека его Никиту Тимофеева, и прежде употреблявшегося Пушкиным по таким же делам, назначить ему и жене его обоим 30 рублей ассигнациями харчевых, считая со дня употребления его, а именно с 1 февраля 1837 года, с производством жалованья обоим 40 рублей в месяц, считая с того же 1 февраля».

Так и после смерти Пушкина Никита Тимофеевич Козлов продолжал состоять по литературным делам покойного!

В мае 1837 года он упаковывает и перевозит в кладовые Гостиного двора рукописи «Пугачевского бунта». В марте 1838 года он едет к детской писательнице Ишимовой с поручением доставить письмо к ней Пушкина, написанное в день дуэли. В мае 1839 года он доставляет в опеку из Экспедиции заготовления государственных бумаг тираж первого издания сочинений Пушкина. В 1840 году едет в Москву к Соболевскому «с нужными бумагами». В 1841 году упаковывает и перевозит из Петербурга в Михайловское библиотеку поэта. В 1842 году он сопровождает жену и детей Александра Сергеевича в Михайловское, ведет детей в Святогорский монастырь, рассказывает им, где «отдал он земле тело их дорогого батюшки».

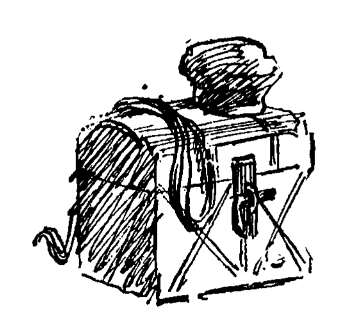
В 1848 году Никита Тимофеевич явился с визитом к сестре Пушкина О. С. Павлищевой, сетуя на свое житье-бытье. «Он пришел, рыдая, целовал мне руки»,— говорит об этой встрече Ольга Сергеевна.

В последний раз имя его упоминается в воспоминаниях Ольги Сергеевны, написанных ею 26 октября 1851 года. В этих воспоминаниях Ольга Сергеевна пишет:

«Никита Тимофеевич — курьер при опекунстве, старик лет 80-ти, еще живой».

Умер верный друг великого поэта в 1854 году в возрасте 84 лет. Перед смертью он просил жену похоронить его в Святых Горах, в ногах Александра Сергеевича.

Была ли исполнена эта просьба, мы не знаем, да и вряд ли когда узнаем.



„ОТМЩЕНЬЯ, ГОСУДАРЬ, ОТМЩЕНЬЯ!“

1837 год начался для царя беспокойно. Смерть Пушкина. Одни похороны чего стоили правителю!.. Ему казалось, что прощание народа с телом покойного поэта сулило вылиться в бунт. Царь был твердо уверен, что Пушкин и после смерти продолжает производить смуту в государстве. И он принимал всякие меры, чтобы предотвратить действия «либералистов». А все эти подметные письма, разные стихи на смерть поэта... Особенно эти... как его... Лермонтова: «Отмщенья, государь, отмщенья...», «...есть божий суд...», «...вы не смоете всей вашей черной кровью...». «Кто это «вы»? Кому отмщенье? Ведь я же осудил Дантеса, разжаловал, выслал его из России, заставил покинуть Петербург и эту каналью Геккерна... А кто обеспечил осиротевшую семью, кто дал приказание отпечатать все его сочинения за счет казны? А кто погасил долги Пушкина, устроил судьбу его малолетних детей?.. «Отмщенья»? А разве не я отмстил его недругам? Я поверил в него... А может быть, все же было бы лучше разрешить ему в свое время покинуть Петербург и уехать в псковскую деревню? Пусть бы жил помещиком...»

Так думал Николай. Совесть подсказывала ему, что с поэтом он поступил коварно. И дуэль можно было бы предотвратить, а с похоронами он поступил и вовсе нехорошо... Единственный, кто всегда успокаивающе действовал на раздраженное сердце царя, был Александр Христофорович Бенкендорф — «мое левое око», как любил говорить о нем Николай.

Шеф жандармов имел право появляться к царю во всякое время дня и ночи. С ним он говорил обо всем. Так было заведено с того злосчастного 1825 года... Он

всё знал. У него были тысячи глаз и ушей во всех уголках страны. Из секретных донесений осведомителей, доносителей, шпиков Бенкендорф самолично составлял для царя резюме. И каждое утро, и каждый вечер он являлся к нему в кабинет и докладывал, что и где случилось. Вся жизнь Пушкина — личная, домашняя, интимная — не раз была предметом бесед царя с его «левым оком»...

Во время одного из весенних парадов Бенкендорф жестоко простудился, долго болел, и лейб-медик Арендт говорил царю, что шефу еле-еле удалось уйти из объятий смерти... Император перепугался и объявил ежедневное церковное служение в дворцовой церкви, а в придворный поминальник «о здравии» собственноручно вписал имя «раба божьего Александра». Кто это, знал только он один, другие не знали или делали вид, что не знают...

Что это — возмездие?!.

А потом пришла весна и с нею тяжелая болезнь и нервические припадки царицы, которые делались все чаще и чаще с того памятного 1825 года. На пасхальной неделе императрице совсем стало плохо, и ее чуть не на руках пришлось отправить из Петербурга в петергофскую Александрию, где она долго отлеживалась в Фермерском дворце на попечении придворных лекарей. Возмездие?!

На летних маневрах случилась опять беда. Объявив тревогу уланам, он как бешеный поскакал к приготовленному просмоленному столбу, который надлежало ему зажечь и тем объявить начало тревоги. Конь испугался факела, взвился на дыбы, шарахнулся в сторону, упал, задавил ординарца и чуть ему, царю, не свернул шею...

В августе Николай отправился на юг, где должны были состояться самые большие маневры 1837 года. Выехав из Царского Села 13 августа, он направился в Псков, там ему была приготовлена торжественная встреча — с колокольным звоном, крестным ходом, иллюми-

нацией. 15 августа он прибыл, «всемилостивейше» принял губернатора, осмотрел древности, храмы, тюрьму. Просмотрел списки местных помещиков и отметил про себя имение Пушкиных... Проезжая по Белорусскому тракту мимо свертки на Святогорье и Новоржев, он, обратясь к губернатору Пещурову и указывая на дорожный столб с надписью, спросил: «А там что?..» — и, не дожидаясь ответа, приказал отвернуть...

Вспоминая поездку с царем на юг в 1837 году, Н. Ф. Арендт рассказывал, что в тот несчастный год, будучи на Кавказе, царь чуть было не свалился с горы в пропасть, когда почтовые лошади близ Тифлиса, чего-то испугавшись, бешено понесли коляску под откос. Царь сидел в коляске с графом Орловым... Все бывшие тогда в свите сочли спасение чудом, а царь смутно почувствовал в нем новое предзнаменование...

Как-то, по возвращении с юга, царь и шеф вечером в Зимнем перебирали донесения иностранных и отечественных агентов.

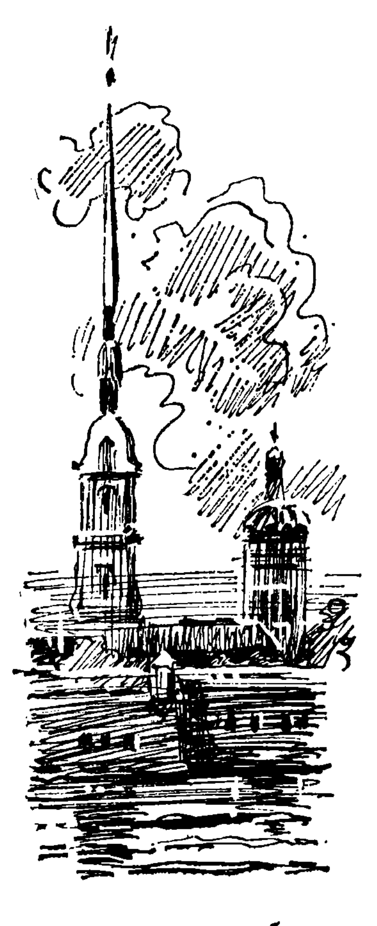
— Друг мой,—заметил Николай,—ты представить себе не можешь, как я устал от ожидания какой-то беды...

И беда наконец-таки пришла.

Конец 1837 года. Весело ожидали придворные и весь сановный Петербург рождественских праздников! Как всегда, ждали рескриптов, орденов, повышений по службе, балов, катанья с гор на Неве...

И вдруг, как гром среди ясного неба, раздался по всей столице звон набата. Запылал Зимний дворец. Это случилось в ночь на 17 декабря. Огонь быстро охватил все здание, всю тысячу его комнат. Огромное зарево зловеще осветило город. Гудели колокола всех церквей. С верков Петропавловской крепости били пушки. Отсвет пожара был виден чуть ли не за сто верст от столицы.

Гвардия оцепила площади и главные улицы. Въезд в город был закрыт. В церквах приказано было непрерывно



служить молебствие о спасении царева добра. Корпус жандармов повсюду рассылал агентов: царю и жандармам мерещились темные силы, поджигатели, мятежники.

Царская резиденция горела целую неделю. Николай смотрел из окон Адмиралтейства, как огонь уничтожал императорскую сокровищницу, как выносили из пылающего здания портреты царей и цариц, их регалии.

Простой народ видел в пожаре божью кару. По городу ползли слухи, что в огне «погиб царский трон», что-де «сгорел целый полк гвардии».

Когда пожар прекратился, Дворцовая площадь представляла собой картину настоящего светопреставления.

Через несколько дней царь приказал министру двора собрать всех министров и сенаторов в Аничковом дворце. Он вошел в залу своим обычным, твердым солдатским шагом. Сумрачным взглядом оглядел собравшихся и замер. Вместе с ним замерли все присутствующие, и вдруг он крикнул, и этот крик прозвучал в зале как вопль:

— Господа! Не стало колыбели моих предков. Мой Зимний дворец испепелил огонь. Но бог взял, он и даст вновь, ибо бог всегда со мною! Посему решили мы незамедлительно приступить, под его благословением, к возобновлению нашей резиденции по примеру предков наших... Не щадя ничего. Ничего...

Потом был оглашен указ: впредь столичные художники всех рангов и званий передаются в ведение собственной его величества канцелярии. Никто из художников без разрешения ее не имеет права распоряжаться собою, пока не будет восстановлен главный дворец империи.

Этот указ касался не только архитекторов, живописцев, скульпторов, декораторов, но и мастеров иных цехов — каменного, гранильного, монументального, мозаичного, не исключая даже тех мастеров, которые изготавливали могильные надгробия. Так в числе огромной армии художников и мастеров, мобилизованных на выполнение государева приказа, очутился и тот «петербургского монументального вечного цеха» мастер Пермагоров, которому потом, три года спустя, судьбою было начертано соорудить памятник на могиле Пушкина в Святых Горах.



СТРАННЫЙ ПИЛИГРИМ

Святогорская обитель всю ночь бодрствовала. Игумен носился по всем монастырским дворам — и Святому, и Торговому, и тому, где была всякая будничная монастырская суета — погреба, квасоварня, заезжий двор, кордегардия. И всюду наводил порядок. В братском корпусе и кельях всё мыли, скребли, постилали на полы свежую солому, курили смолу, чтобы вытравить скверный мужской дух. В Успенском соборе послушники заправляли лампады, паникадила, начищали мелом ризы, натирали образа постным маслом. Регент — отец Агафон, по прозвищу Исчадие,— репетировал духовный концерт Бортнянского «Сей день его же сотвори господь»... Сонные певчие были нерадивы. Отец Агафон кричал на них, то и дело оглядываясь по сторонам, нет ли поблизости игумена...

— Отец Агафоний! — раздался вдруг из притвора голос игумена. — Вы же в храме божием, а не на скотном дворе, помягче надобно!

— Стараюсь, святой отец, видит бог, стараюсь, да только мочи нет с этим велегласием, истерзали они меня своей фальшивостью.

Отцу игумену нужно было всюду поспеть, за всем присмотреть. Ведь приказ-то, приказ какой строгий! Сам его превосходительство губернатор... Да что там губернатор — сама консистория, его высокопреосвященство епископ Нафанаил приказали навести порядок в обители. И приказали под страхом большого их гнева. Пишут, что приедет какая-то важнейшая персона, какой-де в обители доселе не бывало, а кто едет — не пишут... Господи, неужто какой принц?.. Или, может, сам

патриарх цареградский? А вдруг ревизор из Святейшего синода? А вдруг, свят, свят, свят... сам государь? Пропали мы тогда! При этой мысли Геннадий осенил себя крестом и произнес вслух: «Боже, милостив буди мне грешному, спаси и помилуй!»

Наступил час ранней обедни. Зазвонил колокол. Все монахи стали по своим местам.

Наскоро справив службу, послушники стали выпроваживать из церкви старух богомолок и нищих, которые пришли на обедню погреться.

— А ну, давай отседова! — рявкнул на них келарь.— Помолились, и хватит... Не до вас тут!.. Эй, Михайло,— крикнул он привратнику,— выдвори скорее всех и держи ворота взаперти, пока владыко не прикажут!

На дворе было начало марта. Дорога вдоль слободы, покрытая глубоким снегом, совсем раскисла. За ночь снег подхватило морозом, и она вовсе стала непроезжей — сплошные ухабы. Мужики, которых волостное начальство согнало с окрестных деревень, поправляли лопатами и железными пешнями проезжую часть пути. Волостной поторапливал, грозился, стращал казнями египетскими. Вдруг кто-то крикнул: «Едут, едут!», и народ бросился врассыпную.

Со стороны Пскова показался большой конный поезд. Уморившиеся от бездорожья кони еле тащили большие крытые сани. По сторонам их скакали верховые офицеры, солдаты и какие-то другие чиновные люди. Позади катилось еще несколько саней. Поезд подъехал к Святым воротам обители и остановился. Ударил большой соборный колокол. Звон его подхватили все пятьдесят колоколов четырех святогорских храмов. Ворота распахнулись, и из монастыря вышел игумен — отец Геннадий, держа в руках чудотворную икону святогорской владычицы и приснодевы. Вслед за игуменом показалась монастырская братия и встала чин за чином по сторонам ворот.

Из головных саней легко выскочил необыкновенно высокий и красивый молодых лет человек, с живыми черными глазами, черными волосами до плеч и небольшой бородкой. Он был одет в зимние одежды, какие носили в те времена важные лица духовного звания. Но что-то в фигуре прибывшего было недуховное, говорящее о мирской жизни, о власти...

Приезжий подошел к игумену и приложился к иконе. Игумен передал образ рядом стоявшему священнику и протянул руки гостю. Паломник и игумен обнялись и троекратно поцеловались. Братия отвесила гостю глубокий княжеский поклон. Гость ответил таким же поклоном и произнес: «Мир вам!»

Под благословение подошли и двое из свиты, одетые богато, но как-то не по-русски, в меховых жупанах с цветными кушаками, в высоких шапках...

— Благословен грядый во имя господне,— воскликнул нараспев игумен и сделал гостю жест, приглашающий на Святой двор.

Подойдя к лестнице, ведущей к соборному храму, гость обратился к игумену:

— А где здесь могила великого русского певца Александра Пушкина?

Игумен вздрогнул, услышав имя Пушкина, но сделал вид, что вовсе не удивлен вопросом.

— Сюда, пожалуйста,— ответил Геннадий и указал на паперть собора.

— Я приехал поклониться светлому имени Пушкина и его праху. Хочу отслужить панихиду...

Геннадий молчал, не зная, что и говорить.

Гость продолжал:

— Я дал обет... Хора не нужно. Пусть всё будет наше, по-простому... Петь будут мои молодцы. — И он кивнул в сторону тех двоих.

Войдя в ризницу, гость снял верхнюю одежду и велел подать облачение. И тут отец Геннадий совсем



растерялся. «Кто сей? — вопрошал он себя. — Господи, кто сей?» Игумен с изумлением увидел, как высокому черноволосому человеку стали подавать богатые одежды архиепископа...

— Ваше высокопреосвященство... — начал было он, но гость не дал ему закончить фразу:

— Его отпевали здесь?

— В приделе,— ответил игумен.

— Вот там и служить будем,— добавил архиепископ, выходя из ризницы.

Священнослужители выстроились рядами, и все чинно направились в тот придел, где еще совсем недавно, в студеный февральский день, перепуганный строгими приказами из Петербурга и Пскова, он, игумен Геннадий, поторапливаемый жандармским офицером, наскоро отслужил заупокойную по убитому поэту и распоря-

дился побыстрее опустить его в землю, чтобы немедля и куда следует донести, что всё исполнено им в точности и со всею усердностию и что никаких особых церемоний в Святогорской обители в этот день не было...

Служба началась. Владыка-гость служил истово. Подпевал хору. Отец Геннадий и его священнослужители старались делать всё в такт архипастырю и тоже стали подпевать. За ними в хор включились остальные присутствующие. Звучала печальная заупокойная песнь. Ее подхватили соборные голосники. Казалось, что пели не только люди, но и камни стен и сводов древнего храма...

Служба закончилась. Гость попросил отца Геннадия провести его на кладбище, к могиле Пушкина.

«Господи, ну кто же он?» — вопрошал себя игумен, направляясь к кладбищу.

Подойдя к свежей могиле, прикрытой зеленым ельником, гость остановился около маленького деревянного креста, стал на колени, склонил голову до земли и долго стоял так. Поднявшись, он взглянул на небо и, помолчав, стал говорить стихами, но не по-русски, хотя в его речи было много русских слов:

Над звјезданим многостручним сводом,
над домаком умнога погледа,
под врховним небосклоном неба,
гдје се млада непрестано сунца
искресана руком магическом,
. . . .
Тамо се је твој генији зачео...

— Братья,— продолжал он по-русски,— здесь лежит сердце великого поэта Александра Пушкина. Он мой духовный брат. Нет сегодня живого Пушкина. Но он среди нас, и всегда будет его тень с нами. Поклонимся же его святому праху и воспоем ему вечную память, ибо, поя славу Пушкину, мы поем славу его матери — великой России. Аминь!

— Аминь,— подхватили сопровождавшие.

— Аминь,— тихо прошептал игумен и вновь про себя подумал: «Господи! Кто же сей?..»

* * *

Кто же был этот странный гость, откуда он прибыл, и как это могло случиться, чтобы он — такое высокое сановное духовное лицо — вдруг отслужил панихиду по крамольному Пушкину, говорил о нем такие странные недозволенные речи?..

Это был Петр II Негош — светский и духовный правитель Черногории, ее виднейший государственный деятель.

В истории Черногории он был известен своей успешной политикой ликвидации племенной разобщенности, он создал новый, более прогрессивный государственный аппарат, искоренял междоусобные распри и кровную месть, от которых страдали народ и государство. Насаждая культуру и просвещение, он содействовал упрочению независимости Черногории, всячески укреплял связи с Россией. В 1833 году он приезжал в Россию, где был принят царем Николаем I. В Петербурге Негош был посвящен в архиепископы и возведен в сан владыки Черногорского.

Но Петр Петрович был не только правителем Черногории, он был крупнейшим представителем сербской литературы XIX века, величайшим поэтом, любимцем своего народа. Он воспевал свой гордый народ, его многовековую борьбу против турецкого ига. Многие его стихотворения посвящены России. Негош перевел на сербский язык отрывки из «Слова о полку Игореве».

Он преклонялся перед Пушкиным. Сочинения великого русского поэта были в рабочем кабинете Негоша. Он посвятил ему свое стихотворение «Тени А. С. Пушкина», которым открывается его поэтический сборник

«Сербское зеркало». Негош считал Пушкина первейшим человеком России и всего славянства.

В 1836 году, в разгар своей деятельности по реорганизации государства, Негош был оклеветан перед Николаем I и правящими кругами России, которым мерещились в его поведении революционно-демократические настроения, распространявшиеся в то время повсеместно с Запада на Восток. Чтобы рассеять это обвинение, Негош попросил у царя «высочайшей аудиенции». Получив согласие, он в конце декабря 1836 года выехал из Цетинья в Россию и вскоре прибыл в Вену. Здесь у него была вынужденная остановка. Русский посол задерживал визу.

В феврале, находясь в Вене, Негош узнал от посла, что в Петербурге убит его кумир Пушкин. По Вене пошли слухи, что Негош собирается в Петербург на похороны Пушкина...

Вскоре русский посол сообщил Негошу, что он может продолжать путь в Россию, и Негош немедленно покинул Австрию.

22 февраля он был уже в Великих Луках, а через два дня прибыл в Псков. Неожиданно в Пскове он был вновь задержан по особому предписанию царя.

В Пскове Негош прожил более ста томительных дней. Здесь он довольно близко сошелся с губернатором Алексеем Никитичем Пещуровым, который хорошо знал Пушкина. В это время Пещуров выполнял просьбу вдовы Пушкина Натальи Николаевны и опеки над детьми и имуществом поэта по изготовлению рисунков мест, где Пушкин жил и где он был похоронен.

Пещуров о многом рассказал Негошу, в частности и о том, как А. И. Тургенев сопровождал прах поэта из Петербурга в Святые Горы. Он помог Негошу познакомиться с литературными богатствами и древними историческими памятниками Пскова. Он же помог совер-

шить паломничество на могилу Пушкина в Святых Горах.

Может быть, под впечатлением этого паломничества и родились у Негоша знаменитые строки в поэме «Горный венец»:

Счастлив тот, кто будет жить в веках,
В этом величайший смысл его рожденья...

Эти слова Петра Негоша и сегодня громко звучат в наших сердцах, когда мы входим в Святогорский монастырь, чтобы поклониться светлому духу Пушкина.



ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

Когда гроб с телом Пушкина привезли в Святогорский монастырь, А. И. Тургенев распорядился послать за крестьянами Михайловского и Тригорского, чтобы они поспешили в монастырь рыть могилу.

Зима была суровая. Земля как камень. Ни ломом, ни лопатой не возьмешь. Зажгли костры, чтобы хоть немного отогреть землю.

Наступил миг погребения. Поднося гроб к могиле, трижды качнули его в сторону родного дома в Михайловском — таков старинный псковский обычай. Опустив прах в землю, закидали могилу скованными морозом комьями земли. Насыпали холмик. Поставили простой сосновый крест. Кто-то из дворовых сказал Тургеневу: «Надпись бы сделать...» Тот ответил: «Скажи, чтобы черной краской вывели одно слово «Пушкин», больше ничего не надобно. Там видно будет...» Кто-то из Михайловского принес чашку с кутьей и поставил ее на могилу. Тургенев взял себе на память ветку хвои и горсть земли...

Соборный колокол ударил к ранней обедне. Монастырь зажил своей обычной жизнью.

...Наступила весна 1837 года. Ушли снега. Земля на могиле осела. Хозяйка Тригорского и ее дети часто посещали могилу, распорядились поправить могильный холмик, одерновать его, посадить цветы.

ПЕРВОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ МОГИЛЫ ПУШКИНА

В рассказе «Дворовые люди Михайловского» мы уже упоминали о литографиях П. А. Александрова по рисункам псковского землемера И. С. Иванова «Сельцо



Михайловское» и «Святогорский монастырь», которые были изданы уже после смерти поэта, в 1837—1838 годах. Эти литографии И. С. Иванов поместил в двух альбомах «Галерея видов города Пскова и его окрестностей». Альбомы и заключенные в них литографии тщательно изучены псковским краеведом А. Сергеевым («Виды Пскова и пушкинских мест времени Пушкина». — Альманах «На берегах Великой», № 4, Псков, 1952) и научным сотрудником Всесоюзного музея А. С. Пушкина Н. Грановской («Галерея видов г. Пскова и его окрестностей И. С. Иванова».—Сборник «Пушкин и его время», вып. 2. Ленинград, 1962).

Исследователи долгое время считали, что наброски, сделанные И. С. Ивановым с натуры, то есть оригиналы, с которых П. Александров сделал литографии, до нас не дошли и, по-видимому, исчезли бесследно.

Но вот несколько лет тому назад автору этих строк посчастливилось, и он случайно обнаружил в частном собрании один из набросков Иванова — тот, который изображает Святогорский монастырь. Рисунок этот исполнен орешковыми чернилами на листе бумаги с водяным фабричным знаком конца двадцатых годов XIX века. Нижний правый край бумаги оторван. Бумага сильно обветшала. На лицевой стороне листа, под изображением монастыря, пояснительная надпись, сделанная рукою И. С. Иванова:

«А. Цепь холмов, поросших кустарником.

В. Дорога в монастырь.

С. Могила А. С. Пушкина».

Правее надписи нарисован трехконечный крест с надписью: «А. С. Пушкин».

Несмотря на схематичность рисунка, всё в нем выдержано в должной перспективе, масштабе и точной топографии места.

Как и на литографии Александрова, в наброске Иванова монастырь показан со стороны Анастасьевских ворот. Вид его рисован с противоположного монастырского холма, расположенного у дороги из Михайловского в Святые Горы. На переднем плане — овраг, за ним — ограда монастырская, от подошвы ее поднимается могильный холм, на вершине которого, в окружении купы деревьев, Успенский собор с колокольней.

На наброске чуточку больше, чем на литографии, раскрыта площадка у алтарной апсиды собора. Это сделано, по-видимому, для того, чтобы яснее показать место упокоения Пушкина и фамильное кладбище Ганнибалов-Пушкиных.

На обороте листа рукою Иванова написан текст. Он

почти полностью повторяет помещенный в альбоме, хотя в нем есть и некоторые особенности.

Вот он: «Святогорский трехклассный монастырь находится в Псковской губернии, Опочецком уезде, расстоянием от уездного города в 40, а от губернского к югу во 115 верст, а от древнего пригорода Воронича в 4 верстах, на Синичьих Горах, основан в 1569 году, после явлений чудотворных икон Божией Матери юродивому юноше Тимофею.

Царь Иоанн Васильевич в 1569 г., назвав Синичью гору Святою, повелел устроить на ней каменную церковь во имя Успения, так, чтобы алтарь ее занимал то самое место, где стояла сосна с явленною иконою Одигитрии; при подошве горы, окруженной горами, расположить монастырь. Ганнибалы и Пушкины, жившие с давних времен в окрестностях этого монастыря, усердием и пожертвованиями церкви приобрели исключительное право близ нее погребать из рода своих умерших; ряд могил их представлен на картине, а большим черным крестом близ церковного алтаря осеняется могила Александра Пушкина».

В литографированном тексте конец последней фразы читается иначе: «...приосеняется могила славнейшего из наших поэтов — Александра Сергеевича Пушкина».

Подлинность почерка И. С. Иванова устанавливается абсолютно точно, если сопоставить начертания букв и слов с документами Иванова, писанными его рукой, хранящимися в Псковском государственном архиве.

Таким образом, набросок И. С. Иванова является первым достоверным изображением пушкинского некрополя, одним из первых откликов псковичей на трагическую гибель великого поэта России, столь нежно любившего этот уголок ее.

Первая мысль о памятнике на могиле Пушкина появилась через две недели после его смерти. Вот что

писал тогда Н. А. Полевой: «...неужели мы не сделаем ничего для почтения памяти поэта? Наш долг — ознаменовать воспоминание о Пушкине памятником, достойным его славы и русской чести... Пусть каждый из нас, кто ценил гений Пушкина, будет участником в сооружении ему надгробного памятника! Наши художники вспыхнут вдохновением, когда мы потребуем от них труда, достойного памяти поэта. И в мраморе или в бронзе станет на могиле Пушкина монумент, свидетель того, что современники умели его ценить. И сильно забьется сердце юноши при взгляде на этот мрамор, на эту бронзу».

Через четыре года после смерти Пушкина на могиле поэта вместо деревянного креста был поставлен мраморный монумент. Только это произошло совсем не так, как мечтал Полевой.

Пушкина хоронили дважды. Первый раз его хоронил в 1837 году А. И. Тургенев. Второй раз хоронила Наталья Николаевна и дети — в 1841 году...

НАДГРОБИЕ

Создатель пушкинского надгробия Александр Иванович Пермагоров был потомственный уралец. Он прибыл в Петербург в первые годы XIX века с группой рабочих для обучения «каменному делу» и пополнения императорской гранильной фабрики рабочей силой. Своими способностями он быстро обратил на себя внимание начальства и уже спустя три года был переведен в подмастерья, а затем, вскоре, получил звание мастера монументального вечного цеха. Имя его стало довольно широко известным в столице и при дворе. Надгробия работы Пермагорова можно было видеть не только на петербургских кладбищах, но и в Москве и других знатных городах России.

Когда сегодня мы проходим по некрополю Алексан-

дро-Невской лавры, мы видим подписанные Пермагоровым прекрасные монументы. В Благовещенской церкви, в двух шагах от могилы А. В. Суворова, стоит очень импозантный памятник на могиле грузинского царевича Вахтанга Ираклиевича, умершего в Петербурге в 1814 году. На памятнике надпись: «Дражайшему супругу памятник соорудила вдова его грузинская царевна Мария Давыдовна». В углу выбита подпись художника: «А. Пермагоров». Недалеко от этой церкви, на Мартосовской дорожке, стоит другое надгробие работы Пермагорова — Смарагде Гике, румынке, княжне, потомку молдавских господарей, умершей в январе 1818 года.

Оба эти памятника свидетельствуют о высоком мастерстве художника. В них мы находим некоторые элементы, которые потом встретим и на пушкинском надгробии в Святых Горах.

В 1837 году, будучи назначенным на восстановительные работы в Зимнем дворце, Пермагоров с группой каменщиков выполнял отделку одного из залов, который по личному указанию царя должны были покрыть уральским малахитом и впредь именовать Малахитовым. Царь лично наблюдал за ходом работ. Однажды, проходя по залам, он остановился, чтобы рассмотреть работу группы Пермагорова. Царь спросил мастера, кто он таков, откуда родом, чем постоянно занимается. Тот ответил коротко и ясно: «Вашего величества цеховой мастер каменных дел!» Царю понравилась расторопность художника, и он приказал сопровождавшему его дежурному адъютанту записать фамилию его в памятную книжку.

В конце 1839 года отделка зала была окончена. Царь был в восторге и приказал подать список мастеров, «особо отличившихся умением и старанием». На сем списке «собственною его величества рукою» было начертано: «Наградить за усердие серебряными медалями». Такую медаль получил и Пермагоров.

В эти-то дни и обратился к царю председатель опеки над семьею и имуществом Пушкина граф Строганов от «имени вдовы камер-юнкера Пушкина и от своего лично» с просьбой даровать высочайшее дозволение на сооружение памятника на могиле А. С. Пушкина.

— Место это пустынное,—говорил царю Строганов,—сейчас могилу осеняет простой деревенский крест... Жена покойного очень просит, говорит, что должна исполнить сердечный обет... Собирается с детьми на проживание в тамошней деревне...

— Ну что ж,—ответил Николай.—Река времен всё смывает. Делай, коли так, да только чтобы без выкрутасов, смиренно...—О чем-то подумав, добавил:—Да, а ведь у меня во дворце и мастер для этого дела есть, первостатейный. Ему можешь поручить. А рисунок сочините сами, мне потом покажешь...

Через какое-то время чертеж надгробия был предъявлен царю. Разглядывал вместе с Бенкендорфом. Суровые камни, гранитные ступени, цоколь для эпитафии, акротерий, урна с покрывалом... Над всем этим белый мраморный обелиск. Всё скромно и даже сурово.

— Хорошо. А эпитафия, надпись какая, стихи будут ли?—спросил царь.

— Ничего не будет,—ответил Бенкендорф,—только имя, год и место рождения и смерти. Никаких стихов!

— Ну что ж, пожалуй, пусть будет так. Только прикажи, чтобы не делали особенно шуму... Без газет, без объявлений. Сделать, перевезти, поставить—и конец! Да,—спохватился царь, беря обратно от Бенкендорфа чертеж,—так ты говоришь, монумент будет, как у древних? Но ведь Пушкин-то не древний. Он христианин. Ты сам и Жуковский докладывали мне о его последних часах... Где же христианский символ на этом прожекте, где крест? Скажи им, чтобы присочинили крест на обелиске, обязательно!

Вскоре опека заключила с Пермагоровым условие

на изготовление надгробия. Над памятником работал сам Александр Пермагоров и его всегдашние помощники — брат Лев, Парфен, Афанасий и Александр Истомины.

В ноябре 1840 года в мастерскую приехали посмотреть монумент Наталья Николаевна, Виельгорский, Строганов. Памятник всем понравился, и было решено отправить его в Святые Горы.

Наталья Николаевна долго думала, кому можно поручить это важное дело, и вспомнила старого дворового Сергея Львовича, бывшего расторопного старосту Михайловского и Болдина, знаменитого Михайлу Ивановича Калашникова — верного слугу ее покойного мужа.

Старик, после того как был отстранен от болдинской вотчины, скитался в Петербурге без собственного пристанища. Он жил то у одного, то у другого сына. Дети его не баловали, и, по свидетельству людей, встречавшихся с ним в эти годы, Калашников по-настоящему нищенствовал.

Будучи сыскан прислугою Натальи Николаевны, Михайло был доставлен к барыне. Войдя в дом, он упал перед Натальей Николаевной на колени и горестно заплакал:

— Спасибо, благодетельница, что вспомнили про меня, не побрезговали... Уж будьте покойны, всё сделаю как следует: доставлю и поставлю. Верою и правдою служил моему благодетелю, верою и правдою буду служить его памяти, спаси его Христос!

Передав Михайле приказание, Наталья Николаевна вынесла ему 25 рублей, добавив, что эти деньги не в зачет тем 150 рублям, которые ему будут даны опекой на доставку и установку монумента и на содержание его в пути и на месте, в Михайловском.

10 декабря 1840 года мрамор памятника и каменные плиты были упакованы в несколько ящиков, погружены

на семь подвод. На особой подводе тронулись подрядчики — Сергей Гусев и Антон Семенов. В подводу с кибиткой сел Михайло Калашников.

Наталья Николаевна отправила с Михайлой письмо на имя псковского губернатора Федора Федоровича Бартоломея. В своем письме она просила его о содействии в установке памятника на могиле мужа, так как не была уверена, что зимою это дело можно будет благополучно свершить по причине мороза, и просила его совета, как поступить. Не лучше ли подождать весны будущего года? Далее она писала о том, что в 1841 году намерена быть в псковском имении ее мужа и рада будет встретиться с его превосходительством. В своем ответном письме Бартоломей писал Наталье Николаевне, что считает выполнение ее просьбы делом своей чести. Он советовал ей отложить установку памятника до весны и обещал всяческое свое содействие. Вскоре он дал соответствующее указание псковскому губернскому архитектору Ябсу, ремонтировавшему в то время святогорские древности.

Наталья Николаевна приехала с детьми в Михайловское 19 мая 1841 года. Узнав об этом, губернатор немедленно нанес ей визит. Он привез ей в подарок литографии И. С. Иванова и стихи собственного сочинения, предварительно отлитографированные и напечатанные в псковской губернской типографии:

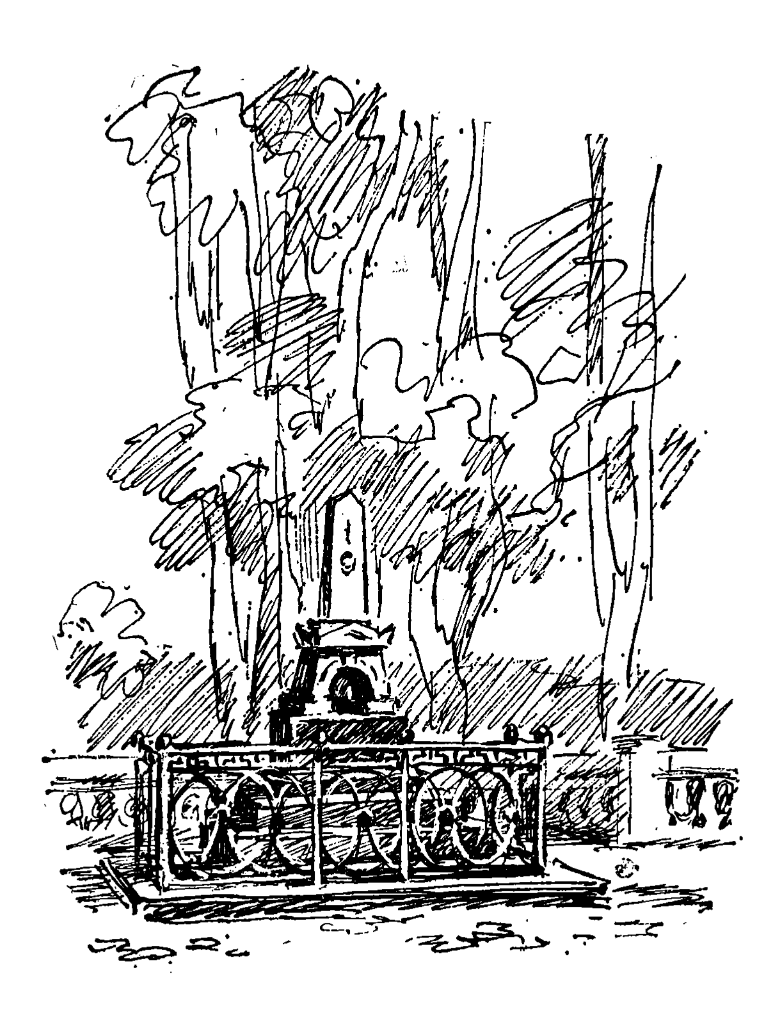
В тени дерев в Святых Горах,
Близ храма, скромная могила
Любимого поэта прах
Покоем вечным осенила.
И крест без надписи стоит,
Зарос травой в забвенье диком.
Но сердцу что-то говорит
Здесь о родном и о великом...
И скоро гордый Мавзолей,
Украсив холм уединенный,
Укажет, где в тени ветвей
Лежит поэт наш вдохновенный.

Пройдут века! В Святых Горах
Истлеет мрамор белоснежный,
И, Пушкин! твой исчезнет прах,
Как призрак жизни безнадежной...
Но не страшися! Не умрет
В твоих твореньях дивный гений,
Он быстрый свой свершит полет
До самых поздних поколений...
И сила чувств, и гордость дум,
Твои стихи, твое мечтанье —
Они как моря вечный шум,
Как говор волн и вод журчанье.
Не истребит времен закон,
Что недоступно его силе, —
И песнопенья чудный звон
Не схоронен с тобой в могиле!

Установка памятника оказалась не простым делом. Нужно было не только смонтировать и поставить на место привезенные из Петербурга части, но и соорудить кирпичный цоколь и железную ограду; под все четыре стены цоколя на глубину два с половиной аршина подвести каменный булыжный фундамент и выложить кирпичный склеп, куда было решено перенести прах поэта. Гроб был предварительно вынут из земли и поставлен в подвал в ожидании завершения постройки склепа.

Всё было закончено в августе. Вскоре Наталья Николаевна сообщила другу А. С. Пушкина Павлу Нащокину о том, что «сердечный обет, давно предпринятый», ею выполнен. «Могила мужа моего находится на тихом, уединенном месте, местоположение однакож не так величаво, как рисовалось в моем воображении: сюда прилагаю рисунок, подаренный мне в тех краях. Вам одним решаюсь сим жертвовать... Князь Вяземский заходил ко мне...»

П. А. Вяземский приехал в Михайловское в сентябре. По его выражению, он «ездил на поклонение к живой и мертвому». Вспоминая об этой поездке, он писал тому же Нащокину в том же году: «Я провел нынешнею



осенью несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где всё так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине».

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТНИКА

То, о чем я рассказываю в этой заметке, строго документально и рассказывается впервые. Мне выпало на долю воочию увидеть останки великого поэта. Это случилось в 1953 году при восстановлении памятника на могиле Пушкина.

С течением времени могила поэта, требовавшая специального наблюдения и ухода, пришла в грустное состояние, хозяева монастыря не проявляли интереса к этому святому месту. В 1848 году умер отец поэта Сергей Львович. В соответствии с его завещательным распоряжением он был похоронен рядом с сыном. С тех пор до восьмидесятых годов прошлого столетия за памятником никто не присматривал. Рядом с могилой Пушкина появились могилы игумена Иоанна, дочери П. Ф. Карпова — местного земского исправника. Только в 1880 году, когда по всей России шла подготовка к открытию памятника Пушкину в Москве, губернские власти приказали обследовать могилу. Картина оказалась весьма неприглядной. Кирпичный цоколь, на котором стоял монумент, развалился, решетка вокруг надгробия повалилась, по склону холма лежали поверженные бурями старые дубы и липы. Сын поэта, живший в это время в Михайловском, обратился к губернатору и в духовную консисторию с просьбой о приведении в порядок могильного холма. В противном случае, заявил Григорий Александрович, он перевезет прах отца в Михайловское.

В апреле 1880 года из Пскова в монастырь прибыла группа рабочих, которые отремонтировали кирпичный цоколь, поправили решетку да насыпали свежего песку на площадке вокруг памятника.

В канун столетия со дня рождения Пушкина псковский Пушкинский комитет произвел новое обследование родового кладбища Пушкиных. Комитет был потрясен картиной разрушения. Псковскому архитектору В. Л. Назимову спешно было поручено организовать работу по приведению кладбища в благопристойный вид к 26 мая 1899 года, так как в этот день предусмотрено было провести торжественное богослужение у могилы Пушкина, а по окончании праздника — произвести необходимый капитальный ремонт всего некрополя. В конце 1902 года Назимов сделал доклад Пушкинскому комитету. Он подробно описал всё, что им было сделано в 1901—1902 годах по благоустройству могилы Пушкина.

Выдержки из этого доклада он опубликовал в газете «Новое время» от 14 ноября: «1 января 1901 года высочайше утвержденный комитет по сбору пожертвований в пользу учреждений имени Пушкина, обратив внимание на опасность возможного повреждения памятника от постоянного обсыпания откоса, предложил мне составить проект на укрепление склона горы и устройство террасы у того места, где находится могила великого поэта. Составленный мною проект был рассмотрен и одобрен августейшим президентом Академии наук великим князем Константином Константиновичем и утвержден комитетом. В строительный сезон 1901 года, за недостатком необходимого материала, были использованы лишь подготовительные работы, и к исполнению проекта приступлено 1 июня 1902 года. Сама идея проекта укрепить то место, где находится могила Александра Сергеевича, и предохранить ее и памятник от всевозможного разрушения заставляла всё внимание строителя направить на то, чтобы при исполнении ра-

бот не произошло случайного повреждения памятника или склепа могилы. Принимая все предосторожности, я заложил основания каменных стен террасы в откосе горы и, возведя их до уровня подошвы памятника, устроил площадку вокруг могилы, находящейся ранее на краю обрыва, замкнув ее в сем месте мраморною балюстрадою. Затем было приступлено к подведению нового гранитного цоколя под памятник, взамен прежде бывшего кирпичного, под железным карнизом. Эта работа требовала большой аккуратности и тщательности, так как приходилось работать над самым склепом, прочность свода которого по наружному осмотру определить было невозможно. Несмотря на все предохранительные меры, часть свода с западной стороны памятника в расстоянии $1^1/_2$ аршина от него во время работы осела, образовав отверстие площадью около 12 квадратных вершков, сквозь которое был виден вполне сохранившийся дубовый гроб А. С. Пушкина. Тот же час мною был произведен подробный осмотр свода и склепа могилы, причем оказалось, что свод выложен только в $^1/_2$ кирпича на известковом растворе и матерьял его, как кирпич, так и раствор, в значительной степени деформирован временем. Для поддержания свода и предохранения его от дальнейшего разрушения немедленно же было приступлено к подведению под существующий свод нового, на цементном растворе. Кроме того, для предохранения свода от давления памятника, опирающегося на него своей средней частью, в цоколь последнего заложены железные балки. ...В это время на месте работы находились В. К. Фролов и Г. В. Розен. Они сделали несколько фотографических снимков как с видневшегося в глубине могилы гроба, так и с общего вида на могилу. Гроб поэта значительно сохранился. Местами на нем уцелели даже отдельные куски довольно широкого парчового позумента. Кусочек парчового

позумента был нами взят и, с разрешения комитета, отправлен в Пушкинский музей Лицея».

Свой доклад архитектор Назимов закончил так: «Если когда-нибудь Императорская Академия наук или лица, имеющие на то власть, пожелают осмотреть гроб или перенести прах А. С. Пушкина на другое место, то, конечно, им не придется дожидаться подобного *счастливого случая,* какой выпал на мою долю, так как раскрыть склеп можно во всякое время, и на это потребуется не более 15—20 минут». Время показало всю добросовестность сделанного Назимовым, если не считать того, что случилось в годы гражданской войны, когда группой бандитов обелиск с могилы Пушкина был сброшен под откос (он был вновь поставлен на свое место в 1922 году под руководством срочно прибывшего из Петрограда архитектора К. К. Романова). С тех пор прошло много лет. За это время, вплоть до 1941 года, особых изменений в состоянии памятника и могилы Пушкина не наблюдалось. Замечено было лишь незначительное отклонение памятника от своей оси, что объяснялось осадкой грунта площадки, устроенной в 1902 году.

В 1944 году, отступая, немецко-фашистские захватчики взорвали Успенский собор и все монастырские постройки. Они заложили фугасы огромной мощности, в десять авиабомб, в специально вырытый 20-метровый тоннель, который шел поперек дороги в сторону могильного холма и через подошву его. Тысячи мин были установлены по склонам холма и четыре мины под фундаментом самого памятника. Пульт управления взрывом всего монастырского ансамбля был оборудован неподалеку от церкви, на Тимофеевой горке.

От волны при взрыве Успенского собора памятник на могиле поэта отклонился в сторону обрыва на несколько градусов и стал постепенно оседать.

Подробности о разрушении Святогорского монасты-

ря и осквернении могилы Пушкина были изложены в сообщении и акте Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, работавшей в заповеднике с 26 июля по 1 августа 1944 года.

В конце мая 1945 года в заповедник прибыла правительственная комиссия под председательством архитектора А. В. Щусева. Члены комиссии детально осмотрели памятник и обратили особое внимание на покосившееся надгробие.

Алексей Викторович Щусев, выслушав мой доклад, рекомендовал провести тщательное наблюдение над процессом оседания памятника, установив в основание его «маяки» — специальные стеклянные пластинки, укрепленные по сторонам трещин (они лопаются, если идет процесс разрушения). В течение нескольких лет я ставил эти пластинки. Они неизменно лопались. Было ясно, что процесс оседания усилился. О результатах своего наблюдения я информировал директора Института русской литературы (Пушкинского дома), профессора Н. Ф. Бельчикова. В октябре 1952 года Н. Ф. Бельчиков приехал в заповедник в качестве главы комиссии специалистов Академии наук по определению устойчивости памятника. Комиссия произвела инструментальную съемку места, заложила шурфы и постановила в течение лета 1953 года ликвидировать отклонение памятника, произведя общую реставрацию пушкинского надгробия.

Было решено: выправить памятник с заменой части пьедестала, выложенной рижским песчаником и пудожским плитняком, на гранит. Отремонтировать, в случае необходимости, склеп. Во избежание систематического увлажнения грунта атмосферными водами асфальтировать площадку. Переложить разрушенную каменную стену на северной стороне холма.

К августу 1953 года подготовительные работы были закончены. К середине месяца было завершено и геологическое обследование почвы, произведены необходимые промеры и фотографирование памятника. В местной метеорологической станции была взята метеосводка, которая сулила хорошие, солнечные дни на весь август.

Началась реставрация. Ее проводила группа специалистов псковской научно-реставрационной мастерской под руководством инженера М. Никифорова. В качестве консультанта был приглашен известный советский археолог Павел Николаевич Шульц — мой товарищ по университетским годам и музейной работе в Ленинграде.

18 августа территория монастыря была закрыта для посетителей, у ворот были поставлены посты милицейской охраны. В 7 часов утра рабочие начали снимать одну за другой детали памятника, скрепленные между собою медными штырями, и относить их в сторону. Работы производились вручную. Каждую деталь забинтовывали одеялами, чтобы не повредить мрамор. Работали очень медленно. Ножами снимали с деталей окислившиеся, сплющенные ленты свинцовых прокладок, находившихся между кусками мрамора.

На второй день работы сняли надземные части памятника. Открылись створки двух больших плит, лежащих в его основании. Когда убрали плиты, в центре основания обнаружилась камера, квадратная по форме, со стенами, облицованными кирпичом в один ряд. Высота камеры — 75 сантиметров. В восточной стене ее маленькое окошечко. На дне камеры были обнаружены два человеческих черепа и кости. Экспертиза показала, что кости принадлежат людям пожилого возраста. Останки были обмерены и помещены в специально приготовленный свинцовый ящик. Этот ящик поместили в камеру, когда, по окончании реставрации, детали памятника были вновь поставлены на свои места.

На третий день камера была разобрана и вскрыто основание фундамента. Мы отбросили лопаты и совки и стали расчищать землю ножами, щетками и деревянными ложками. Через весь фундамент с запада на восток шла большая глубокая трещина.

Работа наша достигла особого напряжения, когда мы почувствовали, что всё сооружение опускается куда-то вниз. Сняв нетолстый слой глиняной смазки, мы увидели каменный свод из небольших валунов. Замковый камень выскочил; через всю площадь свода шла всё та же трещина, только она была еще шире. С большим волнением мы приступили к разборке развалившегося свода. Трогал ли его Назимов в 1902 году? Вряд ли. Очень уж он был ветхий, никаких признаков цемента мы не обнаружили.

В этот вечер никто из нас не уходил домой. Ночевали тут же, около Успенского собора.

С восходом солнца вновь приступили к работе. Убрав камни свода, увидели под ним второй свод — кирпичный. Кирпичи были поставлены на ребро, в один ряд, на известковом растворе. На небольшой части свода — той, что ближе к собору, — обнаружили следы бетона 1902 года. Всем стало ясно, что перед нами крышка склепа с гробом Пушкина. Вдоль крышки свода шла всё та же трещина. Два кирпича обвалились внутрь склепа.

Принесли электрический фонарь и осторожно опустили его в отверстие. Все затаили дыхание. Когда глаза наши привыкли к свету, как будто из тумана выплыли контуры помещения. На дне склепа мы увидели гроб с прахом поэта.

Произвели промеры склепа: длина — 3 метра, ширина — 85 сантиметров, глубина — 80 сантиметров. Стены сложены из камня, верхняя крышка из красного кирпича. Кирпич нестандартный, хорошего обжига. От действия атмосферных вод кирпич частично деформиро-

вался. Гроб стоит с запада на восток. Он сделан из двух сшитых железными коваными гвоздями дубовых досок, с медными ручками по бокам. Верхняя крышка сгнила и обрушилась внутрь гроба. Дерево коричневого цвета. Хорошо сохранились стенки, изголовье и подножие гроба. Никаких следов ящика, в котором гроб был привезен 5 февраля 1837 года, не обнаружено. На дне склепа остатки еловых ветвей. Следов позумента не обнаружено. Прах Пушкина сильно истлел. Нетленными оказались волосы...

В этот день все работали молча. К вечеру яму закрыли брезентом, а над всей площадкой поставили временный деревянный шатер.

На следующий день, после консилиума реставраторов и консультанта, было решено подвести под верхний кирпичный свод склепа бетонную крышку, поставить над склепом специально изготовленную железобетонную арматуру и укрепить ее железными балками. После этого восстановить каменный свод и начать сборку каменных деталей основания и самого памятника. На цокольном камне, обращенном в сторону собора, была выбита стрела, указывающая центральную часть склепа.

Перед сборкой все элементы памятника вновь отшлифовали и поставили на свинцовые ленты.

Работа была закончена 30 августа. Все материалы реставрации 1953 года — фотографии, обмеры, а также кусочек дерева и гвоздь от гроба Пушкина — бережно хранятся в музейном фонде заповедника.

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ О ПУШКИНЕ

Известие о трагической гибели Пушкина прокатилось страшным эхом по всей России. Царь и присные, боясь народной «смуты», говоря словами Герцена, решили «конфисковать у публики похороны поэта». Когда обманутая толпа собралась на похороны, снег уже замел все следы погребального вывоза...

Той же боязнью народного возмущения и гнева было продиктовано и запрещение правительства сообщать в печати о том, что Пушкин убит на дуэли. Первое упоминание о дуэли смогло появиться только десять лет спустя, в «Словаре достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского.

Всё это порождало в народе слухи, одни тревожнее других.

Потрясло известие о смерти Пушкина и местных псковских крестьян. Они-то ведь хорошо знали поэта, жили рядом с ним. Они любили рассказывать, какой он был «отлично добрый человек», «не гнушался крестьянской избы, заходил в дома, качал люльки с плачущими младенцами», «со стариками за руку здоровался»... На ярмарках «вместе с народом гулял»... «За всё это начальство его и замучило».

Таинственную смерть поэта они старались объяснить по-своему. К сожалению, вследствие барского пренебрежения первых исследователей жизни и творчества Пушкина к рассказам его современников из «простого подлого звания», никто не удосужился записать эти рассказы. Лишь со второй половины XIX века в печати стали появляться народные рассказы о Пушкине, и в их числе рассказы о смерти и погребении поэта.

Из этих рассказов следует, что местные крестьяне, хорошо знавшие деревенского Пушкина, не считали скорый конец его следствием совокупности условий его жизни и роковых случайностей: друг и защитник крепостного народа, Пушкин, по представлению крестьян, погиб за народ, как жертва ненависти и злобы царя и крепостников-помещиков. Так, в рассказе одного новоржевского старика — современника Пушкина — повествуется: «Пушкин знал, что он долго не проживет.... он часто говаривал: „Я рано сложу свою голову, но народу после меня лучше будет"...»

Народному представлению не чуждо было понятие о роковой дуэли Пушкина как о деле долга и чести. «У нас в деревне был такой лист, в котором было много написано про Пушкина,— рассказывает другой крестьянин.— Там было написано, как он на дуэль шел и как царь стал его уговаривать, чтоб не ходил. На это Пушкин царю ответил: „Нельзя, ваше величество, это закон, честь!" — и пошел на стрел...»

Есть рассказ, в котором повествуется о том, почему Пушкин дрался на дуэли с Дантесом. «Пушкин шел на дуэль за свою хозяйку. Крестный мне рассказывал про эту причину. Сказал как-то один друг Пушкина: «Смотри, Александр Сергеевич, за твоей Наташей офицер ухаживает!..» Пушкин был смекалистый. Он сразу решил это дело разузнать в точности. И вот как-то сидел у него в гостях этот офицер, на кого у него подозрение было. Незаметно за разговором Пушкин взял да и погасил на столе свет. Потом взял сажу и мазнул ею по губам. Поцеловал жену и говорит: «Извини, пожалуйста», и вышел в другую комнату. Ну, а им невдогад это было, и они поцеловались. Тут Пушкин вошел и всё увидел... Вот тогда-то всё и началось и к дуэли подошло».

Нужно отметить, что содержание этой народной легенды-сказки, в которой всё в сущности вымышлено,

повторяет содержание рассказа князя А. В. Трубецкого об отношениях Дантеса к Пушкину и его жене Наталье Николаевне. Этот рассказ, выдаваемый Трубецким за «истинную правду», был отпечатан в Петербурге в 1887 году отдельной маленькой книжкой, тиражом в 10(!) экземпляров.

Оскорбительное и для русского чувства и для старого народного обычая обращение праха великого человека в казенный, тайно вывезенный из Петербурга и тайно похороненный в Святогорском монастыре груз, без сомнения, глубоко огорчило местное население. Крестьяне хорошо запомнили и передавали из поколения в поколение печальную историю погребения: «Хоронили Пушкина ночью. Костры жгли. Говорили, что офицер, везший его тело в Святые Горы, очень торопился. Зарыли Пушкина наскоро, так наскоро, что весною всё пришлось поправлять... А потом гроб Пушкина начальство хотело вовсе вытащить и отвезти в Москву, да наши мужики не дали...»

Что явилось основанием для этого рассказа? Возможно, перезахоронение праха Пушкина в 1841 году, когда ставилось на его могиле мраморное надгробие, либо замена в 1879 году кирпичного цоколя этого памятника — каменным, либо вскрытие могилы поэта в 1902 году, когда во время установки мраморной балюстрады возле надгробия произошел обвал почвы и обнажился гроб Пушкина... Вряд ли кто сможет дать ясный ответ на этот вопрос...

Народная мысль особенно долго хранила эту легенду. 12 июня 1899 года корреспондент газеты «Новое время», сообщая о праздновании в Святых Горах столетнего юбилея со дня рождения Пушкина, писал: «Здесь в народе говорят, что в монастыре выроют тело Пушкина для следствия и будут кого нужно судить за убийство».

Народные рассказы о Пушкине ярко свидетельству-

ют о том, что память «простолюдинов» стремилась по-своему сохранить в веках светлое имя Пушкина. Простые крестьяне — земляки поэта, они первые начали прокладывать ту поистине «народную тропу», о которой, как о высшей награде, сужденной поэту, писал Пушкин в своем предсмертном обращении к потомству: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

...Большинство здешних рассказов и легенд о Пушкине записано в конце XIX — начале XX века. В советское время много легенд записал в тридцатых годах член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Чернышев. Книга его «Сказки и легенды Пушкинских мест» издана Академией в послевоенные годы. Несколько легенд записано в недавнее время сотрудниками Пушкинского музея-заповедника, в том числе лично мною.

Вот рассказ, записанный в 1907 году в деревне Богомолы, входившей в состав имения Ганнибалов-Пушкиных, со слов крестьянина Ивана Павлова, столетнего старика, лежавшего на печи уже много лет. Глядя почти совсем незрячими глазами, старик рассказывал:

«Чего ж мне не помнить Лександру Сергеича-то, коли я с ним не раз купался в речке-то Сороти. В жаркие дни он купаться любил. Я в те поры уже землю пахал. Стал быть, на возрасте был. Мужики наши Лександру Сергеича кругом одобряли, потому что разговорчистый он был на все добрые дела... Однем словом, человек умственный и добрейший. Кто его о чем попросит, никому отказа не было. А как увидит, девки навоз везут, — всем велит потом вокруг сойтись. Песни поют, а он слушает... Иль вот ребята землянику наберут, а он у них купит да им же и отдаст ту землянику. Скажет: «Ну теперь вы землянику съешьте, детки, деньги за нее все равно заплочены...» Был он в те поры к нам прислан, под началом находился. И за что только его начальники притесняли, кто их ведает. Да он их и не боялся, никого. С жандармом

дерзко разговаривал. А стариков нищих, которые песни поют, отыскивал да просил еще петь, а сам эти песни в бумажку списывал... А про которого мужика узнает, что тот петь горазд, сейчас к нему: «А ну, дедка, спой, спой!» Ну, тот и запоет... А Пушкин все слушает, слушает, да нет и попишет. А мы в окошко зырк, зырк... и стрекача. Много по полям да по рощам гулял и к мужикам захаживал, все для разговора. Все по-русски, знамо, сустречатся люди, так неужто сопеть — разговоры разговаривать нужно, ну он, значит, надлежаще это и любил очень. Привелось мне при том быть, как уезжал от нас Лександра Сергеич... Осень только начиналась. И не чаял-то он свого отъезду... А никак не чаял. Вдруг откуда ни возьмись жандарм преть: «Подполковник вас к себе требуютъ», — орет. А Лександра-то Сергеич Пушкин и отвечает тому жандарму таково скоро: «Я, — говорит, — вашему подполковнику вот энтим местом кланяюсь» — и указал пальцем, каким местом-то. М-да! Вдруг глядь — сам исправник, а с ним и подполковник в тарантасе, да прямо к Пушкину. Принялся исправник у Пушкина пардону просить, а Лександра Сергеич глянул этак лукаво, потом смягчился. «Ничего, — говорит, — ничего!» И тут же коляска подлетает, а в ней фельдъегерь, слышь, из Москвы. В столицию вызывают... Тут Пушкин даже палку выронил. Потом эдак вздохнул чуточку и говорит: «Едем! Так твою растак-так. Я свободен. Сейчас едем. В Москву». А фельдъегерь-то ему: не желают ли они домой заехать, в Михайловское, так Лександра Сергеич и руками замахал: «В Москву, в Москву... Кати!» — да в коляску и сел. Я ему и палку подал. Так и укатил из наших местов. Вот так-то...»

А вот эту легенду записал Чернышев в 1928 году в здешней деревне Бустыги со слов деда Семена Егорова.

«Было это на Поклонной горке, тут люди на крест

молились, когда из лесу выходили. Вот тут очень любил сидеть Александр Сергеевич Пушкин. Сидел он и думы думал. Вот раз он и видит: идет народ на покос, на барские луга, крепостные, значит, много, много народу, и все на одного господина работают. И стал жалеть, что люди даром работают. Вот он и решил выдумать, как избавить народ: сочинил бумагу, что нужно невольникам дать свободу. Узнал про это царь и шлет в Михайловское телеграмму, чтобы Пушкин немедля скакал в столицу, потому что они все запутавшись... Ну Пушкин поехал. Царь сперва скривился, но потом подписал, господа тоже подписали... А как подписать-то? Пушкин и говорит: подписать ее надо, не вынимая из-под стола. Когда все подписали, то увидели, что это воля крестьянам. Тут уж им крыть нечем, дело было сделано по всей форме».

А вот этот рассказ записан мною уже в наши дни со слов одного старика из деревни Зимари, что напротив Михайловского, за рекой Соротью, П. Кондратьева.

«Жил в те времена на деревне Ворониче колдун по прозвищу дед Гаврила, по фамилии Посников. Он все умел делать. И болезни лечить, и нахождение потерь обнаруживать, и зубы заговаривать, и по бабьей части беспорядок из семьи выводить. Жил Гаврила за околицей слободы, в месте, которое прозывалось Каты, — это место было палаческое, здесь в старину палач жил. Еще недавно оно было в целости, и даже старый дом-развалюха стоял. Теперь название места только и сохранилось. Пушкин часто сюда хаживал по своим лечебным и колдовским делам и обо всем советовался с дедом, и когда болезни его дюже одолевали, и особенно когда пришла к нему досада на прохвоста Данкиса, который его и убил. Об этом хорошо рассказывал дед, который женился на дочке катовского знахаря. Рассказывала и Акулина — дочка попа Ларивона с Воронича, который был по прозвищу Шкода, на которого началь-

ством было возложено наблюдение и ответственность за колдуном. Акулина ведь умерла уже при Советской власти. Умер и Гаврила уже при Советской власти. Стар был — годов не счесть. Всех, кто из семьи Катов, на погосте Ворониче хоронить церква не разрешала — Гаврилу похоронили в Михайловском, где у озера Маленец была «скудельня», то есть место погребения нечестивых — убийц и разных убогих, не помнящих родства, неизвестно откуда пришлых людей, или тайно убиенных помещиками своих рабов».

В сказаниях и легендах здешнего народа есть все о Пушкине — и его детстве, и годах ссылки, его друзьях, братьях, товарищах, его грусти, тоске, мечтаниях, рассказы о живодерах, помещиках-доносителях, о ненависти и злобе на поэта царя и его приспешников, о том, как Пушкин погиб от злодейской руки Дантеса и как его похоронили в Святых Горах. Есть рассказы и о бедах, пришедших на пушкинскую землю в годы Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы пытались уничтожить все пушкинское — и его могилу, и его памятник, и здешних людей, свято хранивших воспоминания о нем, и вещественные следы его неповторимой жизни.

Во все народные легенды о Пушкине почти всегда вплетена сказочная нить, усиливающая близость Пушкина к простым людям, доверчивость и любовь народа к его светлому имени. Такова уж природа русского человека — сказочника-летописца.

...Прошло много лет. Давно нет старой России, которую нельзя «умом понять», нет «барства дикого», горюхинской нищеты и бесправия. Великий Октябрь, открывший новую эру в истории нашей Родины, дал народу высокую культуру. Чудесный мир пушкинского творчества стал неотъемлемой частью нашего чувства Родины, создаваемой нами культуры нового, коммунистического общества. «Народная тропа» к Пушкину не

только не заросла, но сделалась широчайшим, подлинно всенародным путем. Об этом свидетельствует широкое паломничество в Пушкинские Горы, в Михайловское. Только в канун юбилейного 1974 года здесь побывало около полумиллиона экскурсантов и туристов. Отовсюду. Всех наций. Всех возрастов. К их услугам свыше ста экскурсоводов — специалистов, имеющих высшее образование: историков, литературоведов, искусствоведов. И вот что знаменательно — многие из них *праправнуки местных крепостных крестьян и дворовых людей,* современников великого поэта.

Шестьдесят лет тому назад в Михайловском был президент Академии наук СССР А. П. Карпинский. Он приехал с большой группой ученых и писателей, чтобы торжественно поздравить местных крестьян со стодвадцатипятилетием со дня рождения А. С. Пушкина и присвоением селу Святые Горы нового названия — Пушкинские Горы. Обращаясь к землякам поэта, он просил их беречь как зеницу ока пушкинские места, быть их заботливыми и верными хозяевами, ибо они принадлежат векам. «Пушкин, — говорил он, — это не только наше прошлое и настоящее, но и наше будущее. Он верный учитель, наставник, друг и товарищ всех грядущих поколений».

Эти слова здесь все знают от мала до велика. Сегодня каждый житель пушкинского Святогорья — верный хранитель святой пушкинской земли, в которой лежит бессмертное сердце поэта.



ПУШКИНСКИЕ ИМЕНИНЫ

Каждый год, в первое воскресенье июня, псковичи и гости их со всех концов света приходят в Михайловское на пушкинские именины. Прекрасная эта традиция началась в 1924 году, когда праздновалась столетняя годовщина со дня приезда Пушкина в михайловскую ссылку.

В Пушкинских Горах собрались тогда виднейшие наши писатели, артисты, ученые. Тогда же президент Академии наук СССР А. П. Карпинский предложил идею ежегодного проведения в Пушкинском заповеднике народных празднеств, посвященных дню рождения поэта. Эти праздники, говорил он, должны быть праздниками поэзии, радости, дружбы народов.

И вот Пушкинский праздник в Святогорье. Желание увидеть своими глазами народное поклонение Пушкину — для многих неодолимо. В великом множестве стоят люди у подошвы Синичьей горы, у древних стен Святогорского монастыря. Там, за каменной оградой, на холме, «поставлен памятник простой», там могила поэта, его печальный «предел».

Гостей очень много. Репродукторы доносят до них шелест цветов и венков, возлагаемых на могилу. У самой могилы — поэты из всех наших республик и многих зарубежных стран. Только они. Им — честь и место!

Все терпеливо ждут начала торжества, глубоко запрятав свое волнение. Выдают лишь глаза, устремленные к могиле, скрытой могучими липами.

Но вот зазвучал проникновенный голос Ираклия Луарсабовича Андроникова — председателя постоянного Комитета по проведению праздника. Все обнажили



головы и замерли. Андроников говорит: «Такого еще не бывало в нашей стране. Такого числа гостей не видал еще ни один хозяин. И небывалое это число оттого еще более небывалое, что этих гостей никто специально не приглашает. Они едут сами к Пушкину, потому что не могут не приехать...»

Выступают поэты и писатели. Гремит музыка Глинки. Его «Славься!». Ликующе звучит гимн Родине, подарившей миру гения. Все смотрят вверх, на величавый символ бессмертия Пушкина — Успенский собор. Его белые стены торжественно поднимаются из темной зелени Святой горы. Этот памятник знаком всем. Он — открытая страница древней летописи, запечатлевшая «земли родной минувшую судьбу», таящая в себе легендарного Бояна — Пушкина. Стремительно уходящий ввысь шпиль колокольни волнует, как высокая, мучительная нота, которой заканчивается песня о Родине...

Из окон собора доносится голос Ивана Семеновича

Козловского. Детские голоса ему подпевают «Вечерний звон». Раздумчивая, грустная мелодия плывет над могилой, над землей, несется к небу...

Широко распахиваются монастырские ворота. Нескончаемой вереницей люди идут к могиле поэта. Могила утопает в цветах и венках.

Льется к солнцу народная музыка во славу вечной жизни поэта, звучат стихи о любви к Пушкину, стихи о братстве, о дружбе народов, о Родине... Они звучат в Святогорье весь день. Так было в прошлые годы, так будет всегда.

Прекрасно сказал об этом празднике старейший чудеснейший поэт нашей Родины Павел Григорьевич Антокольский: «Какое прекрасное, легкое, чистое сочетание слов — Пушкинский день поэзии! Как оно естественно, подсказанное и оправданное всей нашей историей, всей бессмертной жизнью Пушкина!.. Пускай же обычай этого праздника навсегда останется на нашей земле как праздник поэзии и поэтов!»

Но обратимся к истории. Посмотрим, как же проходил первый пушкинский праздник, организованный в мае 1899 года в честь столетия со дня рождения поэта.

* * *

Весной 1899 года Михайловское было куплено у наследников Пушкина в национальную собственность. Много лет с разрешения правительства ходили местные крестьяне по России с кружками и подписными листами, собирая пожертвования на это приобретение. Их стараниями свершилось тогда это святое дело. Сбылись предсказания лучших людей России, мечтавших о том времени, когда Михайловское, в котором явился миру новый Пушкин, где произошло второе его рождение, станет народным достоянием.

Решено было соорудить в Святых Горах дворец, который был назван псковским Пушкинским комитетом «Храмом Славы».

Проект «Храма Славы» был заказан архитектору-художнику Изембергу, в помощь ему был выделен псковский губернский архитектор Ф. П. Нестурх. В основу проекта была положена специально разработанная программа, которая предусматривала:

1. Дворец должен быть воздвигнут в непосредственной близости к Святогорскому монастырю, в котором находится могила поэта.

2. Он должен занять главенствующее положение в топографии местности.

3. Здание должно отвечать понятию «дворец» и иметь праздничный вид, а его декоративная отделка подчинена пушкинской теме (жизнь и творчество Пушкина).

4. Внутреннее помещение в основном должно состоять из большого зала и сцены. Вместимость зала — не менее 1000 человек.

5. Учитывая, что на праздник соберется не одна тысяча человек, а значительно больше, перед зданием дворца должно быть устроено гульбище, на котором сможет разместиться несколько тысяч человек.

Как известно, на Святогорский праздник явилось свыше пяти тысяч человек.

Согласно смете, сооружение «Храма Славы» потребовало немалого количества средств и материалов. Учитывая это, комитет решил «строить здание не навсегда, а как временное». Материалы для него (бревна, доски, толь, стекло, холстина и прочее) взять напрокат у кого-либо из крупных псковских купцов-предпринимателей с обязательством вернуть их по окончании празднества в течение 1899 года, уплатить за прокат некую сумму денег, «а если возможно, то и бесплатно», что и было совершено.

Вскоре из Пскова в Святые Горы прибыли рабочие, привезли строительные материалы. Сооружение возводилось очень быстро. Площадкой для него выбрали один из холмов, расположенных к востоку от монастыря. Вершину холма срезали и выровняли. Здание было одноэтажное, деревянное, длиною 50 метров, шириною 25 метров и высотою 6 метров (исключая кровлю). Кровля состояла из трех куполов овальной формы: один в центре, два по краям. На центральном куполе — трехметровая лира, на боковых куполах — по две лиры меньшего размера. По кромке кровли — декоративная балюстрада. В центре здания — широкие ворота, декорированные разноцветной материей. Над ними — большое живописное панно с изображением лаврового венка, цветов и урны... По всему фасаду — огромное панно с изображением сцен из произведений Пушкина: «Русалка», «Капитанская дочка», «Борис Годунов», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Полтава», «Скупой рыцарь», «Егений Онегин», «Руслан и Людмила». Рядом с панно — большие окна-витражи, украшенные флагами и хвойными гирляндами. Вокруг здания разбили площадки, на которых возвели ларьки для торговли гостинцами и сувенирами.

К «Храму Славы» была проложена специальная дорожка. Она шла от стен монастыря, через овраг и далее по специально возведенной деревянной лестнице в несколько маршей. Следы этой дорожки сохранились до наших дней. На стенах внутри «Храма» были развешаны большие картины, изображающие усадьбу Михайловского, домик няни, вид Псковского кремля, «Бал у Лариных», «Полтавский бой» — копии картин художников Кондратьева, Крыжицкого, Самокиш-Судаковской, Овсянникова, Самокиша... На сцене был поставлен постамент с бюстом Пушкина.

Первыми возложили свой серебряный венок к бюсту Пушкина сыновья поэта Александр и Григорий. Вслед

за ними — жители Святогорья, гости из Москвы, Петербурга, Пскова, Острова, Новоржева, Опочки, Пензы, Ярославля, Царского Села.

Но странно выглядел этот первый Пушкинский праздник. Передо мною документы архива Комитета по проведению пушкинского столетия, газетные вырезки того времени, воспоминания современников. Читаешь и думаешь: какая пропасть отделяет наше время от тех дней! Кто только не воспользовался этим праздником для устройства своих темных дел! Тут и ловкие торговцы, и темные дельцы, спекулянты и церковники...

Задолго до праздника в деревнях и селах были приостановлены все работы в поле. Люди были мобилизованы на ремонт дорог, мостов, на сооружение «Храма Славы», ремонт присутственных зданий Святогорья и проч. и проч.

В Святые Горы понаехали маркитанты и кабатчики всех рангов и мастей. На дверях трактиров вывешивались объявления о том, что здесь в памятные дни будут подаваться специальные блюда «беф а ля Пушкин» и «салат а ля Евгений Онегин». Фирма купца Шустова выставила свои рекламные щиты, сообщавшие о том, что ею выпущен «Юбилейный ликер Александра Сергеевича» с портретом поэта на этикетке и полным текстом стихотворения «Я люблю веселый пир». Ликер был в стеклянных бутылках в виде фигурки Пушкина и с пробкой, изображающей его черную шляпу...

Пушкинским праздником широко воспользовалась братия Святогорского монастыря, принимавшая круглосуточные заказы на «неугасимые» свечи и лампады, молебствия и панихиды по «болярину Александру».

То немногое хорошее, что было сделано энтузиастами, истинными просветителями, потонуло в дебрях бюрократизма и полицейского произвола. Царское правительство, разрешив проведение народного праздника в псковской деревне, ставило себе тайной целью прегра-

дить «народную тропу» к Пушкину. Оно всеми средствами старалось предупредить «манифестации и излишнее прославление вольнолюбивого духа Пушкина», о чем юбилейному комитету и всем губернским и уездным властям сообщалось в специальном предписании Министерства внутренних дел.

Для наблюдения за порядком из всех уездов губернии были сняты и направлены в Святые Горы урядники, жандармы, приставы. В помощь им прибыла воинская часть из псковского гарнизона, разбившая свой лагерь неподалеку от Святогорской обители. Псковский губернатор в своем секретном циркуляре уездным властям повелел, чтобы «при приезде господ гостей и начальствующих лиц велось тщательное наблюдение над местными крестьянами, дабы не подавалось ими никаких прошений и жалоб; всех неряшливо и бедно одетых не пускать в места скопления господ гостей, а также в сады и парки. Всюду обеспечить чистоту и опрятность. Церкви и монастырские здания иллюминировать плошками с воском и салом, в двойном количестве, а возжигать оные лишь в то время, как будет дано знать из полиции. А также следует иметь достаточное количество плошек, долженствующих быть поставленными на арках при въезде в Святые Горы и при входе в «Храм Славы». А особливо также смотреть за лицами нетрезвого состояния, немедля забирая их в арестантский дом. О всех происшествиях записывать в специальный журнал, копии записей незамедлительно доводить до сведения канцелярии губернатора».

Вход во двор Святогорского монастыря был совсем закрыт для простого люда. Сюда пускали только по особым пропускам, отпечатанным в типографии псковского губернатора. Пропуска проверялись специальным нарядом полицейских. А в самый день праздника у Святых ворот монастыря стоял при полном параде сам граф П. А. Гейден, известный опочецкий помещик. Это

был тот самый Гейден, которого В. И. Ленин охарактеризовал в своей работе «Памяти графа Гейдена» как особо рьяного контрреволюционера, умевшего «тонко и хитро защищать интересы своего класса», искусно прикрывать «флером благородных слов и внешнего джентльменства корыстные стремления и хищные аппетиты крепостников...».

«Приготовления к празднику,— писала газета «Новое время» от 12 июня, — вызвали в Святых Горах невероятные предположения, на которые так изобретательна народная масса, угадавшая всё, кроме действительной причины. Одному корреспонденту ямщик сообщил, что в Михайловском ожидают войны, и потому все запасные солдаты вызваны „акромя господ...“».

Народ из дальних деревень стекался на праздник неуверенно: одни спрашивали — что за праздник, где ярмарка, другие осведомлялись — долго ли господа будут делить для них землю? На вопрос: «Какую землю?» — отвечали: «Баяли — цареву...» Говорили, что в монастыре выроют тело Пушкина «для следствия»... Говорили еще, что Михайловское забрал-де царь... Спрашивали: «Игде тысяча рублей, присланные народу на угощение, так как здесь родился и жил великий царев воин и енерал?» — «Да как его звать-то?» — допрашивал корреспондент. «А уж про то мы неизвестны»,— было ответом.

Самые дошлые (в особенности бабы) где-то узнали, что господа съехались открывать мощи, что в Святогорье объявился святой и его «нетленную голову нашли монахи»...

Народ огромной толпой с утра до ночи стоял на площади перед монастырем. Все чего-то ждали. Иные жалостно плакали, видя подъезжающих знатных особ, иные безмолвствовали.

Наконец наступил день праздника, открытие которого правительство поручило товарищу министра внут-

ренних дел барону Икскуль фон Гильденбрандту. «Встреча его сиятельства,— захлебываясь от восторга, писала газета, — была очень торжественной. При приближении кортежа еще издали раздались переливы свистков, затем раздался колокольный звон. Во весь опор проскакал урядник на взмыленной лошади, за ним в тележке — исправник. Наконец, запряженная тройкой, с ямщиком в павлиньих перьях на шапке, показалась коляска с г. товарищем министра и псковским губернатором Пащенко. При ее приближении пожарные зажгли бенгальские огни, ярко осветившие дорогу, экипажи и стоявшую толпу. Коляска остановилась у арки, и земский начальник П. Ф. Карпов в полной парадной форме поднес барону на деревянном блюде с серебряной солонкой хлеб-соль от имени местных жителей. Товарищ министра вышел из коляски, поблагодарил мужиков, похвалил арку и иллюминацию и поехал дальше...»

В этом описании нет ни слова о Пушкине. Да и при чем тут Пушкин? Барон Икскуль фон Гильденбрандт прибыл в Святые Горы совсем не ради него. Приезд товарища министра должен был подогреть верноподданнические чувства народа к «царю-батюшке, к престолу и отечеству...»

Наконец после молебствия господа отправились из монастыря в помещение «Храма Славы», а простой народ толпой повалил к Анастасьевской часовне, которая стояла на том месте, где сейчас высится бронзовый памятник Пушкину, установленный уже в наше время, в 1958 году. Здесь происходила раздача тощих книжиц стихотворений Пушкина, специально напечатанных за казенный счет для «крестьян, солдат и матросов». В сей брошюре о жизни ссыльного поэта сообщалось, в частности, следующее: «По окончании курса учения в Лицее в 1817 году, Пушкин поступил в гражданскую службу и начал вести довольно рассеянную жизнь. Моло-

дость бывает проказлива, нашалил и Пушкин, и за дерзкие стихи грозило ему суровое наказание, но благодушный император Александр I, победитель Наполеона, только перевел Пушкина из С.-Петербурга на службу в Кишинев».

Далее сообщалось, что «после Кишинева Пушкин жил в Одессе, на берегу любимого им моря, и, наконец, выйдя в отставку в 1824 году, поселился в своей усадьбе — селе Михайловском, Опочецкого уезда, Псковской губернии. До сих пор Пушкин тратил свою жизнь и свой талант без всякого рассуждения и раздумья, но теперь он понял, что к жизни надо относиться серьезно, думать не об одном себе...».

Книжки брали нарасхват. Их раздавали даром. Брали все, хотя читать большинство не умело.

Наконец на эстраде под открытым небом стали выступать перед народом тогдашние петербургские поэты — любители «звуков сладких и молитв» — Львов, Случевский, Барятинский. Они читали стихи Пушкина и свои, посвященные Пушкину. Князь Барятинский читал их по-французски...

Народ постепенно стал расходиться, а господа отправились в Тригорское, где им был предложен юбилейный банкет...



ПРОФЕССОР И КОЛХОЗНИК ЧИТАЮТ В МИХАЙЛОВСКОМ СЕДЬМУЮ ГЛАВУ „ОНЕГИНА“

Уже в советское время в псковские края пришла книга Пушкина. До войны в каждой из сорока школ района, в каждом сельском клубе имелась пушкинская библиотечка. Во многих деревенских домах были личные библиотеки колхозников. Прекрасная общественная библиотека появилась в самих Пушкинских Горах. Ее комплектовали Академия наук и Ленинградская Публичная библиотека. В ней насчитывалось около 10 000 книг Пушкина и книг о Пушкине и его эпохе. Здесь были сочинения крупнейших русских поэтов, писателей, ученых, книги с автографами В. Г. Короленко, А. Ф. Кони, А. Н. Майкова, Максима Горького, Л. Н. Толстого. Каждый приезжавший сюда деятель культуры почитал за честь подарить библиотеке свою книгу.

Но вот грянула война. Всё было уничтожено гитлеровцами. В своей звериной ненависти к России, к советскому народу они пытались стереть с лица земли русскую культуру и само имя Пушкина. Но Пушкин оказался непобедим. И всё пушкинское вновь возродилось, как только закончилась война и враги были изгнаны с родной земли.

Возродился и Пушкинский заповедник.

В год освобождения Михайловское являло вид печальной развалины. По дорогам и памятным аллеям ни пройти ни проехать. Всюду завалы, воронки, разная вражья дрянь. Вместо деревень — ряд печных труб. На «границе владений дедовских» — вздыбленные, подорванные фашистские танки и пушки. Вдоль берега Сороти — развороченные бетонные колпаки немецких дотов. И всюду, всюду, всюду — ряды колючей проволоки, всю-

ду таблички: «Заминировано», «Осторожно», «Прохода нет».

Людей мало. Солдаты-саперы разминируют пушкинские поля, луга, рощи и нивы. Изредка раздаются гулкие взрывы.

В садах Михайловского, в бывших фашистских блиндажах и бункерах лагерем стали возвратившиеся на свои пепелища жители деревень. Они разбирали немецкие блиндажи и тащили к себе бревна, чтобы строить взамен сгоревших изб новые. На большой поляне у въезда в Михайловское расположились войска, которым было поручено в ближайшие месяцы очистить пушкинскую землю от взрывчатки. Временами казалось, что война продолжается. Но нет. Радушны и радостны лица людей. Всем хочется строить. Строить жизнь вновь. Строить заново всё, что погибло, но не должно погибнуть.

Весна 1945 года. Скоро первое воскресенье июня.

Первый послевоенный Пушкинский праздник, традиция которого была прервана войной. К нему люди готовились с особенной радостью, и хотя у каждого было свое горе, всё же спешили навести какой-то порядок на своих усадьбах и на усадьбе Пушкина.

Утром 6 июня в Михайловском собралось тысяч десять народу. Ни лошадей, ни машин. Все пришли пешком. Иные пришли за пятьдесят километров. Много калек — инвалидов войны. Это были «смотрины» — встреча тех, кто остался жив после гитлеровского нашествия. На временной арке, сколоченной из жердей, висел самодельный веселый портрет поэта с надписью на кумаче: «Здравствуй, Пушкин!» Его написал самоучка-художник, сапер. В центре поля стояли войсковые походные кухни, здесь гостям был предложен чай. Подумать только — с сахаром! В аллее Керн продавали печатные портреты Пушкина, а также книжечки о Михайловском, только что изданные в Пскове.

Приехали гости. Из Пскова — журналист Иван Виноградов, из Ленинграда — поэт Всеволод Азаров, артистка Надежда Комаровская и известный ученый, профессор Ленинградского университета, ныне покойный Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов — человек хотя и пожилой, но восторженный и громогласный. Узнав, что в Михайловском состоится традиционный Пушкинский праздник, он, несмотря на свои преклонные годы и уговоры родных, счел за долг и великую честь побывать на нем.

В то время поездка в Михайловское была большим испытанием. Поезд из Ленинграда до Пскова шел около двух суток. Из Пскова в Пушкинские Горы нужно было ехать или на лошадях, или на попутных грузовиках, да и то только до реки Великой, что у деревни Селихново. Моста через реку не было, он был взорван, и направляющимся дальше, в сторону Новоржева и Пушкинских Гор, приходилось переплывать с берега на берег на сколоченных на живую нитку бревнах.

Всё это пришлось пережить доброму старику ученому, и он порядочно раскис. А тут еще разболелись у него зубы и налился флюс. Повязал он лицо повязкой и стал похож на раненого деда-партизана.

— Партизан, партизан! — шептались шмыгавшие вокруг него мальчишки...

Ночевали гости на наспех сколоченных топчанах в кабинете директора заповедника, а кабинет — одно лишь слово что кабинет, а по существу — полуразвалившийся шалаш.

И вот наконец торжественный митинг на околице Михайловского. Евгеньеву-Максимову предоставляется слово о Пушкине. Ученый горячо говорит о бессмертии и величии Пушкина, о его патриотизме, о том, как в годы войны Пушкин помогал нашим воинам громить фашистов. По ходу рассказа профессор стал читать седьмую строфу седьмой главы «Евгения Онегина»:

На ветви сосны преклоненной,
Бывало, ранний ветерок
Над этой урною смиренной
Качал таинственный венок...

Когда он дошел до слов: «И на могиле при луне, обнявшись, плакали оне»,— стихи выпали из его памяти. Создалось неловкое молчание. И вдруг встал один из участников праздника, какой-то высокий бородатый дед, и, чеканя пушкинский ямб, стал громогласно читать то, что никак не мог вспомнить профессор:

Но ныне... памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один под ним, седой и хилый,
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

Профессор не перебивал старика, почтительно дав ему прочесть строфу до конца. После доклада удивленный Владислав Евгеньевич подошел к неизвестному и, обнявши его, предложил посидеть с ним вместе неподалеку от эстрады.

— Голубчик, кто вы, что вы, откуда, милый вы мой?

Старик ответил, что его фамилия Антонов, что он здешний насельник, живет неподалеку, в деревне Авдаши, работает в колхозе имени Александра Сергеевича с момента его основания в 1929 году. И тут выяснилось, что старик колхозник знает, что называется, на зубок не только седьмую главу «Онегина», а весь роман от корки до корки. Рассказал, что в молодости баловался своими собственными стихами, а потом успокоился и стал читать Пушкина.

— Уж как лихо при немцах всем нам ни было, а книга Пушкина всегда была при мне. Ее купил я здесь, в Михайловском, почитай лет сорок тому назад! Она была для меня и моей семьи единственным утешением в те страшные годы...

* * *

Эту историю о колхознике-пушкинисте я рассказал Сергею Ивановичу Вавилову, тогдашнему президенту Академии наук, когда делал ему очередной отчет о ходе восстановления Пушкинского заповедника. Сергей Иванович попросил свою секретаршу достать ему однотомник Пушкина.

Вручая мне книгу для передачи деду Антонову, президент сделал на книге надпись: «Уважаемому тов. Антонову — участнику празднования в селе Михайловском 146-й годовщины со дня рождения А. С. Пушкина с пожеланием многих лет жизни.

Благодарный С. Вавилов».



У ЛУКОМОРЬЯ

Неподалеку от Тригорского, между Соротью и Великой,— красивое лукоморье. В этом месте берега Великой расходятся, и русло превращается в покатую луговину, на которой там и сям виднеются густые кусты ракиты и ивы.

У лукоморья — небольшая старинная деревушка; когда-то она входила в состав псковского пригорода Воронич и была приписана к Тригорскому имению Осиповых-Вульф. Теперь эта деревушка — часть колхоза имени Пушкина. Несколько веков здесь жили одни Егоровы. Все они были в родстве друг с другом, кто в близком, кто в дальнем, а кто и вовсе «десятая вода на киселе». Живут Егоровы и сейчас, но теперь у всех у них фамилии разные, притом все пушкинские. Как же это получилось?

В юбилейном 1937 году выдавали жителям деревни паспорта. Паспортисты, составляя предварительные списки, и оформляя документы жителей деревни, стали в тупик — одни Егоровы! А мужчины большей частью — Егоры Егорычи Егоровы. Как тут не запутаться? Паспортисты посоветовались с колхозниками и предложили им взять каждому новую фамилию. Какую кто хочет.

Все стали просить дать фамилию Пушкин. Кое-кому посчастливилось. Но всем Пушкина не дали. Тогда Егоровы стали брать себе фамилии друзей, лицейских братьев, товарищей Пушкина, имена которых в тот год были у всех на сердце и на уме. Так появились Пущины, Назимовы, Рылеевы. Но потом и на эти фамилии встал «запрет». Когда старику и старухе Егоровым подошла очередь получать документы, все мало-мальски

подходящие фамилии были уже разобраны. Старик решил остаться Егоровым. А старуха в конце концов надумала взять фамилию хоть и не совсем пушкинскую, но весьма выразительную и благозвучную — Дуэльская.

Получив паспорт, старуха в тот же день отправилась в Пушкинские Горы. В книжном магазине она купила цветную репродукцию с картины художника Шестопалова «Дуэль Пушкина с Дантесом», принесла ее домой и повесила в красном углу, рядом с венчальными свечами и Георгием Победоносцем с Воронича — «покровителем ворончан и всех Егоровых».

Старики были очень древние. Давно потеряли счет годам. Но продолжали работать в колхозе, за что имели от всех большое уважение.

Дом их стоял на отлете от всей деревни и был такой же старый, как они сами. Чуточку осел набок, но был еще вполне крепок. Рядом с домом стояла вековая дикая груша, привалившаяся ветвями к кровле дома. Глядя на дерево, трудно было сказать, где кончалась кровля и где начиналась груша: та и другая были одного цвета — весной и летом зеленые, а осенью серые.

За домом стоял небольшой сад с вишняком и ветвистыми яблонями. Через сад вилась тропинка. Она вела к большому мочилу, где во время оно вся деревня мочила лен и коноплю...

Шли годы, и ничто не менялось в жизни стариков.

Но вот к лукоморью пришла война, враг, неволя. И началась какая-то непонятная жизнь, словно это была уже и не жизнь... Явились в деревню немецкие солдаты и офицеры. Они очень торопились, суетились и кричали. Всем было велено рубить лес, таскать бревна, рыть окопы, строить блиндажи. Давай, давай, давай...

А потом пришли полицаи, староста и эсэсовцы. Приказали всем покинуть дома и погнали под конвоем бог знает куда. Когда изгнанники поднялись на Поклонную гору, они увидели вместо деревни огромный костер.

Шли они день, еще день и ночь и наконец получили объявление, что здесь им будут выселки...

В 1944 году настал фашистскому мучительству конец, и все тронулись обратно.

Старики не узнали своих мест. Всё переменилось. Всё как-то уменьшилось. Всё было какое-то серое, ржавое, убитое. И сада не было, и дома не было. Лишь только печка напоминала о том, что тут некогда стоял их родной дом. Русская печка — она ведь самая живучая вещь на свете!

Начали разбирать вражеские блиндажи, бункера, дзоты. Их было много, и все они были построены по-немецки добротно, из хороших бревен, в несколько накатов. Лес породистый, из Михайловских заповедных рощ.

Стали люди строить себе новое жилье.

— Ну, а мы что же делать будем? — спросил старик старуху.

— Что делать? Да как все, — отвечала старуха. — Тоже избу сложим. Что мы, рыжие, что ли! Накатаем бревен и построим. Подумаешь, великое дело!

Один бог да ворончанские святители знают, как старики ухитрились накатать себе бревен и поставить новый сруб. Добрые соседи — Пушкины и Языковы, конечно, помогли малость...

Через год домишко был готов. Ожили дед с бабой. Ожила и старая груша: она пустила новые побеги и вновь собиралась привалиться к кровле.

Но вот в один, как говорится, прекрасный летний день 1946 года в деревню вошли саперы и разбили свой лагерь у лукоморья.

Каждый день они выходили в поле и проверяли его пядь за пядью.

И тут беда. Подошли саперы к усадьбе деда, заработали приборы и вдруг забеспокоились. Офицер приказал осторожно рыть землю. Когда сняли несколько слоев,



открылась черная яма, коридором уходящая под новый дедов дом. Яма была большая, внутри обложенная динамитом. А в яме — целый склад фашистских снарядов, густо смазанных каким-то темным вонючим салом. Снаряды лежали ровными рядами. Их было много. Очень много.

Саперы работали тихо. И всё было тихо. Офицер посмотрел и так и эдак. Подумал, опять посмотрел. И приказал кликнуть деда.

— Вот, дедушка, какое дело,— сказал офицер.— Ты понимаешь, какая история получается... ты только не горюй. Вот тебе честное слово советского офицера... Мы тебя не обидим. Команда у меня боевая. Все есть — и плотники, и столяры первоклассные. Мы быстро твой дом разберем, отнесем вон туда подальше. А потом одним махом всю эту нечисть рванем — и дело с концом. Яму зароем, разровняем и опять твой дом на место поставим. Еще лучше отделаем...

Старик ничего не ответил. У него отнялся язык.

Прикрыв страшную находку, офицер с солдатами ушли, обещая завтра с утра приступить к операции.

— Ну что же теперь делать-то будем? — спросил старик старуху.

— А что делать? — ответила старуха.— Дело ясное. Что мы, рыжие, что ли? Придется самим.

И она повернула назад к саду, где была тропинка, что вела к мочилу. Старики с полуслова поняли друг друга.

Как только солнце стало садиться, они тихонько открыли страшную яму и приступили к делу. Ночь стояла белая и лунная. Она словно вступила в сговор со стариками. Осторожно вынимали они снаряды из ямы и уносили их по тропинке через сад, к мочилу, и там опускали в воду. Они таскали всю ночь, пока не вынесли последний снаряд.

Когда утром следующего дня пришли саперы, они увидели старика, лежащего под грушей. Старик спал как убитый.

Офицер посмотрел на захоженную тропинку, ведущую к мочилу, подошел к яме, глянул в неё и все понял.

Он вошел в избу. В красном углу висела цветная картинка: Пушкин стреляется с Дантесом. На лавке лежала старуха.

— Бабушка, а бабушка? — спросил офицер.

Старуха молчала.

— Бабушка?

— Ну чего тебе? — прошептала та, словно во сне, не открывая глаз. — А ежели насчет плотников, так прикажи ты им из этой ямы лес вынуть. Лес дюже хороший. Дед давно грустит без своей баньки, да и мне без нее тоскливо. Может, и впрямь поможешь? А?

Видавший виды офицер тихонько постоял, повернулся и на цыпочках вышел в сад, потом привалился к земле и крепко задумался.

Задумался над этой неожиданной историей и я.

Нужно иметь в сердце много добра и доброго согласия с жизнью, чтобы вынести такие страшные беды, когда ты уже старый. Старый-то так же хочет жить, как и молодой. Но ведь ему труднее начать жизнь сызнова, в особенности, если эту жизнь преждевременно поломала судьба.

Дай бог пушкинским старику и старухе жить-поживать и добра наживать еще многие лета. Они должны жить, иначе быть не может, ибо неодолима сила характера русского.



ЧЕМОДАН ОНЕГИНА

Война окончилась для меня в мае сорок четвертого. Потеряв на фронте левую руку, я долго лежал в военном госпитале. Став инвалидом, отправился в Тбилиси, где тогда жили моя мать и сестра, эвакуированные из Ленинграда. Жил я на пенсии, но, как говорится, был «без руля и без ветрил». Так было до февраля 1945 года, когда я получил из Академии наук СССР вызов в Ленинград.

В марте я уже был в Пушкинском доме Академии наук, среди своих старых друзей. Все страшное, что случилось со мною во время войны, окончилось... Я в драных штанах, изношенной гимнастерке. Все стараются сделать для меня что-нибудь доброе, хорошее. В дирекции идут переговоры о моей судьбе. Меня вызывают то к директору Павлу Ивановичу Лебедеву-Полянскому, то в партком, то в местком, то в ЛАХУ, т. е. в административно-хозяйственное управление Академии, где в большущем кабинете, за большущим столом, сидит свирепый дядя. Он главный вершитель моей сегодняшней жизни. Вместе с ним идем к вице-президенту Академии Леону Абгаровичу Орбели, который сообщил, что в Академии есть намерение послать меня в Пушкинский заповедник в качестве его директора и руководителя восстановительных работ. Я поблагодарил. Все завершилось благополучно во всех инстанциях.

Больше всех ратовал за отправку меня в заповедник Матвей Матвеевич Калаушин, которого я знал еще по работе в Петергофе, и дальше, уже перед войной, мы вместе работали в музее Пушкинского дома, где Матвей Матвеевич был заведующим. Мою кандидатуру

поддержали тогда и видные ученые института: Б. В. Томашевский, Б. М. Эйхенбаум, Б. Л. Модзалевский, Л. Б. Плоткин, В. А. Мануйлов, Н. И. Мордовченко.

Утверждение состоялось в первых числах апреля. Как только Лебедев-Полянский подписал приказ, дирекция института выделила мне наряд в ЛАХУ на получение новых штанов, белья и пальто.

Стали готовить снаряжение для заповедника. Выписали настенные часы, пилу-ножовку, два топора, гвоздей разных пять кило, наружный термометр, сапоги с голенищами, бухгалтерские счеты, двадцатиметровую рулетку, пятьдесят листов писчей бумаги. Все это по тем временам было очень дорого...

Канцелярия и музей института подготовили для меня нужные документы — выписку из приказа о моем назначении, доверенность, удостоверение личности, «Генеральный план Пушкинского заповедника по состоянию на 1933 год» и два экземпляра брошюры «Сообщение и акт Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний в Пушкинском заповеднике» (издание 1944 года). В отдельной коробке принесли мне из академического снабсбыта пять банок тушенки, полкило сахару, пять литров спирту, килограмм соли, двадцать пачек «Беломора» и большую пачку спичек.

Когда все имущество собрали в одно место, возник вопрос: а в чем же мне все это везти в заповедник? И тут хранитель музея Елена Панфиловна Населенко, обращаясь к М. И. Гонтаевой, которая тогда ведала в музее отделом бытовых предметов и прикладного искусства, воскликнула:

— Мария Иосифовна, а не дать ли Семену Степановичу во временное пользование парижский чемодан Онегина? Ведь это не чемодан, а сущий сейф!

Предложение Елены Панфиловны было одобрено, и вскоре знаменитый чемодан стоял в ее кабинете.

Чемодан был действительно знатный. Такого я даже в царских дворцах Петергофа не видывал. Большой, длиною поболе полутора метра, обитый темной кожей, скрепленный по всем четырем сторонам бронзовыми широкими планками, с восемью ручками и дополнительными ремнями, которые опоясывали чемодан по вертикали и горизонтали. Закрывалось это чудище двумя замками оригинальной формы.

— Вот это да! — воскликнул я.

Все смотрели на меня веселыми глазами, в которых светились радость и добро.

Теперь я должен напомнить вам, кто такой Онегин и как этот чемодан попал в Пушкинский дом.

Онегин — Александр Федорович Отто, родом из Петербурга. Сменить фамилию его заставила всепоглощающая любовь к Пушкину. В 70-х годах прошлого века, будучи студентом Петербургского университета, он поехал во Францию, где и остался жить до самой своей смерти. Умер он в 1925 году, в возрасте восьмидесяти пяти лет. Живя в Париже, он начал собирать свою знаменитую пушкинскую коллекцию, в которой были настоящие сокровища: автографы, документы, различные вещи поэта, издания его сочинений, вышедшие в России и других странах, книги и брошюры о нем, газетные вырезки с материалами о Пушкине и его великом наследии.

Среди редчайших документов у Отто-Онегина оказались документы о дуэли и смерти Пушкина, документы архива опеки над семьей и имуществом Пушкиных, учрежденной Николаем I в 1837 году.

В 1909 году Российская Академия наук приобрела эту коллекцию, оставив ее, однако, в руках Онегина до конца его жизни и выплачивая пенсию для пополнения сокровищницы и приобретения специального инвентаря для хранения. В 1920 году Онегин составил завещание, подтвердив, что коллекция его — неотъемлемая часть

коллекции Пушкинского дома Академии наук. Спустя два года был оформлен договор, по которому музей Онегина становился собственностью Советского государства.

После смерти Онегина в 1925 году, спустя некоторое время, все материалы были отправлены в СССР и благополучно прибыли в Ленинград. Для особо ценных реликвий Онегин своевременно заказал одному из лучших парижских фурнитурщиков Ж. Маньяру чемодан, о котором идет речь в моем рассказе.

В настоящее время книжное собрание Онегина хранится в библиотеке Пушкинского дома, автографы — в рукописном отделе Дома. Часть картин, рисунков, гравюр, скульптур хранится во Всесоюзном музее Пушкина в Ленинграде.

Так вот какой чемодан был дан мне для перевозки моих «богатств» в Михайловское! Когда все имущество было уложено, Мария Иосифовна передала мне два ключа от чемодана. Ключи были такие же оригинальные, как и сам чемодан: на колечке, к которому они были прикреплены, висел круглый жетончик светлой меди с гравированной монограммой «А. О.».

Через несколько дней чемодан был отправлен на Варшавский вокзал, откуда я, в сопровождении сотрудницы Пушкинского дома Л. Н. Назаровой, командированной в заповедник на месяц в качестве экскурсовода, и Бориса Калаушина, сына Матвея Матвеевича, будущего художника, ехавшего со мной для зарисовок разрушенных пушкинских памятников, выехал в Псков. Было это утром 12 апреля 1945 года.

Ехали двое с лишним суток. Поезд еле тащился. Все станции по пути Ленинград — Псков были разрушены. На каждой поезд стоял по нескольку часов. Возле железнодорожного пути сидели, лежали, спали люди. Горели костры, кто кипятил себе чай, кто варил обед...

В Псков добрались поздно вечером 14 апреля. Вокзала в сущности не было. Вокруг станции — длинные землянки. В них ночевали возвращенцы, солдаты, которые перебрасывались кто куда. Город был весь в развалинах, освещения не было. Кругом ходили патрули. Я долго искал комендатуру. От коменданта зависело, как нам добираться до Пушкинских Гор.

Пассажирского движения на дорогах Псковщины не было. Ходили только военные машины, которым было запрещено перевозить штатских. Надвигалась ночь. Мы перенесли наше имущество — чемодан, узлы, коробки — к одной из разрушенных стен вокзала. Уходя на поиски коменданта, я твердо сказал ребятам: «Сидите, не спите, крепко сторожите наше добро. Никуда не отходите ни на миг!»

Возвратился я часа через два. Прихожу и вижу... О господи, крепко спят мои путешественники, приткнувшись друг к другу и закрывшись с головою одеялом... но увы... онегинского чемодана нет. Он бесследно исчез.

Я вновь побежал в комендатуру. Комендант дал мне в помощь трех караульных солдат с электрическим ручным фонариком и железнодорожным фонарем со свечою. Прежде всего пошли смотреть землянки — одну, вторую, третью... В каждой на нарах в несколько ярусов спали, храпели сотни людей. Дежурные дремали при входе возле столиков, на которых светились коптилки. Я сразу понял всю бессмысленность нашего поиска, поблагодарил караульных солдат и вернулся на вокзал к своим ребятам. Ругал я их долго и крепко. Потом подумал: чего ругать-то, толк-то какой?

Так навсегда и пропал онегинский чемодан. В Пушкинские Горы комендант нас отправил на грузовой трофейной немецкой машине, которая никак не хотела идти. Больше толкали, тащили ее сами, чем она тащила нас. Доехали до Новгородки еле живые. На наше сча-

стье, здесь находился секретарь Пушкиногорского райкома партии Петр Михайлович Киманов, очень добрый, отзывчивый человек. Он отправил нас на своей пролетке, а сам остался в Новгородке.

Дорога Новгородка — Пушкинские Горы была чудовищна. Она состояла из воронок и огромных котлованов от разорвавшихся авиабомб и снарядов. На некоторых участках покрытие ее было сделано из настланных деревьев, сильно измолотых автомашинами и танками... Кое-где копошились люди, пытавшиеся хоть немного подправить загубленное шоссе.

Уезжая из Пскова, я еще раз зашел к коменданту. Он обещал продолжить розыск пропавшего чемодана и заверил, что, ежели его найдут, он сразу же сообщит мне об этом в Михайловское. Но сообщения так никогда и не поступило. А от знаменитого чемодана у меня остались лишь ключи. Они и сейчас висят в моем доме над рабочим столом.



В ФЕВРАЛЕ СОРОК СЕДЬМОГО

Февраль 1947 года был крутым, морозным, метелистым. В день и час смерти Пушкина, как всегда, у его могилы в Святогорском монастыре собрались местные жители, сотрудники заповедника, школьники... Они возложили венки, помянули великого поэта живыми, добрыми словами. День этот был особый — день начала восстановления дома поэта в Михайловском.

У монастырской стены стоял наготове своеобразный поезд: люди, кони, сапи, походная кухня и электростанция, полученные в Ленинградской военной академии тыла и транспорта... Последнее напутствие, команда: «Пошел!» — и обоз тронулся в путь. Возглавляли его начальник реставрационной мастерской Академстроя В. Смирнов и я. Ехали в Новоржевщину. Там нам выделили лесную делянку для заготовки строительного леса. Мы решили прямо в лесу срубить дом поэта, а потом, разобрав, подтащить его к реке и сплавом отправить в Михайловское, что и было сделано весною.

Приехали. Лесники отмерили нам делянку. Мы поставили палатки, заготовили дрова, разожгли костры — и вот уж задымила кухня. Началась суровая походная жизнь, но работали вдохновенно и радостно. Лес был сосновый, отличный. Сруб получился на славу. Приехавший из Академии наук главный инженер Власов дал строителям «добро». Изредка приезжали сюда сотрудники заповедника. Они читали лекции о Пушкине, о восстановлении Ленинграда, Пулковской обсерватории, города Пушкина, рассказывали, как в нашей стране идет подготовка к 150-летнему Пушкинскому юбилею. Приезжала кинопередвижка. Всё было благо...

Дом приплыл в Михайловское вовремя и вовремя был поставлен на старый фундамент. Началась внутренняя отделка исторического памятника.

Вспоминается один смешной и грустный эпизод из того времени.

Вокруг нашего лагеря была пустыня. Неподалеку виднелись две маленькие деревушки. Изб в них не было. Люди жили в землянках. Наши строители многим жителям помогали отстроиться, особенно тем, у кого было много детей, стариков, где были инвалиды войны...

Однажды в сильно морозный день решился я сходить в деревню и попросить ночлега у хозяев одной из землянок — очень уж холодно было в палатке. Пришел, постучался. Двери открыла древняя старушка. Внутри землянки увидел я пол из тонких жердей, пляшущих под ногами. Окон нет, на столике — коптилка из консервной банки. На полу большое одеяло, бог знает из чего сшитое. Под одеялом что-то шевелилось, потом вылезли детские головки, а потом у их головок показалась



еще одна головка — маленького розовенького поросеночка, с которым ребятишки играли. В землянке стоял крепкий крестьянский дух. Несмотря на беспредельную бедность, в ней было как-то ласково и уютно. Я присел на самодельную лавку, сделанную из снарядного ящика. Спросил:

— Где хозяева?

Старуха ответила, что они в лесу, работают.

— Не хотите ли кашки немецкой? — спросила меня бабушка.

— Чего? — удивился я.

— Да кашки немецкой, — повторила она и продолжала: — Тут в подвале одной разбитой избы нашли мы два хороших немецких мешка... Смотрим — в них горох не горох, а зерна, будто бы и горох. Решили, что это сорт такой. Стали варить. Ничего, есть можно. Изредка варим.

Я поблагодарил и согласился. Хозяйка поставила на стол деревянную латку, положила в нее каши, сдобрила ложкой масла и подвинула ко мне. Я ел и никак не мог понять, чтó ем. А потом догадался. Это был хороший натуральный нежареный кофе в зернах. Его, вероятно, забыли фашисты, когда удирали из Новоржева.

Я любил кофе, а в те времена он был очень большой редкостью. Поэтому решился попросить старушку об одолжении... Она щедро насыпала мне его в шапку... Возвратясь к себе, я долго угощался этим кофе. И теперь каждый раз при слове «кофе» я вспоминаю тот год, новоржевский лес, землянку и добрую бабушку...

САЛЮТ ПУШКИНУ

В Михайловском шумело эхо войны. Саперы неустанно слушали и щупали землю. Мины находили в самых неожиданных местах, даже там, где считалось, что всё уже хорошо проверено и чисто. Под крыльцом домика, в котором разместилось управление заповедника, оказалась тщательно замаскированная мина. А по этой лестнице поднимались члены Государственной комиссии по расследованию фашистских злодеяний — К. Федин, Н. Тихонов, Л. Леонов. В этом домике ночевали академик А. Щусев, председатель правительственной комиссии по разработке проекта восстановления заповедника, художник А. Лактионов... Знали бы они, как заглядывалась на них смерть!..

Или вот старый клен у домика няни. Уж где-где, а около этого места особенно тщательно проверяли землю. И какой огромный неразорвавшийся снаряд лежал под основанием ствола исторического дерева! Спасибо, обнаружить его помог случай. В мае 1949 года, за две недели до юбилейных Пушкинских торжеств, разыгралась сильнейшая гроза. Прямым попаданием молнии древний клен расщепило надвое. Земля вокруг дерева оголилась, и все увидели снаряд. Когда саперы его вытащили, он оказался размером почти в человеческий рост. Снарядище вывезли за пределы заповедника и взорвали.

Саперы работали в заповеднике почти пять лет. И все же даже после 1949 года находили фашистские дары. В ограде Святогорского монастыря, особенно сильно заминированного немцами, нашли мину в 1953 году! Уходя из Михайловского, эсэсовцы бахвалились: «Если

мы уйдем — ваша земля будет за нас воевать еще пятьдесят лет!»

Да, земля гудела, люди гибли, только гитлеровцы просчитались. Прошло немного лет, и всюду на заповедной земле наступил покой и мир,— никаких фашистских следов не стало. Остались только ямки, ямы да знаки на старых деревьях, которым были нанесены жестокие раны и увечья, и они теперь чувствуют себя как инвалиды первой группы Великой Отечественной...

Саперы оставили по себе хорошую память в Михайловском. В свободное время они добровольно и с большой охотой помогали нам восстанавливать домик няни — первый музей, открытый в 1947 году. Очищали Михайловские рощи от пней и завалов, зарывали траншеи, окопы, блиндажи. Леон Абгарович Орбели горячо благодарил их за это святое дело. Многим жителям деревень Бугрово и Гайки саперы помогли построить новые избы. А сколько народу харчевалось в походных солдатских кухнях, сколько концертов и киносеансов было устроено под открытым небом Михайловского для людей, которые за четыре года оккупации совсем отвыкли от художественного слова, кино, музыки! Этих добрых дел никто и никогда не забудет!

Вечная память двум бойцам, погибшим при разминировании Тригорского и Петровского!

В Михайловском, слава богу, все обошлось благополучно, без жертв.

Теперь, когда толпы людей ежедневно приходят посмотреть восстановленный дом поэта, первое, что они видят в прихожей,— это маленькая медная пушечка-мортирка. О ней в книге А. Мошина — собирателя народных легенд о Пушкине, изданной до революции в Петербурге под названием «Новое об 11 великих писателях», приводится свидетельство местного старожила Ивана Павлова: «Пушечка такая стояла завсегда около ворот Михайловского еще с давних пор...»

Потом эта пушечка исчезла неизвестно куда, как, впрочем, исчезла вся обстановка усадьбы до последнего черепка...

И вот в сентябре 1953 года в центре Михайловского, в нескольких шагах от густого орешника, замыкающего парк с северной стороны, там, где стоят полукруглые трельяжные беседки, солдат А. А. Алексеенко, из подразделения саперов, которым командовал подполковник И. П. Солдатов, вдруг зычно закричал:

— Ребята, вот так пушка!

К Алексеенко подбежали другие солдаты и мы, сотрудники заповедника. И действительно, все увидели пушечку. Она лежала на глубине 60—70 сантиметров от внешнего покрова земли. Пушечку вынули, стали рассматривать. И тут все объяснилось. Это была так называемая каронада-пушечка, какие в старину обычно ставились помещиками в своих усадьбах. Из них в праздничные и знаменательные дни палили в честь хозяев и их гостей. На пушечке выгравированы обозначения. На одной из опорных пят надпись: «P. F. Mortier» — и цифра 1. На другой — «21 P. F. 1831». Около запальника следы монограммы, кем-то тщательно сбитой.

Вот и нашлась старинная пушечка Михайловского!

Прежде чем она была передана музею и поставлена там, где сейчас стоит, произошла трогательная сцена. А. А. Алексеенко подошел к подполковнику и отрапортовал:

— Товарищ подполковник, разрешите в честь Александра Сергеевича Пушкина пальнуть разок из этого орудия! Холостым!

Подполковник подумал, посмотрел на меня и спросил:

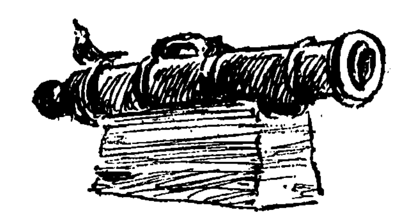
— Ну что же, ежели директор не возражает? Пушечка еще сильная, сохранилась прекрасно!..

Я, конечно, согласился. Подполковник приказал:

— Только зарядить не очень туго... осторожней!

— Есть не очень туго! — ответил солдат.

Пушечку зарядили. Все стали во фронт. Раздалась команда «Огонь!» — и грянул салют!



ПО СЛЕДАМ ГЕРОЯ

Все, кто приходит на поклонение к могиле Пушкина, идут посмотреть музей в Успенском соборе. В его центральной части, взорванной в 1944 году фашистами, на большом щите выставлены подлинные документы, свидетельствующие о злодеяниях, варварстве, надругательстве гитлеровцев над святыней нашего народа. Щит этот осеняет маленькая табличка, вывешенная в июле 1944 года на монастырских воротах:

МОГИЛА ПУШКИНА ЗАМИНИРОВАНА.
ВХОДИТЬ НЕЛЬЗЯ.

Ст. лейтенант Старчеус.

Известно, что, отступая, фашисты заложили в ограде Святогорского монастыря более 4000 мин. Они намеревались взорвать и могилу поэта, но не успели совершить это злодеяние.

Много раз музейные работники заповедника пытались узнать о славном лейтенанте Старчеусе, подразделению которого выпала высокая честь разминировать святые места. Но все поиски были тщетными, никаких сведений обнаружить не удавалось...

И вдруг — повезло. Как же это случилось?

Однажды ребята из 17-й школы Пскова после экскурсии в Святогорский монастырь спросили меня, знает ли кто-нибудь в заповеднике о Старчеусе и его дальнейшей судьбе. Я ответил, что, к сожалению, нет, не знаем ничего, и посоветовал ребятам включиться в наш поиск, авось им больше повезет, чем нам.

Прошло порядочно времени, и вдруг к нам поступает

справка из Главного управления кадров Министерства обороны СССР. Вот что в ней написано: «На письмо школьников сообщаем, что, по данным Главного управления кадров, Старчеус Григорий Игнатьевич служил в рядах Советской Армии командиром роты 17-й инженерно-саперной бригады, в чине старшего лейтенанта. Он погиб при выполнении боевого задания 14 октября 1944 года».

Герою — вечная память и слава!



КУРГАН АННЫ ПЕТРОВНЫ

В те времена, когда в Пушкинских Горах еще не было ныне существующей прекрасной турбазы, а была старая, ветхая, построенная наспех в деревне Воронич еще в тридцатых годах и восстановленная в 1948 году, я часто хаживал туда по вечерам рассказывать туристам о Пушкине и заповедных пушкинских местах. Людей было всегда много — и молодежи, и пожилых. Бывали и такие ветхие старцы, что я диву давался: как только они сюда добирались, где силы брали? Турбаза напоминала походный лагерь. И в самом деле — кухня была под открытым небом, палатки стояли прямо на земле. Вся массовая работа проводилась в небольшом скверике, к которому вели посаженные самими туристами ряды лип. Они назвали их «Аллея Керн», «Аллея Тани Лариной»...

С утра раннего туристы вылетали из базы, как пчелы из улья. Они носились до позднего вечера по полям, лугам, рощам. Им все было интересно. В каждом камне, кусте, дереве, тропинке искали особый смысл и значение. Им все нужно было знать: про Пушкинские Горы, про каждый дом, каждую деревенскую хижину и ее обитателя. Ведь на экскурсии многого не увидишь, не услышишь. В ней все быстротечно и прямолинейно. Вот почему каждый день, как только стемнеет, я и мои товарищи по работе в заповеднике шли на базу, чтобы подробнее рассказать и о далеком прошлом этой земли, и о предках Пушкина, и про жизнь поэта в деревне, и о том, что случалось в здешних местах с тех пор, как Пушкина не стало...

В тот августовский вечер, закончив беседу и распростившись со слушателями, я было уже совсем

собрался идти домой, в Михайловское, но тут подошел человек и попросил разрешения со мной поговорить.

— Моя фамилия Ветрянский, Василий Михайлович,— сказал он и далее продолжал как-то непросто, витиевато, стараясь, по-видимому, быть повежливее и в «хорошем тоне»: — Я должен извиниться за то, что отнимаю у вас время, беспокою вас. Вы, вероятно, устали, и вам не до меня... Вы торопитесь домой. Но у меня есть просьба, в исполнении которой, я надеюсь, вы мне не откажете.

— Пожалуйста,— настороженно произнес я в ответ. И тут же подумал: уж не из тех ли он «паломников», которым хочется услышать из уст сотрудника заповедника, «с глазу на глаз», подробности об интимной жизни Пушкина, о его романе с крепостной девушкой, о девах Трех Гор, о взаимоотношениях Натальи Николаевны с Дантесом?.. Но, внимательно присмотревшись к лицу собеседника, я узнал в нем человека, который был на нескольких моих лекциях, сидел обычно в первом ряду и очень внимательно слушал мои рассказы, слушал так, что однажды, в какое-то мгновенье, я стал говорить как бы только для него.

— Я не отниму у вас много времени,— продолжал он. — Шумновато у нас на базе. А я вообще не люблю суеты — игр, пения хором... Да и возраст уже не тот. «Покоя сердце просит»... Что может быть в здешних местах лучше тишины, безмолвия, уединенной прогулки да птичьего пения? Хочется воскликнуть, как некогда Пушкин, созерцающий здешнюю природу: «Господи, как здесь хорошо!» Так приятно с утра забраться в какой-нибудь укромный уголок Тригорского парка или вон на те холмы... — И он указал в сторону Дериглазова. — Смотришь на луга, речку, «пустыни молчаливы» — и хочешь не хочешь, а губы сами начинают шептать пушкинские строки:

Блажен, кто в шуме городском
Мечтает об уединенье,
Кто видит только в отдаленье
Пустыню, садик, сельский дом,
Холмы с безмолвными лесами,
Долину с резвым ручейком
И даже стадо с пастухом...

«Эва куда гнет»,— подумал я...

В это время колхозный пастух, перегонявший стадо, загудел в свой рожок, и мы замолчали, очарованные открывшейся новой картиной.

Подойдя к развилке дорог на Пушкинские Горы — Носово и Тригорское — Михайловское, я предложил собеседнику составить мне компанию, пройтись до усадьбы поэта и в дороге поговорить. Он с радостью согласился.

Начиналась хорошая, теплая августовская ночь, тихая и ласковая. Яблоневые сады Воронича благоухали, в клеверах кричали дергачи. Всё, что замечали мои глаза, казалось величественным и таинственным — и силуэты старых изб, и круглые кусты ивняка, которые так любил зарисовывать Пушкин, и стоящая одиноко вдали, навсегда умолкшая, разоренная гитлеровцами железнодорожная насыпь, и холмы, и лесные опушки... Мы вышли на дорогу к «границе владений дедовских». Эта дорога ночью всегда безлюдна, разве что изредка встретишь парочку влюбленных или случайного прохожего из местных жителей.

— Давно мне хотелось встретиться с вами и поговорить,— произнес спутник. — Я третью неделю живу на турбазе. Скоро и уезжать пора, а очень не хочется. Здесь чудесно. Так чудесно, что словами и передать нельзя... Завидую я вам... Эх, если бы моя воля! Никуда бы я отсюда не уехал... Поступил бы к вам сторожем, что ли! Да только как жить-то?..

— Да... — ответил я. — Многие из приезжих так го-

ворят. Сторож — оно хорошо... да вот «пети-мети» маленькие...

Он продолжал:

— Путевка моя уже на исходе, отпуск кончается. А мне домой — путь далекий. Я ведь издалека. С Урала. Из города Добрянки, может быть, слыхали про такой? Город старинный.

Я ответил, что слышал и даже бывал в нем...

— Моя фамилия Ветрянский, Василий Михайлович,— повторил он. — Я работаю техником на заводе. Вы меня слушаете? — перебил он вдруг сам себя, волнуясь все больше и больше. — Я ведь в здешних местах не первый, а второй раз! Первый раз был давным-давно, в сорок четвертом, был тогда при особых обстоятельствах. Тогда здесь шла война. Все было по-другому... Да и не был я здесь по существу, а был около, совсем рядом... Смотрел на все это,— он широко обвел рукой вокруг себя,— глядел со стороны, а быть — не был. Только хоть не был, а больше чем был...—И спутник мой умолк.

За многие годы жизни и работы в Михайловском я немало встречал людей, воевавших на здешнем участке фронта. Я записывал их воспоминания, изучал, сверял рассказы с документальными материалами, удивлялся людской памяти, а иной раз и красивой неправде рассказчика. То, что мне в этот вечер рассказал ветеран войны Василий Михайлович Ветрянский, было повестью особой и ни на что не похожей, это было нечто вроде исповеди. Вот она.

«Полк, в котором я служил старшим сержантом, входил в состав 2-го Прибалтийского фронта и крушил фашистскую линию «Пантера», идущую параллельно Сороти и Великой. Была весна. На дорогах — грязь непролазная. Третьи сутки двигалась наша часть вдоль болот Новоржевщины в сторону Пушкинских Гор. Особо тяжело доставалось артиллерии. Машины тонули в грязи, снаряды и мины приходилось перегружать на

повозки, но и они увязали в черной жиже, и было похоже, будто не телеги шли по дороге, а поток лодок плыл по серому злому морю. А тут еще — то снег, то дождь... Кони, выбившись из сил, останавливались, падали от непосильного напряжения и больше не поднимались, несмотря на крики и кнуты ездовых. Солдаты шли еле волоча ноги, еле вытаскивая из грязи свои пудовые сапоги. Но вот наконец последний холм. Команда: «Стой!» Остановка. Пронесся слух: «Приехали. Пушкин. Михайловское. Здесь будет оборона».

Наше подразделение расположилось на северной окраине деревни Зимари, за холмистым валом, что напротив Михайловского. Устроились как обычно. Стали рыть огневые, КП, окопы, траншеи. Кто-то сказал: «Ребята, к Пушкину — рукой подать, вон там». Все приостановили свои дела и, затаив дыхание, стали вглядываться.

В первые дни обороны разговор среди солдат был только один, про Пушкина. Особенно про то, как его мытарила жизнь, как его убили. И вот тут я должен вам сказать, что лучше всех про Пушкина рассказывал наш командир. Женщиной она была. Анной Петровной звали, по фамилии Нестерова. Я больше года с ней вместе служил. Много дорог войны вместе прошли... Верьте не верьте, но думается мне, что она всего Пушкина наизусть знала! Как-то перед выходом из Новоржева к нам в часть приехал знаменитый ученый-пушкиновед профессор Благой. Может быть, слыхали про него? Так он очень удивился, как много произведений Пушкина знала наша Анна Петровна на память, наизусть...

Находясь в дозоре, я любил смотреть на панораму Михайловского. Лежишь и видишь — какой простор! Как взморье — даль и ширь такие, что глазами и не охватишь. И я говорю себе: так вот какое оно, Михайловское, какое огромное и торжественное! Когда пролетавший самолет, наш или фашистский, сбрасывал бом-



бу и начинало греметь эхо, оно неслось по долинам и взгорьям и заставляло долго, на разные лады, органом гудеть озера, поля и рощи. И я, и мои товарищи, рассматривая Михайловское, искали в нем глазами дом Пушкина. Время от времени раздавался грозный окрик: «Эй, вы, орлы, осторожнее, куда высыпали, а ну назад! Вы что́, на экскурсию собрались, что ли?.. По местам!»

Да, я забыл сказать, что за тем песчаным холмом, где встала наша батарея, лежал молодой сосновый лесок — очень красивое место. Кому-кому, а своему командиру мы построили землянку, что твой терем-теремок. Солдаты любили Нестерову за то, что она была не такая, как все, а особенная — добрая, ласковая. Помню, поначалу, когда она пришла к нам на командирство, другие батарейцы потешались и звали нас «кудрявой командой». Но потом, и очень скоро, все переменилось.

Нестерова оказалась опытным военачальником —

грамотным, смекалистым, расторопным. Никогда не было ни лишней брани, ни придирки, ни пустых казенных слов, никого не «тыкала». А на войне соблюдать вежливость — дело трудное...

Аккуратная, красивая, приветливая, бывало, подойдет, глянет на тебя своими ясными усталыми глазами, и кажется, что все в тебе сразу рассмотрит и что-нибудь этакое, ненужное, заметит и подправит. Годы войны не огрубили ее, не лишили женского обаяния. Любили ее солдаты очень. Каждый старался чем-нибудь услужить: бывало, летом кто полевую ягодку, кто букетик цветов, кто трофейный гостинец поднесет. Она делила со своими бойцами горестные и славные дни. Умела быть и разведчицей, и связисткой, санитаром и политработником. Куда только не забрасывала ее судьба! Она воевала и на Украине, и на Кубани, в Великих Луках и под Новоржевом, была ранена и контужена, несколько раз чудом вырывалась из госпиталей — опять и опять на фронт. Любила повторять тогда, когда на фронте все было ладно и удачно: «Ну, теперь, братцы, скоро войне конец». А когда встали под Михайловским, добавляла: «Скоро войне конец. Александра Сергеевича Пушкина зачислим в нашу пушечную часть!»

Она очень стихи любила. Сидит, бывало, по ночам в своей землянке и пишет при коптилке, пишет и пишет. Когда стало известно, что полк скоро отправляется освобождать пушкинские места, она ходила, прямо сказать, именинницей. Когда поблизости никого не было, любила тихонько напевать: «В душе настало пробужденье...» А как любила она рассматривать Михайловское! Карту местности знала наизусть, как таблицу умножения. Вряд ли местный землемер знал эту землю лучше, чем она! Иной раз усядется перед стереотрубой и сидит недвижно, как заколдованная. Иной раз так ладно вдруг заговорит: «Вот опальный домик, где жил я с бедной нянею моей, уже старушки нет... Вот поэта

дом опальный... Вот озеро... Вот холм лесистый, над которым часто я сиживал недвижим и глядел, воспоминая с грустью иные берега, иные волны...»

Вечерами сидим в глухом блиндаже под покровом пяти накатов толстенных бревен, сидим, как дети в школе перед учительницей. Огонек горит в коптилке, устроенной в медной гильзе. Горит, как лампада. А она нам Пушкина читает, письма его к друзьям, братьям, товарищам, писанные в Михайловском. Тогда всем командирам вышло приказание от командующего фронтом во время затишья побольше читать бойцам Пушкина и рассказывать о нем. Благодаря ее чтению я тогда понял тайну поэзии Пушкина и полюбил стихи вообще. Честно сказать, я дотоле не особо увлекался поэзией. Больше прозу читал...

Шли дни. Со дня прибытия нашего в Зимари на нашем участке и у соседей было полное затишье. Немцы нас мало трогали, а мы их. Получалось действительно так, будто на экскурсию приехали. Потом пришел строгий приказ: без разрешения огня по Михайловскому не открывать под страхом сурового наказания.

Однажды старшина пришел из штаба и принес для всех бойцов памятки с портретом Пушкина и призывом: «Освободим родное пушкинское Михайловское к 145-й годовщине со дня рождения поэта. Вернем Родине нашу национальную святыню. Смерть немецким оккупантам!»

В листовке рассказывалось, как гитлеровцы надругались над пушкинским памятником, осквернили могилу поэта, разорили музеи, разворовали пушкинские реликвии.

Каждый боец хранил свою памятку как материнское благословение...

И вот однажды глядит наша ласточка-командирша на свое Михайловское и говорит: «У меня такое впечатление, будто оно делается все ближе и ближе к

нам... — Вдруг как закричит: — Смотрите, смотрите, что эти негодяи стали делать! Они домик няни разбирают, и колонны у дома Пушкина свалили, и стены его рубят!» И действительно, домик няни скоро исчез, а в фасаде дома Пушкина появилась широкая сквозная прорезь, в которой возились фрицы. Потом мы все увидели, как фашисты стали делать маскировку из зеленых елочек. А однажды в центре усадьбы Михайловского повалил густой дым. Фашисты что-то сжигали...

Загрустила наша Анна Петровна, говорит: пока мы тут стоим, фашисты все Михайловское с лица земли сотрут!..

Как-то вечером лезу я в блиндаж, спрашиваю у Анны Петровны, не нужно ли ей чего. А она мне: «Выйдем,— говорит,— на воздух, больно уж тяжко в землянке. Ведь на улице уже весной пахнет. Говорят, что кто-то уже жаворонка слыхал». Мы вылезли наружу. Кругом стояла тишина, какая только весной бывает.

«Знаешь, Василий Михайлович, что,— чует мое сердце: скоро нашей обороне конец. Пойдем вперед. Весна ведь. Моя бы воля — никуда бы я отсюда не тронулась. Навек привязалась. Ведь такого красивого места на всей земле не сыщешь. На тысячу верст одно — Россия, Пушкин. Ты знаешь, Михайлович, только тебе говорю, ежели что — похороните меня вон на том пригорке, где, видишь, целый хоровод маленьких курганов. Красивее этого места я не видела».

«Да что вы, товарищ Нестерова,— ответил я ей, стараясь говорить как можно строже. Я всегда начинаю строго разговаривать, когда чувствую, что у собеседника что-то не того, когда мое сердце чует откуда-то подлетающее лихо. — Радоваться нужно весне-то,— говорю ей,— а вы о смерти. Пусть,— говорю,— смерть о нас думает, а не мы о ней. Наше дело о жизни думать». На это она ничего не ответила, а только повторила: «Не забудь, не забудь!»

А как я мог забыть?

Любила моя Петровна повторять: «Настоящий человек может потерять все, но даже перед смертью, с последней вспышкой памяти, он не может не повторить пушкинскую «молитву»:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды...

Чуяло ее сердце приближение смертного часа. И этот час настал. Ее убил шальной снаряд, упавший в землянку...

Хоронили мы ее ночью, там, где она завещала...

Недавно я узнал, что ее прах перенесли на братское кладбище, которое находится неподалеку отсюда, в деревне Вече, там лежат многие из тех, кто отдал жизнь за освобождение от гитлеровцев Святых Пушкинских Гор...

А я вот все хожу, смотрю на пригорок, и мне кажется, что моя Анна Петровна по-прежнему лежит здесь, в древнем славянском кургане. И про себя называю это место «Курганом Анны Петровны». И мне всегда кажется, что между ним и Михайловским домом поэта стоит в небе светлая радуга».



КАК ГИТЛЕРОВЦЫ СОЖГЛИ ДОМ-МУЗЕЙ ПУШКИНА

А вот еще один рассказ очевидца. В конце лета 1960 года на усадьбе Михайловского появился посетитель с большой папкой в руках и хорошим фотоаппаратом, висевшим на груди. Посетитель внимательно разглядывал место, где стоит Дом-музей, берега Сороти, вглядывался в дали. Потом раскрыл папку, вынул из нее большую фотографию и стал сличать ее с тем, что видел. Любопытства ради я подошел к экскурсанту, представился ему и спросил, чем он занимается. Неизвестный назвал себя Алексеем Васильевичем Гордеевым и сказал, что приехал он из Ленинграда, что он давно собирался побывать в Михайловском, где в 1944 году воевал, и что вот наконец мечта его осуществилась.

В разговоре выяснилось, что на глазах у Гордеева фашисты сожгли Дом-музей Пушкина. Я попросил его рассказать, как это случилось. Ведь до сих пор неизвестно было, когда и как гитлеровцы сожгли усадьбу поэта!

Вот этот рассказ Гордеева в кратком изложении:

«В 1944 году я был командиром наземной фоторазведки, майором. Командовал нашим дивизионом полковник Алексей Дмитриевич Харламов.

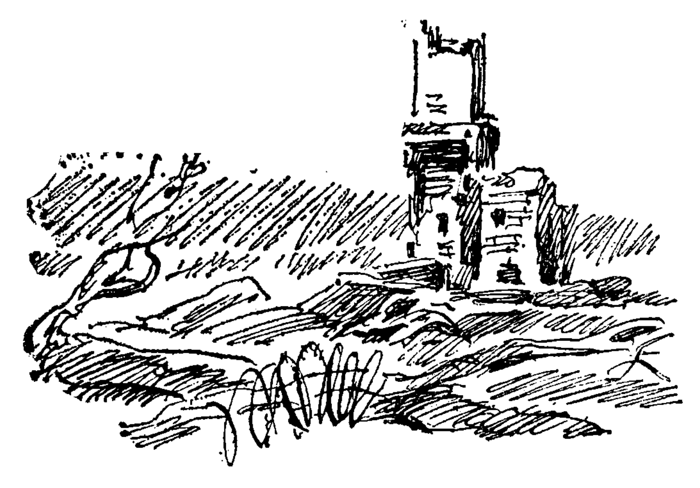
Как-то в конце марта 1944 года в разговоре со мной Харламов многозначительно заметил: «Собирайся, братец, скоро поедем с тобою в Михайловское, в гости к Пушкину». Я чрезвычайно обрадовался предстоящему заданию. Подумать только, увижу Михайловское, о котором столько слышал, читал! Прошло несколько дней, и действительно 1 апреля нашу часть перебросили в Пушкиногорский район, к берегам Сороти. По прибытии

на место мы расположились на окраине деревни Зимари, лежащей напротив усадьбы Михайловского. В бинокль хорошо было видно, как на пушкинской усадьбе суетились гитлеровцы...

4 апреля Харламов вызвал меня к себе и сказал, что в ближайшее время будут освобождать заповедник и что командование поручило нашей группе срочное выполнение особого задания — подойти как можно ближе к усадьбе и сфотографировать панораму Михайловского с домом Пушкина, домиком няни и служебными флигелями.

В группу фоторазведчиков были назначены старшие сержанты Кущенко и Алехин (операторы) и старшина Немчинский (подносчик аппаратуры и обработчик снимков). Получив задание, группа разведчиков немедленно приступила к выполнению его.

Рано утром 5 апреля саперы сделали лаз в проволочном заграждении, разминировали проход в минном поле, и разведчики поползли к Сороти. Съемка произво-



дилась при помощи мощной оптики. Все прошло благополучно и без потерь. Снимки вышли очень хорошими. С негативов были сделаны отпечатки с шести- и тридцатикратным увеличением и сразу же отправлены в штаб армии и командованию дивизиона. Крупные отпечатки предназначались для демонстрации бойцам, которые готовились к бою за освобождение Михайловского. В эти дни фронтовые газеты выходили под шапкой «Отомстим за нашего Пушкина».

С разрешения Харламова по экземпляру снимков оставили себе на память и мы, то есть я и солдаты-разведчики.

Вскоре наша разведка показала, что гитлеровцы стали разбирать домик няни и усиленно маскировать вершину Михайловского холма молодыми свежесрубленными елочками. В наружной стене дома-музея сделали большую прорезь. В прорези появилось орудие. В крайних окнах дома установили пулеметы.

Наше командование дало строгий приказ ни в коем случае не стрелять по Михайловскому, чтобы не покалечить и не уничтожить его памятники.

2 мая, рано утром, к нам в деревню Зимари прибыла артиллерийская батарея под командованием капитана Нестеровой и расположилась в районе колхозного сада. 2 и 3 мая в Михайловском было тихо. 4 мая, около двух часов дня, фашисты вдруг «заговорили». Ударила пушка из дома-музея. Одним из первых выстрелов были убиты два бойца нашей разведки, другой снаряд попал прямо в нашу огневую точку и вывел из строя нескольких артиллеристов. В ответ на это командир батареи дала команду: «Четыре снаряда, беглым огнем по огневой точке фашистов!» Первый же снаряд попал в цель и перебил прислугу фашистского орудия. Видя, что их огневая — на нашем точном прицеле, гитлеровцы подожгли дом-музей и под прикрытием густого дыма стали отходить вглубь Михайловского парка и там засели в

своих окопах и блиндажах. Дом вспыхнул как свечка и скоро сгорел дотла. Вскоре запылал и флигелек, стоявший рядом с ним».

— А теперь,— продолжал свой рассказ Гордеев,— пожалуйста, взгляните на этот снимок.— И он показал мне фотографию, снятую 5 апреля 1944 года. На снимке отчетливо была видна вся северная часть усадьбы Михайловского, от нынешнего поля народного гулянья до западной околицы с домиком няни.

Сегодня эта фотография хранится в музее заповедника как единственное изображение Михайловского в знаменательный и славный для него 1944 год — год изгнания фашистов с пушкинской земли.



ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

Среди старинных живописных портретов, хранящихся сегодня в музеях Пушкинского заповедника, немало написанных неизвестными художниками былых лет. Кто они — эти великосветские красавицы, баре, офицеры, господские дети? Какова их судьба? Никто не ведает!

Непростое это дело — установить имя художника, обстоятельства, при которых был создан портрет. Эти произведения были найдены в разные времена на псковской земле, в бывших помещичьих имениях Опочки, Новоржева, Острова, Святогорья. Некоторые были приобретены у разных лиц еще в двадцатых годах нашего времени. Ряд портретов приобретен в тридцатых годах, но есть вещи, которые поступили в заповедник и в послевоенный период. История приобретения каждого из них оригинальна и неповторима.

Женский портрет, о котором я хочу поведать читателям, сегодня находится в Тригорском доме-музее, на одной из стен коридора, разделяющего дом на две половины. Приобретен он был мною вот при каких обстоятельствах.

Было это в мае 1945 года. Михайловское и его округа только-только начали подниматься из развалин. Люди выходили из землянок, разбирали многочисленные фашистские блиндажи и бункера и возводили из их бревен и досок свои новые хижины. Так делали все жители окрестных деревень. Так делали и работники Пушкинского заповедника.

Никаких других строительных материалов не было. Даже такие простые вещи, как пила, топор, молоток и клещи, были тогда редкостью. Все делалось как в древ-

ние времена, все строилось «натуральным» способом. Полы клались из жердин, крыши покрывались камышом, стены — глиной, окрашенной речным мелом.

Брали этот мел со дна небольшой безымянной речушки, находящейся довольно далеко за Соротью. Из этой речки брали мел еще и в те древние времена, когда строили Святогорский монастырь. Как все, так и я ремонтировал свою хижину в пустынном Михайловском.

Решив побелить «горницу», я направился с одним из колхозников из деревни Бугрово на эту речку. Ни телег, ни машин тогда в заповеднике не было. Соорудил я тачку с оглоблями, запряг в него коня Гришку, который был тогда для всех нас, как говорится, на вес золота, и поехали.

За Соротью — кругом пустыня. Речку еле нашли. Глину в ней тоже — слава богу! — нашли. Нагрузили свою тачку. Тронулись в обратный путь. Вдруг слышим, кто-то вдали закричал: «Стой, стой!» — и дал из автомата очередь...

Мы бросились на землю, уткнулись головами в траву. Лежим. Тишина. Слышим, кто-то идет. Смотрим, подошел молодой парень, одетый в солдатскую гимнастерку, в галифе, босой, с топором за поясом и с автоматом в правой руке. Левый рукав его был пустой. Подойдя к нам, он заорал:

— Вы что, слепые? Не видите, куда идете?

— Как куда,— ответил я, поднявшись на ноги. — Здесь идем... сюда...

— Здесь, здесь... А это что? — И парень указал автоматом на подпись, висевшую на колышке, воткнутом в землю: «Смертельно, участок заминирован. Хода нет».

— А ты сам-то как? — спросил я.

— Я — это другое дело,— ответил он. — Мне саперы-разминеры, проходившие по этим местам, инструкцию дали и все разъяснили, как и что!

— А как же нам, где нам-то можно идти?— спросил я.

— Хода нету, русским языком вам сказано!

— Хм! Так ведь мы же сюда живые прошли, в целости и сохранности! Так почему же нам нельзя обратно так, как сюда шли? — продолжал я.

— «Прошли, прошли»... Счастье ваше, что прошли, а вот обратно с грузом пойдете, так еще неизвестно, дойдете ли. У нас тут немало эдаких гуляльщиков полегло.

«Мда... — подумал я, — здорово получается», — и сказал:

— Ну и что же нам теперь делать?

— А вам куда нужно-то? — спросил парень.

— В Михайловское.

— В Михайловское не здесь дорога, а вот там,— ткнул он рукой в сторону и добавил: — Пошли за мной. Так уж и быть, проведу сам до дороги.

И мы отправились за вожатым. Спустились в лощину и здесь увидели землянку, в которой жил наш грозный незнакомец со своей молодой женой и матерью-старухой. Подошли к ним. Поздоровались. Разговорились — откуда, как, что... Зашли в жилье. Хозяйки нас угостили печеной картошкой. Слово за слово — началась беседа. Оказалось, что неподалеку отсюда была их деревня, которой не стало. Я поведал о себе, о Пушкинском заповеднике, о поиске музейных ценностей, разграбленных фашистами, о находках последних дней в Острове, Пскове, Резекне, в окопах, блиндажах...

— Настя, — вдруг крикнул Николай, так звали хозяина землянки, — а ну покажи-ка директору, что мы с тобой здесь нашли!

Хозяйка прошла за холщовый полог, свисавший с потолка, вышла оттуда и поставила на стол передо мною небольшой бронзовый бюст. Я глянул и сразу же узнал эту вещь. Это был бюст Екатерины II из кабинета Пушкина в Михайловском, поставленный в 1911 году при

открытии музея. Его подарил председатель Пушкинского дворянского комитета барон Розен из своего имения в селе Глубокое...

— А вот еще, — сказала хозяйка — и опять скрылась за пологом.

Она вынесла живописный портрет, написанный маслом на холсте. Подрамник был расколот, по краям холст был прошит не то шилом, не то гвоздями. Было ясно видно, что холсту, как говорится, здорово досталось.

Несмотря на жалкий вид холста, живопись его была громогласна и ярка. Это был портрет неизвестной женщины «бальзаковского» возраста, в парчовом платье голубого цвета с серебряной отделкой, какие носили знатные дамы в начале XIX века. На груди ее — бриллиантовое колье. На руках браслеты, кольца. Все в портрете говорило о богатстве, чванливости и властном характере.

— А это где ты нашел? — просил я Николая.

— Да все тут же, неподалеку, в одном из разбитых бункеров.

— Друг мой, — сказал я, обращаясь к хозяину землянки, — ты должен эти вещи сдать нам в заповедник!

— А еще куда же, — ответил он, — конечно вам!

Вдруг он вскочил и скрылся за занавеской. И оттуда раздался какой-то визг, словно кто-то наступил кошке на хвост! И появился Николай с гармошкой в руках. Он развел мехи, заиграл и лихо запел старинную псковскую ярмарочную песню:

Эх, давай плясать, детинка,
Надулась моя волынка,
Разгибай свои ножки,
Слышь, пищит моя гармошка.
Бери ухватку, хватай, брат, вприсядку.
Сия игра весьма любезная!
А плясать очень полезная!
И-и-их!..

— А гармонь-то где же ты нашел? — воскликнул я.

— А это у матушки моей спроси... Во время войны положила она сию дедову гармонь в большой котел и спрятала от немцев — закопала в огороде. А недавно выкопала! Чуток подкисла музыка, но голосит еще здорово. Вот послушай. — И он снова заиграл.

Я взял гармонь и стал рассматривать ее. Это была типичная «мужичья» гармошка — небольшая, крикливая, визгливая. Снаружи отделана серебряным орнаментом. У басовых клавиш я увидел выгравированную надпись: «Работали гармонь Тимофею Богданову за 35 рублей. Мастеръ В. Лосевъ и сынъ. Невская застава. Московская улица. Дом 11, въ С. Петербургъ, 1849».

Гармонь эту подарил лично мне сам хозяин. Было это в Михайловском, в июле 1945 года, на первом послевоенном Пушкинском празднике. Сегодня она — реликвия моего дома, одна из самых дорогих вещей его. Да и то сказать, вряд ли у кого на Псковщине есть еще деревенская гармонь, которой почти сто сорок лет!



СТАРАЯ СОСНА

На околице Михайловского, почти возле калитки, ведущей к усадьбе поэта, стоит старая-престарая сосна. Вероятно, это самое древнее дерево в здешних рощах. Она стояла здесь тогда, когда и Михайловского-то еще не было и ничего вообще не было. Не было ни Ганнибалов, ни Пушкиных... Ей, почитай, лет триста, а может, и больше.

Стоит старая сосна как маяк на берегу взморья. От нее все хорошо видно — окрестные поля, озера, холмы, нивы, деревни, и все, идущие по дорожке, обязательно останавливаются перед нею, и она своим «знакомым шумом» их приветствует...

Только эта сосна не просто древняя, огромная, красивая, не просто, как говорится, «чудесный памятник природы» — она живой памятник Великой Отечественной войны.

Когда в Михайловском были гитлеровцы, она оказалась на передовой линии фронта, который тянулся по берегу Сороти и вверх и вниз. Ее дряхлый, искалеченный ствол, сломанные сучья напоминают о том горьком времени. Следы войны стали теперь мало заметны, но обнаружить их можно. Память человеческая никогда не позволит стереть их полностью.

Когда же фашисты рубили михайловские сосны для постройки блиндажей (они спилили сорок тысяч сосен!), они покусились и на это древнее дерево. И пила уже вонзилась в тело сосны. Но потом они решили ее оставить: очень уж мощное дерево, и пила плохо брала его. Дерево было использовано иначе. В его кудрявой кроне фашисты сделали гнездо для снайпера и площадку для

артиллерийского наблюдателя. Ведь отсюда до нашего советского «передка» было меньше километра. Наши разведчики и наблюдатели быстро разглядели фашистских молодчиков и скоро сняли их с сосны.

За широким стволом дерева, в глубине рощи, фашисты устроили командный блиндаж. Кстати, для отделки его они использовали двери кабинета Пушкина в доме-музее, изразцы и кирпич от печей и камина...

После войны сюда пришли заботливые люди — лесники, смотрители, хранители, реставраторы. Они нашли сосну тяжелобольной, увидели вокруг нее воронки от взрывов мин и снарядов. Неразорвавшийся снаряд был изъят из основания ствола. От подножия дерева до вершины его были набиты рейки, служащие для фашистских снайперов лестницей. Стояло дерево как живой свидетель минувших боев. Разве можно было остаться равнодушным к этому бедному дереву — дереву-герою?! И лесники — Николай Дмитриевич Шендель, Василий Кондратьев, Иван Васильев, Иван Петров — сделали все, чтобы вылечить и продлить его жизнь.

Они очистили искалеченные корни, подлечили изуродованный ствол, запломбировали щели, подкормили изголодавшееся дерево специальными удобрениями, обнесли это мемориальное место ограждением. И старая сосна ожила. Теперь в ее кроне весной слышится птичий гомон и щебетня.

Нескончаемой вереницей идут по тропе к дому Пушкина люди, и все останавливаются перед деревом-героем.

Когда и вы пойдете этой дорогой, остановитесь у славного дерева и поклонитесь ему. Старая-престарая михайловская сосна — живой современник и друг великого поэта.

ХРАНИТЕЛЬНИЦА МИХАЙЛОВСКОГО

Дом Пушкина в Михайловском хоть и музей, а живой. Он наполнен теплом, приветлив и светел. Комнаты его всегда пронизаны запахами хорошего дерева и свежей земли. Когда в рощах зацветают сосны, душистая пыльца облаком стоит над домом. А когда на куртинах распускаются сирень, жасмин и шиповник, в доме становится особенно ароматно. В каждом уголке его всегда живые цветы. Они не только собраны в большие пышные букеты, как это делалось встарь, но и просто понемногу расставлены на своих, не сразу найденных нами местах.

Но вот приходит время, и на усадьбе зацветают липы. Тогда дом пропитывается запахами воска и меда. Липы стоят рядом с домом, и в дуплах их живут дикие пчелы. Живут пчелы и в земле на дерновом круге перед домом. Пчелиным медом любят баловаться барсуки и еноты, которые забегают на усадьбу из лесу в сентябре, когда ночи становятся длинными и люди дольше спят.

А в осенние дни в дом приносят яблоки здешних садов. Яблоки отборные, всех сортов и мастей — антоновка, титовка, бабушкино, ревельский ранет, белый налив... Яблоневый дух перемешивается с запахами цветов и меда. От этого в комнатах становится еще теплее и уютнее.

В доме много хорошего псковского льняного белья — скатертей, полотенец, занавесей. У льна свой аромат — прохладный, крепкий. Когда льняные вещи в доме стареют, их заменяют свежими, вновь вытканными сельскими ткачихами на старинных станах.

Вещи из льна обладают удивительным свойством — там, где они, всегда пахнет свежестью. Ученые говорят, что лен сберегает здоровье человека. Тот, кто спит на грубой льняной простыне, носит на теле льняную рубашку, утирается льняным полотенцем, — почти никогда не хворает простудой. Редко болел и Пушкин. У него кругом был лен.

Пушкинские крестьяне, как и все псковичи, издревле любили выращивать лен, и он славился по всей России и за ее пределами. Двести лет тому назад в Пскове была даже английская торговая контора, которая скупала лен и льняные изделия и отправляла их в Англию.

Льняной «станухой» обивали стулья, диваны и кресла, из домашней холстины делали пологи над кроватями. Такой полог был и над кроватью Пушкина. Об этом вспоминал Пущин.

От льна, цветов, яблок в пушкинских комнатах всегда пахнет солнцем, чистотой, хотя в иной день через музей проходят тысячи людей.

* * *

Не простое это дело — избежать «захоженности» музейных комнат. Очень помогают содержать дом в чистоте и благолепии запахи даров земли. Но есть и другая сторона дела. Человеческая. Не всякому дано стать истинным музейным работником. Этому научиться почти невозможно. Иной всю музейную науку превзойдет, всё знает, умеет объяснить и разъяснить, что, как и почему, но вещи в его руках не оживают, остаются мертвыми. У другого — жизнь во всем, до чего он только дотронется. Трудно объяснить причину этого удивительного явления. Но это так.

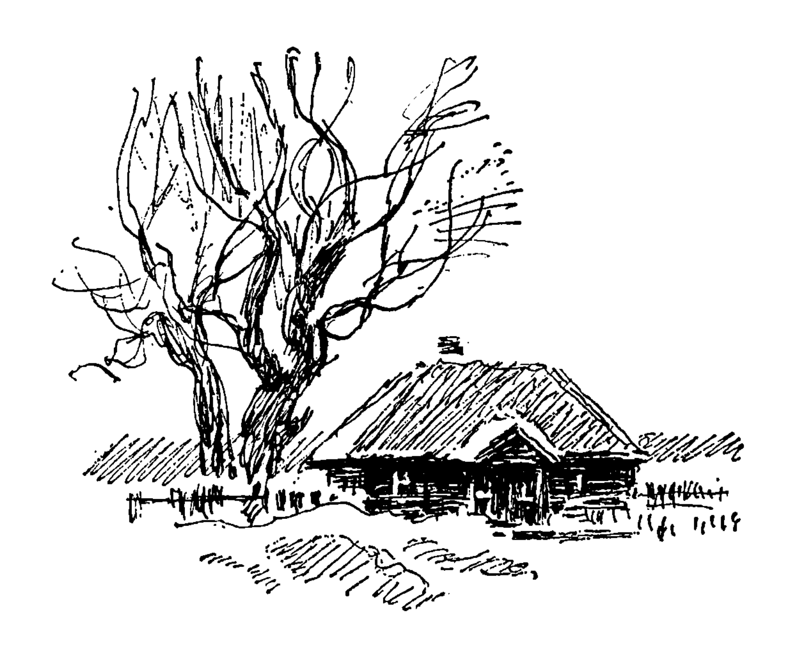
Много лет работала музейной смотрительницей Михайловского простая крестьянская женщина Александ-

ра Федоровна Федорова; она действительно была настоящим музейным работником, хотя и не было у нее никакой специальной подготовки. Она и грамоту-то узнала под старость, когда поступила работать в заповедник. Она тогда поняла, что служить в доме Пушкина и быть неграмотной — нельзя, что хранить пушкинский дом — это значит не только сберегать его, ценить, любить, но и понимать его и тех, кто приходит сюда.

В руках Александры Федоровны от природы была «живая вода». Под ее руками всё преображалось и оживало. Заботливым дозором ходила она по усадьбе, по комнатам Пушкина, всегда знала, где, что и как. Ее простые речи наполняли наши сердца отрадой. Иной раз с ее добрых уст слетали слова укоризны, когда кто-нибудь из нашей ученой братии забудет накинуть шторку над пушкинской реликвией или кто-то по забывчивости вдруг закурит где не положено. Она на всё глаз имела. По утрам, приведя музей в порядок, любила она садиться в извечной позе русской крестьянки у окна самой памятной комнаты — кабинета — и что-нибудь рукодельничала. Наверное, вот так же сиживала у окна и та старая няня Пушкина, Арина Родионовна. Бывало, проходишь с гостями по музею и слышишь: «А ведь она у вас совсем как Арина Родионовна!» И действительно, она любила Пушкина и всё пушкинское — его бумаги, книги, вещи — особой, материнской любовью.

В руках Александры Федоровны — «тети Шуры», как звали ее сослуживцы и посетители Михайловского, — всегда было добро. Убирала ли она комнаты Пушкина, стирала ли пыль с мебели, составляла ли букеты, расставляла ли цветы на горки, столы и комоды, — всегда у нее получался рай, и все приходившие в музей восклицали: «Ах, как красиво!»

За двадцать лет работы в Михайловском она хорошо узнала, при каком свете лучше смотреть ту или



иную картину, как и чем можно чистить красное дерево, бронзу, зеркала. Ей не нужно было указывать, как что поправить, не пора ли заменить васильки на ромашки. Она сама всё видела и делала.

Как-то понадобилось нам раздобыть редкую вещь для людской Михайловского — старинный льняной полог «шептун». Сказал я об этом тете Шуре.

— Постой, ужотка сбегаю за Велье, у меня там родителька когда-то жила. Там война прошла мимо, и много сохранилось всякой всячины.

Я и глазом не успел моргнуть, как она сбегала за сорок верст и притащила в Михайловское чудеснейшую старинную вещь, каких теперь днем с огнем не сыщешь.

Или вот приехала однажды из Ленинграда собирательница старинных псковских песен и попросила меня свести ее со старожилами пушкинских мест, помнящими старинные народные песни и способными напеть их на магнитофонную ленту.

Вызвал я тетю Шуру, спросил, знает ли она кого из таких певцов, — ответила, что знает. Запрягли лошадей и поехали все трое в деревню Ромашки, где познакомились со стариком и старухой Павловыми. Старик — такой чудесный, чистый, радушный, голубоглазый, борода седая — обрадовался нашему приходу, засуетился, семеня старенькими ножками, полез на полати, достал сундучок, где у него хранилась гармонь в солидной медной оправе с выгравированной надписью: «Зделан сей анструмент в Новоржеве в 1858 году музыкантских искусств мастером Развеевым».

Дед взял гармонь, сел на лавку, перебрал лады и замер. Старухи уселись с ним рядком, взялись за руки, прижались друг к дружке, уставились глазами на деда. Тот махнул им головой, и они запели «Куда ездил-гулял» — редкую старинную псковскую свадебную песню, которую некогда пели жениху на мальчишнике:

— Ой, куда ездил, где гулял,
Добрый молодец,
Куда бог тебя носил?
— Ой, да ездил я, душечка,
С города до города.
Ой, да искал я, душечка,
Себе молоду жену,
Себе молоду жену-красавицу.
Найти-то нашел, да нет мне с ней
Ни веселья, ни радости...

Исполнительницы нам пояснили, что «в этой песне одна поет слова, а другая должна только голосом водить». Потом бабки распелись, и мы записали несколько чудесных древних напевов.

Хорошо помнится, как помогала Александра Федоровна собирать предметы старинного народного быта для только что восстановленных пушкинских флигельков Михайловского, в которых некогда располагались контора управителя, кухня, амбары; как зимой на санях в тридцатиградусный мороз мы с ней поехали по ее совету в соседний район искать деревенские ручные вышивки, ткани, костюмы, чашки и плошки, как в дороге чуть не замерзли, как чуть не попали в прорубь, когда переправлялись по реке Синей к деревне Синск, в которой как-то однажды заночевал Пушкин...

Она всегда внимательно слушала наши затверженные рассказы о Пушкине, о его жизни в деревне, про приезды к нему друзей, про его одиночество, слезы, муки, тоску-печаль.

Когда приступал к работе в музее новый экскурсовод или молодой студент-практикант, все они обязательно просили тетю Шуру послушать их экскурсию и сказать свое слово. Старушка внимательно слушала, давала цену работе и почти никогда не ошибалась.

По понедельникам дом Пушкина бывает закрыт для посетителей. Это день генеральной уборки усадьбы. И хотя всюду разосланы объявления и во всех справочниках и путеводителях об этом напечатано — всё равно экскурсанты приходят и стучатся в двери. Если приходили люди добрые, вежливые, старуха согрешит и впустит их в музей, только скажет: «Сейчас всё прибрала, вымыла, выскребла, полы навощила. Снимайте сапоги, идите уж быстрехонько». И ее слушались и, сняв обувь, смиренно входили в дом Пушкина, словно в храм.

Она обладала чудесным даром останавливать время. Говорила — словно Священное писание читала. Проводя людей по комнатам, давала пояснения. Это не было экскурсией, какие проводят записные экскурсоводы. Это была народная сказка про Пушкина.

Без всякого вступления начинала она сказывать нараспев:

— Здесь Пушкин мучился за всех ровно два года и месяц. Здесь всё его. И хоть самого его сейчас нетути и он незрим, всё он видит — кто и зачем сюда пришел, кто подобру-поздорову, поучиться уму-разуму, а кто собой полюбоваться, в зеркало посмотреться да в речке искупаться... Он, Пушкин, всё любил, в чем есть жизнь, и обо всем этом писал в своих книгах. Теперь все идут к Пушкину, потому что его творенья охраняют людей от дурного, очищают душу. Его дом для теперешних людей стал тем, чем раньше был для тогдашних храм. Ежели тебя, скажем, что волнует и нет у тебя доброго советчика — иди к Пушкину, он укажет на истинного друга, удержит от злого обстояния, даст верный совет и ты возрадуешься и возвеселишься. Только хорошенько подумай, что тебе нужно, а потом спроси у Пушкина и получишь ответы в его книгах...

В комнате няни она обычно читала наизусть письма Арины Родионовны к Пушкину из Михайловского. В устах рассказчицы они звучали особенно задушевно, казалось, она читала не нянино, а свое: «За все ваши милости мы всем сердцем вам благодарны, вы у нас беспрепятственно в сердце и на уме».

Как и в Арине Родионовне, в тете Шуре сказывались самые хорошие черты пожилой русской женщины — доброта, сердечность, любовь к ближнему. И по годам, да и по внешности, ежели судить по портрету Арины Родионовны, что в сороковых годах прошлого века вырезал на кости художник Серяков, в них было много общего. И у той и у этой — чуть вздернутый нос, плотно сжатые губы, глубокие морщины; и одевалась тетя Шура в душегрейку, носила платок...

По роду-племени Александра Федоровна была плоть от плоти псковской пушкинской земли. Она родилась неподалеку от Михайловского, в деревне Носово, за

Соротью. Деды и бабки ее были крепостными Тригорского. Она девчонкой бегала то в Тригорское, то в Михайловское на барскую поденную работу — на огородах, ягодниках, в садах. Жизнь ее сложилась невесело. Семья была бедная. Замуж вышла рано. Перед войной муж завербовался на работу под Ленинград. Она переселилась к нему с дочерью в общежитие. А когда пришла война и настало лихо — пришла пешком обратно в родные места. Муж пропал без вести. Край, где деревня Носово, был партизанский, и она помогала народным мстителям чем могла. И хоть из автомата не стреляла и в разведку не ходила, а партизан кормила чем бог послал. Под конец войны гитлеровцы сожгли дом тети Шуры, а ее согнали с родного пепелища.

После войны у нее наступила новая жизнь. Эту жизнь она начала в заповеднике, с которым сроднилась, проработав в нем почти двадцать лет, пока не пришла старость и не потянуло к дедовским берегам.

После ее ухода Михайловское словно осиротело. Долго не верилось, что нет уже среди нас старой нянюшки. Уж не услышим мы ее ласковых слов: «Вот послушай, сынок, мой совет...», «А тебе я на это вот что скажу, мой добрый жихарь...»



Когда в 1967 году Ленинградская студия кинохроники делала фильм «Первый Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в Михайловском», я посоветовал режиссеру съездить в Носово и пригласить на

съемки тетю Шуру. Режиссер привез ее в Михайловское, и все получилось прекрасно. Хотите увидеть и услышать Александру Федоровну — посмотрите этот фильм. Не пожалеете!

В мире чудес, конечно, много. Особенно много их в музеях, потому что музеи — это хранилища чудес. «Александра Федоровна — хранитель Михайловского — истинное чудо». Это слова не мои, а поэта М. А. Дудина, частого и желанного гостя Михайловского. Он, как и многие другие писатели и художники, хорошо знал и любил тетю Шуру. И воспел ее в своем стихотворении, которое называется «Святые руки тети Шуры».

Гляжу на руки тети Шуры,
Как на лицо ее труда:
Они, как корни дуба, буры,
Они улыбчивы и хмуры,
В них вся судьба ее натуры
Отобразилась навсегда.

В них опыт жизни год за годом,
Без кода, ясным языком
Глубоко вписан: огородом,
Весенним паром, недородом,
Грибами, ягодами, медом,
Огнем и хлебом с молоком.

Всё знали в жизни эти руки,
Всё перепробовать смогли:
Печаль любви, тоску разлуки,
Тревогу материнской муки
И отчужденье смертной скуки
Сырой кладбищенской земли.

Всё в мире прочным остается,
Что руки сделали вокруг,
Что сделать в будущем придется,
И связь времен не оборвется,
Пока живая нить прядется
Святым искусством этих рук.

РАССКАЗЫ ДЕДА ПРОХИ

Дед Проха — как все в округе Михайловского звали Прохора Петровича Петрова — жил в деревне Савкино, что напротив пушкинской усадьбы, за озером Маленец. По роду-племени считал себя потомственным гражданином Воронича, в состав которого входило Савкино. И действительно, как-то просматривая древнюю книгу Воронича, составленную московскими писцами Григорием Мещаниновым и Иваном Дровниным в 1585 году, вскоре после разорения Воронича польским королем Стефаном Баторием, нашел я в ней упоминание о роде Петровых, как, впрочем, и другие фамилии людей, и поныне живущих в этих краях: Клишовых, Кошаевых, Бельковых...

Был дед Проха живой историей пушкинских мест. Родился еще при крепостном праве, пережил трех царей, три революции, войну четырнадцатого года, гражданскую войну и Великую Отечественную. Память его хранила рассказы про недавнее и далекое, в особенности про далекое прошлое Ворончанщины — про войны, богатырей, клады, разбойников, дива дивные, чертей, леших и домовых.

Много рассказывал он о строгостях Ганнибалов, которым было все дозволено, даже убить человека им было нипочем. Ведь убил же Исаак Абрамович вдову воронического попа, которая отвергла ласки Ганнибальи...

Рассказывал дед Проха о жизни в Михайловском сына Пушкина Григория Александровича, у которого в молодости был псарем, «а в собарне той было с полсотни самых лучших охотничьих собак», про первую



жену Григория Александровича — «француженку-полюбовницу, которая ни слова по-русски не знала, а вино любила очень и меня частенько угощала и на которую было жалостно смотреть, потому что по-русски она ни гугу...». Он хорошо помнил про то, как в 1899 году Григорий Александрович, навсегда покидая Михайловское, «много плакал и убивался, а как пришло время садиться в карету, стал на колени, перекрестился, поклонился до земли дедовской усадьбе, рощам и саду и сказал: „Прощайте, милые мои, навсегда!“».

Еще рассказывал он, как праздновали в Святых Горах столетие со дня рождения Александра Сергеевича и он, как верный слуга усадьбы, получил медный жетон с портретом поэта. И как святогорским попам и монахам завидно стало, что в Михайловское и на могилу Пушкина людей стало ходить больше, чем в храмы их, и как монахи заставили при всем честном народе креститься здешнего еврея-портного и его краса-

вицу дочку, работавших в Святогорской обители по ремонту риз и хоругвей, а потом дочку эту с большим шумом выдали замуж за воронического урядника, назначив его управляющим Михайловского, которое только что было куплено в казну у Григория Александровича...

Говорил дед Проха цветисто и узорчато. С его слов известный исследователь пушкинских мест В. Чернышев записал несколько сказок и легенд.

В 1944 году гитлеровцы сожгли избу старика, и он был вынужден вырыть себе в Савкине землянку, в которой и жил со своей старухой до последнего часа.

Дед был высокого роста, могучего сложения и имел могучий аппетит. Но годы брали свое, а тут еще война, оккупация, жизнь в сырой землянке и другие разные беды и обиды, а главное — постоянное недоедание. Умер дед Проха весной 1946 года, когда всем нам было трудно жить.

Познакомился я с ним в апреле 1945 года в заповеднике, куда он поступил ночным сторожем. Тогда же я и записал со слов старика несколько рассказов о Михайловском и о Пушкине.

— Моему деду его дед много рассказывал про Александра Сергеевича, — говорил он. — Всё Пушкин быстро делал. Ходил быстро, говорил быстро, ел наскоро. Говорил: «Ем-недоедаю, святому духу в брюхе место оставляю». Любил зимой с дворовыми в людской лучину щипать, песни петь, в особенности про березу белую. На мельницу в Бугрово бегать любил. Иной раз совсем от муки поседеет, станет как старый мельник. На свадьбах гулять любил. Праздники любил и всё касаемое до деревенских праздников хорошо знал. Одним словом, Пушкин был отлично добрый и веселый человек.

Вот некоторые рассказы деда Прохи.

ЧЬЕ ВЛАДЕНИЕ?

...Есть у Александра Сергеевича стишок о михайловских соснах, что росли тогда на границе земли Пушкиных. Только в книгах пишут неправильно. Пишут: «на границе владений дедовских», а нужно: «владений дедовцев». Ведь рядом-то с Михайловским была земля деревни Дедовцы, а не чья другая. Дедовские мужики как-то даже жалобу в земство писали, чтобы исправили ученые эту ошибку. Только земский никакого движения этой бумаге и не дал. Так и заглохло все. Теперь писать неудобно. Теперь все люди грамотные стали и во всем сомневаться перестали. Верят в книгу, как в Библию, а разговорам не верят.

ПОМИНАЛЬНИК

Были в михайловском доме, как полагается, два поминальника, один за здравие, другой за упокой. Каждое воскресенье в двунадесятый праздник поминальники отправлялись с кем-нибудь из дворовых богомольцев в вороническую церковь для поминовения всех скорбящих радостей и упокоения преставившихся рабов божьих — Пушкиных, Ганнибалов и их дворовых людей.

Как-то утром пришла нянька к Александру Сергеевичу, чтобы взять с собою в церковь поминальник. Пушкин и говорит ей: «Постой, говорит, минутку, нужно мне в эту святую книжицу записать одного дружка». Взял поминальник за упокой и написал в нем «новопреставленного раба божия священнослужителя отца Лариона». Нянька-то была неграмотная, ей и невдомек, про что написал Александр Сергеевич.

Принесла она поминальник в церковь, заказала просвирки, сдала всё ктитору и стала бить поклоны. Подошло время поминовения. Вышел поп Ларион из

алтаря и стал листать поминальник, сперва о здравии, потом за упокой. Читал поп скороговоркой, как все попы это делают: «Еще помолимся о преставившихся рабах божьих Аврааме, Петре, Иосифе, боярыне Марии...»— и дошел до свежей записи Александра Сергеевича. Поперхнулся. Перевернул страницу. Глянул на обложку и говорит: «Эва бес, пакость какая!» Оглянулся по сторонам — заметили ли люди? А кто это нудное чтение слушает?! И вдруг видит: на паперти — михайловский барин, вид делает что молится, а сам чуть со смеху не помирает. Понял «поп-шкода», чья проделка, откашлялся, да как загудит во всю церковь: «Еще помолимся о новопреставленном рабе божьем боярине Александре». Сам завернул руку за спину, будто фелон поправить хочет, и Пушкину здоровенную дулю выставил,— мол, накося выкуси! А Пушкин — ничего, потому что сам был большой шкода.

ЗВОНАРЬ

Любил Александр Сергеевич в светлую неделю ходить к отцу Лариону в церковь Воскресения на Ворониче звонить в колокола. Один раз так ретиво звонил, что у попа голова колесом пошла. Подошел отец Ларион к колокольне и стал махать шапкой, чтобы звонарь кончил гудеть. Пушкин послушался, спустился на землю, подошел к попу, похлопал себя по животу и сказал: «Вот до чего твоей музыки набрался, не помещается!» Поп плюнул, помянул всех чертей и пошел к себе домой, а Пушкин через забор и в Тригорское — на куличи и пасху и с женским сословием христосоваться.

КУЛАЧНЫЙ БОЙ

Вот теперь давно уж нет кулачных боев на Сороти. А в старину были. Много охотников имелось до



этой забавы. Иной раз на масленой под усадьбой Михайловского собирались люди в числе тысячи, а то и больше. Приходили все воронические, вельяне, опочане. Приезжали на лошадях, пароконно, тройками. Всяко было. Сперва гонялись друг за другом по озеру. Нужно было, чтобы запряженная в корню лошадь бежала рысью, а те, что по сторонам, — скакали. Лихие люди геройство свое показывали. Станет такой богатырь в сторонке, выставит перед собою руку, а на него во весь опор лошади скачут. Когда подлетят кони, он должен ударить ладонью по торцу оглобли и остановить тройку.

Это считалось большим искусством, и такого лихача угощали всем обществом. Другие силачи на этом игрище руками ломали железные подковы, ременные гужи рвали.

Потом все, кто был на гулянье, разделялись на две части и устраивались линиями в боевом порядке. Сперва с обеих сторон выходили малолетки и начинали задир. Потом шел поединный бой. Выходил из линии какой-нибудь молодец, вызывал соперника, и начинался бой. А уж потом всенародное сраженье. Бывало, после сраженья иных с поля да прямо на господский двор Михайловского несли, кости вправлять...

Пушкин любил смотреть на эти игрища, а иные помещики здесь и сами свое молодечество показывали.

СЛАДКАЯ БАНЯ

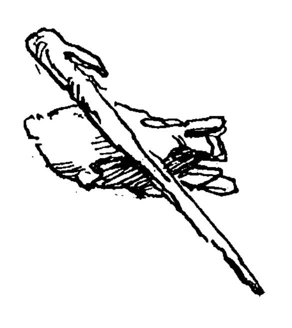
У меня в деревне Савкино байня дюже хорошая. Без трубы, одна каменка. Топлю я ее, покуда от ней не пойдет вопль и она не станет сладкая. Тогда я открываю в потолке душник и выпускаю зной, беру ве-

ник и иду мыться. Хорошо драть свое естество веником, когда оно еще не умылось.

Иногда хожу в байню не один, а два раза. Зайду, попарюсь, обомлею, потом уйду в избу. Ежели воды и тепла много, то обязательно схожу в баньку пострадать еще разок. Не пропадать же такому веселью и прелести. Ежели сам второй раз не схочу идти, гоню жену, а сам иду квас пить. Выпью шесть-семь кружек, успокоюсь и на печь.

Вообще сказать, черные байни, ежели они топленные по-настоящему, ольховыми дровами, дюже пользительные. Угару, сажи, копоти и иных средств утомления в них не бывает. Моя байня куда лучше, чем заповедницкая, хотя в той и чисто, как в часовне, и она совсем господская. От нее у меня завсегда делается общее снижение сил и головокруженье. А от моей байни я имею одну восторженность и сладость во всем теле.

Рубил свою баньку я сам. У нас, у савкинских, испокон веков всяк сам себе рубит. У каждого своя байня. Без байни, как без порток,— тоскливо и простудно!



ПЕСНЯ

Еще несколько лет тому назад, в начале осени, местные цыгане, прежде чем разойтись на зимние квартиры, обычно приходили в Михайловское и разбивали свой табор неподалеку от озера Маленец. Здесь они жили у своих костров, отсюда по утрам расходились на свой цыганский промысел: кто погадать, кто поменяться лошадьми...

Как-то в течение почти целого месяца я наблюдал со своей околицы картину, которая неизменно вызывала в моей памяти образы пушкинских «Цыган»:

Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волынки говор, скрып телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно...

Когда наступали сумерки, я любил приходить к табору, здоровался со старшим, подсаживался к костру и вместе с другими смотрел на огонь. В огне всегда можно увидеть лицо какого-то человека и мысленно поговорить с ним.

— Ты не думай,— говорил мне старший,— мы здесь ничего плохого никому не сделаем, и дерева не тронем, ничего не тронем... Мы знаем, Михайловское—для всех святое место. Это и наше святое место... Здесь цыгане осенью испокон веков табором стоят... Старики рассказывали, что сам Александр Сергеевич позволил

нам здесь стоять и шатры ставить и даже, говорят, бумагу дал, чтобы никто нас не обидел. Только эта бумага во время войны затерялась, когда немцы почти половину здешних цыган перерезали... Он всегда ходил к нам. Наши бабы ему ворожили... Любил он песни цыганские. И мы пели ему.

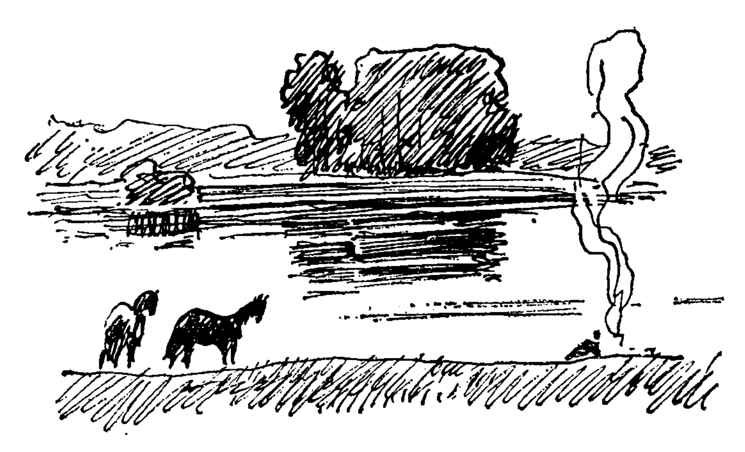
Я попросил, чтобы и мне спели какую-нибудь старую, самую старую, «пушкинскую» песню.

— Ваня,— крикнул цыган,— позови Глашку с дочкой, пусть идут сюда!

Подошли цыганки — одна совсем старая, другая помоложе. Они о чем-то между собой говорили — по-цыгански, шумно. Подсели к костру. Притихли и запели:

В первый раз тебя увидел,
Чистоту твою предвидел,
Да, я предвидел,
Моя, моя дорогая.

Уж как я тебя искал,
Кликал, плакал и вздыхал,



Да ты не слышала,
Ох, да ты не слышала.

Уж как я тебя найду,
Всю цветами уберу
Да расцелую.
Ох, да ох, да расцелую.

Расцелую, размилую,
Жизнёнком назову я,
Эх, да ты жизнёнок мой,
Моя, моя дорогая!

Песня мягко стлалась по озеру, медленно уходя в туман, и там тонула где-то в спящей Сороти.

— Хорошо тебе?— спросила старая цыганка.

— Хорошо, — сказал я, стараясь не глядеть на нее, потому что в глазах моих стояли слезы.

В это мгновение в огне костра я ясно увидел улыбающееся лицо Пушкина, который вместе со мной слушал эту старинную цыганскую песню.



„ЕЛЬ-ШАТЕР“

15 мая 1965 года было траурным днем в Пушкинском заповеднике: современница Пушкина — «ель-шатер» Тригорского — приказала долго жить...

Дерево скончалось после тяжелой продолжительной болезни. В последние дни с его израненной вершины густой струйкой стекала на землю прозрачная смола — живица. Текла, как слезы по лицу умирающего старого человека.

За год до смерти дерево было обнесено специальным ограждением и одето в «леса». Через них можно было близко разглядеть, что делалось на стволе и вершине его, тщательно обследовать многочисленные раны, нанесенные ели в июле 1944 года.

Ран было много, очень много. Они были нанесены осколками мин и шрапнелей. Ко всему тому на дереве были обнаружены пулевые ранения, их были десятки. Уже тогда, в 1944 году, историческое дерево стало инвалидом Великой Отечественной войны, но, израненное, стойко сопротивлялось смерти. За три года до гибели старая красавица еще плодоносила, заботясь о продлении своего рода. Золотые шишки ее гроздьями свисали с верхних сучьев.

Немало этих шишек-семенников было мною разослано по городам и весям, по адресам людей, желавших отвести у себя на родине племя знаменитой пушкинской ели.

Но вот после суровой зимы 1962/63 года, когда в Михайловском и Тригорском морозы побили несколько старых сосен и елей, состояние «ели-шатра» резко ухудшилось. Плодоношение ее прекратилось и впредь

больше уже не возобновлялось: сказались старые болезни и раны. Сказались и последствия губительной зимы 1939/40 года, когда вымерзли все старинные сады Михайловского, Тригорского, Петровского, как, впрочем, и все вообще сады северо-западной части России.

Тогда, весною 1940 года, ученые-специалисты, профессора Белосельская и Шиперович, вызванные в заповедник из Ботанического сада Академии наук, установили и в историю болезни «ели-шатра» записали: «Дерево от морозов сильно ослабело и сохранило только половину своей хвои, остальная часть ее отмерла и осыпалась, а ветви усохли... Однако почки дерева, заложенные в прошлом году, дали запоздалые, хотя и укороченные, побеги...»

В 1963 году состояние дерева было значительно хуже, чем в 1940 году. Вновь были вызваны специалисты-ботаники. Было решено расширить приствольный круг дерева, производить регулярную поливку почвы, авиаопыление химическими препаратами, вносить в землю питательные вещества. Но всё это мало помогало.

Весною 1965 года состояние ели ухудшилось еще более. На кору налетели дятлы — предвестники смерти. Они стали быстро снимать с дерева его одежды.

Воспользовавшись присутствием в заповеднике О. А. Катаева — научного сотрудника кафедры энтомологии Лесотехнической академии, мы созвали новый консилиум.

Окончательный диагноз был безнадежным — летальный исход болезни в ближайшие 1—2 месяца.

И вот пришел этот день — 15 мая. В Тригорском собрались сотрудники заповедника, лесники, рабочие. В последний раз дерево было сфотографировано. Началось его удаление и вскрытие. Вырыли большой котлован, вскрыли корни.



И тут пошли чудеса...

Просеивая землю, один из землекопов увидел мелькнувший маленький предмет, им оказалась серебряная «копейка» времен Ивана Грозного — монетка тех лет, когда на месте Тригорского парка был один из посадов города Воронича, монетка — свидетель нашествия на Псковщину польского короля Стефана Батория, предавшего полному разорению этот город-герой, задержавший на несколько дней рвущуюся к Пскову стотысячную польскую армию.

Нашли и еще монетку — медный трехкопеечник 1859 года, года смерти П. А. Осиповой, хозяйки Тригорского, заботливого друга ссыльного Пушкина...

Когда ствол был положен на землю, дерево тщательно измерили. Установлено: высота — 40,5 метра, диаметр — 110 сантиметров, высота прикрепления первого сука — 9,5 метра, протяженность капилляров в сторону ближайшего водоема — 35,5 метра, ширина кроны — 30 метров.

Когда-то ветви дерева склонялись шатром до земли, поэтому хозяева Тригорского и дали ему название «ель-шатер».

В непогоду и от палящего летнего солнца оно могло укрыть сразу полсотни гостей...

Сделав первый от комля запил, стали считать количество годовых колец. В книгах, каталоге и путеводи-

телях по Тригорскому сообщалось, что знаменитой ели 300—350 лет. Но эта датировка была условной, не подкрепленной какими-нибудь документами. И вот настал момент, когда мы смогли узнать точную дату посадки дерева! Колец оказалось только... 143! Если предположить, что дерево было посажено в возрасте девяти лет (в таком возрасте обычно сажают ели в Северо-Западном крае, в таком возрасте и мы сажали ели в Михайловском в 1945—1946 годах на месте уничтоженных старых «ганнибаловских елей), то выходит, что «ель-шатер» была посажена в 1812 году!

При вскрытии ствола в теле дерева было обнаружено около пятидесяти металлических осколков. В тех местах, где застряли осколки, древесина посинела, окислилась и омертвела. Внутри ствола, на высоте двух метров от земли, оказалось заплывшее отверстие, сделанное 40—42 года тому назад (это подтверждается тоже количеством годовых колец) специальным буравом для определения возраста дерева (толщина бурава — полсантиметра).

Тот, кто пытался таким образом установить дату рождения дерева, не смог свою операцию довести до конца. Его бурав проник в глубину только на 15 сантиметров, причинив дереву несомненный вред.

Данные вскрытия показали, что корневая система дерева сильно поражена гнилью и короедами. Последние годы этот гигант существовал за счет живой заболони, толщина которой удивительно мала — полтора-два сантиметра! Вся остальная древесина оказалась абсолютно мертвой, высохшей.

После удаления ели земля, на которой она стояла, была продезинфицирована, хорошо полита водой и удобрена.

Решено было посадить на месте погибшего дерева молодое, родственное ему. Молодой саженец был взят

рядом, в нескольких шагах от старой ели, где стоят дети и внуки ее, а около корней их — совсем молодая зеленая семья правнуков и праправнуков.

Сажали в канун дня рождения Пушкина. В его светлую память.

Молодое деревце хорошо прижилось и, даст бог, со временем вырастет большим, и будет красоваться, зеленью убранное, и рассказывать грядущим поколениям о своей знаменитой прабабке-красавице, современнице Пушкина.

Когда-то Тригорское украсило годы ссыльного поэта «весельем и грациями». Кто знает, может быть, именно «ель-шатер» навеяла ему образ одного из чудес в сказке о царе Салтане...

Там под елкою высокой
Белка песенки поет...

* * *

Чудес в Тригорском много. Чудо-дуб у лукоморья, чудо «береза-седло», чудо святого Антония в Осиповском доме...

Когда проходишь мимо круглой площадки, где раньше стояла ель-великанша, а сегодня стоит молодая кокетливая елочка, живо представляешь себе Пушкина в кругу его молодых друзей. И память подсказывает тебе бессмертные строки поэта:

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель...

ДУБ ЗАВЕТНЫЙ НА ВОРОНИЧЕ

Пушкин любил подолгу рассматривать хранившиеся в древних храмах Воронича и Святогорья народные реликвии и святыни, вглядывался в черты древнего образа «Святогорской владычицы», ходил на народный обряд «уплытия ее на святой ладье в Псков». 17 июля 1826 года он сделал для себя об этом полузашифрованную пометку по-французски на листке бумаги...

А реликвий повсюду было много. Свято хранил народ знамена и хоругви, с которыми ворончане вместе с псковскими стрельцами шли в бой против разбойных ратей, приходивших с западного рубежа на их землю, чтобы полонить и разграбить ее. Сказания и легенды о героическом прошлом Русской земли особенно интересовали Пушкина в период Михайловской ссылки. Он читает Псковские летописи, роется в архиве Святогорского монастыря, работает над историческими трудами Карамзина. Когда приехал к нему в гости поэт Языков, они вместе совершили путешествия по Вороничу, Велью, Белогулью, Опочке, Пскову. Подолгу рассматривали они «то стен полуразбитых ряд», то курганы — надгробья героев, то кресты и камни, осеняющие дороги.

Он любил «то в телеге, то верхом» ездить по дорогам вдоль Сороти и Великой, по которым когда-то двигались рати на Воронич — Псков.

На этом особом интересе к прошлому своего отечества и возникла у него идея создания «Бориса Годунова».

Много в истории Пушкиногорья памятных заветных исторических дат. Одна из них очень древняя и особо важная. Лето 1581 года. Это год нашествия на Воро-

нич армии польского короля Стефана Батория, почти полностью уничтожившего тот замечательный русский город, с которого началась история Святых, ныне Пушкинских, Гор.

От него сегодня осталось немногое: городище, селище, погост. Работники заповедника и археологи, изучавшие эту землю, нашли в ней немало памятников материальной культуры того времени — оружие (мечи, ядра), орудия сельского хозяйства, предметы культуры, церковного убранства, домашнего быта и прочее.

В архиве известного собирателя исторических документов Псковщины — бывшего Псковского митрополита Евгения Болховитинова, ныне хранящемся в Украинской академии наук, нами обнаружены записи интересных древних сказаний и легенд о Ворониче. Этнографы-фольклористы за последние годы собрали большой материал устного народного творчества о древнем Святогорье. В наше время следы древнего Воронича обнаружены и в Тригорском парке, и за его окраиной. Это многочисленные остатки каменных фундаментов усадебных домов, клетей, амбаров и лавок ворончан и даже старинного театра — «петрушкина баловня», как его тогда называли.

Среди следов есть и курганы, расположенные на полях, что за северной границей парка. Сохранился большой курган и в самом парке. На этом высоком кургане стоит прославленный Пушкиным «дуб-великан». Это старейшее дерево не только в Тригорском, но и во всей округе Пушкиногорья. Современные ботаники рассуждают о нем разно, каждый по-своему датируя возраст дуба. Одни утверждают, что ему 300 лет, другие дают больше, а некоторые избегают датирования...

Лет двадцать тому назад в заповедник в качестве гостя приехал немецкий ученый ботаник-лесовод Карл Хунтер. Он был на совещании в Ленинграде и привез с собой новый инструмент, которым можно изме-

рять годовые кольца в стволе дерева. Это особая игла, полая внутри, которая под сильным давлением «простреливает» ствол дерева в нужном участке. К сожалению, своим прибором Хунтер не смог установить точное количество колец нашего дуба, так как внутри его ствола имеется прогнившая древесина. Условная датировка Хунтера — 400 лет!

Услышав эту дату, я еще крепче утвердился в своем предположении, что курган и дуб — это памятные знаки 1581 года.

Тут я должен рассказать о том, что случилось с прославленным дубом в 1941—1945 годах.

В 1945 году, закончив разминирование Тригорского, мы, работники заповедника, вместе с саперами, прибывшими специально из Ленинграда (станция Понтонная), и ленинградским ботаником Терентьевым приступили к спасению «дуба уединенного», которому гитлеровцы причинили большие беды.

Проводя оборонительную линию «Пантера» через Тригорский парк, фашистские вояки устроили в глубине кургана, под сенью дуба, командирский блиндаж размером 5×5×5 метров, отделали его внутри досками, снятыми с полов Святогорского монастыря, потолком служила корневая система дуба, обшитая сосновыми горбылями. Почти три года несчастное дерево стояло «на весу», с обрубленными корнями.

Осторожно удалив из блиндажа доски и бревна, мы увидели, что земля кургана перемешана с огромным количеством сильно истлевших черепов и других человеческих костей. Несколько черепов были нами взяты и срочно отправлены в Ленинград, в Институт антропологии, для датировки. Вскоре в заповедник приехал сотрудник института, который сказал, что обнаруженные черепа можно датировать XV—XVI веками.

После ликвидации блиндажа мы подвезли к дереву несколько машин хорошей огородной земли и конского

навоза и засыпали яму. А потом по нашей просьбе из Пскова прибыла пожарная машина с лестницами — были обрезаны засохшие ветви кроны дуба-инвалида. В течение нескольких часов пожарные производили «омовение» кургана, дерева и прилегающего к кургану участка земли. Вскоре дуб ожил. С тех пор прошло сорок лет. Наш богатырь сегодня, как встарь, могуч и красив!

До нашествия Батория Воронич считался одним из самых больших городов Псковщины (после Пскова, конечно!). В нем была хорошо оборудованная крепость с пороховыми погребами, артиллерийскими орудиями, крепостными стенами и башнями. Город имел несколько посадов, слободу, деревни, шесть монастырей и церквей с полными причтами, около тысячи разных зданий. Всего в сем городе обреталось около 4000 человек.

«Здесь обилие во всем... На полях большой урожай и много хлеба»,— писал о Ворониче в своем дневнике секретарь Батория ксендз Пиотровский.

Осадив Воронич со всех сторон, Баторий не смог с ходу взять город, в особенности его крепость — кремль. Ему потребовались для этого устрашения. Пойманных ворончан интервенты сажали на кол, жарили на огне. Все это делалось, чтобы показать засевшим в кремле: сдавайтесь, мол, а то вам еще хуже будет!

Наконец последний штурм, не одна сотня снарядов и атак, и Воронич был взят. Пленных баб повели пёхом в Польшу, где их ждали заранее построенные лагеря-деревни под названием «Воронич». (Не поверив этому, я в 1953 году специально съездил в Литву, где действительно нашел деревню под названием «Воронич»).

Взяв город, Баторий расположился на берегу Сороти отдохнуть. Для войска разбили огромный — вдоль Сороти в сторону Великой — лагерь, а для полководца поставили королевский шатер с походной церковью-костелом и придворными службами. С утра до ночи нес-

лись по полям и лугам пропавшего города торжественные звуки органа...

Но вообще поход Батория на Псковскую землю был неудачен. Разгромив многие города и веси, он ушел из-под Пскова, как говорится, не солоно хлебавши. Возвращаясь из-под Пскова, Баторий еще раз остановился в Ворониче, приказал сжечь все недосожженное и перепахать остатки города... Что с большим остервенением было сделано его войском и рабами.

Вскоре сюда по приказу Ивана Грозного прибыли московские писцы, которым было поручено описать все, что причинил сему месту «антихрист Баторий». Эта печальная опись сохранилась. В ней поведано, что «все на Вороniче стало впусте». Остались лишь «стен полуразбитых ряд», да камни разные опорные «от домов, клетей да лавок...», да поля, усеянные костьми...

Но вот пришла на Воронич новая жизнь. Пришли другие люди. Город ведь был на страже границы Российской. Он не мог не быть. Но таким, каким он был до Батория, ему уже было не стать...

Кости всех погибших ворончан, как полагалось тогда, собрали и предали земле. Их похоронили в братской могиле-кургане.

Там, где когда-то находился центр Воронича, его «Красная площадь», воздвигли курган, а на вершине его посадили молодой дуб.

Древние римляне считали дуб деревом, имеющим возраст вселенной. Дуб — это олицетворение мужества и силы. Закладывая свой новый дом — Петергоф, царь Петр I прежде всего посадил в парке дуб. Закладывая свое имение на Псковщине, прадед Пушкина, арап Петра Великого, тоже посадил при входе в свое имение дуб-богатырь. Дуб издревле считался символом надежности и постоянства. Он и сказочник, он и мерило истории, он и лекарь. Им в старину лечили ожоги, воспаления горла, десен. Он благотворно действует на людей, страда-

ющих повышением кровяного давления, регулирует дыхание. Так говорят современные медики. «Дуб — это чудо!» — говорим все мы.

С тех пор, до пожалования земли бывшего Воронича императрицей Екатериной II помещику Вындомскому, ежегодно, 6 августа, в день разгрома Воронича, в церквах Святогорья и Воронича гремел круглосуточно траурный колокольный звон. Служились памятные службы по злодейски убиенным антихристом Баторием «господам ворончанам», и вечером все здешние жители шли к кургану справлять тризну по героям.

Сейчас на Ворониче знаменитый парк Тригорского. На окраине его стоит дуб-богатырь — «дуб уединенный». Им не раз любовался Пушкин. Он воспел его в своем стихотворении «Когда за городом задумчив я брожу...»:

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов...

В русской народной песне слово «дуб» — одно из любимых. Достаточно вспомнить: «Среди долины ровныя, на гладкой высоте, растет-цветет зеленый дуб в могучей красоте...»

Русская песня любовалась дубом. Он в ней всё — краса и гордость, величие и вечность и «русский дух».

Любуемся и мы им, когда проходим по следам города, с именем которого Пушкин сделал свой «запев» на заглавной странице рукописи «Бориса Годунова»: «Писано бысть Алексашкою Пушкиным в лето 7333 на городище Ворониче...»

Не все обычаи старины сегодня исчезли. Приятно и радостно видеть, как здешние сельчане встречают весенние дни. Любят они жечь ночью костры. Они горят как сигналы. Вот загорелся костер жителей деревни Дедовцы, а вот ответный огненный знак деревни Зимари. Им

отвечают своими огнями Батово, Вече, Белогулье, Косохново... Огни мерцают, как звезды в небе. Но вот приходит миг и возжигается огонь у «Михайловского лукоморья»... По всему горизонту, на всех холмах — костры, огни, огни... Повсюду огненный благовест — «на земле мир и людям благоволение». Как и встарь, огонь сигналит всем: «Эй, славяне, ворончане, пушкиногорцы, люди русские, живые, молодецкие — будьте живы, живы, живы! Многая вам лета! Берегите свою землю, свою Родину, свою старину, свои добрые обычаи, торжественно встречайте свои праздники Весны, Победы, Жизни и Труда. Они несут вам благодать, хлеб насущный! Будьте крепки, как «дуб заветный» на Вороничe».



ЧУДО-ЮДО

На одном из небольших холмов, что раскинулись вокруг Луговки — самой старой деревушки Святогорья, стоит чудо-юдо камень. Не камень, а кит. Он поставлен здесь несколько лет тому назад среди других замшелых валунов, исстари опоясывающих холм. Нашел я этого «кита» в деревне со странным названием Мараморы. Лежал он, зарывшись глубоко в землю, на месте теперешнего загона для колхозного стада, и только нос камня торчал на поверхности. А когда камень выкопали, он представился как колоссальный валун, объемом свыше 20 кубометров. На спине валуна выбит сложный знак в виде двенадцати круглых, соединенных между собою чаш. Привезли его и поставили поближе к заповеднику, чтобы сохранить и чтобы люди могли увидеть.

Пушкинский край — край камней. Самых разных. Это и просто красивые серые, красные, черные валуны, живописно возлежащие со времен сотворения мира на полях, в лесах, возле троп и дорог. Это и камни со следами рук человеческих. Еще недавно находили на пушкинской земле древние камни с таинственными, доселе не распознанными наукой знаками. Теперь этих камней почти не стало, сохранилась лишь память о них у старожилов. Одни камни шли на постройку помещичьих усадеб, дорог, ферм, другие погибли в годы фашистского лихолетья. Уничтожен камень со знаком первобытного человека, лежавший на вершине белогульского «городка» Исаака Ганнибала, бесследно исчез «святой» камень у речки Луговки...

Я изъездил и исходил пушкинскую землю вдоль и поперек. Побывал и в тех местах, где некогда были

таинственные камни. Места эти изолированные, потаенные, то среди болот, то в лесах.

Камень-кит, по свидетельству ученых-специалистов,— это жертвенный святилищный камень древнейшей эпохи. Вокруг таких камней люди совершали моления и жертвоприношения.

Название места, где находился наш камень,— Марамори. Оно, несомненно, происходит от слов «мара», «маро́к», «мароки»,— это значит «наваждение», «призрак», род домового или кикиморы. Так объясняется это слово у Даля.

Теперь таких камней, как мараморский, на всей Псковщине не отыщешь. Есть схожий в Эстонии, около Тарту. Эстонцы гордятся им как одним из самых старых памятников своей родины.

Есть в нашей деревне Софино камень со знаком человеческого следа, был такой же камень полста лет тому назад и у деревни Луговки, расположенной у западной границы Михайловского. Почитание таких камней — явление, уходящее в глубь веков. След олицетворял силу и покровительство неба. Следу поклонялись, идучи на охоту, возле него вымаливали добычу, приносили дары и жертвы...



С распространением христианства на Руси попы и монахи стали приспосабливать к своим целям старые языческие культы, символы и знаки. Появляются легенды о божьих стопах, следах Христа, богородицы и разных угодников божьих. Та-

кие камни служители церкви объявляли святыми, атмосферную воду, накапливавшуюся в следах, — целебной. Возле таких камней ставились часовни. Стояла часовня и у древнего праславянского камня у деревни Луговки, на котором был знак человеческой ступни.

Легенда о чудесном явлении богородицы, которая якобы указала ворончанам строить новую обитель-крепость на Синичьих горах, рассказывает: узнав, что не все ворончане согласились с ее указанием, богородица поспешила на помощь своим верным слугам к месту, где надлежало построить монастырь. Перепрыгивая через речку Луговицу, она споткнулась о камень и оставила на нем след своей стопы. Монастырское сказание, рукопись которого хранится в Библиотеке Академии наук УССР, утверждает, что, увидев сие чудо, «начашася исцеления»: «...и егда людие доидоша до реце... на том месте начаша чюдотворения быти и исцеления... хромые хождашу радостные... древяницы (костыли.— *С. Г.)* от ног меташа... и исцеления быша великие...»

Спустя какое-то время над местом языческого луговского камня, объявленного монахами богородичным, была построена часовня, возле которой были учреждены молебствия, проходившие ежегодно во время крестного хода из Воронича в Святые Горы и Псков. Кстати, об одном из таких крестных ходов рассказывает П. А. Осипова в своем письме к поэту 24 июня 1831 года. Мимо Луговки часто проходил и проезжал сказочник Пушкин, направляясь в Святые Горы, и, несомненно, видел часовню и камень.

ПРОЩАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ ПОЭТА И РЕЛИКВИИ ЕЕ

Осень 1835 года была для Пушкина печальна и грустна. Он приехал в Михайловское 10 сентября, чувствуя сердцем, что здесь он, вероятно, в последний раз. В эти дни он написал элегию «Вновь я посетил...» — глубокое раздумье о своей участи, о покорности общему закону бытия, об уходящей жизни. Он видит знакомые места, которые любил с детства, видит старое, на смену которому неудержимо идет новое. Он беседует с собой, со своим читателем, протягивает руку «племени младому, незнакомому»...

Поэт напоминает нам, что в жизни каждого человека некоторые истины постигаются дважды: первый раз, когда он молод, и вторично, когда накопил мудрость и жизненный опыт. «Вновь я посетил...» — стихотворение неоконченное. Быть может, Пушкиным сделано это сознательно, чтобы мысль читателя работала дальше. Он хочет, чтобы грядущее поколение помянуло его добрым словом. А чтобы его помнили, нужно оставить по себе добрую память. Ибо дорого человеку лишь то, что он сделал добро и любо, особенно то, что далось ему нелегко. И каждый человек должен стремиться оставить после себя хороший след своими делами, своим трудом, своим творчеством... Таков высокий смысл элегии.

* * *

Есть у нас в Доме-музее копии всех рукописей и черновиков этого гениального стихотворения, есть и два сувенира, связанных с судьбой «трех сосен», воспетых

Пушкиным. Это куски дерева. Один — большой, округлой формы, напоминающий нарост, какие бывают на стволах очень старых сосен. Он весь ощипан паломниками, отдиравшими щепотки древесины себе на память еще в те годы, когда эта реликвия была чуть не единственным экспонатом музея. Другой — небольшой прямоугольный брусок, с лицевой стороны которого прикреплены две серебряные пластинки. На верхней пластинке выгравированы строки:

На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко...

На нижней пластинке надпись: «Часть последней сосны, сломанной бурей 5-го июля 1895 года. Михайловское».

Первый паломник, совершивший после смерти Пушкина прогулку по Михайловскому в феврале 1837 года, был А. И. Тургенев. Он прошел по следам Пушкина. Побывал всюду. Поклонился и «трем соснам», но увидел их не три, а только две, третьей уже не было.

Двадцать два года спустя другой паломник — литератор К. Я. Тимофеев — тоже совершил прогулку по Михайловскому и тоже нашел только две сосны: «Третья уже давно срублена, как объяснил мне настоятель Святогорского монастыря. Дерево понадобилось для монастырской мельницы...»

А еще через 15 лет, в год установки памятника Пушкину в Москве, газета «Новое время» сообщила, что «в Михайловском в живых осталась только одна пушкинская сосна, но и эта смотрит настоящим инвалидом, сучья все уничтожены, зелени — ни веточки, только один большой ствол, дряхлый-предряхлый, покрытый толстой корой...»



«Эту последнюю сосну я особенно хорошо помню — толстая, слегка наклоненная, со сломанной верхушкой. Она жила в таком виде, пока в июле 1895 года ее не сломала окончательно буря» — так рассказывал Юлий Михайлович Шокальский — внук А. П. Керн, ученый-географ, проведший свои молодые годы в Михайловском у сына поэта Григория Александровича.

Летом 1898 года в гостях у Григория Александровича побывал поэт С. Г. Скиталец (Петров). Хозяин поведал ему о судьбе последней сосны: «Когда буря сломала ствол последней сосны и остался только ее высокий остряк, я увидел, что она сделалась опасной для людей, и с болью в сердце приказал срубить ее, а ствол сохранить у себя в кабинете. Перед тем как все это проделать, я пригласил фотографа и заказал ему сделать снимок». Было несколько отпечатков снимка: один остался в Михайловском, другой подарен Осиповым в Тригорское, третий послан в Академию наук, а четвертый в 1899 году, в день празднования столетия со дня

рождения Александра Сергеевича, был подарен Пскову.

По просьбе своих родственников и друзей Григорий Александрович сделал из сосны несколько маленьких брусочков-сувениров с серебряной надписью и послал их своему брату Александру, сестре Наталье — графине Меренберг, жившей в Германии, своему племяннику — сыну сестры жены Н. Волоцкому, Ю. М. Шокальскому, М. А. Философовой — сестре жены Григория Александровича, а также Академии наук, Лицею и поэту К. К. Случевскому.

Уезжая из Михайловского в Литву, где он поселился в Маркучае, имении своей жены В. А. Мельниковой, Григорий Александрович увез с собой и ствол сосны, отрезав от него большой кусок и передав на вечное хранение новому хозяину Михайловского — Псковскому пушкинскому комитету. Вот этот-то кусок сосны и один из брусков с надписью и видят все приходящие в дом поэта. Эти реликвии выставлены по соседству с рукописями элегии «Вновь я посетил...».

В своем духовном завещании, составленном в 1910 году, жена Григория Александровича Пушкина Варвара Алексеевна, перечисляя предметы обстановки в бывшем рабочем кабинете покойного ее мужа Григория Александровича Пушкина в Маркучае, называет и «остаток дерева сломанной сосны, привезенной из имения Михайловского». Эту реликвию, а также предметы обстановки кабинета и книги библиотеки Григория Александровича она завещала «Музею имени Александра Сергеевича Пушкина в имении Михайловское». Варвара Алексеевна умерла в Вильнюсе, незадолго до Великой Отечественной войны, и наказ ее не был исполнен. Все, перечисленное ею в завещании, находится в Доме-музее Г. А. Пушкина в Маркучае.

Сувенир, принадлежавший Александру Александровичу Пушкину, находится далеко, в Бельгии, у наслед-

ников умершего в 1968 году правнука поэта А. Н. Пушкина, живущих в Брюсселе; экземпляры К. К. Случевского и Ю. М. Шокальского — в фондах Всесоюзного музея Пушкина. В Михайловском же хранится экземпляр М. А. Философовой.

А живые «три сосны» вновь стоят на своем месте — «на границе владений дедовских». Они восстановлены нами в 1947 году. Сажали их в возрасте двенадцати лет. Теперь они разрослись, стали высокими. Им скоро уже по сорок лет будет. Две их них «стоят друг к дружке близко...». Около корней их «младая роща разрослась», а кусты «теснятся под сенью их, как дети»... А третья сосна, посаженная вдали,— это «старый холостяк». С каждым годом становится он угрюмей и угрюмей, как и положено ему быть...

Когда вы проходите мимо «трех сосен», вы всегда слышите приветный «шум дерев» и не можете не вспомнить светлое имя поэта и его бессмертное «Вновь я посетил...».



В САДАХ ТРИГОРСКОГО

Приют, сияньем муз одетый...

Пушкин

Прекрасен Пушкин прочитанный. Но Пушкин, узнанный в рощах, парках и усадьбах Михайловского и Тригорского, становится для нас еще богаче. Кто, проходя по аллеям и дорожкам заповедных парков, не вспоминает его стихи, письма, разговоры с друзьями, протянувшими ему руку помощи и сочувствия в тягостные для него годы ссылки? Глаза наши всматриваются в каждую тропинку, деревце, камень, мы вслушиваемся в птичий гомон, шепот ветра и ищем в них ответа: как же это было при нем?

Мир Тригорского — это три его былинные горы, его райские кущи, это веселый дом Осиповых-Вульф. Не ищите в Тригорском того, что видели в Михайловском. Их нельзя сравнивать. Там все иначе, и Пушкин совсем другой. В Михайловском Пушкин — человек, гонимый судьбою, анахорет, поэт, пророк. Суровые сосны и ели старого бора вечно шумят об этом.

В Тригорском Пушкин — просто отлично добрый человек, балагур и весельчак, забавник и ухажер, «гуляка праздный»... Здесь всё и всегда радостно, и в природе парка всегда слышится веселая песня, и в ней «без конца и без краю весна».

Не будь у Пушкина Тригорского, не горел бы спокойно огонь на алтаре поэта. Вся деревенская жизнь его была бы другой. Всё было бы в ней иначе, и не только его судьба, но и судьба Онегина, Татьяны, Ленского, быть может, была бы другой.

* * *

После жизни Пушкина многое здесь переменилось. Таков непреложный закон бытия. И как бы мы ни пытались сказать времени: «Остановись», оно летит, всё увлекая с собой. Маленькая, кокетливая березка в Тригорском стала ныне старым, дряхлым деревом, юные когда-то липы аллеи Керн в Михайловском превратились в инвалидов, на стволах их — душегрейки из моха и лишайника; одни стоят на подпорках-костылях, другие привалились друг к другу. Поредела ганнибаловская еловая аллея. Канули в Лету «ель-шатер» и «береза-седло». Время унесло многое, воспетое Пушкиным.



Произошла и смена пород деревьев. Там, где шумели березовые и липовые рощи и цвели кусты боярышника, теперь разросся ельник, осина, ольшаник. Где цвели каштаны, теперь луговые травы. Многое изменилось.

Тригорский парк был заложен Вындомским, дедом П. А. Осиповой, еще в конце XVIII века. Хозяин следовал тогдашней моде — разбил романтический парк, с наивными украшениями, кокетливыми беседками, зелеными залами и коридорами, мостиками «поцелуев и вздохов». Тут и там блестели серебром зеркала прудов. Звенели запруженные ручьи. Тут были и дубовые «першпективы» и сосновые рощи, каштановые куртины и фруктовые сады с цветочными рабатками, клумбами, хитроумными беседками. Всё это требовало больших затрат и неустанной заботы. И пока был жив богатый Вындомский, всё так и было. При его наследнице П. А. Осиповой парк начал оскудевать, а после ее смерти, в конце XIX века, и вовсе захирел.

Вторая жизнь этого красивейшего места началась лишь в наше время, когда Тригорское стало заповедным и его стали изучать и восстанавливать. Восстановление парка — дело очень трудное, потому что парк — художественное произведение, произведение исключительно многогранное: в нем прошлое и настоящее, старое и молодое, живое и мертвое, вечность и мгновение. Парк — это архитектура и ботаника, живопись и скульптура, история и сегодняшний день.

Не имея хорошо разработанного проекта и не зная истории памятников, восстановители Тригорского в тридцатых годах нашего века сделали немало досадных погрешностей. Ошибочно полагая, что культура конского каштана в северо-западных парках явление не XVIII — XIX веков, а более позднее, удалили все каштаны из Тригорского и с могильного холма Святогорского монастыря. По этой же причине почти всюду были уничтожены кусты боярышника. В Михайловском была засея-

на сосновым лесом пашня. В той части пашни, которая прилегала к усадьбе, был разбит фруктовый сад, ягодник и питомник. Был разведен питомник и в центре Тригорского парка.

Настоящая научная реставрация парков началась лишь в наше время. Несколько лет назад Министерство культуры РСФСР направило в заповедник творческую группу московских специалистов-парковедов, для того чтобы тщательно изучить его парки, их планировку, состав зеленых насаждений, произвести всесторонний анализ почвы, инструментальную датировку деревьев, выявить аналоги парков. В итоге работы появился проект реконструкции парковых ансамблей, их оздоровления и ухода за деревьями. Работа дала интересные результаты. Удалось установить возраст не только мемориальных сосен, лип, кленов, но и декоративного кустарника, сирени, акации, лещины. Они уже достигли двухсотлетнего возраста.

Особенно интересны итоги работы по изучению западной части Тригорского парка — участка солнечных часов и «дуба уединенного». Парковед К. Бобровникова доказала, что оба эти памятника некогда представляли единое целое. Местоположение «дуба уединенного» и дубов, стоящих вокруг «циферблата» зеленых часов, находится во взаимосвязи. Аллея, связывающая два этих элемента, лежит строго по Пулковскому меридиану. От циферблата во все стороны некогда шли небольшие аллейки-стрелы, показывающие восход солнца, полдень, заход солнца и ночь. Как известно, культура солнечных часов в нашей стране очень древняя. Простейшие из них состоят из шеста, тень которого, менявшая свое направление при перемещении солнца, показывала на шкале время. Солнечные часы Тригорского уникальные. Специалистов удивляет точность их планировки и построения.

Проект восстановления тригорских солнечных часов

закончен. Недалеко время, когда они появятся в своем первозданном виде.

Сад — неотъемлемая часть усадеб XVIII—XIX веков. Так было повсеместно. Так было и в Тригорском. В 1970 году сад разбит на том месте, где был прежде. С одной стороны он примыкает к месту, где когда-то стоял хозяйственный двор, с другой — граничит с центром усадьбы и парка. В саду воссозданы старинные русские сорта яблонь: антоновка, ревельский ранет, китайка, осеннее полосатое и другие. Сад огорожен декоративным кустарником и деревянным штакетником, сделанным в духе пушкинского времени. В нем на камнях старых фундаментов построены беседки, разбиты клумбы, расчищены водоемы-«копанки» для поливки. Восстановлению сада очень помогли старинные фотографии, которые прислала из города Горького родственница последнего арендатора Тригорского М. Пальмова.

Много хлопот было с восстановлением «скамьи Онегина». Площадка над Соротью, где расположена «скамья», сползает под обрыв. Было установлено, что площадка сползает ежегодно на 1,5—2 см. Древние дубы и липы гибли. Для того чтобы предупредить полное разрушение, площадку нужно было оградить со стороны парка, поднять и дренировать, укрепить откос. Лишь при этом возобновится почвенный покров площадки, шейки старых деревьев будут освобождены от уплотнения грунта, и деревья смогут дышать.

Кроме того, в парке начато лечение больных деревьев, особенно тех, которые пострадали в годы Великой Отечественной войны. Таких деревьев насчитывается свыше тысячи, то есть почти четверть всего старого древостоя Тригорского.

Впереди многолетняя, нелегкая, но благодарная работа. Она даст возможность оздоровить парковые ансамбли, возродить их первоначальный вид.

Когда-то Пушкин, работая над книгой философа Бэкона, сделал из нее выписку: «Достойна уважения вещь видеть древний замок либо постройку не в упадке или видеть прекрасное дерево крепким и целым». Эта мысль, подчеркнутая поэтом, положена нами в основу реставрации заповедных парков и зеленых насаждений.

* * *

Показать и увидеть всё в Тригорском немыслимо, и рассказать обо всем в нем тоже немыслимо. Ведь каждый уголок, дерево, куст, тупичок имеют свое лицо, и оно, это лицо, заслуживает особого повествования. Я хочу лишь внушить паломникам свою любовь к пушкинскому лукоморью.

Прощаясь с паломниками, я всегда говорю: «А теперь станьте как дети, сядьте верхом на палочку и отправляйтесь куда глаза глядят. Бродите по тропинкам и дорожкам, куда бы они вас ни вели. Доверьтесь своему инстинкту, если вы пришли сюда по велению сердца, а не по обязанности. Крепко держите в руках томик стихов Пушкина, написанных здесь, и читайте их здесь, где они были рождены. Только так можно узнать великое и таинственное пушкинское лукоморье, только так вы сможете встретиться с Пушкиным, которого жаждет ваша душа. Я дал вам только отправное, без него вы могли бы здесь растеряться. От вас самих зависит создать свое пушкинское лукоморье, без этого всё у вас будет напрасным. И еще. Я не могу себе представить, чтобы человек, побывавший в Тригорском, не изменился в каком-то хорошем отношении, хотя бы только благодаря сознанию того, что всё увиденное им здесь во всем своем величии — *неповторимо*».

БИБЛИОТЕКА В ТРИГОРСКОМ

21 августа, в день 154-й годовщины со дня приезда А. С. Пушкина в Псковскую ссылку, в Тригорском состоялось торжественное открытие библиотеки Осиповых-Вульф, восстановленной в результате многолетних трудов научных сотрудников музея-заповедника. На открытии присутствовали участники Пушкинской конференции, проходившей в Пушкинских Горах в августе 1978 года, среди которых были пушкиноведы Ленинграда, Москвы, Горького, Болдина, многие писатели и поэты. В своем вступительном слове академик Д. С. Лихачев сказал, что воссоздание библиотеки Тригорского — это знаменательное событие в истории нашей социалистической культуры, и подчеркнул, что дом Осиповых-Вульф был для Пушкина не просто местом приятного времяпрепровождения, а «приют, сияньем муз одетый...».

Пушкин любил сиживать в библиотеке, делать выписки... Здесь, в больших черных шкапах, находилась книжная премудрость века. Здесь он мог найти книги по античной и русской истории, художественную литературу всех времен и народов, календари, справочники, энциклопедии. Тут были книги с автографами хозяйки дома П. А. Осиповой, ее отца А. М. Вындомского, сына Алексея Николаевича Вульфа и ее прелестных дочерей, воспетых Александром Сергеевичем. В этой библиотеке бывали друзья Пушкина, писатели Н. М. Языков, А. П. Дельвиг, А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, оставившие свои книги с автографами.

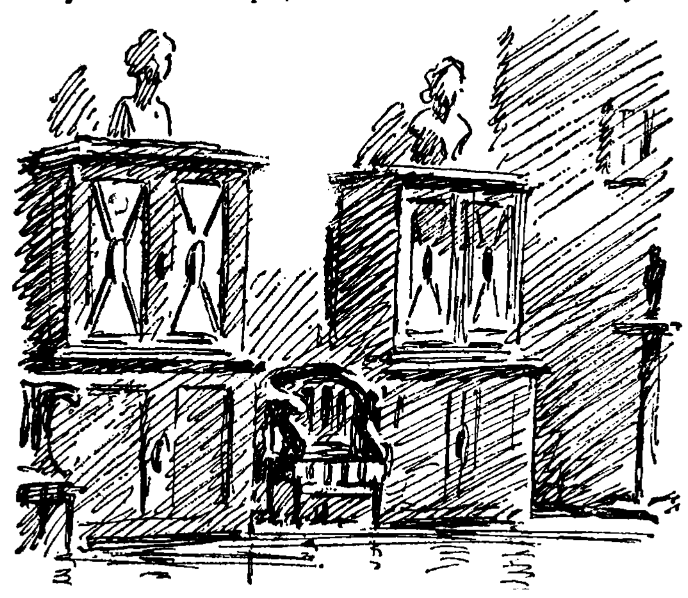
В библиотеке хозяева дома хранили семейные альбомы, в которых любили делать записи друзья дома

Пушкины: Сергей Львович, Лев Сергеевич и сам Александр Сергеевич. Так, в альбом П. А. Осиповой он вписал в 1825 году знаменитое элегическое шестистишие «Цветы последние милей...». В альбом Анны Николаевны Вульф поэт вписал в 1824 году четверостишие Дельвига, а 2 октября 1825 года — начальные строки XLVI строфы шестой главы «Евгения Онегина»:

...Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши...

и далее по-английски приписал стихотворение Колриджа «Друг», говорящее о том, что друг не всегда получает награду за добро, сотворенное им товарищу.

В книжных шкапах были не только книги писателей пушкинской поры, но и книги самого Пушкина



с его дарственными надписями. Вот одна такая книжка — первое издание «деревенских глав», 4-й и 5-й, «Евгения Онегина», которую поэт подарил дочери П. А. Осиповой — Евпраксии Николаевне Вульф. На титульном листе рукою Пушкина написано: «Евпраксии Николаевне Вульф от автора. Твоя от твоих. 22 февраля 1828 г.». Поэт хотел сказать, как много материала дали ему посещения Тригорского для создания «Евгения Онегина». Здесь был томик «Стихотворений Пушкина» (СПБ, 1826 г.), на обложке которого виднелся сургучный оттиск знаменитого пушкинского «талисмана». На внутренней стороне обложки Пушкиным была сделана дарственная надпись, потом кем-то замаранная. Можно лишь разобрать ее конец: «...от всенижайшего ее доброжелателя А. Пушкина.— 1826 г.— из сельца Зуёва». (Так в старину звали Михайловское.) В конце своей жизни Пушкин высылал П. А. Осиповой все номера издаваемого им журнала «Современник».

Если жизнь и быт Тригорского дали Пушкину богатейший материал для «Онегина», «Графа Нулина», а позднее для «Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина», то тригорская библиотека помогала ему ярче представить себе и Наталью Павловну, и графа Нулина, с классическим, «старинным, отменно длинным» романом в руках, и круг чтения Татьяны Лариной. Именно здесь, в Тригорском, он перечитывал длиннейший роман Ричардсона «Кларисса Гарлоу», о чем писал брату Льву: «Читаю Клариссу. Мочи нет, какая скучная дура...» В книге Ричардсона сохранился карандашный рисунок Пушкина — женский профиль. Тригорская библиотека помогла Пушкину и в его работе над «Борисом Годуновым».

Кроме книг и альбомов в библиотеке были рукописи. Среди них — рукописная «Святогорская повесть о чудесном явлении Богородицы на Синичьей горе» XVI века, в списке XVIII века, в которой рассказывает-

ся о древнем граде Ворониче и зарождении Святогорской обители, положившей начало знаменитому селу Святые Горы. Эту рукопись несомненно читал Пушкин, ибо отдельные ее мотивы определенно ощущаются в «Борисе Годунове»... Были в библиотеке и древние церковные книги из храмов Воронича, переданные последними владельцами Тригорского Святогорскому монастырю в 1913 году.

Библиотечное зальце было любимым уголком Пушкина в Тригорском доме. В 1835 году поэт писал жене из Михайловского: «Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу».

Библиотека Тригорского несомненно послужила началом для создания Пушкиным личной библиотеки. Именно в Михайловском поэт задумал и вплотную занялся собиранием книг своей знаменитой библиотеки, которую сегодня как зеницу ока бережет Пушкинский дом.

Для создания своей библиотеки Пушкин ничего не жалел: «Я разоряюсь на покупку книг, как стекольщик на покупку необходимого ему алмаза»,— писал он жене.

Библиотека Тригорского была открыта только шестнадцать лет спустя после восстановления дома. Собирание и оборудование ее оказалось делом очень трудным и потребовало от нас многолетнего кропотливого труда. Книги библиотеки Тригорского сохранились если не полностью, то в большой мере. Они, как и книги Михайловского, хранятся в фондах Пушкинского дома. Никто и никогда не посягнет на изъятие этих реликвий из фондов Академии наук. Поэтому нам пришлось тщательно изучить опись имущества Тригорского, составленную в 1881 году опочецким судебным представителем вскоре после смерти Алексея Николаевича Вульфа. В этой описи перечислены многие книги Тригорского, но суммарно, часто без указания года и места изда-

ния. Особое внимание было уделено нами изучению описания библиотеки профессором Б. Л. Модзалевским, составленного в 1903 году. Подробный каталог был напечатан им в книге «Поездка в Тригорское в 1902 году». Модзалевский расчленил библиотеку на разделы:

1. Изящная литература (поэзия, романы, повести, альманахи) — 500 томов.
2. Учебники, детские книги — 100 томов.
3. История — 100 томов.
4. Естественные науки, география — 40 томов.
5. Философия, политика — 40 томов.
6. Смесь, журналы, словари, каталоги — 30 томов.
7. Месяцеслов за 1802—1865 годы, около 100 томов.

В 1913 году, по просьбе отделения русского языка и словесности Академии наук, библиотека Тригорского по особому списку была передана ее владельцами, наследниками Евпраксии Николаевны Вульф-Вревской, Пушкинскому дому и привезена в Петербург М. Л. Гофманом. Эти описи и послужили для нас путеводителем для сбора дублетов книг и восстановления интерьера библиотеки. Сотни старинных изданий были пожертвованы нам библиотекой Государственного исторического музея, библиотекой дублетов редких книг Московского государственного университета имени Ломоносова, частными лицами — друзьями Пушкинского заповедника; некоторые книги куплены в букинистических магазинах.

Библиотека оборудована в той комнате, в которой видели ее Б. Л. Модзалевский, М. Л. Гофман и историк М. И. Семевский, впервые рассказавший о ней в статье «Прогулка в Тригорское», опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1866 год.

В соответствии с описями и фотографиями внутреннего убранства дома Псковский мебельный комбинат изготовил для нас копии упомянутых в описи 1881 года шести «черных двухстворчатых, со стеклянными дверцами, библиотечных шкапов». В этих шкапах вновь

заняли свое место сочинения любимцев Пушкина: Байрона, Шекспира, Руссо, Вольтера, Гете, Шиллера в изданиях начала XIX века; книги Сумарокова, Тредиаковского, Ломоносова; книги Баратынского, Козлова...

Сегодня здесь всё, как было при Пушкине. В углу — бронзовые дедовские часы, на шкапах стоят небольшие фарфоровые бюсты русских писателей — Карамзина, Ломоносова, Державина, Жуковского... Не хватает лишь бывших здесь когда-то маленьких бронзовых бюстов Платона и Вергилия и некоторых книг. Мы надеемся, что скоро и они появятся в этом легендарном доме поэзии.



„СКАМЬЯ ОНЕГИНА“

...И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке,
На вороном аргамаке,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин,
Являлся Пушкин знаменитый...

Н. М. Языков

На самом северном из трех тригорских холмов, с юго-восточной его стороны, есть деревянные ступеньки. От них узкая тропинка ведет мимо дома Осиповых, мимо большого зеркального пруда к началу парка. Отсюда вправо идет коротенькая липовая аллея. В конце ее мелколиственные вековые липы, коренастые дубы и остролистые клены образуют удивительно красивую группу деревьев.

Своеобразный облик этой естественной беседки подчеркивает вековой дуб, склонившийся над землей и словно пытающийся взлететь в небо.

Деревья скрывают от вашего взгляда усадьбу, пруд, парк и открывают замечательный вид на крутой зеленый скат Тригорского, отлогие берега Сороти, поля, луга, нивы, прорезанные извивающейся узкой светлой гладью реки. Вдали цепь холмов и темный лес, дорога из Михайловского в Тригорское, старинная дорога на Псков.

Алексей Вульф, приятель Пушкина, рассказывал М. И. Семевскому в 1866 году, что именно здесь восхищался поэт окрестностями Тригорского. Тригорское, открывая Пушкину художественно законченные, характерные картины русской природы, вдохновило его на создание знаменитых описаний времен года в ро-



мане «Евгений Онегин». Наблюдения поэта над характерами, бытом, нравами в Тригорском служили конкретным материалом при создании обобщенных художественных образов, характерных картин русской усадебной жизни во многих его произведениях.

Знаменательно то, что в 1830 году, уже вдали от Михайловского, заканчивая роман «Евгений Онегин», поэт особенно тепло вспоминает этот тригорский уголок.

Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив.
И берег Сороти отлогий,
И полосатые холмы,
И в роще скрытые дороги...

Именно поэтому живет в наши дни предание, возникшее в семье владельцев Тригорского. Предание нарекло скамью, стоящую в этом уголке парка, «скамьею Онегина» и связало ее со сценой объяснения Онегина и Татьяны в пушкинском романе:

...«Ах» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И, задыхаясь, на скамью
Упала...

Как и в пушкинские времена, глядите ли вы ранней весной на черные поля и бушующие темные воды разлившейся Сороти, любуетесь ли блестящей на солнце летней зеленью полей и лугов, среди которых голубеют причудливые извивы реки, видите ли вы осенний грустный пейзаж со скирдами уже сжатого хлеба или перед вами пустынная заснеженная равнина с темными пятнами леса и редких деревень по холмам — вы неизменно чувствуете широкую, спокойную и сильную красоту открывающейся перед вами картины природы, и на вашу душу нисходят покой и мир.



„Я ПОМНЮ ЧУДНОЕ МГНОВЕНЬЕ...“

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Пушкин

В 1940 году в Ленинграде умер известный советский ученый-географ, почетный академик Юлий Михайлович Шокальский. Величественные ледники Памира, Тянь-Шаня, Новой Земли, острова Арктики, пролив в архипелаге Северная Земля носят сегодня имя этого замечательного человека.

В детские и юношеские годы Шокальский подолгу жил в Михайловском у сына поэта, Григория Александровича, в качестве его воспитанника. Юлий Михайлович был связан с пушкинским уголком и кровными узами. Он был внуком знаменитой Анны Петровны Керн, племянницы Прасковьи Александровны Осиповой.

Задолго до 1899 года, когда Михайловское было приобретено в государственную собственность, Юлий Михайлович тщательно сфотографировал многие пушкинские места, обмерил дом Осиповых-Вульф в Тригорском. В семье Шокальских до последнего времени хранились драгоценные реликвии, связанные с Тригорским и его обитателями.

В 1962 году скончалась дочь Юлия Михайловича Зинаида Юльевна, долгие годы бывшая директором Центрального музея почвоведения имени Докучаева Академии наук СССР. В настоящее время остались только дальние родственники Шокальского. Благодаря их любезности мне удалось получить для Пушкинского заповедника несколько реликвий. Об одной из них и хочется рассказать.

Речь идет о большом живописном портрете Екатерины Ермолаевны Керн — дочери Анны Петровны от ее первого мужа генерала Е. Ф. Керна. Портрет этот — единственное живописное изображение дочери Анны Петровны Керн. Написан он масляными красками неизвестным художником в сороковых годах XIX века.

Екатерина Ермолаевна изображена художником в зеленом шелковом платье, на плечи ее накинута легкая газовая шаль розового цвета. Модная высокая прическа украшена золотой диадемой. Лицо миловидное, но строгое, бледное, задумчивое; легкая улыбка несколько оживляет ясно выраженные черты печали. Кисти красивых рук спокойно лежат одна на другой.

Когда внимательно вглядываешься в черты лица Екатерины Ермолаевны, невольно вспоминаешь рисунок Пушкина, изображающий ее мать, которой поэт посвятил свое бессмертное стихотворение «Я помню чудное мгновенье...», написанное летом 1825 года в Михайловском и врученное поэтом Анне Петровне в Тригорском 19 июля.

Екатерина Ермолаевна родилась в 1818 году. Училась в Петербурге в Смольном институте. По окончании института, в 1836 году, осталась служить в нем в качестве классной наставницы. В том же году Екатерина Ермолаевна познакомилась с М. И. Стунеевой, сестрой Михаила Ивановича Глинки — знаменитого русского композитора. В ее доме Екатерина Ермолаевна вскоре встретилась и с самим композитором. Постепенно знакомство перешло в дружбу, а дружба в любовь. В своих «Записках» Глинка рассказывает о встрече с этой девушкой, сыгравшей в его жизни такую большую роль: «Мой взор невольно остановился на ней, ее ясные, выразительные глаза, необыкновенно строгий стан и особенного рода прелесть и достоинство, разлитые во всей ее особе, всё более и более меня привлекали. Вскоре чувства мои были вполне разделены милою

Е[катериною] Е[рмолаевною], свидания наши становились отраднее».

В 1839 году Глинка написал для Екатерины Ермолаевны романс на слова Пушкина «Где наша роза?», а вскоре положил на музыку и «Я помню чудное мгновенье...», посвятив романс любимой девушке, матери которой великий поэт посвятил слова.

Так мать и дочь вошли в бессмертие гением Пушкина и Глинки.

Весною 1840 года Екатерина Ермолаевна серьезно заболела, ей угрожала чахотка. По совету врачей она вместе с матерью уехала к себе в деревню на Украину. По дороге они решили заехать в Тригорское, чтобы навестить Прасковью Александровну, посетить Михайловское. Михаил Иванович в это же время собрался ехать к больной матери в Смоленскую губернию, и часть пути ехал вместе с Кернами.

17 августа Глинка писал Екатерине Ермолаевне: «Сообщите мне описание вашего пребывания, в особенности то место, где покоится прах Пушкина. Душевно сожалею, что обязанности к матушке не позволили мне вам сопутствовать».

В это время Глинка работал над созданием оперы «Руслан и Людмила», в основу которой положил одноименную поэму Пушкина. Ему очень хотелось побывать там, где некогда в изгнании жил великий Пушкин, и он очень сожалел, что ему не удалось совершить это паломничество.

Из писем Глинки видно, что он сделал предложение Екатерине Ермолаевне и получил согласие на брак; обострившаяся болезнь ее расстроила свадьбу. Великий композитор до конца своей жизни был искренне расположен к Екатерине Ермолаевне, вызвавшей в нем горячее поэтическое чувство.

В сороковых и пятидесятых годах Екатерина Ермолаевна часто гостила в Тригорском. В 1852 году она

вышла замуж за М. И. Шокальского и вместе с ним часто приезжала в Тригорское, вплоть до своей смерти в 1904 году в возрасте 86 лет.

Портрет Екатерины Ермолаевны можно видеть в зальце Тригорского рядом с портретом ее матери, нарисованным Пушкиным.



ПУШКИНСКАЯ БАНЬКА

Здравствуй, Вульф, приятель мой!
Приезжай сюда зимой...

В самом деле, милый, жду тебя с отверзтыми объятиями...

Приписка Анны Николаевны Вульф:

Сегодня писать тебе не могу много. Пушкины оба (братья Александр и Лев) у нас, и теперь я пользуюсь временем, как они ушли в баньку...

Из письма А. С. Пушкина и А. Н. Вульф
Алексею Николаевичу Вульфу
20 сентября 1824 г.
из Тригорского

Более ста лет тому назад историк М. И. Семевский в газете «Петербургские ведомости» писал: «В Тригорском парке сегодня еще виднеются жалкие остатки некогда красивого домика с большими стеклами в окнах. Это баня; здесь жил Языков в приезд свой в Тригорское, здесь ночевал и Пушкин...»

«Отсюда,— вспоминает В. П. Острогорский в своем очерке «Пушкинский уголок земли» (1899),— Пушкин с Языковым прямо спускались к реке купаться».

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.
Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые

И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные!

Так вспоминает Н. М. Языков в своем стихотворении «Тригорское» златые дни, проведенные им здесь с Пушкиным и семьей Осиповых-Вульф.

Банька стояла на красивом месте над Соротью среди прибрежных нив и лип и некогда входила в центральную часть архитектурного ансамбля старого дома Вындомских-Вульф. Она погибла от небрежения последних хозяев имения много лет тому назад. Остатки ее были сфотографированы в начале нашего века; художник Максимов сделал с нее живописный набросок.

Несколько лет тому назад была произведена раскопка этого места. Материалы раскопки подтвердили рассказ старожилов деревни Воронич, что «банька была красивая, обшитая тёсом, на высоком каменном цоколе». В ней были две комнаты, разделенные сквозным коридором. В одной мыльня, с большой беленой печью-



каменкой, в другой — большая светлая горница, со штукатуренными стенами, голландской печью, покрытой красивыми изразцами, с оконными ставнями внутри дома. В доме было два крыльца: одно парадное, формами своими напоминающее традиционное крыльцо барских усадебных флигелей пушкинского времени, другое — черное, для хозяйственных нужд.

При проведении раскопок нашел я фрагменты различных бытовых предметов; глиняных кувшинов, горшков, бутылок, а также куски печных изразцов, оконные задвижки, дверной ключ...

В 1954 году мною, совместно с добрым моим другом, псковским художником-архитектором, ныне покойным, Алексеем Афанасьевичем Ларкиным, был разработан проект восстановления этого памятника. Этот проект и положен в основу тех работ, которые были начаты в 1975 году силами студенческого строительного отряда Московского государственного университета.

Банька восстановлена в 1978 году.

Теперь в этом памятном домике зазвучат по-особому стихи и письма Пушкина, обращенные к Алексею, Аннет, Зизи, Нетти Вульф, Анне Осиповой, к Н. М. Языкову — стихи и песни о любви, дружбе, товариществе, о «шумных пирах» тригорской молодежи.

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.
Нет, нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Воображать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон тригорских нив...

ТРИГОРСКИЕ ВАЗОЧКИ

Жизнь музеев Пушкинского заповедника не стоит на месте. Тот, кто приходит сюда во второй, третий раз, видит новые экспонаты, о которых ничего прежде не знал, не ведал.

Откуда же являются «новые» вещи? Отовсюду и разными путями. Это и венец трудного поиска того, что прежде считалось утраченным, это и счастливый случай, и дар доброго человека.

Вещи имеют свою судьбу, иногда совершенно невероятную. Ведь бытовавшая некогда в Михайловском или Петровском вещь может очутиться в разных концах мира — в Бельгии или Нью-Йорке, Берлине или Риме. Например, считается, что все музейные экспонаты Михайловского, разграбленные гитлеровцами в 1941—1944 годах, пропали безвозвратно и навсегда. Но не так давно нам удалось обнаружить кое-что из пропавшего имущества... Теперь есть основания полагать, что в недалеком будущем мы найдем хотя бы часть увезенных фашистами пушкинских реликвий...

А сейчас мне хочется рассказать о нашей недавней находке.

Как известно, при жизни поэта дом Осиповых-Вульф был «полной чашей». В нем было всё, приличествующее хорошему «дворянскому гнезду»,— прекрасное собрание редких книг, неплохая коллекция живописи, гравюр, литографий, предметы прикладного искусства — фарфор, хрусталь, серебро, мебель, бронза... К этому нужно добавить бережно хранимые хозяевами дома бытовые вещи и книги, связанные с памятью их великого друга — Пушкина.

После гибели поэта, смерти Прасковьи Александровны и ее сына Алексея Николаевича вещи эти разлетелись по многим городам и весям Псковщины и России — во Врев, Малинники, Лысую Гору, Псков, Петербург, Москву... Часть вещей была отдана Прасковьей Александровной дочерям в качестве приданого.

Несколько лет тому назад я случайно узнал, что в Перми живет человек, у которого есть фарфоровые вазы из Тригорского. Удалось установить, что владельцем этих вещей является Борис Сергеевич Ляпустин. Дед его в дореволюционное время жил в Пскове, где состоял смотрителем губернского епархиального училища и председателем Псковского археологического общества. Начальницей училища была Прасковья Петровна Зубова, жившая при училище со своею престарелой матерью Ефимией Борисовной, урожденной баронессой Вревской — дочерью Евпраксии Николаевны Вульф из Тригорского.

У Зубовых в Пскове находился целый ряд разнообразных вещей из Тригорского, доставшихся Ефимии Борисовне по наследству. Незадолго до ее смерти в 1915 году дом Зубовых посетили тетка царя Николая II — великая княгиня Мария Павловна — и сопровождавший ее художник В. В. Мешков, картина которого, изображающая дом и написанная в том же 1915 году, находится сегодня в экспозиции Тригорского. На память о встрече Ефимия Борисовна одарила гостей некоторыми реликвиями из Тригорского (чернильница, подсвечник, шкатулка, фарфоровый «тет-а-тет»). Часть этих вещей я в свое время видел у В. В. Мешкова в Москве.

Накануне Февральской революции умерла Ефимия Борисовна Вревская, и дочь ее решила покинуть Псков. Перед отъездом П. П. Зубова подарила Б. С. Ляпустину, большому другу семьи, две тригорские фарфоро-

вые, итальянской работы вазочки с живописным изображением птиц, порхающих бабочек и жуков.

Вот эти-то вазочки и были предметом моей длительной переписки с Ляпустиным. И вот недавно Борис Сергеевич приехал в Ленинград, чтобы вручить мне для музея-заповедника Пушкина свой дар — эти замечательные вазочки.

Сегодня они помещены в экспозиции одной из мемориальных комнат тригорского дома.



ЗАВЕТНЫЙ ЛАРЕЦ АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

Рядом с домом Пушкина, под сенью большого двухвекового клена (последнего пушкинского клена в Михайловском), среди густых кустов сирени, акации и жасмина, кое-где увитых зеленым хмелем, стоит маленький деревянный флигелек. Флигелек этот был построен еще Осипом Абрамовичем Ганнибалом в конце XVIII века одновременно с большим господским домом. В нем помещались баня и светёлка. При Пушкине в светёлке жила Арина Родионовна.

Домик няни — единственная постройка пушкинского времени, сохранившаяся до 1944 года. В 1947 году флигелек был восстановлен по картинам, фотографиям, зарисовкам, обмерам и многочисленным описаниям.

В баньке Пушкин принимал ванну, когда с наступлением холодов он не мог купаться в Сороти. В светлицу няни приходил, когда ему было особенно одиноко. Здесь, у няни, он чувствовал себя как у бога за пазухой. Сюда он шел отдохнуть, послушать ее чудесные сказки. Здесь всё было простое, русское, деревенское, уютное... Старинные сундуки, лавки, в красном углу, «под святыми», стол, покрытый домотканой скатертью, жужжащее веретено... В другом углу — русская печь с лежанкой, пучками душистых трав. Напротив печи на полке — медный самовар, дорожный погребец, глиняные бутылки для домашних наливок. На комоде — заветный ларец няни, о котором и будет этот маленький рассказ.

* * *

Весною 1826 года Пушкин с нетерпением ждал приезда в Тригорское поэта Николая Михайловича Языко-

ва, о котором много слышал от его товарища по Дерптскому университету Алексея Николаевича Вульфа — сына Прасковьи Александровны Осиповой от первого брака. Наконец, к величайшей радости Пушкина, Языков и Вульф приехали в деревню. Это были лучшие дни в жизни ссыльного поэта.

Языкову всё нравилось и в Тригорском и в Михайловском — и здешняя природа, и хозяева Тригорского, и молодые «девы тригорских гор», и особенно Пушкин, перед которым он благоговел. Николай Михайлович был также без ума от Арины Родионовны. Она привлекала его своей душевной привязанностью к поэту, материнской заботой о нем, своей замечательной народной речью, «пленительными рассказами» про старину, про бывальщину. В свою очередь, и старушке стал дорог друг «ее Саши»; Арина Родионовна всегда сердечно к нему относилась, стараясь всячески угодить. О проведенных «легких часах» у Арины Родионовны и ее «святом хлебосольстве» Языков вспоминает в двух своих стихотворениях, ей посвященных. Одно из них было написано еще при жизни няни.

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
Я покидал для ней и славу, и науки,
И немцев, и сей град профессоров и скуки, —
Ты, благодатная хозяйка сени той,
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
Священнодействовал при алтаре Камены, —
Всегда приветами сердечной доброты
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,
Ходил я навещать изгнанника-поэта,
И мне сопутствовал приятель давний твой,
Ареевых наук питомец молодой.
Как сладостно твое святое хлебосольство

Нам баловало вкус и жажды своевольство!
С каким радушием — красою древних лет —
Ты набирала нам затейливый обед!
Сама и водку нам, и брашна подавала,
И соты, и плоды, и вина уставляла
На милой тесноте старинного стола!
Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом:
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

Перед отъездом Языкова из Михайловского Арина Родионовна подарила ему на добрую память шкатулку, которую специально для Языкова заказала деревенскому умельцу. В этой шкатулке Языков потом хранил свои сувениры из Тригорского, письма к нему Пушкина и Осиповых-Вульф и подаренный ему Пушкиным автограф стихов «У лукоморья дуб зеленый...».

Узнав о смерти няни, Языков посвящает ее памяти еще одно стихотворение «На смерть няни А. С. Пушкина», которое заканчивается так:

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!

Прошло много лет. В 1938 году, вскоре после столетия со дня смерти А. С. Пушкина, потомок Н. М. Языкова — Анна Дмитриевна Языкова передала рукописи и письма Языкова и Пушкина, хранившиеся в заветной шкатулке, Государственному литературному музею в Москве, а шкатулку завещала передать после своей смерти домику няни в Михайловском.

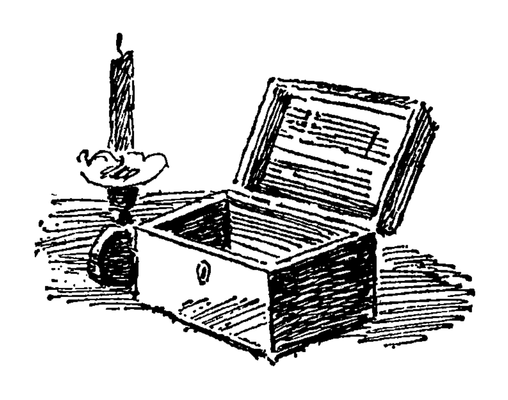
Умерла Анна Дмитриевна в поселке Муромцево Владимирской области, куда она эвакуировалась в 1944 году из Новгорода, в возрасте 96 лет.

Завещательное распоряжение ее о передаче шкатулки Михайловскому было выполнено близкой знакомой Анны Дмитриевны учительницей Е. А. Пискуновой в 1951 году.

Шкатулка эта прямоугольной формы, дубовая, с отделкой из вишневого дерева, с откидной крышкой, в центре которой — небольшое, ныне заделанное отверстие «для копилки». На внутренней стороне крышки — пожелтевшая от времени бумажная наклейка с надписью чернилами:

> «Для чорного дня
> Зделан сей ящик 1826 года июля 16-го дня».

Ларец закрывается на замок, сохранность его довольно хорошая. Это единственная подлинная вещь Арины Родионовны, дошедшая до наших дней.



РУСЛАН

Однажды маленький Саша Пушкин написал стихотворную шутку на французском языке и дал прочесть ее своему гувернеру французу Русло. Гувернер осмеял стихи и их автора. Мальчик крепко обиделся и обиду свою сохранил надолго.

Спустя несколько лет Пушкин подарил своему отцу собачку. На вопрос Сергея Львовича, как же звать песика, озорник ответил: «Русло!..» Таково семейное предание, хранившееся у потомков сестры поэта Ольги Сергеевны Павлищевой.

В семье пса стали звать не Русло, а Руслан, в честь героя поэмы «Руслан и Людмила», которой вся фамилия Пушкиных гордилась.

Пес был добр, его любили все домашние и слуги. Сам Сергей Львович был от него без ума. Куда бы он ни направился, куда бы ни поехал, Руслан был всегда с ним. Был он, по-видимому, из ирландских сеттеров, чистой ли породы — теперь никто не знает.

В Михайловском все и всегда любили собак. Здесь была своя большая псарня, или, как в народе до сих пор говорят, «собарня». Тригорские друзья Пушкиных в своих воспоминаниях рассказывают, что Александр Сергеевич часто приходил к ним со своими огромными собаками — волкодавами.

Любила собак и сестра поэта Ольга Сергеевна. В одном из писем к ней с юга поэт писал: «Какие у тебя любимые собаки? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Биззаро?» (ее любимых собак.— *С. Г.)*.

У сына поэта Григория Александровича была лучшая в округе псарня.

В знаменательный для Михайловского 1824 год, когда вся семья Пушкиных была здесь в полном сборе, Сергей Львович заказал художнику Гампельну свой портрет, на котором он изображен в рединготе — дорожном летнем пальто. У своих ног он попросил художника изобразить его верного друга Руслана.

Сегодня этот портрет висит в спальне родителей Пушкина в их Михайловском доме.

Прошли годы, и старый пес издох. Это случилось летом 1833 года в Михайловском. Вот как писал об этой утрате Ольге Сергеевне ее батюшка: «Как изобразить тебе, моя бесценная Ольга, постигшее меня горе? Лишился я друга, и друга такого, какого едва ли найду! Бедный, бедный мой Руслан! Не ходит более по земле, которая, как говорится по-латыни, да будет над ним легка!

Да, незаменимый мой Руслан! Хотя и был он лишь безответным четвероногим, но в моих глазах стал гораздо выше многих и многих двуногих: мой Руслан не воровал, не разбойничал, не сплетничал, взяток не брал, интриг по службе не устраивал, сплетен и ссор не заводил. Я его похоронил в саду под большой березой, пусть себе лежит спокойно.

Хочу этому другу воздвигнуть мавзолей, но боюсь: сейчас мои бессмысленные мужланы — вот кто настоящие животные — запишут меня в язычники...»

Для задуманного мавзолея он сочинил и эпитафию (по-французски и по-русски):

Лежит здесь мой Руслан, мой друг, мой верный пес!
Был честности для всех разительным примером,
Жил только для меня, со смертью же унес
Все чувства добрые: он не был лицемером,
Ни вором, пьяницей, развратным тож гулякой:
И что ж мудреного? Был только он собакой!

Сообщение это расстроило Ольгу Сергеевну чрезвычайно. Будучи художницей, она отозвалась на смерть

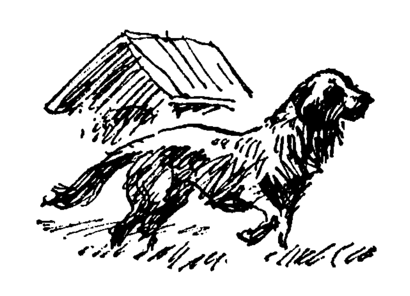
Руслана акварельным рисунком. На рисунке изображены две собаки. Справа схематически показана стена, а на ней письмена — с заголовком: «Памяти Руслана».

Как медлит путника вниманье
На хладных камнях гробовых,
Так привлечет друзей моих
Руки знакомой начертанье!

Чрез много, много лет оно
Напомнит им о прежнем друге:
«Его нет боле в вашем круге,
Но сердце здесь погребено».

Под рисунком слева дата: «VII 1833», справа подпись художницы «O. Pouschkine».

Рисунок этот был приобретен мною в 1975 году в Ленинграде, в семье кинооператора Ф. П. Овсянникова. Сейчас он находится в доме поэта рядом с портретом, на котором изображен Сергей Львович и его добрый друг Руслан.



ПОСОХ ПУШКИНА

Когда вы проходите по маленьким комнатушкам сельского домика Пушкина, вы смотрите на все с волнением необычайным, хотите увидеть, рассмотреть всё, всё, всё и в каждой вещи ищете эхо его хозяина.

Вещи, принадлежавшие Пушкину, для нас особенно дороги, ибо они не только вещи эпохи — это реликвии, это часть самого Пушкина, его тень, его личное свидетельство о своей жизни, трудах, надеждах, муках. О, как интересна судьба реликвий Пушкина! Одни молчаливы и даже вовсе немы, ни сам хозяин, ни его родственники и друзья почти ничего не говорят о них; рассказ о них как бы запечатан семью печатями. Другие давно утрачены, и от них сохранились лишь копии.

В числе реликвий, хранящихся в михайловском доме поэта, есть железная трость Пушкина, о которой мне хочется поведать паломнику и читателю.

Пушкин любил трости и палки. Они были у него самые разные. В кабинете поэта, в его Квартире-музее на набережной Мойки в Ленинграде, стоят три трости: деревянная, с набалдашником из слоновой кости, на кости вырезана надпись: «А. Пушкин»; ее изобразил художник Н. Н. Ге на своей картине «Пушкин и Пущин в Михайловском». Вторая — деревянная (камышовая), с ручкой, в которую вделана бронзовая золоченая пуговица с мундира Петра I. Эта пуговица была подарена Петром своему крестнику, арапу Ибрагиму Ганнибалу. Как трость попала к Пушкину — неизвестно. Может быть, здесь, в Петровском, он получил ее в подарок от деда? Третья трость — орехового дерева, с набалдашником из аметиста.

Нужно думать, что, кроме этих тростей, у Пушкина были и другие палки-трости. Одну из них он изобразил на своем михайловском рисунке, другую мы видим на портрете Пушкина 1830 года работы его современника художника П. И. Чернецова.

Были у Пушкина и две трости железные. Одна из них находится в михайловском кабинете поэта. Она кованая, из круглого железа, с Т-образной ручкой, с четырехугольным наконечником-острием. Трость поступила в Михайловское из Пушкинского дома Академии наук СССР в канун торжественного открытия восстановленного дома-музея, в 150-летнюю годовщину со дня рождения Пушкина. В фонды Пушкинского дома она была передана Одесским художественным музеем в 1938 году.

Эту палку завел себе Пушкин, когда жил в Кишиневе. О ней рассказывают в своих мемуарах М. Де Рибас и И. П. Липранди. Уезжая из Кишинева в Одессу, Пушкин захватил ее с собой и, по свидетельствам современников-одесситов, любил разгуливать с нею по улицам города. Уезжая из Одессы в Михайловское, Пушкин оставил трость своему приятелю А. Ф. Мерзлякову, от него она перешла к поэту А. И. Подолинскому, затем к сыну адъютанта графа М. С. Воронцова — Ягницкому, который, в свою очередь, подарил ее своему знакомому И. М. Донцову. В 1880 годах Донцов подарил ее одесситу Н. Г. Тройницкому.

В своей книге «Прошлое и настоящее» народный артист СССР А. М. Леонидов, живший в восьмидесятых годах в Одессе, рассказывает, что эту палку Тройницкий пожертвовал в 1887 году Одесскому историческому музею. В 1899 году трость экспонировалась на Пушкинской юбилейной выставке в Одессе среди других реликвий.

Живя в Михайловском, Пушкин не мог обходиться без трости. Он был великий ходок. Палка, посох, трость — необходимая принадлежность странника, путе-

шественника, искателя. Ивовый прут, сосновая дубинка, можжевеловая или сосновая палка — все это могло быть у Пушкина и, вероятно, было.

Вспоминая свой железный кишиневско-одесский посох, Пушкин завел себе в Михайловском новый, тоже железный. Это было изделие местного кузнеца. При Пушкине кузницы были здесь повсюду — на Вороничe, в Святогорском монастыре, у Ганнибалов в Петровском, да и в самом Михайловском, хоть и полузаброшенная, но тоже была. На Псковщине железные предметы сельского обихода, такие как лошадиная подкова, удила, топор, лопата, посох, кочерга, исстари изготавливались на том месте, где жил их владелец. И отличались особенностями, которые были характерны для этой местности. Такова и михайловская трость Пушкина. Совершенно такую же можно и сегодня увидеть в руках местных жителей.

Одесская палка Пушкина имеет размеры: длина — 88,5 сантиметра, ручка — 10,5 сантиметра, вес — 2 килограмма 400 граммов (6 фунтов).

А каков же был михайловский посох Пушкина? Вот что говорится об этом в народных рассказах, опубликованных в дореволюционной печати в разное время.

Рассказ кучера Пушкина — Петра Парфенова: «Палка у него завсегда железная в руках, девяти фунтов весу, уйдет в поле, палку кверху бросает, ловит ее на лету словно тамбур-мажор» (запись 1859 года).

Еще запись: «Бывало, идет Александр Сергеевич, возьмет свою палку и кинет вперед, дойдет до нее, поднимет и опять бросит вперед, и продолжает другой раз кидать ее до тех пор, пока приходит домой».

Не забыл про палку записать в своем доносе 1826 года и шпион А. К. Бошняк: «На ярмарке Святогорского Успенского монастыря Пушкин был в рубашке, подпоясанной розовою ленточкою, в соломенной широкополой шляпе и с железною палкою в руке».

Вспоминает эту деревенскую трость в своей книге и первый биограф Пушкина П. В. Анненков: «Михайловский посох пригодился Пушкину, когда он упал с лошадью на льду и сильно ушибся, о чем писал П. Вяземскому 28 января 1825 года». Когда врачи освидетельствовали в Пскове здоровье Пушкина и установили у него «повсеместное расширение кровевозвратных жил, отчего г. коллежский секретарь Пушкин затруднен в движении», посох был объявлен для него необходимой вещью.

В 1826 году Пушкин нарисовал свой автопортрет на странице рукописи романа «Евгений Онегин». Он изобразил себя во весь рост, с палкой в правой руке. У этой палки ручка в виде буквы «Т», она очень похожа на ту железную трость, о которой повествуется в рассказах местных крестьян. Нужно заметить, что Пушкин был очень точен в своих рисунках.

Предание сохранило нам рассказ и о конце железного посоха Пушкина. Вот как это будто бы произошло.

Когда Пушкин в конце жизни (в 1835 году) «вновь посетил» свои родные места, он решил навестить подругу юности своей Евпраксию Николаевну Вульф из Тригорского, вышедшую в 1831 году замуж за псковского помещика барона Б. А. Вревского и жившую в его имении Голубово, находящемся неподалеку от Михайловского.

Здесь он провел несколько дней. Покидая радушный дом, Пушкин бросил свой заветный посох в голубовский пруд, может быть, в знак того, что он вновь посетит это место...

Эту трость мы после войны пытались найти, ездили к голубовскому пруду вместе с потомком Вревских, но, увы, пруд почти совсем заглох и зарос, и наши поиски ни к чему не привели...

В газете «Пушкинский колхозник» от 18 февраля 1937 года мы можем прочесть следующее.

...В канун 100-летия со дня смерти поэта в Пушкинских Горах состоялось торжественное памятное собрание, собрались жители окрестных сел, учителя и ученики местных школ, пришли и самые старые люди пушкинского Святогорья. Самым молодым из них было не менее семидесяти, а старым по сто лет и больше. Их собрали, чтобы они поведали о том, что они слышали о Пушкине от своих дедов, когда были малыми ребятами. И старики рассказали о многом: о том, как Пушкин любил теребить лен, как помогал рыбакам на Сороти сети к берегу тянуть, как залезал на церковную колокольню и весело бил в колокола. А некий старец Иван Гаврилович Гаврилов рассказал о том, как Пушкин хаживал в кузницу и бил с плеча большим молотом по наковальне. А Иван Павлов, житель деревни, что у озера Белогули, имеющий возраст более ста лет, рассказал, как «много лет тому назад приехавшие из Питера в Михайловское ученые-знатоки нашли в нянином домике тростку и вызвали всех здешних стариков для опознания сей тростки — мол, пушкинская ли она, а когда уверились, то увезли ее в Питер».

Есть ли истина в этих рассказах — предстоит еще решить исследователям и хранителям пушкинских реликвий. Историческая наука считается с народными воспоминаниями, не случайно их называют выражением народной мудрости. Есть вещи и события, которые народ не хочет запоминать, а есть, наоборот, факты, которые народ цепко хранит в памяти своей и передает из поколения в поколение.

Таков, возможно, и рассказ о михайловском железном посохе Пушкина, с которым он прошел странником по многим деревням и селам Псковщины, бывшей для него и «животворящей родиной», и «страной родной».

БИЛЬЯРД ПУШКИНА

Розыск пушкинских реликвий и меморий, начатый нами много лет тому назад, проходит довольно успешно. Лишь за последние годы нам удалось найти книги из знаменитых библиотек Тригорского и Петровского, подлинный рисунок сестры поэта Ольги Сергеевны, очень редкие предметы быта его родных и близких.

Об одной такой вещи, недавно возвращенной в зальце михайловского дома, где она находилась при Пушкине, и будет идти речь в этом моем маленьком рассказе.

Дедовский дом в Михайловском был небольшой одноэтажный, с нахлобученной на сруб шатровой кровлей; он состоял всего лишь из пяти комнат и прихожих. Все было просто в этом доме — старинные столы, стулья, полки, канапеи, комоды, подсвечники, часы, чашки-плошки-ложки... Читаешь опись имущества дома, составленную спустя несколько месяцев после смерти поэта псковским чиновником Васюковым, и удивляешься скромности и простоте бытового убранства его.

Войдя в жизнь Пушкина, вещи приняли какие-то новые черты. В веселые и печальные часы поэта влекли не только лес и долы, парки и рощи, но и эти скромные предметы его домашнего обихода — свидетели его отшельнической жизни.

Десять лет спустя он вновь посетил свое былое жилище. Он переходил от одной вещи к другой, и сердце его замирало от тоски по ушедшим дням, и он говорил себе: «Ах, вот он, мой фонарик, который я брал с собой, когда выходил осенью на прогулку... А вот полу-

разбитый «тет-а-тет», в котором мы с няней пили чаи, одно блюдечко она разбила, когда провожала меня как-то в Псков, заметив, что это-де хорошая примета...»

В углу зальца стоял старый-престарый дедовский «корельчистый» бильярд, так все величали его в доме. Пушкин нашел его в каретном сарае. Узнав, что вещь сия очень старинная и что привез ее в имение Абрам Петрович Ганнибал, он приказал бильярд подремонтировать, подштопать сукно и поставить в зальце. Этот бильярд видел И. И. Пущин, когда посетил опальный дом в январе 1825 года. «В зальце был бильярд, это могло служить ему развлечением»,— написал он в своих «Воспоминаниях». О бильярде рассказывают А. Н. Вульф и брат поэта Лев Сергеевич. Вспоминает и сам Пушкин в той знаменитой 4-й главе «Евгения Онегина», в которой он, по собственному признанию, «изобразил свою жизнь в Михайловском», когда

Один, в расчеты погруженный,
Тупым киём вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт...

После смерти Пушкина бильярд, ставший совсем ветхим, был отправлен вновь в сарай, где его попортили крысы и он совсем превратился в рухлядь. Сын Пушкина, Григорий Александрович, поселившийся в шестидесятых годах в Михайловском, был опытный бильярдист. Он завел в своем доме новый большой бильярд, а старый велел отправить из сарая в домик няни, но вскоре, «вследствие безобразного вида сего предмета, был вновь отправлен в сарай, где и сгорел при пожаре усадьбы в 1918 году».

Восстанавливая в 1911 году дом Пушкина, устроители не попытались реставрировать пушкинский бильярд, а сделали новый, обыкновенный, типичный для

провинциальных гостиниц и заезжих домов. Журналистка Гаррис в своей заметке о Михайловском, опубликованной в журнале «Баян» (№ 7—8 за 1914 г.), так описывает этот предмет: «Дом-музей — неудачная имитация старины. В бильярдной комнате — безобразный громоздкий бильярд, покрытый ярко-зеленым канцелярским сукном...»

Восстанавливая дом поэта и его вещественный мир, я много думал о бильярде Пушкина: каков он был по форме, размерам, отделке? Я побывал во многих памятных местах и музеях, где сохранились старинные бильярды: в Москве, Ленинграде, Ломоносове, изучал и скопировал бильярд в «Домике Нащокина», хранящемся во Всесоюзном музее Пушкина. На известном рисунке Пушкина, сделанном им в Одессе весною 1824 года, изображена часть бильярда, схожего с бильярдом Нащокина. Мне казалось, что все это не то, что нужно для Михайловского, и я продолжал свой поиск. Я рассуждал так: коль скоро бильярд смог поместиться в домик няни, значит, он был небольшой, разборный. Это во-первых. Во-вторых, и Пушкин, и Пущин, и все другие, видевшие этот бильярд, говорили, что на нем играли в *два* шара, и не простым кием, а *тупым*.

Бильярд — старинная игра. В своем «Лексиконе прописных истин» Г. Флобер пишет: «Бильярд — благороднейшая игра. Он незаменим во время жизни в деревне...» Им увлекались уже в XVIII веке во Франции, Англии, Италии, Германии, Америке. При Петре I появляется бильярд и в России. Его подробное описание можно найти во многих старинных энциклопедиях. Самый старый бильярд — французский. Он без луз, небольшого размера, на нем играли в два шара тупым, изогнутым, с костяным наконечником кием, на поле его стоял металлический штырь, который назывался «пасс». Более новые — это большие бильярды с лузами и прямым кием. На них играли в пять и пятнадцать

шаров (пирамида). Такие бильярды существуют и в наше время в клубах и Домах культуры. По всему видно, что у Пушкина был бильярд французского типа.

По моей просьбе сотрудница Эрмитажа А. В. Вильм разыскала гравюры XVIII века с изображением французских бильярдов. Осталось немногое: составить чертежи, найти нужный материал — карельскую березу, старинный золотой басон, сукно... Все это было найдено. Реставратор-краснодеревщик нашего музея П. Ф. Федоров приступил к воссозданию бильярда, и вскоре он был готов.

Сегодня, как и в 1825 году, в зальце михайловского дома вновь стоит пушкинский бильярд.

«А кий и четыре шара, которые еще вчера лежали в этой зале в горке красного дерева, где они сейчас?» — спросит читатель. Эти вещи — не вещи поэта, а найденные сыном его, Григорием Александровичем, в окрестностях Михайловского, о чем он свидетельствует в своем письме к редактору Петербургской газеты накануне юбилея 1899 года. Сейчас они находятся в столовой комнате, что рядом с зальцем, в котором сосредоточены различные фамильные реликвии членов семьи поэта.

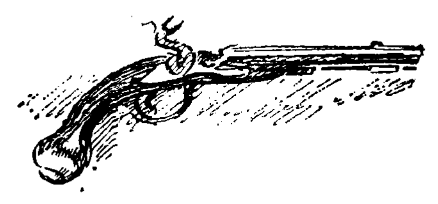
МИХАЙЛОВСКИЙ ПИСТОЛЕТ ПУШКИНА

В описи Михайловского дома-музея под соответствующим номером значится: «Пистолет курковый, капсюльный, с восьмигранным стволом вороненой стали, деревянной ложей и рукояткой, покрытой резьбой. Планка курка, прицельные прорези и скобы гравированные. Длина ствола 27 см, длина ложи с рукояткой 30 см. Калибр 13 мм». Этот пистолет поступил в заповедник из Пушкиногорского отделения милиции 11 октября 1947 года. В сопроводительной записке, приложенной к акту передачи, уполномоченный РО МВД Гаранин писал: «К имеющимся у вас историческим документам шлю старинный пушкинского образца пистолет. Если окажется для вас подходящим, храните в музее».

На мой вопрос — где этот пистолет был найден, Гаранин сообщил, что «пистолет был изъят у жителя деревни Воронич Клишова, находился у него дома издавна, принадлежал раньше отцу. Во время Великой Отечественной войны пистолет был спрятан в подвале дома, отчего и покрылся сильно ржавчиной». Узнать что-либо от Клишова не удалось, так как в 1947 году тот уехал из Псковской области в неизвестном направлении.

В 1949 году, по окончании восстановления дома-музея, пистолет был помещен в экспозицию кабинета, как предмет, характерный для михайловского быта Пушкина. Некоторые посетители при осмотре кабинета и находящихся в нем вещей выражали сомнение в том, что пистолет такого типа, то есть курковый-капсюльный, мог быть у Пушкина. В связи с этим заповедник обратился за консультацией к научным работникам Артил-

лерийского музея в Ленинграде. По мнению специалистов - оружейников, пистолет музея села Михайловского действительно пушкинского времени. Такие



капсюльные пистолеты в Европе стали появляться в двадцатых годах XIX века. Немного позже они появляются и в России. В восьмидесятых годах XIX века «нарезные пистолеты с пистонами» уже были на вооружении русской армии. Из каких же пистолетов стрелял Пушкин — кремневых или пистонных? Отвечая на этот вопрос, нужно учитывать: смотря когда и где стрелял он. Так, в 1837 году, на дуэли с Дантесом, Пушкин стрелялся из пистолетов пистонных (т. е. капсюльных).

Находясь в ссылке в Михайловском, Пушкин, по свидетельству своего дворового человека Петра Парфенова, «с утра из пистолетов жарил в погреб, вот тут за баней, да раз сто эдак в утро». Уезжая из Михайловского в 1826 году, Пушкин берет с собой свои пистолеты, которые, по рассказу Парфенова, жандарму, приехавшему сопровождать Пушкина, показались «очень опасны». Дальнейшая судьба этих пистолетов неизвестна, поэтому сказать точно, какие это были пистолеты, мы не можем. В воспоминаниях других современников Пушкина сведений о пистолетах тоже нет. В рассказе Парфенова обращают на себя внимание две детали. Первая: Пушкин делает за одно утро по сто выстрелов, вторая — пистолеты показались жандарму очень опасными. Какой вывод можно сделать из этого? Вывод один. Пистолеты были более скорострельными, чем старинные кремневые, они напугали «видом» жандарма, вооруженного древней пистолей образца 1812 года. Поэтому можно предположить, что пистолеты Пушкина были новые, нарезные, капсюльные, а не старинные кремневые.

Решая этот вопрос, следует иметь в виду еще одно соображение: откуда появились пистолеты у Пушкина? Привез ли он их с собой из Одессы, прислали ли ему их из Петербурга, или же они были куплены при помощи А. Н. Вульфа в Риге?

Рига — столица прибалтийского генерал-губернаторства — в те годы была «окном в Европу» более близким, чем Петербург. Через нее шли на Псковщину разные новинки быта и цивилизации. Если Пушкин приобрел пистолеты, живя в Михайловском, то это могли быть пистолеты и нового образца. Отмечу любопытное совпадение. Калибр нашего пистолета — 13 мм. Этого же калибра свинцовые пули, которые были найдены внутри старых бревен домика няни во время восстановления его в 1946 году. Погреб, в который «жарил» Пушкин, находится рядом с домиком няни.

О михайловском пистолете Пушкина, который после его смерти хранился в доме поэта вместе с другими личными вещами (шляпа, сабля, подаренная ему генералом Паскевичем, бильярдный кий и шары), сообщает газета «Псковские ведомости» за 1868 год.

После отъезда Григория Александровича Пушкина — владельца дома — в Вильнюс, накануне столетия со дня рождения Александра Сергеевича, пистолет был передан Псковскому Пушкинскому комитету для «Пушкинского уголка» в Михайловском. В 1911 году он экспонировался в восстановленном доме поэта. В 1918 году, при разгроме Михайловского, пистолет исчез и очутился в доме Клишова.

В настоящее время он хранится у нас в фонде музея. А в кабинете экспонируются в специальном старинном ящике пистолеты из собрания лицейского приятеля Пушкина барона Гревеница.

СКАМЕЕЧКА АННЫ ПЕТРОВНЫ КЕРН В КАБИНЕТЕ ПОЭТА

Листая страницы воспоминаний современников великого поэта, рассказывающих о нем, его родных, братьях-товарищах, друзьях и недругах, женщинах, которых он любил и воспел, мы часто встречаем имя Анны Петровны Керн, вошедшее в бессмертие стихотворением «Я помню чудное мгновенье...».

Анна Петровна находилась в близких отношениях не только с А. С. Пушкиным, но и со всей его семьей: с его матерью — Надеждой Осиповной, с отцом — Сергеем Львовичем, с сестрой — Ольгой Сергеевной Павлищевой. Она была в родстве с обитателями Тригорского, была близким человеком дома Дельвигов, где встречалась на литературных вечерах с П. А. Вяземским, Д. В. Веневитиновым, В. А. Жуковским, П. А. Плетневым, Н. И. Гнедичем, И. А. Крыловым, А. Мицкевичем... Она была долгие годы дружна с композитором М. И. Глинкой, полюбившим ее дочь.

Когда сегодня вы проходите по залам Литературных пушкинских музеев в Москве, Ленинграде, Бернове, Михайловском, Тригорском, Болдине, вы всюду встречаетесь с Анной Петровной, с ее воспоминаниями о поэте.

Жизнь Анны Петровны сложилась невесело. Шестнадцати лет ее выдали замуж за генерала Е. Ф. Керна, по понятиям девочки — старика, который не пришелся ей по сердцу. Не было в ее семейной жизни, как говорится, ни складу ни ладу, ни радости, ни веселья. Странствовала с мужем из города в город, из края в край. Жила в Орле, Лубнах, тверском Бернове и Ели-

заветграде, Стрельне и Дерпте, Риге, Пскове, Великих Луках, Киеве, Петергофе, Красном Селе, Москве...

После смерти Е. Ф. Керна она вторично вышла замуж, за своего троюродного брата В. Маркова-Виноградского, который был много моложе ее. Она же к этому времени считалась уже в «бальзаковском» возрасте, ей было за сорок.

С первым мужем жизнь ее была более-менее высокого ранга, муж все-таки — генерал! А жизнь с новым мужем — мелким чиновником — оказалась скромной, а на закате лет и совсем бедной. В последние годы своей жизни она, как говорится, еле-еле сводила концы с концами. Бедность ее настолько донимала, что она была вынуждена продавать письма Пушкина по пять рублей за штуку...

А писем его к ней было немало, в особенности в 1825 году — году их михайловской встречи, когда она, покинув Тригорское, уехала в Ригу. Оттуда Пушкин получает от Анны Петровны посылку с изданием сочинений Байрона, за что благодарит ее сердечно и посылает ей за книги деньги.

Анна Петровна оставила в наследство всем поклонникам Пушкина целый ряд интересных писаний. Ее перу принадлежат «Воспоминания о Пушкине», которые занимают одно из главных мест среди биографических материалов о поэте, в них она поведала читателю многие факты из биографии не только Пушкина, но и Дельвига, Глинки и других ее друзей.

* * *

Когда вы входите в михайловский кабинет поэта, вы видите на полу, рядом с рабочим креслом Пушкина, подножную скамеечку — не ахти какую с точки зрения мебельного искусства, но вещь типичную для обстановки комнат помещичьих домов того времени.

Вещь эта не простая, а мемориальная, связанная с именами Пушкина и Анны Керн. Она появилась в Михайловском после того, как был воссоздан в 1949 году сожженный фашистами дом-музей поэта. До этого она находилась в фондах Пушкинского дома Академии наук СССР, в состав которого в то время входил Пушкинский заповедник. В описи музейных пушкинских реликвий Академии наук она записана так: «Скамеечка подножная, из села Михайловского. Четырехугольной формы, на четырех ножках. Обита серо-коричневым бархатом. Сохранность плохая. Сделана из дуба. Размер 33×25 сантиметров». В рукописном отделе Пушкинского дома хранятся документы, рассказывающие историю этого предмета. Вот они в кратком изложении.

В 1942 году в дирекцию Дома поступило предложение от некоего гражданина, ленинградца, П. П. Шагина приобрести у него настольную фарфоровую масляную лампу — изделие середины XIX века — и ветхий столик красного дерева — вещи, принадлежавшие некогда А. П. Керн, доставшиеся Шагину от внучки Анны Петровны Аглаи Александровны Кульжинской (урожденной Дороган-Пыжевской), с которой он был знаком лично. Внучка Керн пережила в блокадном Ленинграде горестные, голодные дни и чуть не умерла от истощения. Ей оказал помощь П. П. Шагин. По его словам, она передала ему «в виде компенсации в счет взаимных денежных расчетов фарфоровую масляную лампу и столик».

Лампа была куплена у Шагина за 50 рублей, а столик, к моменту перевозки его в Пушкинской дом, был Шагиным сломан и использован на дрова «для топки печки-буржуйки, ибо он умирал от холода, а топить печку было нечем...».

Кроме лампы П. П. Шагин передал в Институт литературы подлинные документы: письмо А. А. Кульжин-

ской о лампе и столике, адресованное ею дирекции Пушкинского дома, запись 1894 года в метрической книге церкви Самары о бракосочетании ее, свидетельство за подписью академика Сергея Федоровича Ольденбурга о приеме вещей Керн в Пушкинский дом Академии наук.

В своей записке к С. Ф. Ольденбургу Кульжинская пишет: «Я знаю, что в Михайловском сильно пострадал дом Пушкина, и думаю, что вещи Керн будут весьма кстати».

В одном из своих писем к Кульжинской (4 октября 1906 года) Ольденбург сообщает ей, что «22 сентября 1906 года им было доложено комиссии о пожертвовании вами для будущих коллекций «Дома Пушкина» портрета вашей бабушки А. П. Керн и пушкинской скамеечки, сохранившейся в вашей семье...». Про эту скамеечку нам рассказывает сама Анна Петровна в своих «Воспоминаниях»: в 1828—1829 годах в Петербурге Пушкин частенько бывал у нее в гостях. По ее словам, они вспоминали Тригорское, Михайловское... «Он приехал ко мне вечером (19 января 1829 года) и, усевшись на маленькой скамеечке (которая хранится у меня как святыня), написал на какой-то записке: «Я ехал к вам» и т. д. Писавши эти стихи и напевая их своим звучным голосом, он, при стихе:

...и месяц с левой стороны
сопровождал меня уныло,

заметил, смеясь: „разумеется, с левой, потому что ехал обратно“».

Интересно отметить, что скамеечка внесена в фонд реликвий Пушкинского дома не как «пушкинская скамеечка», не как «скамеечка Керн», а как «скамеечка из Михайловского». Однако нет никакого сомнения в том, что скамеечка, которая сегодня стоит в михайлов-

ском кабинете Пушкина, это и есть та самая, о которой пишет Анна Петровна и которую она хранила как реликвию.

Эту свою скамеечку она возила с собой, когда уже старушкой ездила к своим друзьям туда-сюда — близко-далёко... Об этой скамеечке вспоминает великолукский помещик В. Рокотов, с которым была хорошо знакома Анна Петровна и бывала у него в гостях в пушкинские времена.

Летом 1860 года Анна Петровна решила вновь посетить пушкинский уголок земли, побывать в памятных для нее местах Пскова, Острова, в Тригорском, Михайловском. Но, увы... Встреча не состоялась. Сын поэта Григорий Александрович и Осиповы-Вульф были в отъезде. Она двинулась в Великие Луки к Рокотовым, у которых гостила несколько дней и присутствовала на одном из музыкальных вечеров. Рокотов рассказывает: «Подъехав к крыльцу, она еле-еле вышла из кареты и пошла ко мне навстречу. За ней шел кучер, несший маленькую подножную скамеечку. Войдя в дом и сев в кресло, она попросила подать ей скамеечку, положив на нее ноги, поправив юбку...»

Немного вещей из пушкинского обихода сохранилось до наших дней в подлинном виде. Беспощадное время унесло большинство из них. Взамен мы видим сегодня в музеях Михайловского и Тригорского «дубликаты» или вещи похожие, близкие к оригиналам. Поэтому особенно дороги для нас подлинные вещи даже друзей и знакомых Пушкина, которые связаны не только с их владельцами, но и с Пушкиным. Среди таких вещей и наша чудесная подножная скамеечка Анны Петровны Керн, хранящая эхо пушкинских строк:

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было,
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.



МОСКОВСКИЕ „ЗЕМФИРА И АЛЕКО“

(Карикатура на А. С. Пушкина, 1829 г.)

Почти в каждом музее есть вещи нераспознанные, «глухие», «немые», они как бы покрыты таинственными печатями... Заставить их рассказать о себе — дело очень трудное. Помогают лишь знания да случай.

Есть такие предметы и в нашем музее. Об одном из них мне хочется поведать читателю. Речь идет о маленьком рисунке пушкинского времени, исполненном цветной акварелью, наклеенном на тонкий старинный картон. Верхняя часть рисунка отрезана и вновь подклеена к своей основе. Оборотная сторона картона оклеена коричневой бумагой, раскрашенной «под мрамор». Вверху, одна под другой, две узенькие бумажные наклейки в виде полосок, с текстом на французском языке. Текст составлен из слов, вырезанных из какой-то книги или журнала начала XIX века. На первой полоске шесть наклеек, на второй — одиннадцать. В переводе это читается так: «Автор в роли своего героя, или новые Земфира и Алеко».

Текст должен объяснить сюжет акварели. Что же изображено на ней?

На рисунке мы видим почти пустую комнату. На переднем плане большой диван округлой формы, с полумягкой спинкой. На стене слева видно зеркало в узкой деревянной рамке, и почти рядом с ним — широкая рама, вероятно, с картиной. На диване двое влюбленных молодых людей — он и она, в довольно интимной позе: он, как малое дитя, сидит у нее на коленях, обняв любимую правой рукой за плечо и прильнув лицом к ее лицу... Глаза его блаженно закрыты, уста что-то шепчут... Она, склоняясь к нему, смотрит на зри-

теля широко открытыми глазами, которые как бы говорят: «Смотрите, пожалуйста, сколько вам угодно. Я спокойна, он меня любит...» На ней малиновое платье, на плечах — коричневая цыганская шаль с красными полосами. На нем коричневый сюртук, шея повязана черным галстуком.

Тишина, домашность, уют — такова общая атмосфера комнаты. А за диваном, справа, в открытые двери комнаты высовывается чья-то голова с всклокоченными в виде рогов волосами, с вытаращенными глазами. В ней мы узнаем черты автора «Цыган» — А. С. Пушкина.

Лица изображенных носят несомненный портретный характер. И если подглядывающий из дверей — Пушкин, то кто же сидит на диване? Внимательно рассматривая миниатюру, справа, по вертикали, можно различить в лупу надпись: «1829. К. Г.». Где же был в этом году Пушкин? Где жил, с кем особенно часто встречался, дружил? Кто же изображен на этой карикатуре?

1829 год. Пушкин «кружится» в свете. До середины мая он живет в Москве. Мечтает о браке. Сватался к Софье Федоровне Пушкиной, Екатерине Николаевне Ушаковой... Сватовство к С. Ф. Пушкиной не имело успеха. Эта девушка была официально объявлена ее родителями невестой другого — Панина. Образ С. Ф. Пушкиной никак не отразился ни в дальнейшей жизни, ни в поэзии Пушкина... Ее преемницей стала другая дева — Екатерина Николаевна Ушакова. Современники рассказывают, что любовь Пушкина к Ушаковой была безмерна и взаимна. «В их доме все напоминало о Пушкине,— рассказывает один из современников.— На столе вы найдете его сочинения, между нотами — «Черную шаль» и «Цыган»... В альбомах несколько листочков рисунков, стихов и карикатур, а на языке хозяев вечно вертится имя Пушкина». Но молва обманулась в своих предсказаниях.

Уехав в Петербург, Пушкин долго не показывался в Москве, на Пресне, где жили Ушаковы. Новое девичье сердце завладело его фантазией, он увлекся Анной Алексеевной Олениной, дочерью директора Петербургской Публичной библиотеки, президента Академии художеств А. Н. Оленина, двоюродной сестрой Анны Петровны Керн. Получив отказ от родителей Олениной, Пушкин вновь вернулся в Москву с намерением возобновить свои ухаживания за Е. Н. Ушаковой. Но здесь ожидала его новая неудача. Он узнал, что его «Земфира» Ушакова помолвлена с другим. «С кем же я-то остался?» — воскликнул Пушкин. *«С оленьими* рогами»,— отвечала ему невеста... (Намек на увлечение Пушкина Олениной).

Несмотря на размолвку, поэт продолжал бывать в доме Ушаковых. Современники рассказывают, что вначале ревнивый муж (Наумов) сильно ревновал жену к ее девичьему прошлому, к Пушкину, но что потом в доме всегда царили любовь и согласие мужа и жены, к вящей, но доброй зависти Пушкина.

До наших дней сохранился альбом сестры Екатерины Николаевны, Елизаветы Николаевны, в котором среди многочисленных карикатур есть и карикатура на Пушкина.

К сказанному нужно добавить, что в старину, в пушкинское время, любили делать надписи к рисункам-карикатурам не от руки, не пером, а путем вырезания слов и букв из книг и журналов и подклейки их к рисункам. Их делали в альбомах и на отдельных листках. Такова надпись и на нашем рисунке, сделанном кем-то из близких к дому Ушаковых, где Пушкин бывал частым и желанным гостем. Все это позволяет нам утверждать, что акварель-миниатюра, хранящаяся в музейном фонде заповедника, изображает в шутливой форме молодых супругов — Екатерину Николаевну

Ушакову и ее мужа — и А. С. Пушкина, оставшегося с носом, как Алеко, от которого ушла Земфира.

Кто художник, автор акварели,— нам выяснить не удалось. Рисунок поступил в музей-заповедник из фондов Государственного литературного музея в 1965 году, куда, в свою очередь, он поступил из Театрального музея имени Бахрушина в 1938 году. Этот же музей приобрел нашу акварель у потомков Ушаковых.



ОБ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ ВЕЩИ ПУШКИНА

Крупица за крупицей собираем мы — хранители следов земной жизни Пушкина — сведения о годах ссылки его в псковскую деревню. Мы ищем, что-то находим, что-то не найдем никогда, многое нам непонятно, потому что изменился ход времени и смысл вещей...

Приехав в августе 1824 года из Одессы в Михайловское налегке, Пушкин во многом нуждался. Глухомань, какой в то время была Опочецкая округа, плотно изолировала его от цивилизации. В своих письмах к друзьям и брату Льву Сергеевичу он то и дело просит прислать из Петербурга разные предметы первой необходимости: бумагу простую и почтовую, перья, чернильницу, книги разные, калоши, сыр, горчицу, курильницу и т. д. Просит он прислать и серные спички (письмо брату, посланное в начале ноября 1824 года). В списке вещей, которые Пушкин хотел иметь у себя в Михайловском (список этот вложен в одно из писем брату в декабре 1825 года), значится — «аллюметт» (слово написано по-французски, обозначает — «спички».— *С. Г.*). О каких же спичках идет речь в этих документах? Разве современного типа спички были в то время?

Как известно, первые в мире спички (фосфорные) были изобретены во Франции в 1831 году. За неимением средств изобретатель их Шарль Сориа не смог взять патента, и через два года его изобретение вновь открыл немецкий химик Камерер, которому в 1833 году удалось составить химическую массу, легко воспламеняющуюся при трении о шероховатую поверхность. Это изобретение было приобретено венскими фабрикантами Ремером и Прешелем; они впервые стали изготовлять

спички фабричным путем и распространять в Европе.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что «спички в Россию первоначально привозились из-за границы (Гамбург), а с 1837 года стали выделываться в России, причем производство их было сосредоточено исключительно в Петербурге».

Первоначально фосфорные спички продавались в России по баснословной цене — 1 рубль серебром за коробку (100 штук). Простому народу они были не по карману, и их употребляли только состоятельные люди.

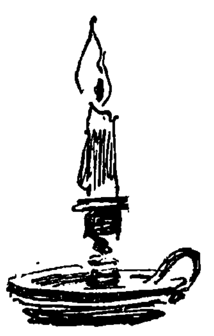
Итак, спички были изобретены за границей в 1833 году, а в России появились в 1837 году. О каких же спичках пишет Пушкин своему брату в 1824 году? А вот о каких.

В России спички были издавна. Спичкой у нас вообще называлась маленькая лучинка. Чтобы она лучше горела, конец ее смазывали смолой или серой. В конце XVIII века появились в России своеобразные зажигалки (аллюметт), нечто вроде закрытых металлических или стеклянных лампад, в которых теплился огонек и куда через специальные отверстия просовывались спички-серянки, посредством которых можно было достать огня. Были эти «зажигалки» о нескольких спичках, футляры их были в виде вазочек с художественной отделкой. Были такие спичечницы в богатых домах. Одну из таких зажигалок-спичек мне довелось видеть на столе в петергофском кабинете Николая I, другую — в фонде Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде.

Были зажигалки-спички и другого характера. В одном из старинных печатных руководств начала XIX века, в параграфе «О домашнем огне», рассказывается следующее: «Лучшее средство иметь в своем доме постоянный огонь — горящая лампада. Но легко может случиться, что лампада погаснет, тогда необходимо иметь под рукой огниво. При обыкновенном высекании

кремнем из стали не всегда можно достать огня, и посему можно делать спички. Кусок платиновой проволоки в виде спицы обернуть винтом около светильни из бумаги. Оную светильню опускают в баночку со спиртом и зажигают, коль скоро сия спичка накалится докрасна, светильню затушить, ибо конец спички будет удерживать жар до тех пор, пока в лампаде находится хоть капля спирта. Двух ложек достаточно для поддержания такой температуры в продолжение шестнадцати часов. Сии приборы имеют те важные удобства, что при их употреблении нет никакой опасности от огня или запаха от лампады, в коей горит масло. Иногда сей прибор можно употреблять вместо курильниц, и тогда на место винного спирта вливают амбре или другие духи» («Энциклопедия русской опытной городской и сельской хозяйки, ключницы, экономки, поварихи, кухарки, содержащая в себе руководство городского и сельского хозяйства, извлеченное из 40, 50 и 60-летних опытов русских хозяек. Сочиненное Борисом Волжиным в Петербурге»).

О таких вот спичках, наверное, и писал Пушкин своему брату в 1824 году, а не о тех, что были изобретены почти десять лет спустя и теперь известны каждому.



ДОБРЫЕ ДАРИТЕЛИ

Ничто так не объединяет людей, делая их духовно богаче, как труд, щедрость, добродеяние. Посев «чувств добрых», о котором великий Пушкин поведал в своем завещании — в стихотворении «Памятник», — особо ярко сказывается сегодня в нашем Музее-заповеднике.

Паломники, приходя сюда для встречи с Пушкиным и видя, как много сделано до их прихода в эту обитель поэзии и красоты другими людьми, стараются присоединить и свое — кто доброе слово, кто дар, а кто и просто труд.

Чего только не дарят посетители Пушкиногорья Михайловскому, Тригорскому, Петровскому! Это и произведения изобразительного искусства на пушкинские темы: рисунки, офорты, гравюры, литографии, акварели, картины, скульптуры, предметы прикладного искусства. Это книги, старинные журналы и газеты, записи семейных легенд, сказаний, анекдотов. А сколько стихотворений, написанных не ахти с каким мастерством, но задушевных, добрых! Среди даров бывают и очень ценные, которые помогают нам акцентировать некоторые экспозиционные темы в наших музеях.

...— Скажите, могу я видеть директора Пушкинского заповедника?— спросил пожилой человек, входя в мою квартиру. Неизвестный назвался Суреном Тиграновичем Захарьяном.— Бывший военный врач и ныне пенсионер,— отрекомендовался он.

Я спросил, чем могу служить.

— Вот какое дело,— сказал он, осторожно разворачивая сверток и бережно вынимая из него какую-то

книгу в изрядно потрепанном переплете,— эта книга — из библиотеки вашего заповедника. Приобрел я ее случайно, в 1944 году, при довольно интересных обстоятельствах. В то время я служил в армии полковым врачом. Осенью 1944 года наша часть остановилась как-то на отдых, теперь уже я даже и не помню точно где. В каком-то небольшом местечке западной Польши. Воспользовавшись относительным затишьем, я захотел что-нибудь почитать. Книг в госпитале было мало, а те, что имелись, были зачитаны до дыр. Мой связной, узнав, что я ищу, сказал, что недавно на дороге, по которой удирали гитлеровцы, он подобрал одну очень интересную книжку. «Ежели желаете — могу дать...»

Скоро я держал в своих руках солдатскую находку. Это была старинная книга, издания 1836 года, пятнадцатый том «Библиотеки для чтения» Смирдина. Перелистывая пожелтевшие страницы, я взглянул на титул и увидел на нем фиолетовый штамп: «Библиотека музея Пушкинского государственного заповедника, инвентарный номер 1246». Из газет я уже знал, что, отступая из Михайловского, гитлеровские захватчики разорили музей, а библиотеку увезли с собой в Германию. И тут мне стало ясно, что в моих руках большая ценность — одна из книг пушкинской библиотеки заповедника!.. С тех пор эту книгу я храню как реликвию своих военных лет. Недавно у меня появилась возможность осуществить давнишнюю мечту — побывать в заповедном уголке на Псковщине. И вот я здесь, и книга со мною. Прошу вас принять ее в дар...

Сейчас этот дар украшает одну из книжных полок кабинета великого поэта. Книга вернулась на свое место, в свой родной дом. А ее даритель стал частым и желанным гостем заповедника.

А сколько писем получаем мы от разных добрых людей!

Вот передо мною письмо ленинградки пенсионерки

А. Высоцкой: «Уважаемый Семен Степанович! У меня имеются старинные настенные часы, как мне известно, времени Николая I. Может быть, они вас заинтересуют... В квартиру Пушкина на Мойке я их не предлагала. Мне хочется передать их вам, в заповедник... Жду вашего ответа...»

Вот письмо из Тулы от некоей Нины Купель: «У меня есть скульптура Пушкина, вырезанная моим дедом В. Ивановым. Хочется передать ее Пушкинскому заповеднику...»

Недавно Пушкиногорье вновь посетил наш частый гость академик М. И. Будыко со своей супругой Вероникой, моей давней знакомой еще с юношеских лет. Они привезли в дар скульптуру Пушкина работы нашего общего знакомого, художника Э. Тиссена, погибшего во время Великой Отечественной войны. Он выполнял ее в 1936 году.

А вот почтовая посылка, которую я получил от К. П. Устюгова — жителя Москвы. В посылке старинные предметы женского помещичьего убора начала XIX века. Даритель пишет: «Примите в дар вещи моей прабабушки». Тут и веера, и кошельки, записная книжечка в перламутровой обложке, украшенная цветной мозаикой...

Московский художник И. Н. Стронский прислал мне письмо, в котором пишет: «Я храню интересные документы об академике Севергине В. М., который скончался 17 ноября 1826 года. Дочь его Ольга была замужем за капитаном флота Миллером Ник. Фед. Судя по этим документам, они были в родственных отношениях с Пушкиным... Короче говоря, у меня хранятся подлинные их документы начиная с 1789 года. Я храню их со времен Отечественной войны, когда на два дня приехал с фронта домой. Я успел выхватить часть этих документов из печки, где сосед их сжигал... С удовольствием передам эти документы вам...»

Н. Д. Капустин из Киева предлагает в дар заповеднику «архитектурный ансамбль „Сказка Пушкина“», выполненный им. «Послать его по почте нельзя. Он большой. Поэтому я прошу вас направить ко мне кого-либо из сотрудников ваших посмотреть и, если он вам понравится,— взять в музей».

Жил-был в Москве некий В. А. Патт, самого высокого класса кондитер. Я с ним был знаком давно. Еще в далекие времена он угощал меня новыми сортами печенья, сушек, хлеба. В последние годы жизни он стал покупать старинные книги и посылать их нам, в нашу библиотеку. Вечная ему память!

Москвичи — муж и жена В. В. Круглов и О. В. Осанская — недавно сообщили, что приедут в Михайловское, когда у них начнется отпуск. «Мы хотим привезти и подарить вашему музею журнал 1812 года „Друг юношества“», — пишут они.

Очень интересное письмо прислал москвич Дмитрий Николаевич Клеандров. Вот отрывок из него: «После смерти моего друга Петра Викторовича Соколова я оказался обладателем картонной коробки, в которой была старинная посуда и записка следующего содержания: «Этот сервиз хранился как реликвия в семье старого Маруськиного знакомого Осипа Осиповича Палечека. По семейному преданию Палечеков, предки их были близкие знакомые Осиповых, а через них знакомые Пушкина. Пушкин любил пить у Палечеков чай, и вот чашки этого сервиза... Я обратился в Московский пушкинский музей. Сотрудники его тщательно осмотрели эти вещи, признав их несомненную ценность, но датировали их не пушкинским временем... Другая сотрудница посоветовала мне обратиться к вам, так как вы занимались домом Осиповых-Вульф...»

На это письмо я ответил письмом следующего содержания: «Уважаемый Дмитрий Николаевич! Жизнь Пушкинского Тригорского продолжалась и после смер-

ти Александра Сергеевича. Возможно, что посуда, о которой вы мне пишете, появилась в доме Тригорского уже во второй половине XIX века, когда хозяином дома был Алексей Николаевич Вульф. Возможно, что мое предположение правильное, а может быть, это и не так! Истина нам неведома. Вы просите моего совета, как поступить с этой посудой? Я бы на вашем месте подарил ее нашему Музею-заповеднику для Дома-музея Осиповых-Вульф в Тригорском, приложив к вашей дарственной грамоте описание легенды, о которой вы мне поведали в своем письме от 9 марта с. г.».

К сожалению, наша переписка на этом оборвалась. Будучи в Москве, я постараюсь зайти к Клеандровым и посмотреть их старинную посуду.

Вот отрывок письма-рассказа О. К. Клумовой, тоже из Москвы. К письму приложена фотография акварельного портрета ее прабабушки. «Дорогой уважаемый Семен Степанович! — пишет она.— Всю жизнь я собиралась посетить Михайловское, но обстоятельства моей жизни мне этого не позволили. А теперь я стара, больна и из дома почти никуда не выхожу.

В нашей семье отец и мать всегда превозносили А. С. Пушкина: моей любимой книгой с раннего детства была книжка «Собрание сочинений А. С. Пушкина» в издании Вольфа. С возрастом мое обожание Пушкина не уменьшалось, а наоборот, увеличивалось. Я знала наизусть все любимые стихотворения, и не только я, но и мои отец и мать, почти всего «Онегина».

Моя мать мне много рассказывала о Пушкине, вспоминая рассказы своей бабушки. Бабушка моей матери, а моя прабабушка, Александра Гавриловна Веселкина, урожденная Мусина-Пушкина, много рассказывала о Пушкине.

Но я тогда была молода, в достаточной мере легкомысленна, я подробно не расспрашивала и теперь даже толком не знаю, в какие годы Александр Сергеевич по-

сещал дом отца моей прабабки, даже отчества моего прадеда Гаврилы Мусина-Пушкина не знаю. Но знаю, что в доме у них был большой бильярд, и приходивший в гости (или по делу?) Пушкин очень любил на нем играть. А так как Александра Гавриловна тоже очень любила играть на бильярде, то она всегда предлагала Александру Сергеевичу себя в партнеры.

Александра Гавриловна была маленького роста, и Пушкин иногда, когда дотянуться до шара было трудно, подсаживал мою прабабку. Во время игры и вечных споров оба игрока критиковали и ругали удары по шарам. Причем как Пушкин, так и моя прабабка употребляли, как выражалась моя прабабка, всякие «душистые слова»... ничуть не стесняясь. Эти «душистые слова» прабабка употребляла всю жизнь до старости, так как считала «хорошими русскими словами», которые одним словом могут охарактеризовать и человека, и его действия, например удар по шару.

Вкладываю вам письмо и фото с миниатюрного портрета Александры Гавриловны, написанного акварелью. На обороте написано: «Повесь там, где найдется «уголок дружбы» — 1845 год. А. Г. Веселкина. Радзивиллы». Надпись сильно выцвела, стала светло-коричневой, даже, пожалуй, желтой. Подпись художника очень неразборчива. Был еще портрет прабабки, сделанный тоже в Радзивиллах К. Брюлловым, но он сгорел в имении на хуторе в Бологом.

Не помню, кто-то мне говорил, что Мусины-Пушкины были родственниками с Гончаровыми, так что, повидимому, Пушкин приходил в гости к Мусиным после женитьбы.

Портрет вставлен в простую четырехугольную черную рамку.

Пишу вам эти крупицы воспоминаний о Пушкине, потому что чувствую вашу огромную любовь к нему.

Простите, что письмо написала на машинке, от руки писать трудно, руки плохо слушаются.

Ольга Константиновна Клумова».

В своем коротком рассказе я попробовал поведать читателю лишь о некоторых наших добродеях. Их много, и я уверен, что впереди их будет еще больше. Но не только художественные произведения, предметы старинного быта, исторические документы и книги жалуют нам наши друзья и добрые люди. Добродеи присылают и редкие цветы, цветочные семена и саженцы декоративных кустарников. Каждую весну на окна дома поэта приходят цветы от добрых пушкиногорцев. Щедротами работников Пушкиногорской типографии, Союзпечати, редакции газеты «Пушкинский край», школьниками и другими жителями дом поэта украшен многими, многими красивыми комнатными цветами.

Честь и хвала всем добродеям, доброхотам, добрым друзьям нашего заповедного музея!



ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

С чувством высокого благоговения приходят люди под сень михайловских рощ. Пушкин! Сколько света в этом дорогом имени! С каким волнением вступают люди на крылечко деревенского дома поэта! Как внимательно и подолгу рассматривают комнаты, книги, рукописи, его вещи, вещи его родных и близких. Наблюдая посетителей, убеждаешься в том, что большинство их приходит сюда совсем не так, как обычно приходят в музей. Нет, люди идут в гости к живому Пушкину — величайшему поэту и очень дорогому человеку!

После прогулки по заповедным местам многие приходят к нам, сотрудникам заповедника, и просят дать на память «хоть что-нибудь». «Ведь я же приехал из Владивостока», — говорит один. «А я из Еревана», — взволнованно говорит другой. И человек, приехавший издалека, мечтавший много лет о поездке в заповедный пушкинский край, берет с собой на родину щепотку пушкинской земли, цветок медуницы или сирени, желудь «от дуба у лукоморья», шишку от ганнибаловской ели или наливное михайловское яблочко...

А сколько народу привозит с собою в Михайловское свою родную землю! «Это вот от «Кургана Мицкевича» из Новогрудка», — говорит паломник, приехавший из Литвы; «А это барвинок с могилы Шевченко»...

Сколько добрых пожеланий, умных советов слышим мы от своих гостей! Сколько получено подарков для музея! Среди них есть и совершенно уникальные. Вот, например, рукописная книга конца XVIII века... На заглавном листе ее написано: «Опыт взращивания

молодых деревьев с показаниями устройства садов, парков и цветников». Вот довольно редкое издание сочинений Пушкина.

Бывают и живые подарки. Например, клубни георгинов: «Пушкин», «Евгений Онегин», «Татьяна Ларина» — новые сорта, выведенные садоводом-любителем из Риги.

«У Пушкина в комнатах Михайловского были живые птицы — чижи и канарейки, посылаю вам птичек для разведения»,— писал ленинградский художник Пен Варлен. «Няня Пушкина Арина Родионовна очень любила голубей, Пушкин называл ее «голубкой». Нужно бы развести на усадьбе поэта голубей и сейчас. Посылаю вам гнездо птиц, мною выведенных. Они очень красивые и тихие». С таким обращением прибыли голуби из Ленинграда. Они хорошо прижились на новом месте.

Сегодня в собрании заповедника хранятся сотни автографов стихотворений, посвященных современными советскими и зарубежными поэтами Пушкину и памятным местам Псковщины. Многие стихотворения созданы под впечатлением паломничества в святые Пушкинские Горы, другие навеяны участием авторов в Пушкинских днях поэзии, ежегодно проводящихся в Михайловском и Пскове. Это стихи поэтов России, Украины, Белоруссии, Армении, Эстонии... Всех республик СССР. Тут стихи С. Смирнова, Р. Рождественского, М. Рыльского, Ашота Граши, Я. Хелемского, Б. Шмидта, Н. Рыленкова, М. Дудина, С. Дрофенко, А. Краснова, Вс. Азарова, К. Каладзе, И. Ринка, Б. Ахмадулиной, С. Капутикян, Л. Васильевой, Н. Зауриха, Л. Романенко, П. Антокольского, К. Кулиева, Л. Ошанина, Я. Смелякова, А. Венцловы, М. Танка и многих, многих других.

Возложили к пушкинскому алтарю свои подарки и многие зарубежные гости. Так, президент Общества

дружбы ГДР — СССР Лотар Больц принес в дар заповеднику бронзовый бюст поэта. Английский композитор Б. Бриттен поднес ноты своих романсов, написанных на слова Пушкина. На обложке этого опуса изображение заповедного озера Маленец. Паломники из Франции привезли с собою книги переводов творений Пушкина на французский язык, арабы — на арабский, поляки — на польский, югославы — на сербскохорватский язык... Крупнейший славист-пушкиновед Италии Этторе Логатто, гостивший несколько лет тому назад в Михайловском, узнав о том, что в заповеднике нет сочинений итальянского драматурга XVIII века Альфиери, книги которого некогда были в кабинете поэта, по возвращении в Италию разыскал у римских букинистов старинное издание Альфиери и прислал его нам.

Каждый народ по-своему выражает чувства любви и уважения к Пушкину и памятным пушкинским местам.

Сюда несут грузинки розы,
Литвинки — руту, свой привет,
Дарят узбекские колхозы
Благоуханный джидды цвет,
И васильковый синий пламень,
Как русских глаз огонь живой, —
Народы пышными цветами
Венчают холм могильный твой.

Так выразила свои чувства латышская поэтесса Мирдза Кемпе, принимавшая участие в одном из Пушкинских празднеств в селе Михайловском.

А вот какой случай произошел несколько лет тому назад.

Как-то накануне знаменательного дня, 21 августа, дня ссылки Пушкина в псковскую деревню, на усадьбе Михайловского появилась большая толпа старичков и старушек — человек полтораста. Они долго и

как-то бестолково ходили кругом да около дома поэта. Приметив их замешательство, я подошел и спросил, кто у них главный и чем они взволнованы. Ответила бойкая старушка: «Мы приехаль к Пушкин тля ему спеть песня. Наш рекент пошел искать директор и его нет!..» Я представился. Выяснилось, что приехавшие — певцы хора ветеранов труда Эстонии. Приехали они специально, чтобы дать концерт в Михайловском для всех, кто в этот день будет в гостях у Пушкина.

Подошел регент Альмар Вийрс и его помощник Лаансалу Арво. Певцы расположились на дорожке вокруг дернового круга перед домом поэта. Дирижер встал на ступеньку крыльца. Хор запел «Зимний вечер». Пел по-русски, вдохновенно и молитвенно. Потом спели песню эстонского композитора Миины Хярмы — «Цвети, расти, живи, родина наша» и «Не забудь»— песню Густава Эрнесакса...

Я стоял среди толпы экскурсантов и слушал с умилением сердечным чудное пение добрых старцев... Но я не мог не заметить, что в стороне у ограды собралась какая-то толпа долгогривых ребят, которые о чем-то шептались и спорили... Только закончил эстонский хор свое выступление, как к кругу подошла группа молодежи. Из нее выскочил парень и, обращаясь к толпе, крикнул: «А теперь будет выступать молодежный хор студентов из Риги! Можно?» — «Можно, можно, пожалуйста!»— закричали ему в ответ.

Хор стал полукругом перед домом Пушкина. Дирижер возгласил: «Ян Райнис, „Сломанные сосны“».

Хор пел куплеты песни поочередно, один по-русски, другой по-латышски.

Высокие сосны сломаны,
На песке лежат, как соломины,
Счастливые дали им были видны,
Они перед ветром не гнули спины...

. . . .

Беснуйся ты, зло ненавистное!
В борьбе за счастье мы выстоим!
Безумствуй, ломай, круши и карай!
Он наш, желанный и светлый край!

Песней наполнились окрестные поля и луга. Ее подхватили леса и рощи Михайловского. Эхо ее неслось все дальше и дальше...

Счастливы люди, имеющие таких поэтов, как Пушкин. Счастлив и Пушкин, имеющий таких потомков.



НА САВКИНОЙ ГОРКЕ

Деревенька Савкино стоит над Соротью. Маленькая, вся в зелени, в яблоневых садах. Со стороны Воронича к ней примыкают колхозные нивы. Михайловское от деревни скрыто стеной хвойного молодняка и древним боровым лесом, чистым и светлым даже в пасмурный день. У берега реки — большой крутояр Воронья гора, далее пушкинский «холм лесистый», на котором во время оно находилась «скудельня» — место погребения безродных людей или погибших по какому-нибудь несчастному случаю...

Много видела эта земля. До того как деревеньку в 1944 году сожгли гитлеровцы, в ней было шесть изб. Нынче — десять, из них половина построена заповедником для своих сотрудников, в остальных живут потомки древних насельников этого места Бельковых да Ивановых, давно сроднившихся с заповедником. Дома стоят вокруг городища Савкино, или Савкиной горки, как стали называть это место позднее, уже в XIX веке.

С XVI века Савкино входило в состав псковского пригорода — крепости Воронич. Название месту дал легендарный поп Савва, поставивший на вершине городища поклонный памятный камень с крестом. До сих пор городище было без названия — просто городище. В XVII веке оно отошло в цареву казну и числилось дворцовым имуществом, находящимся «впусте».

В 1708 году указом Петра I пригород Воронич был исключен из списка городов, а городище Савкино приписано к Пятницкой церкви Святогорского монастыря. Еще позже, в годы укрепления дворянской империи, когда цари раздавали псковские дворцовые угодья сво-

им верным слугам, Савкино было пожаловано «служилому человеку императорской гвардии» Затеплинскому, который устроил здесь свое небольшое поместье. После его смерти деревенька значилась за Псковской дворянской опекой.

О Савкине мечтал Пушкин, когда узнал, что оно продается. Деревенька ему очень нравилась, нравилось всё: уединенность места, истинно русская природа, аромат древности и близость городища к Михайловскому. Но мечтам Пушкина, как известно, не суждено было сбыться.

Во второй половине XIX века, после освобождения крестьян от крепостной зависимости, Савкино откупили вольные хлебопашцы, бывшие дворовые Затеплинских. Жили они здесь из поколения в поколение. Бережно хранили старинные традиции, обычаи и предания своих «отчичь и дедичь», даже свой особый диалект. Они настолько сберегли свой древневеликорусский говор, что уже в советское время изучать его приезжал известный ученый, собиратель народных преданий и диалектов, член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Чернышев. А потом опубликовал научное исследование «Особенности говора жителей деревни Савкино». Савкинцы никогда не скажут «лошадь», «трость», а непременно «конь», «па́лица» — слова праславянские по происхождению...

Городище Савкино в XIV—XVII веках входило в состав военно-оборонительных укреплений города-крепости Воронич. На вершине его находился небольшой деревянный, уже для XVI века древний, Михайловский монастырь, устроенный в память архангела Михаила.

В 1581 году Савкино было разрушено войсками польского короля Стефана Батория во время его похода на Псков. Рать Батория двигалась вдоль Сороти и Великой. Неподалеку от Савкина перед штурмом Во-

ронича Баторий приказал разбить лагерь и поставил свои королевские шатры. Воронич и его окрестности были преданы Баторием огню и мечу. Жители почти поголовно вырезаны, села и деревни были сожжены и перепаханы.

После окончания войны, «в лето 7083 (1585) Иван Грозный приказал направить на Псковщину московских писцов Григория Иванова Мещанинова да Ивана Васильева Древнина „писати Псков и его пригороды“», чтобы установить размеры ущерба. Писцы отмечали, что на Савкинском городище был монастырь. Несколько лет спустя на его месте жители поставили маленькую деревянную памятную часовню. Более ста лет назад эту часовню, довольно ветхую, видел историк Костомаров, о чем писал в своей книге «Северорусские народоправства».

В начале нынешнего столетия савкинская часовня совсем обветшала и рухнула. По свидетельству недавно умершего старожила Савкина А. И. Иванова, «из остатков старых бревен от часовни савкинские ребятишки сделали плот, на котором катались по Сороти».

Несколько лет тому назад заповедником был поставлен вопрос о восстановлении часовни, как исторического памятника пушкинской земли. В разработке проекта приняли участие псковский архитектор-реставратор В. П. Смирнов, ленинградские художники академик А. А. Мыльников, доцент Института имени Репина В. М. Звонцов, московский художник Ю. В. Васильев, научные работники заповедника и поэт М. А. Дудин.

Проект разрабатывался на основе старинных фотографий часовни, описаний ее старожилами и материалов археологической раскопки. Во время раскопок мéста, на котором стояла старая часовня, были обнаружены опорные камни, железные гвозди и деревянные фигурные петли, остатки лампады из красной меди и большое количество керамики XV—XVI веков.



Восстановление памятника было закончено в июне 1970 года. Занимаясь этой работой, мы обратили внимание на то, что почти на всех кротовых курганчиках, разбросанных по городищу, можно было заметить многочисленные кусочки древней керамики, выброшенные кротами из глубины земли на ее поверхность.

Возникла мысль произвести более широкие археологические раскопки городища. Дирекция Государственного Эрмитажа пошла навстречу заповеднику и командировала в заповедник известного археолога В. Д. Белецкого, в течение многих лет возглавлявшего раскопки в Пскове. 1 сентября 1970 года археологи прибыли в Михайловское и совместно с нами приступили к раскопкам. Двадцать дней работы дали интересные результаты, о которых будет рассказано несколько ниже.

Приступая к раскопкам, мы поставили перед собой цель — найти следы древнего Михайловского монастыря, обнаружить произведения материальной культуры, которые дали бы возможность определить время возникновения городища. Наши предположения подкреплялись уже имеющимися данными. В. И. Чернышев в своем труде «Пушкинский уголок, его быт и предания», опубликованном в 1928 году, писал о том, что, будучи в заповеднике, он познакомился с местным старожилом Иваном Ивановичем Ивановым, который дал ему каменный молоток, найденный в Савкине. Известный археолог профессор А. А. Спицин определил этот молоток как памятник древней славянской эры.

В 1945 году, когда городище Савкино приводили в порядок — засыпали траншеи, бункера и пулеметные гнезда, оставленные гитлеровцами,— в земле были найдены остатки лепной керамики, относящейся к IX—X векам.

Известно, что древние русские монастыри назывались одни мирскими, другие пу́стынными. Они стали

возникать в XII веке в центральной полосе тогдашней русской земли по Днепру, Ловати и Волхову. В последующие века количество монастырей растет. К тому же под давлением татар с XII—XIV веков они всё активнее продвигаются на север. За первые три века на территории тогдашней Руси возникло свыше 150 пу́стынных и более 100 городских — мирских монастырей. Между собой они различались не только внешним видом, но и общественной значимостью.

Мирские монастыри создавались высшим духовенством, князьями, боярами. Они принимали активное участие в мирских делах. Пу́стынные основывались людьми «низкими», которые уходили от богатого мира и его суеты, от междоусобья, лихолетья в поисках покоя. Основатель такого монастыря выбирал место потаенное, где, по выражению летописца, были «леса черные, блата, мхи и чащи непроходимые».

На выбранном месте ставилась «кельица малая», рубленная из бревен, или просто землянка. Обычно в такой «пу́стыньке» селилось два-три пустынника, образуя отшельничье братство. Проходило время, и монастырек открывали крестьяне, скрывавшиеся в окрестных лесах. Они переносили поближе к монастырю свои землянки и избы. Количество пришельцев росло, и постепенно образовывалась деревня.

Проходили годы. Монастырек укреплялся. Братия слала челобитья царю, в которых писала о своих заслугах в борьбе с язычниками за укрепление веры и отстаивание родной земли от иноземцев и просила, «чтобы царь-государь пожаловал монастырь и признал его силу» и, по выражению летописца, «велел ему пашни пахати».

Разрешение «пашни пахати» значило, что дикий казенный (царев) лес, окружавший монастырь, отдавался ему во владение для расчистки под пашню. С момента пожалования монастырь признавался государст-

венным учреждением. Если такого жалования не было — монастырь хирел и разваливался.

Нам необходимо было определить, какой монастырь был в Савкине — мирской или пу́стынный? Есть основания полагать, что пу́стынный. Очень уж невелики были городище и поселение возле него. Цари его не жаловали. И в XV—XVI веках, в пору развития Воронича, его заслонили мирские монастыри и храмы, возникшие на этом городище, в их числе знаменитый Святогорский монастырь.

Раскопки позволили решить другой вопрос — было ли в древности Савкинское городище военно-оборонительным укреплением вроде Воронича или это был всего сторожевой сигнальный пост. Для всякого городища, как военно-оборонительного сооружения XV—XVI веков, является обязательным земляной насыпной вал. Такие валы были и сохранились до наших дней на Вороничe, на Велейском городище.

На Савкинском городище такого вала нет. Быть может, он был срыт в позднее время? Раскопки дали интересный материал. Найдено свыше 3000 фрагментов древней керамики IX—X, XII—XIV и последующих веков. Из некоторых фрагментов удалось собрать и восстановить несколько древних сосудов. Найдены древние украшения: бронзовые пряжки (фибулы), браслеты, кольца, костяные амулеты, мергелевые формочки для отливки нательных крестиков, крючков, пуговиц; предметы быта: богато орнаментированное блюдо, серебряный перстень, древолазные железные шипы, арбалетные стрелы, кремневые наконечники для стрел, точильца, медная блесна, рыболовный крючок (очень редкая находка!), кубышка для серебряных монет, ножи разных форм, шиферные пряслица, элементы отделки дома, гвозди ручной ковки, оконная слюда, кирпичи для отделки «чела» печи, украшенные клеймами и знаком мастера (буква Н), и многое другое.

Но что особенно важно — это обнаружение на глубине полутора метров деревянного сруба XII—XIII веков и гнезд землянки. По их деталям можно ясно представить себе план сооружения и расположения бытовых элементов: печи, подполья, сенец...

В этом срубе найдены вещи монастырского обихода: гончарный светильник, басма от иконы, фрагменты медной лампады. Исключительный интерес представляет очень редкая находка — бронзовый крест, так называемый энколпион (слово греческое, означающее крест-складень для хранения мощей). Таких крестов при раскопках на Псковщине найдено всего только два.

Находки в Савкине позволяют судить о нем как о месте древнейшего поселения людей. Остатки сруба и землянок дают возможность утверждать, что именно здесь, на городище, стоял Михайловский пустынный монастырь, основанный в конце XII— начале XIII века.

Раскопки будут продолжены. Большинство найденных здесь древних предметов отправлено в Государственный Эрмитаж для консервации и реставрации.



„САВКИН КАМЕНЬ"

На знаменитой Савкиной горке испокон веков возвышался камень, поставленный попом Саввой в честь русских воинов, защищавших в XVI—XVII веках родную землю от чужеземных захватчиков и похороненных под этой горкой-курганом. На камне высечена надпись: «Лета 7021 постави крест Сава поп».

Изучая «Савкин камень», мы пришли к заключению, что верхняя часть его — крест,— утраченная еще в давние времена — то ли в эпоху «многих мятежей», то ли во время нашествия рати Стефана Батория, после которого Воронич, по выражению псковского летописца, долгое время был «впусте»,— вряд ли исчезла бесследно. Были выдвинуты предположения, что крест мог быть сброшен с вершины городища в воды Сороти, либо «утонул» в земле, либо перенесен был на какой-нибудь погост поблизости от Савкина.



И всё-таки после долгих поисков мы нашли крест. Нашли его в Дериглазове, бывшем имении друзей родителей Пушкина Шелгуновых, находящемся почти напротив Савкина, на правом берегу Сороти. Крест лежал глубоко в земле. Снаружи торчал лишь маленький кусок его. Когда камень выкопали, то оказалось, что нижний конец его имеет выступ для вкладки в ложе другого камня.

Крест сделан из того же сорта гранита, что и существующая часть камня на Савкиной горке. Он четырехконечный, концы слегка расширяются. На лицевой стороне его высечено славянской вязью: «Царь славы Ис. Хр. Ника» (последнее слово греческое, в переводе на русский язык означает «победитель»).

Выступ на конце креста, полностью совпавший с выемкой на «Савкином камне», стоящем на городище, характер букв, высеченных на том и другом камнях, общность материала и ряд других деталей не оставляют никакого сомнения в том, что крест, найденный в Дериглазове, и камень, находящийся на вершине Савкиной горки,— части одного и того же памятника. Одно плечо креста было немного повреждено, но это реставраторы поправили. По классификации историка Шляпкина, «Савкин камень» относится к категории довольно редких каменных памятных знаков XVI—XVII веков.

Сейчас «Савкин камень» виден отовсюду. На то он и был поставлен в древности, чтобы его видели все люди.

НАХОДКА

Однажды мне в Михайловское позвонили школьники. Они сообщили, что в Пушкинских Горах, у нового кинотеатра, рабочие, роя траншею для водопроводных труб, нашли золоченый шар с шишаком. Не нужен ли он музею?

Кто знаком с работой историка — поймет мое волнение. Я немедленно выехал в Пушкинские Горы. Золоченый шар оказался наконечником от большого походного шатра-палатки, какие в старину ставились во время походов королей и высокопоставленных военачальников.

Если бы шишак нашли где-нибудь около Сороти, его появление было бы легко объяснить. На гравюре 1581 года «Маршрут похода на Псков польского короля Стефана Батория» есть изображение королевского шатра с шишаком. Шатер стоит на берегу Сороти, возле осажденной королем крепости Воронич. Копия с этой гравюры, хранящейся в библиотеке Ватикана, находится в Святогорском Успенском соборе-монастыре. Но как такой шатер мог очутиться в Святых Горах?

Я обследовал траншею и увидел, что шишак лежит в затвердевшем иле на глубине около двух метров. На месте, где сейчас расположено здание кино, лет пятьдесят тому назад находилось довольно большое озерко. Оно подходило почти к самому основанию холма, на котором стоит Святогорский монастырь. В двадцатых годах нашего столетия озерко было засыпано. На его месте разбили центральную площадь нынешнего поселка. Значит, шар находился на дне озерка, постепенно покрывался илом, а потом был

засыпан землей. Но каким образом оказался этот предмет в озере — остается загадкой.

Я перечитал рассказ псковского летописца о походе на Воронич литовского короля Витовта в 1426 году. В нем повествуется, что пятьсот тридцать пять лет назад, «в лето пять тысяч девятьсот тридцать четвертое», Витовт вторгся на псковскую землю, осадил Воронич и стал разорять окрестные села, деревни и монастыри и угонять в плен жителей. Свой шатер он разбил на одном из городищ. Далее летописец рассказывает о чудесном избавлении воронической земли от кровожадного Витовта: «И бысть чюдо страшно: внезапу наиде туча страшна и грозна и дождь силен и гром страшен и молниа беспрестанно блистая, яко мнети уже всем от дождя потоплением быти, или от грому каменением побиенным быти, или от молнии сожженым... видя сие живота сущим с Витовтом отчаятися; и он сам за столп шатерный ухватися, начал вопити: господи помилуй! Стогный и трясыйся, мняся уже землю пожрен быти и во ад внити...»

Сильный ураган сорвал шатер с земли и унес его в озеро. Насмерть перепуганный Витовт дал слово уйти от Воронича и тут же вступил с псковичами в переговоры о мире. Теперь мне стало понятно происхождение находки.

Древняя история края, на земле которой стоит Пушкинский заповедник, изобилует многими интересными событиями и связанными с ними памятниками. К их числу относится и наша находка. Сейчас она хранится в музейном фонде заповедника.

„ЧАСОВНЯ ВЕТХАЯ“

Минувшее в новой красе оживилось...

Пушкин

Многие вещи, которыми люди в свое время пренебрегали, забирает себе земля, она складывает их в свои кладовые и бережно хранит, дожидаясь тех времен, когда люди опомнятся и будут спрашивать себя — где же они?

Пушкин жил в помещичьем сельце его предков. А всякое сельцо, говорит Даль в своем Толковом словаре, должно иметь не только господский дом с флигелем и садом, баней, погребами, амбарами и людскими избами, но и церковь или часовню. В этом отличие сельца от деревни. Что в Михайловском при Пушкине не было церкви — общеизвестно, а вот что была часовня — в старых бумагах говорится, хотя и довольно скупо. В одном из своих писем Пушкин-отец жалуется сыну Александру на то, что крестьяне Михайловского, пользуясь его отсутствием, стали самовольно рубить лес и дошли до такого самоуправства, что «рубят его около самой часовни...».

Пятнадцать лет спустя эту часовню, уже совсем развалившуюся, видел один из первых паломников по пушкинским местам. Он рассказывал, что видел часовню неподалеку от въезда в сельцо, а где точно она была — не указывал.

Теперь все знают, что в стихах Пушкина, написанных им в годы ссылки, много местного. Отдельные строфы деревенских глав «Онегина» можно читать как поэтический путеводитель по Михайловскому.

Уединенный дедовский дом казался ему пещерой, а сам он — отшельником. Его пугали лукавые сны и печальные мысли. И он искал ответа на свои тревоги

всюду — в сказках, в «небесной книге» — Библии, в Коране, в истории. Так появились «Пророк», «Борис Годунов», «Подражания Корану»...

Всё волновало тогда его ум — и луга, и нивы, и лес, и рощи, в «часовне ветхой бури шум, старушки чудное преданье...».

Я часто пытался представить, где же находилась часовня. В одном был уверен: что искать ее нужно где-то поблизости от господского дома. Она была как-то связана с ним, быть может, даже видна из окон печальной комнаты поэта, в особенности ночью, когда в ней теплился огонек лампады...

Сто раз топал я от дома в разные стороны — на запад, восток и юг, много раз брался рассматривать старинный, 1785 года, межевой ганнибаловский план поместья. Но ведь в межевых планах землемеры показывали только внешние границы имения. Внутри же всё было условно, а многое и вовсе опущено. Но на ганнибаловском плане есть все же главное — господский двор и стремительно бегущая к нему из леса, с юга на север, въездная дорога-аллея... Только почему на плане она такая длинная, куда длиннее, чем та Еловая аллея, по которой мы сегодня ходим?

Померил я по плану эту аллею, сличил с натурой и понял, что теперешняя Еловая аллея на добрую треть короче той, что на плане. Дойдя до показанного на плане конца аллеи, вижу, что дальше — небольшая площадка, за ней густой лес и тропинка. Деревья стоят тесно, но не сосны и ели, как всюду вокруг, а больше березняк, ракитник и почему-то куст сирени.

Я уже давно приметил: если видишь где-нибудь в заброшенном месте куст сирени — знай, здесь некогда было какое-нибудь человеческое строение.

Расчистив небольшой клочок земли от ракиты, взял я лом и стал щупать землю. И тут скоро мой лом на-

ткнулся на первый камень. Затем второй, третий, четвертый...

Стал я наносить положение камней на бумагу. Камни ложились в ряды, ряды образовывали прямоугольник.

Позвал людей. Мы сняли мох, удалили кусты и стали углубляться в землю. И скоро обнаружили хорошо сохранившийся фундамент небольшого строения. Продолжая копать дальше, нашли куски старых бревен, доски, оконное стекло, кованые гвозди, медные старинные монеты и... разбитую гончарную лампаду... Позвали геодезиста. Он сделал инструментальную съемку места, привязал его к ганнибаловскому межевому плану, и тогда все мы увидели, что Еловая аллея, медленно поднимаясь к югу, доходила прямо до этого места и здесь был ее конец и начало, и въезд в усадьбу, и площадка, на которой стояла часовня. И эту часовню, несомненно, было видно из окна пушкинского кабинета.

И тут я вспомнил про одно интересное явление. Приглядываясь к жизни обитателей окрестных деревень, я заметил, что большинство их в дни своего престольного праздника устраивают гулянье, или, как говорят на Псковщине, — «ярмарку». Собираются не просто где-нибудь, а всегда в одних и тех же местах. Этими местами обычно оказываются те, где в старину стояли престольные церкви или часовни, носившие имена святых, память которых почиталась той или иной деревней.

Так, в день спаса преображения жители деревни Зимари, что за Соротью, идут в Дериглазово,— тут некогда стоял древний Спасо-Преображенский монастырь с Воронича, а после его исчезновения — часовенка. Те, что празднуют успенье, направляются в Пушкинские Горы — в Святогорский монастырь...

А где же собираются на ярмарку почитатели михайлова дня и где его празднуют?

Оказывается, жители самого Михайловского, Сав-



кина и других деревень, некогда входивших в состав Михайловской вотчины Пушкиных, до 1937 года устраивали эти «ярмарки» в том конце Еловой аллеи, где некогда стояла часовня. И еще живы люди, которые приходили сюда на гулянье и «хороводы водили» и хорошо помнят, как всё это было.

Посмотреть на эти гулянья приходили даже ученые люди из Пушкинского дома Академии наук, приезжавшие в заповедник...

Теперь место около часовни расчищено, часовня летом 1979 года восстановлена, «поклонная горка» Михайловского вновь пришла в то состояние, в котором она была при Пушкине. Погибшая часть Еловой аллеи воссоздана, уже подросли посаженные рядами молодые елки, а около часовни поставили старинный придорожный каменный поклонный крест, такой же древний, как на Савкиной горке. Некогда стоял он всем добрым людям на поклонение у дороги, ведущей со стороны Острова на Воронич.

На камне надпись: «В лето 1504 года поставиша раб божей Филип Крюков крест сий христяном на поклонение собе на память и роду своему». Внизу креста, как и на Савкиной горке, — «Ника» — победитель.

ПОВАРНЯ МИХАЙЛОВСКОГО

> Не откладывай до ужина того,
> что можно съесть за обедом.
>
> *Пушкин*

Пушкинская поварня в Михайловском недавно пополнилась новыми экспонатами. Нам удалось разыскать у собирателей старинной кухонной посуды кастрюли и сковородки красной меди, ступки, чайники, банки, латки, тазы для варки варенья, форму для приготовления воспетого Пушкиным сладкого кушанья — бланманже и многое другое. Часть предметов мы приобрели в Пскове у Натальи Осиповны Соколовой, мать которой О. С. Двилевская-Маркевич была знакома с Марией Николаевной Пущиной — женой друга Пушкина И. И. Пущина. Кстати, у Натальи Осиповны заповедник приобрел и старинный оригинальный портрет Марии Николаевны.

Известно, что в семье родителей Пушкина были повара и поварихи из дворовых людей. Их отдавали в обучение к опытным мастерам этого дела, принадлежавшим другим помещикам. В ту пору почти в каждом доме бытовали книги о приготовлении пищи, в том числе «Энциклопедия русской сельской ключницы, экономки, поварихи и кухарки»; последняя не раз переиздавалась. Во многих домах были редкостные рецепты, передаваемые из поколения в поколение.

Родительский дом Пушкиных был неважной школой гастрономии и поварского искусства. По словам А. П. Керн, их друзья не любили обедать у стариков Пушкиных. По случаю обеда у них однажды А. П. Дельвиг сочинил Пушкину иронические стихи:

> Друг Пушкин, хочешь ли отведать
> Дурного масла и яиц гнилых?

Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.

В Лицее стол Пушкина был спартански прост. Ежедневные супы, да каши, да компоты... вызвали к жизни его экспромт:

Блажен муж, иже
сидит к каше ближе...

Лицейскими блюдами Пушкин скорее развивал свой аппетит, чем его удовлетворял. Школьный режим позволял ему больше мечтать, чем пировать. В это время он воспевает «Чашу пунша круговую». Но эта чаша, вероятно, не так часто пилась, как воспевалась. В мечтах юного поэта рисовались роскошные обеды и пиры:

...В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт:
Дымятся щи, вино в бокале
И щука в скатерте лежит...

По окончании Лицея юный поэт втянулся в светский водоворот. В этой суетной, но заманчивой для молодого человека школе жизни он узнал толк во многом, ему прежде недоступном. По выражению А. И. Герцена, в эти годы он научился «дружно жить с Венерой, с кортиком, с книгой и бокалом». Он отдает дань разным модным в то время заморским винам — шато-икему, бургонскому, шампанскому... Но скоро пришло время, когда «врожденный рок» бросил его в ссылку на юг, где он принужден был забыть «столицы дальней и блеск, и шумные пиры»...

В Кишиневе, где Пушкин жил довольно бедно, ему пришлось познакомиться с произведениями местной молдавской кулинарии. В Одессе он знакомится с новинками европейской кухни на обедах у местных богатых негоциантов и у генерал-губернатора.

Сосланный из Одессы в Псковскую губернию, Пушкин попал в скромную деревенскую обстановку и зажил просто и скромно. Родители не встретили опального сына пирами и пирогами. А покидая вскорости Михайловское, они и вовсе увезли с собой своих поваров. Обязанности хозяйки, экономки и поварихи взяла на себя старая няня Арина Родионовна — мастерица на все руки. Ее брашна и пития, пастила и варенье, как известно, поразили Н. М. Языкова, и он даже воспел в своих стихах гастрономическое искусство Арины Родионовны.

Брату Льву Пушкин время от времени поручает прислать то горчицы, то лимбургского сыру. В деревне было не до гурманства, но и здесь Пушкину случалось пировать с редкими гостями — Пущиным, Дельвигом, Языковым, и для них в доме поэта имелись хорошие припасы.

Провиантские запасы Михайловского были велики и разнообразны. В хозяйстве было много кур, уток, гусей, индюшек, овец, телят, коров. Молока — море; сметаны, сливок, творогу — преизрядно. Река, озера и пруды Михайловского изобиловали рыбой — карасями, лещами, язями, сомами,— раками. А что может быть лучше жареного карася в сметане или заливного сома? О лесных грибах и ягодах — морошке, малине, чернике, смородине — и говорить нечего. Народные предания рассказывают, что Пушкин любил сам ходить по грибы. А дедовский яблоневый сад с его антоновкой, боровинкой, грушовкой, а очаковские вишни, сливы, груши?.. Ведь из всего этого варилось, настаивалось, пеклось многое, разное роскошество к столу.

А с прекрасной барской кухней псковской деревни Пушкин познакомился в доме своих друзей Осиповых-Вульф. Здесь свято соблюдали старинные трапезные традиции. На масленице жарили жирные блины, на рождество — тушили гуся. На святое воскресенье гото-

вили куличи и пасхи, на именины — разные торты, бланманже и пироги. Особенно славился этот дом яблочными пирогами. В своих письмах к Осиповым Пушкин даже подписывался: «Ваш яблочный пирог».

Пушкин не был привередлив. Он любил изысканное, но охотно ел и простое. Часто предпочитал второе. Любил печеный картофель, клюкву с сахаром, моченые яблоки, бруснику, варенья, домашний суп и кашу.

«Он вовсе не был лакомка,— рассказывает П. А. Вяземский.— Он даже, думаю, не ценил и не хорошо постигал тайн поваренного искусства; но на иные вещи был он ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он почти одним духом двадцать персиков, купленных в Торжке. Моченым яблокам также доставалось от него нередко». О. А. Смирнова в своих записках рассказывает, что самым любимым деревенским вареньем Пушкина было крыжовенное. «У него на столе часто можно было видеть... банку с крыжовенным вареньем». Да и как Пушкин мог не любить такое варенье, коль скоро оно было сварено по всем тем старинным правилам, которые были рекомендованы специальным печатным рецептом!



Сварить крыжовенное варенье было сложным и хитрым делом. Вот как об

этом говорит рецепт тогдашней «Сельской энциклопедии»: «Очищенный от семечек, сполосканный, зеленый, неспелый крыжовник, собранный между 10 и 15 июня, сложить в муравленый горшок, перекладывая рядами вишневыми листьями и немного щавелем и шпинатом. Залить крепкою водкою, закрыть крышкою, обмазать оную тестом, вставить на несколько часов в печь, столь жаркую, как она бывает после вынутия из нее хлеба. На другой день вынуть крыжовник, всыпать в холодную воду со льдом прямо из погреба, через час перемешать воду и один раз с ней вскипятить, потом второй раз, потом третий, потом положить ягоды опять в холодную воду со льдом, которую перемешать несколько раз, каждый раз держа в ней ягоды по четверти часа, потом откинуть ягоды на решето, а когда ягода стечет — разложить ее на скатерть льняную, а когда обсохнет, свесить на безмене, на каждый фунт ягод взять 2 фунта сахару и один стакан воды. Сварить сироп из трёх четвертей сахару, прокипятить, снять пену и в сей горячий сироп всыпать ягоды и поставить кипятиться, а как станет кипеть, осыпать остальным сахаром и разов три вскипятить ключом, а потом держать на легком огне, пробуя на вкус. После всего сего сложить варенье в фунтовые банки и завернуть их вощеной бумагою, а сверху пузырем и обвязать. Варенье сие почитается отличным и самым наилучшим из деревенских припасов».

Обладая образцовым здоровьем, Пушкин, по свидетельству современников, любил поесть. В «Онегине» есть строка — «желудок — верный наш брегет...»

В конце жизни, измученный заботами и расходами городской столичной жизни, Пушкин мечтал о деревне, о Михайловской поварне. Теперь у него были самые скромные, но несбыточные желанья: «Покой, да щей горшок, да сам большой».

Но, увы, это счастье ему было не суждено...

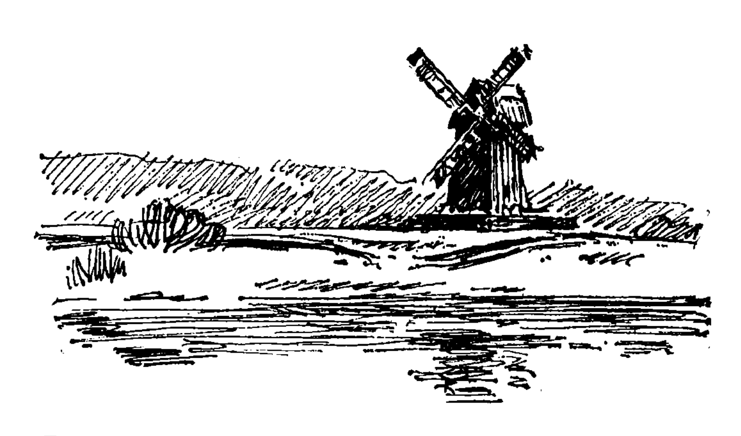
ПУШКИНСКИЕ МЕЛЬНИЦЫ

Михайловское... Когда мы произносим это слово, перед нашим взором встает торжественный пейзаж, открывающийся с балкона знаменитого дома поэта. В нем есть всё, составляющее понятие «истинно русский пейзаж». Всё в нем величественно и задушевно: небесный купол, осеняющий широкие луга и нивы, холмы, извилистая река, соединяющая озера, вдали рассыпанные на пригорках старинные деревни Дедовцы и Зимари.

Когда-то А. В. Луначарский, глядя на эту великолепную картину, воскликнул: «Да, этот кусок природы достоин быть колыбелью поэта!..» В этом пейзаже душа Пушкина. Всё здесь им воспето: и дороги, и воды, и ивовые кусты, словно богатырские шатры, раскинутые тут и там, и вечнозеленый «холм лесистый», и древнее городище Савкино... Смотришь на это раздолье, и уста невольно начинают шептать стихи пушкинской «Деревни»:

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины...

Накладывая видимый глазом ландшафт на стихи Пушкина, мы ощущаем полное соответствие стихов пейзажу. В нем всё предстает так, как было при Пушкине, предстает почти с фотографической точностью. Только всё ли? Нет, не всё! Не хватает в пейзаже «мельницы крылатой», которая стояла на пригорке, «насилу крылья ворочая при ветре». Пушкин считал ветряную мельницу неотъемлемой частью вида Михайловского, и не только Михайловского, но и всякого красивого русского пейзажа вообще.



Ветряную мельницу можно встретить во многих произведениях Пушкина, в которых он говорит о русской деревне, о житье-бытье простого народа: и в «Евгении Онегине», и в «Графе Нулине», в «Полтаве» и «Капитанской дочке», и в «Русалке»...

Мельница в михайловском пейзаже — важная и характерная деталь. Но, увы, ее уже давно нет, только облик ее сохранился в творениях Пушкина да в памяти людей.

О восстановлении михайловской мельницы постоянно думали все мы, хранители Пушкинского заповедника. Думали вместе с нами и ученые-пушкиноведы, музейные работники, паломники по пушкинским местам, почитатели Пушкина.

Как-то получили мы даже письмо от Г. Иванова — председателя колхоза имени В. И. Ленина Марийской АССР. Узнав о том, что в Михайловском предполагается восстановить мельницу, председатель решил предложить нам свою, «так как колхозу она сейчас не нужна...» Он пишет: «У нашей мельницы есть все, что ей полагается иметь: и крылья, и жернова, и маховик, и ухваты».

К сожалению, Марийская АССР далека, и переброс ветряка в Пушкинские Горы стоит очень дорого, ведь один строительный объем сооружения равен 550 кубометрам, да и от ближайшей к колхозу железнодорожной станции далеко. Такая операция нам не под силу. А предложение колхоза очень трогательно и патриотично. Оно является еще одним свидетельством народной любви к Пушкину и уважения к нашему заповеднику.

Мельницу мы решили строить сами.

Из документов известно, что мельница была у Святогорского монастыря и на окраине села Святые Горы. Были мельницы в Тригорском, Петровском, Савкине, Дериглазове. По отчету псковского губернатора за 1830 год видно, что в Воронической волости Опочецкого уезда было тридцать ветряных да четыре водяных мельницы; из них одна стояла на речке Луговке в деревне Бугрово, что у входа в Михайловское, другая — в Воскресенском у речки Кучановки...

Местоположение мельниц-ветряков в Святогорье нам сейчас хорошо известно. Но где всё-таки стояла мельница в самом Михайловском? Об этом ни А. С. Пушкин, ни его родные нам не рассказывают. Правда, в стихотворении «Деревня» Пушкин, описывая ландшафт Михайловского, подчеркивает, что с околицы усадьбы ему были постоянно видны луга, нивы, «двух озер лазурные равнины», «на влажных берегах бродящие стада, овины дымные и мельницы крилаты».

Есть среди многочисленных рисунков Пушкина и карандашный набросок ветряной мельницы. Местоположение ее неизвестно, датируется рисунок предположительно. На рисунке изображены: небольшой холм, мельница с крыльями, деревце, куст...

Современный исследователь изобразительного творчества поэта Т. Г. Цявловская в своей книге «Рисунки Пушкина» пишет: «С натуры Пушкин не рисовал

никогда. Только по памяти, спустя годы...» Кто знает, быть может, этот набросок действительно воспоминание о былом, о Псковщине, Михайловском?..

Место, где во времена оны стояла михайловская мельница, сохранила лишь народная память. Жители окрестных деревень, в особенности рыбари, до сих пор называют Старой мельницей место на левом берегу Сороти. Это небольшое возвышение неподалеку от озера Маленец, у нижней дороги из Михайловского в Савкино. Здесь, на берегу, некогда проходила граница имения Ганнибалов и начинались земли другого владельца.

Изучая землемерный план Михайловского, составленный еще при жизни Осипа Абрамовича, я заметил, что на месте, которое в народе именуется Старая мельница, показано небольшое сооружение, квадратное в плане. Место это для мельницы весьма пригожее, находится на юру — со всех сторон обдувается ветрами, расположено в стороне от усадьбы. Свою догадку я решил проверить раскопками. В раскопках приняли участие студенты-строители Московского университета, приехавшие в заповедник для восстановления памятников. Нам удалось обнаружить камни фундамента, следы пожарища, фрагмент каменного жернова. Так определилось место восстановления.

Разработку проекта безвозмездно взяла на себя московский архитектор О. Левина. В основу проекта были положены: рисунок Пушкина, изображающий ветряную мельницу, рисунок мельницы псковского помещика Сиверса, исполненный им в 1826 году, найденная мною фотография мельницы в имении друзей Пушкина Б. А. и Е. Н. Вревских в Голубове и многочисленные фотографии старинных псковских мельниц вообще.

Как известно, псковские деревянные мельницы отличаются по форме и конструкции от южнорусских и

северных мельниц. У них особая кровля — «чепец», особый «ухват», они обязательно четырехкрылые, с очень простым поворотным устройством; крылья их вращались с шумом и треском.

14 августа 1973 года мы заложили первые камни фундамента здания, а три месяца спустя, в декабре, восстановили. Работали студенты-строители, рабочие заповедника и Псковской реставрационной мастерской. Нам помогали друзья — экскурсанты и туристы.

Пушкинская мельница встала на свое место, как встали многие другие детали материального мира пушкинской эпохи в Михайловском, Тригорском, Петровском.

Мельница восстановлена не только потому, что это кусочек конкретного реального мира Пушкина и пушкинской России. Ведь русские мельницы — это «дорогие памятники жилья наших дедов и прадедов, это деталь нашей русской природы, деталь живописнейшая и красивейшая, хватающая за душу» — так в газете «Комсомольская правда» (21 августа 1970 года) писал известный журналист В. М. Песков в своем очаровательном очерке «Старая, старая мельница...».

Когда-то люди подарили ветряным мельницам язык. Да, мельницы умели говорить. Каждое положение крыльев имело свое значение. Если крылья устанавливались в виде знака «плюс» — это значило, что мельница сегодня работает, если на крыло вешалась красная тряпица — значит, ветряк неисправен и мельник в отсутствии, если крылья стояли в виде буквы «Х» — значило, что в доме хозяина радостное событие — именины.

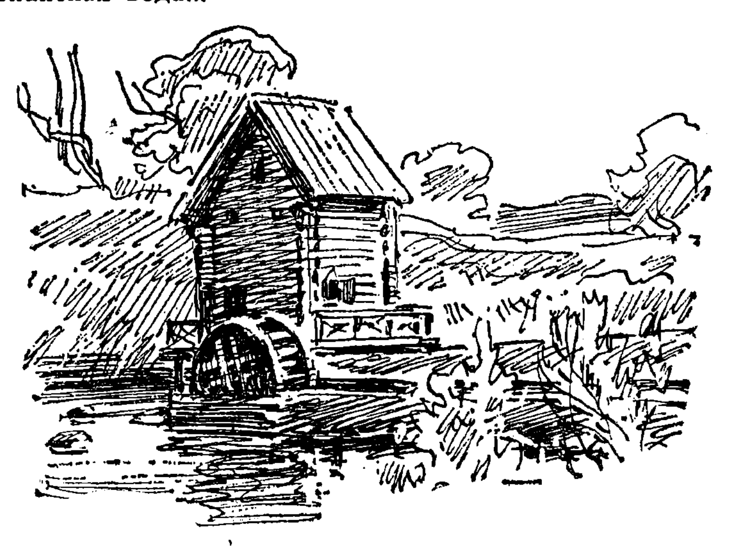
Сегодня крылья восстановленной мельницы поставлены в виде буквы «Х». У нас именины хозяина Михайловского — Александра Сергеевича Пушкина.

* * *

Дорога в Михайловское. Зеленые рощи, поля, деревни — Луговка, Бугрово, Гайки... По этой дороге прошли миллионы людей, направляясь к усадьбе поэта.

До 1937 года дорога эта была простой проселок. В канун столетия со дня гибели Пушкина резко увеличилась посещаемость Михайловского. Появились автобусы, легковые машины. Проселок был расширен, превратился в шоссейную дорогу. Но маршрут его остался. На окраине деревни Бугрово, рядом с входом в Михайловские рощи, сделана площадь для автомобильной стоянки. У ворот стоит дежурный, проверяющий пропуска машин.

Сама деревня за последние годы сильно переменилась. Нет соломенных крыш, покосившихся стен. Все в современном благолепии, кругом электричество, артезианская вода...



Когда-то, при Пушкине и до него, эта деревня входила в состав экономического хозяйства Святогорского монастыря. Она была маленькая, всего шесть домов. Со стороны подъезда стояла ветряная мельница, а со стороны Михайловского, на берегу речки Лу́говки, — водяная мельница, построенная четыреста лет тому назад.

Много, бесконечно много раз ходил Пушкин по этой дороге. На выходе из Михайловского леса он видел довольно большой пруд, сильно заплывший водорослями. Он назывался Гаечный от слова «гай» — лес и «гаечка» — здешняя разновидность синички. Это название записывает летописец в своем рассказе о чудесах, давших всей этой земле — от Михайловского до Синичьей Горы — название Святогорское. Это озерцо давало воду для мельницы, что была у дороги, близ которой стояла плотина. Рядом — дом старого Орлова, потомки которого и сегодня живут рядом с этим местом...

Пушкин любил рассматривать этот пейзаж, в котором все ворковало, бормотало, пищало. Здесь водились большие стаи гусей, лебедей, уток, чаек, цапель. Было их целое море. За прудом начиналось большое болото, где жила тоже разная тварь, свистевшая, шипящая и квакающая. Здесь он слушал удивительные песни воды, стук, скрип и вой огромного мельничного колеса и каменных жерновов. Песни водяной мельницы не сравнимы ни с чем. Их любил слушать и Лермонтов, он даже нарисовал водяную мельницу. Ее, как парковый орган, по приказу царя, построили в российском Версале — Петергофе... Изредка из самой мельницы, когда останавливался водосброс, слышались песни старого мельника. Песни были разные: и про радость, и про горе, день прошедший и день грядущий. В тридцатых годах нашего века этнографы, записавшие сказки, песни и легенды здешних мест, включили в свое собрание и мельничные песни.

Когда-то в Святогорье и его округе было девять водяных мельниц, в их числе — в Ганнибаловом имении Воскресенское, древнем Велье, деревнях Исса, Захино и других. Сегодня, глядя на эти мельницы, бесстрастно уничтоженные временем, мы восхищаемся романтикой их глухих шлюзов. Так рассматриваем мы и нынешнее пустующее место в Бугрове. Оно останавливает нас и заставляет рассматривать себя.

Много раз разваливалась и возрождалась здешняя мельница. При Пушкине ее арендовали хозяева Тригорского Осиповы-Вульф. Последний раз ее возродили после Великой Отечественной войны. Немаловажным делом было снабжение мукой заново начинающих жить людей, и восстановленная бугровская мельница давала им ее. Потом эта мельница оказалась ненужной и вновь исчезла. На месте дома мельника была построена современная колхозная изба. Три года тому назад она сгорела. Хозяева покинули деревню и уехали в Псков.

Мы, хранители заповедника, давно приглядывались к этому месту, поскольку оно связано с жизнью и творчеством Пушкина: было одним из исходных моментов в работе его над «Русалкой», которую он начал писать в начале 1826 года. Сегодня оно включено в состав музея. Недавно нами произведены раскопки, расчистка места, поиск старых фундаментов — следов некогда бывшей жизни.

Среди иллюстраций Пушкина к своим произведениям есть карандашный, сильно затертый рисунок. Он изображает берег речки, которая течет слева направо. У берега — угол водяной мельницы с большим колесом. В центре рисунка — молодая девушка со сжатыми на груди руками, в длинном деревенском сарафане, рядом с нею бородатый старик в шапке, в сельской рубахе, стянутой пояском. Вдали скачущий на коне всадник...

«Русалка» тесно связана с биографией самого поэта. В начале 1826 года он должен был расстаться со своей

деревенской любовью, с дочкой старосты Михаила Калашникова — Ольгой. У Ольги родился сын, уже в Болдинской деревне Нижегородского имения Пушкиных, куда поэт был вынужден «сослать» свою беременную благоверную во избежание шума в тогдашней помещичьей среде. Этот горестный роман жил в сердце Пушкина до последних дней его жизни, о чем свидетельствуют письма к нему Калашниковых — отца и дочери — и документы, хранящиеся в Госархиве города Горького, рассказывающие о хлопотах Пушкина об Ольге Калашниковой.

Изображая жизнь мельника и его дочери в своей «Русалке», Пушкин не мог не отдаться воспоминаниям о событиях его собственной «княжеской» деревенской жизни и жизни его милой деревенской красавицы. В «Русалке» Пушкина многое взято со здешней натуры. В ней хор девушек поет песню, которую поэт записал в Михайловском.

Когда вы приедете на берег Луговки, где стояла пушкинская мельница, прочитайте строки из «Русалки»:

Знакомые, печальные места!
Я узнаю окрестные предметы —
Вот мельница! Она уж развалилась;
Веселый шум ее колес умолкнул;
Стал жернов — видно, умер и старик.
Дочь бедную оплакал он недолго.
Тропинка тут вилась — она заглохла,
Давно-давно сюда никто не ходит;
Тут садик был с забором — неужели
Разросся он кудрявой этой рощей?
Ах, вот и дуб заветный...

Перед вами — не только деревенский садик, но и дуб стоит по-прежнему на этом же месте. По-прежнему вьется сюда тропинка из усадьбы Михайловского. Сладостно было Пушкину явление этого места...

Нынче нашлись добрые люди, которые на основании документов, найденных нами, рисунков водяных мель-

ниц, исполненных Лермонтовым, Саврасовым, Бялыницким-Бируля, старинных фотографий, снятых еще в дореволюционные годы, создали проект-макет восстановления памятного места. Это московские архитекторы-художники И. А. Прилуцкий и Ю. А. Насонов.

Теперь все ожило, место расчищено от следов пожара, убраны мертвые деревья, поставлена ограда, озерцо наполнено водой. На берегах его появились цапли, чайки, дикие утки... Возродилась и сама мельница на прежнем месте. Восстановили мельницу друзья заповедника — мастера-латыши, строители из Резекне. Это их дар великому поэту. Восстановлен и дом мельника с сараем, банькой, садом. В доме открыт музей, экспонаты которого рассказывают об истории мельницы, жизни и работе мельника и связях этого места с биографией Пушкина михайловского периода.

ГРОТ В МИХАЙЛОВСКОМ

Много было у Пушкина любимых уголков в старинном дедовском парке. Была и своя «пещера», свой «грот». В те времена в помещичьих парках грот-беседка, грот-пещера были неотъемлемой принадлежностью их. Были гроты у Ганнибалов в Петровском и Воскресенском, в Алтуне у Львовых, во Вреве у Вревских...

В своей книге «Памятники старинной архитектуры в России» (изданной в Петербурге в 1915 году) историк Г. К. Лукомский пишет: «Эрмитажи, гроты, «хижины уединения», «убежища любви», «приюты граций», павильоны, беседки — все это украшает сады и усадебные парки». Нет поместья, где бы не было всего этого. Нужно еще добавить дерновые диваны, павильоны, оранжереи, мельницы, часовни, арки со скамьями, увитыми плющом, гробницы любимых животных — собак, лошадей.

Многое из перечисленного Лукомским было и в Михайловском. Были и «остров уединения», и часовня, и вавилоны, и беседки, оранжереи и теплицы, был даже «мавзолей» Руслана — верного пса Пушкиных. Был и грот. Многое вовсе исчезло, даже следов не сохранилось.

Никто из авторов, писавших о Михайловском, ни словом не обмолвился о гроте. Но грот все же был. Прежде всего давайте разберемся, что такое парковый грот. По Толковому словарю Даля: «Грот — это пещера, вертеп, выход, подвал, подземелье, копанное и украшенное или природное». В «Словаре русского языка» Ушакова о гроте говорится так: «Грот — это пещера, преимущественно искусственная». В руководстве по со-

оружению и убранству садов и парков, написанном в конце XVIII века немецким парководом Громаном и переведенном почти на все европейские языки, устроителю парка рекомендуются различные архитектурные формы гротов — от самых простых пещер, вырытых в естественном или насыпном холме, до сложных архитектурных сооружений.

Какой же грот мог быть в Михайловском? Я пересмотрел в архивах Москвы, Ленинграда, Пскова документы по содержанию и благоустройству Михайловского за многие годы его существования, ознакомился с материалами реставрации в советское время, производил археологические раскопки. Мне удалось установить — где стояли дерновый диван, беседки, вольер, лабиринт, кузница... Много раз проходил я по аллеям и дорожкам парка, сопоставляя их с убранством помещи-



чьих садов и парков Псковщины, многое мне мерещилось, пока однажды, занимаясь в Публичной библиотеке Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, я не напал на письмо в редакцию газеты «Россия» исправника Г. Карпова, опубликованное 14 ноября 1899 года. К моей великой радости, я нашел в этом письме-заметке следы того грота, которые так долго, но безуспешно искал.

Вот письмо: «Как уроженец той местности, я с детства имел случай бывать в Михайловском, где тогда проживал младший сын поэта Григорий Александрович Пушкин, и, должен сознаться, что с тех пор, как я начал сознательно относиться к таланту великого поэта, я всегда выносил от посещения Михайловского несколько грустное впечатление, обусловленное тем, что владелец его, поддерживая в блестящем виде усадьбу, состоящую в большинстве из позднейших построек, не имеющих непосредственной связи с личностью поэта, оставлял на произвол судьбы те немногие предметы, которые действительно связаны с моментами творческой деятельности Пушкина, но имеют несчастье находиться вне пределов усадьбы, как, например, знаменитый грот Пушкина, три сосны с «молодым поколением»...

С тех пор, как Михайловское стало государственным достоянием, прошло полтора года...

Подъезжая к усадьбе, я заметил Пушкинский грот, еще недавно носивший следы свода, а теперь представляющий собою холмик земли, и, только хорошо зная местность, я догадался, что это его могила, а не остатки какой-то картофельной ямы, затем я заметил ремонт каменного амбара, недавно выстроенного для складки льна, и, признаюся, недобрая догадка зародилась у меня в душе...

Камни от грота могут понадобиться для ремонта хотя бы того же обычного сарая...

Грустно подумать, что пройдет, может быть, еще несколько лет, и «медленная Лета» поглотит послед-

ние реликвии великого поэта, еще сохраняющиеся в Михайловском».

К сожалению, в своем письме Карпов не указывает точно место, где находился грот.

Продолжая свой поиск, я обратил внимание на довольно большой холм, подобный кургану с плоской вершиной, расположенный у кромки дорожки, ведущей от Еловой аллеи к ганнибаловскому «Черному пруду». В центре его, на стороне, обращенной к усадьбе, хорошо видны следы довольно большой земляной выемки, направленной в глубь холма, что вполне может свидетельствовать о том, что здесь был вход в пещеру-грот. Вскоре мне удалось найти документ, подтверждающий мой домысел,— открытку, изданную в 1911 году, на которой воспроизведена фотография этого холма с надписью: «Пушкинский уголок с. Михайловское. Уголок в лесу. Фото Н. Филимонова».

На снимке хорошо виден весь холм и следы выемки в центре его. Сопоставляя фотографии холма, снятые в разные годы, я вспомнил, как фашисты, в числе прочих парковых сооружений, воспользовались и этим местом, превратив его в укрытие — своеобразный блиндаж. Со стороны, обращенной в глубину парка, они вырыли пещеру, сделав в ней небольшую пристройку — деревянное, покрытое землей и дерном крыльцо. После изгнания гитлеровцев это сооружение было нами использовано для бытовых нужд заповедника. В гроте-пещере была устроена банька. Она состояла из крыльца, маленьких сеней-раздевалки размером 2×2 метра и самой баньки-парилки, с трудом выведенной в вершину холма. Земляной потолок был обшит досками и укреплен на деревянных бревенчатых столбах, печь-каменка была сложена из камня-булыжника. Банька просуществовала до конца 1947 года. В начале 1948 года, в связи с подготовкой Михайловского к юбилею — 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина,— она была ра-

зобрана, камни и доски увезены, а холму была придана та форма кургана, какую мы видим сейчас. В музейном фонде Пушкинского заповедника сохранились две фотографии этого места, снятые перед разборкой блиндажа-баньки, и живописный этюд работы художника А. Н. Михраняна, написанный им в 1946 году.

Итак, какой же вид, какой архитектурный характер имел михайловский грот в пушкинское время?

Я полагаю, что холм в основном был таким же, как сейчас. Он был насыпан тогда, когда по распоряжению Ганнибала был вырыт находившийся рядом глубокий пруд. Землей для холма послужил грунт, вырытый из котлована. В центре холма была устроена пещера. Вход в нее хорошо виден и сейчас. Он был обложен булыжным камнем в виде арки. Остатки камней от нее и сейчас лежат у подошвы холма.

Пещера была неглубокой, стены ее были выложены дерном, потолок держался на четырех деревянных сваях. Внутри грота, как то было положено и рекомендовано тогдашними парководами, стояли диван или скамейки и небольшой столик. Иногда по вечерам здесь зажигалась лампа-светильник. Все было сказочно и просто.



НА ТРОПЕ К ДОМУ ПОЭТА

Когда вы идете в Михайловское по дороге, ведущей от окраины деревни Бугрово к усадьбе Пушкиных, вы видите, что она то поднимается, то опускается, то вновь поднимается. Это самая живописная дорога, по которой идут сегодня на поклон к Пушкину. Из зарослей березняка и ольшаника она выводит вас в сосновые рощи, потом снова бежит в ольшаник, который повсюду воюет с березняком и ельником.

Ваше сердце радуется, слыша веселое посвистывание дроздов, когда они стремительно перелетают из одних кустов в другие. Вашу дорогу преграждает небольшое болото, которое исстари зовется «темный» или «грязный» ручей. Здесь земля всегда «кряхтит», а болотце о чем-то «бормочет». Все вокруг янтарно-желтовато, кругом папоротник и болотные травы, какие не часто встретишь в других местах.

Зимородки озабоченно перепархивают через дорогу от кочки к кочке. Болтают сороки, громко воркуют лесные голуби, пролетая над вашей головой. Отовсюду, из каждого придорожного местечка, раздается равнодушное постукивание лесного столяра, большого пестрого или зеленого дятла. Ах, как он ловко барабанит, словно не дятел, а музыкант!

По мере того как тропа поднимается, кругозор расширяется. Теперь с обеих сторон — великолепный сосновый лес, где гигантские стволы выстроились в длинные коридоры. Ветви стволов изгибаются по-разному. Одни как своды прекрасного храма, возведенного самой природой, другие стремятся лечь на ковер зеленого мяг-



кого мха, бодро пружинящего под ногами. А вокруг цветы и травы. Самые разные.

Все шире и прямей к горизонту идет дорога. Вот она подходит к старинной «Поклонной горке», где стоит фамильная часовня. Вдали уже мелькают постройки усадьбы.

А вот и Ганнибалов пруд. На подлете серая цапля. Другая, задумчивая, надутая и важная, стоит в воде среди осоки. Это место — древнее становище михайловских цапель. Вот и соловей, поющий свои михайловские песни.

Много, бесконечно много раз ходил по этой дороге Пушкин. Ходил туда, сюда, близко, далеко...

А вот и могучие древние Ганнибаловы ели — добрые знакомые и милые друзья Пушкина! Их когда-то было много, больше сотни. Они были посажены дедом его Осипом Абрамовичем в 1783 году по сторонам въездной дороги, которая с тех пор стала называться Еловой аллеей.

Теперь их осталось только шесть, остальные были вырублены фашистами в 1941 — 1944 годах. Все ели — ветераны-инвалиды Великой Отечественной войны. У одних шрапнельные ранения, у других пулевые. Все они больные, и им трудно жить на свете.

На местах уничтоженных выросло «племя младое» — елки, которые были посажены нами в 1945 — 1956 годах; все они — местные уроженцы. Сохранилось и полтора десятка елей, посаженных на месте усохших и поваленных бурями сыном поэта, Г. А. Пушкиным, в канун юбилея 1899 года.

Аллея ведет вас прямо к крыльцу дома поэта. Она прямая, как стрела. Вряд ли где в другом месте нашей Родины есть еще такая могучая длинная аллея! От «Поклонной горки» до крыльца Дома-музея — почти целый километр!



НЕУДАВШАЯСЯ ЗАТЕЯ ЕКАТЕРИНЫ II В СЕЛЕ ВЕЛЬЕ

Совершая путешествие по России в 1780 году, императрица Екатерина II проезжала мимо Велья, старинного села Воронической волости. Ширь, простор, зеленые рощи, великолепные озера, величественно вздымающееся над ними древнее живописное городище поразили ее воображение. Всё «подлое» — мужики, бабы, ребятишки, скот — заранее было угнано подальше от глаз высочайшей путешественницы, дабы ничто не нарушало «гармонию природы». Лишь колокольный звон велейских церквей да попы, раболепно стоявшие с крестами, хоругвями и «святой водой» вдоль дороги, свидетельствовали о том, что это было не пустынное место.

— Чье имение? — спросила царица, обращаясь к своей пышной свите.

— Вашего величества дворцовая вотчина, — ответил псковский наместник.

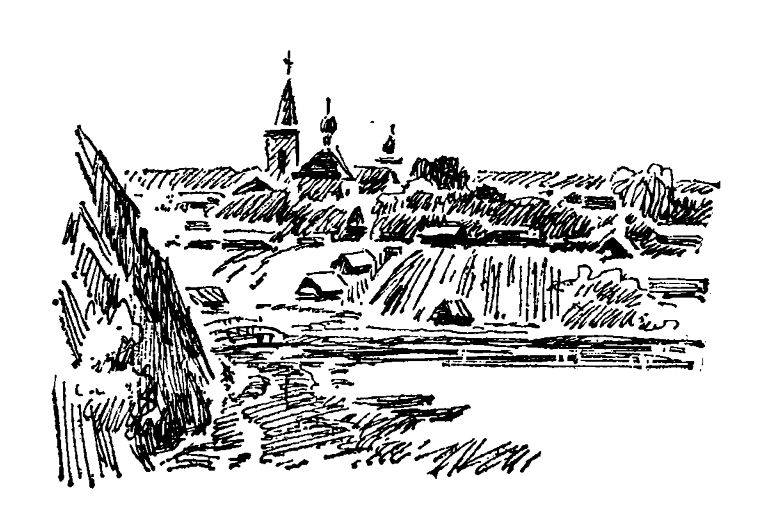
В свите императрицы находился ее новый фаворит — двадцатилетний генерал-адъютант А. Д. Ланской.

— А почему бы нам не построить здесь новый загородный дворец? — обратилась Екатерина к Ланскому.

Фаворит потупил очи в знак согласия.

Царица уже давно подумывала об уединенном красивом месте, где можно было бы вдали от столицы пожить жизнью обыкновенной помещицы «на лоне сладостной натуры». Велье ей сразу понравилось.

«Прежде отбытия из Велья, — записал в этот день в своем месяцеслове псковский наместник Иван Алферьевич Пиль, сопровождавший царский поезд, — ее величество соизволили свершить, в сопровождении своей свиты и господ псковских дворян первых классов,



пешее хождение к местному озеру Чадо, где на большом лугу, для высочайшего отдохновения, приказано было поставить ставок, из коего смотреть изволили кошение на том лугу травы крестьянами, во многочисленном народе до ста, а может, и более душ мужиков и их жен, и девок. И как ими окончено было кошение, то все сии подданные стали водить караводы и песни увеселительные петь, на которые ее величество смотреть благосклонно изволили и хвалили тако: «Господа, с умилением взирали мы на забавы сих чистых сердцем детей Природы и Отечества нашего. Мню я, что народ сей столь прекрасно поет и пляшет потому, что в благоденствии пребывает и о зле не думает». По окончании отдохновения ее величество приказали царскому поезду следовать, спустя некоторое время, к городу Опочке, про который они прежде были наслышаны еще в Пскове, а я со своими людьми с великим поспешением поскакал немедля».

Так возникла идея постройки еще одного царского увеселительного дворца, на этот раз в Псковском наместничестве.

Вскорости село Велье «со всеми принадлежащими до него деревнями, землями и угодьями» было пожаловано Екатериной Ланскому, а знаменитому архитектору Кваренги была заказана разработка проекта «громадного дворца в Велейской вотчине». Чертежи Кваренги сохранились. По проекту это очень большое двухэтажное каменное здание, длиною в сто тринадцать метров, с парадным двором и обширным парадным подъездом, к которому подводит широкая улица из двенадцати двухэтажных «кавалерских и фрейлинских» домов. В композиции, созданной великим архитектором, отразился прием планировки королевского дворца в Версале.

Но великолепному проекту не суждено было осуществиться. Вскоре после начала строительства, в июле 1784 года, Ланской скоропостижно скончался. Царица была безутешна. Строительство в Велье было приостановлено, а село вновь возвращено в казну. Проекты Кваренги сдали в гофинтендантскую контору, потом в архив, а оттуда они попали в Эрмитаж, где хранятся и поныне.

Проект дворца в Велье занимает видное место в творчестве Кваренги — основоположника классицизма в русской архитектуре XVIII века, строителя таких шедевров, как Александровский дворец в Царском Селе, Английский дворец в Петергофе, Смольный институт в Петербурге, и других зданий. Дворец в Велье мог стать яркой страницей истории зодчества России XVIII века. Надо полагать, что какие-то следы сооружения дворца сохранились до наших дней в самом Велье. Они ждут своего исследователя.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

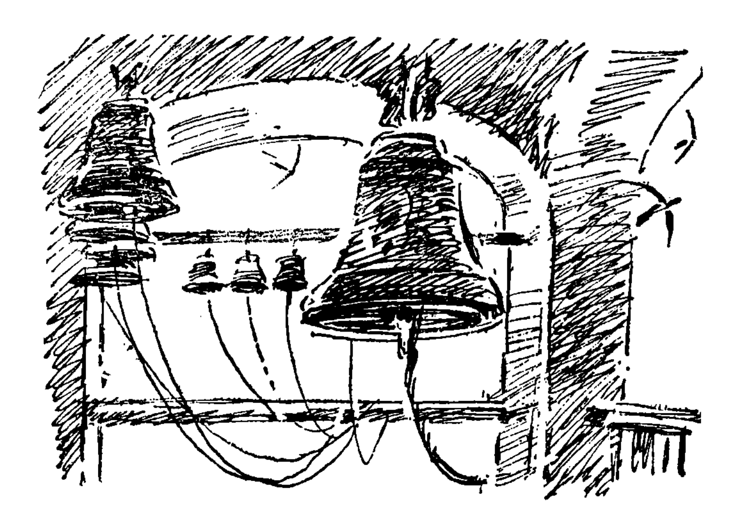
Святогорский монастырь... Стертые каменные ступени ведут на верх древнего городища. Площадка у алтарной апсиды Успенского собора. Каменный крест — «жальник» — XVI столетия, приткнувшийся к белой стене. Могила Пушкина, похожая на огромный букет из нарциссов, тюльпанов, сирени. Цветы возложили участники Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии.

Окна собора открыты. Поет Иван Семенович Козловский. Под сводами гудит перезвон колоколов, слышится «Вечерний звон»...

Сегодня этому храму исполнилось четыреста лет.

Много лет тому назад безымянный монах-летописец написал здесь в назидание потомкам «Повесть о явлении чудотворных икон пресвятыя владычицы нашей богородицы и приснодевы Марии во области града Пскова на Синичьи Горе, иже ныне завома Святая Гора». «Святогорская повесть» чудом сохранилась во время пожара, случившегося в середине XVIII века, когда в огне погиб почти весь архив Святогорского монастыря. Ее обнаружил уже в пушкинское время псковский епископ Евгений Болховитинов — известный ученый-историк, собиратель псковских древностей, автор целого ряда трудов по истории русской культуры. На основании этой летописной повести Болховитинов написал и издал в 1821 году в Дерпте книжку «Описание Святогорского монастыря».

Этой книгой бойко торговали монастырские офени на ежегодных святогорских ярмарках. Экземпляр «Описания» был в библиотеке Тригорского, и его, вероятно, видел Пушкин, который любил рыться в ней.



Очень интересна судьба этого литературного памятника. Болховитинов, уезжая в 1823 году из Пскова в Киев, куда получил новое назначение, увез с собою много древних псковских рукописей, в их числе и «Святогорскую повесть». После смерти ученого его архив поступил в Киево-Печерскую лавру, а после Октябрьской революции — в библиотеку древних актов Украинской Академии наук. Во время оккупации Киева фашистами эта повесть, в числе других древних литературных памятников, была увезена в Германию, а после разгрома фашизма попала в руки американцев, которые вынуждены были вернуть награбленное Киеву по требованию нашего правительства. Эту рукописную книгу мне удалось увидеть и сфотографировать в Киеве в 1949 году.

«Бысть изволение божие при державе благоверного и благочестивого царя государя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси, правящу ему тогда скипетр российского царства и при архиепископе Пи-

мене великого Новгорода и Пскова, от создания же мира в летах 7077». Таков запев этой «Повести». Она рассказывает о том, как небесная сила ниспослала благодать на землю древнего Воронича, как явились людям разные чудеса и как люди стали рубить на месте открывшихся чудес сперва часовню, а потом храм и «честную обитель».

Псковский наместник Юрий Токмаков доносил царю Ивану Васильевичу о «небесной благодати», и царь приказал строить «обитель каменну», чтобы еще более укрепить литовский рубеж. И не ошибся. Монастырь стал не только местом обрядности, но и мощной крепостью под Вороничем. Не раз его монахи садились на коней и рубились с поляками, литовцами, немцами, пытавшимися захватить этот уголок русской земли и сам великий Псков. В благодарность за скорое строительство обители царь одарил ее дорогими книгами, ризами, а звонницу — своим колоколом. Дарили колокола цари и позже: Борис Годунов, Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Петр I...

До гитлеровского нашествия монастырская звонница была убрана прекрасными древними колоколами. Когда в 1922 году монастырь стал заповедным местом, их стали беречь, как пушкинские реликвии. Они были взяты на особый государственный учет. Ведь это памятники не обычные, молчаливые, а поющие. Они гудели набатом в годины лихолетья, когда землю Воронича топтали и жгли лихие люди, полчища Стефана Батория и Гришки Отрепьева, Они звенели во времена «многих мятежей». Их музыка направляла мысль Пушкина, когда ему стала являться тень царя Бориса. Эти колокола пропели Пушкину прощальную траурную песнь в 1837 году, когда его прах опускали в родную землю...

Встарь их было четырнадцать, и каждый из них — памятник искусства. Колокола были украшены богатым и разнообразным орнаментом. На многих были вы-

литы надписи. На том, что прозывался «Горюн», ибо «пел он жалостно», была надпись: «Лит в лето 7059 (1551) при державе благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича 8 сентября на Рождество пресвятыя богородицы». Он-то и был прислан Иваном Грозным в ознаменование открытия обители. На другом была надпись: «Лит сей колокол в лето 7146 (1638) при благоверном князе Михаиле Федоровиче в обитель пресвятыя богородицы на Святые Горы». На третьем — «В лето 7197 (1689) при царях и великих князьях Иоанне Алексеевиче и Петре Алексеевиче всея Великие и Малые Руси, при патриархе Кир Иокиме и митрополите нашем Маркеле Псковском и Изборском в Святогорский богородицкий монастырь».

Самый большой колокол весил 151 пуд 10 фунтов. По нему шла надпись: «Лит в Святогорский монастырь в Москве на заводе Данилы Тюленева в 1753 году. Ноября в 1-й день при державе благоверной великой Государыни Елизаветы Петровне Богоматери Честного Умиления тщанием тоя обители игумена Иннокентия».

Незадолго до своего бегства из заповедника гитлеровцы подорвали колокольню, разбили колокола, а медь отправили в Германию на переплавку. Остался лишь кусок большого колокола, который они не успели увезти. Сейчас стоит он у паперти собора, рассказывая всем входящим о вражеском злодействе.

Теперь всё в монастыре восстановлено: ограда, светёлки, кельи, собор и колокольня. И вот, наконец, решено возвратить этому памятнику голос.

Не легкое это дело — найти нужные, подходящие по времени и по звучанию колокола. Долго мы их искали и наконец нашли. Нашли не где-нибудь, а здесь же, на псковской земле, а часть и совсем близко — в округе Святогорья. Два больших колокола «лил псковитянин посадский человек Фома Юрьев сын Котельник, в лето

7080 (1572)», о чем свидетельствуют надписи и изображения псковских чудотворных образов на колоколах. Некоторые колокола были глухие, со сквозными трещинами и вырванными языками. Спасибо, помог нам ученый-металлург, профессор Александр Юльевич Поляков. Он увез их к себе в Москву, сделал лабораторный анализ сплава, изготовил нужную «присадку» металла и «сосватал» нам литейную мастерскую института «Автогенмаш», где рабочие безвозмездно, в честь Пушкина, проделали очень хитрую реставрационную работу и вернули колоколам голоса.

В 1979 году колокола были подвешены на Святогорскую звонницу. Идет подстройка их друг к другу, настройка основной мелодии.

И теперь ежегодно в день рождения поэта звон этих колоколов летит над Святогорьем. Слышится сначала голос молодых детских дискантов и альтов, в их легкое, мелодичное звучание постепенно вплетаются раскаты средних — теноров. Они гудят неотразимо, звон набегает на звон, и наконец в их гул врываются баритоны и гром густой басовой октавы — торжественной и богатырски мощной, как эхо древнего Воронича.

Звуки несутся по рощам, лугам и полям. Они плывут по Сороти. И все паломники слышат снова и снова эту древнюю русскую песню о вечности, о родине, о душе народной, о великом поэте...

ПОЭТУ РОССИИ

В июне 1959 года, к 160-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Пушкинских Горах был торжественно открыт памятник поэту. Это событие было отмечено широким народным праздником, на который съехались тысячи людей из разных концов нашей страны.

Сооружение памятника имеет свою давнюю историю. Впервые мысль о нем зародилась через две недели после трагической гибели поэта. Н. А. Полевой тогда писал: «Пусть каждый из нас, кто ценит Гений Пушкина, будет участником в сооружении ему надгробного памятника».

Но голос Полевого и других современников Пушкина оказался гласом вопиющего в пустыне. О монументе опальному поэту в условиях николаевской России не могло быть и речи, ведь только через три года на могиле взамен деревянного креста было позволено поставить надгробие в виде скромного мраморного обелиска.

Вновь о памятнике Пушкину в Михайловском заговорили много лет спустя, в конце прошлого века, накануне празднования 100-летия со дня рождения поэта. Но и эта мысль, выдвинутая лучшими людьми той эпохи, потонула в дебрях бюрократизма.

По-настоящему вопрос о памятнике был поднят лишь после Октябрьской революции, в 1923 году, когда в связи с подписанием в 1922 году постановления о создании Пушкинского заповедника и его особой государственной охране было решено отметить пушкинские даты: 125-летие со дня рождения и 100-летие со дня ссылки в Михайловское. На заседании юбилейного комитета было решено соорудить в Пушкинском заповеднике

памятник. Был объявлен конкурс на проект памятника, который предлагалось воздвигнуть на средства Академии наук и от добровольных пожертвований.

Проекты были представлены под девизами: «Гордость России», «Дом опальный», «В глуши, во мраке заточенья», «Зеленая горка», «Памятный камень», «Пушкину». В конкурсе приняли участие виднейшие скульпторы того времени: И. Гинцбург, Р. Бах, В. Лишев и другие. Автор известного памятника Пушкину в лицейском садике Царского Села скульптор Бах представил на конкурс композицию в виде скалы, у подножия которой прикован орел. На вершине скалы он поместил Пушкина. Один из проектов изображал крыльцо дома Пушкина в Михайловском, на ступенях которого сидела Арина Родионовна с чулком в руках. Другой проект изображал Пушкина скачущим на коне вдоль Сороти.

Комиссия не отдала предпочтение ни одному из проектов, и вопрос о сооружении памятника в заповеднике не был решен.

Десять лет спустя, в 1935 году, в ознаменование 100-летия со дня смерти Пушкина, Всесоюзный Пушкинский комитет под председательством К. Е. Ворошилова вынес решение о широких мероприятиях по увековечению памяти поэта.

В дни Пушкинских торжеств 1937 года в Пушкинских Горах при огромном стечении народа был заложен памятник. Но сооружению его помешала война. В 1944 году, отступая, гитлеровцы взорвали мраморную плиту на месте закладки памятника поэту...

В августе 1954 года, в день 130-летия со дня ссылки Пушкина в Михайловское, по окончании традиционных Пушкинских чтений, тогдашний секретарь Пушкиногорского РК КПСС С. А. Самков стал мне сетовать на то, что у нас до сих пор нет памятника Пушкину. Я согласился с ним и сказал: «А почему бы нам, пушкиногорцам, не обратиться в ЦК с просьбой помочь нам в этом



деле?» Я получил от Сергея Александровича «добро» и быстро сочинил соответствующую бумагу.

Не прошло и недели, как из ЦК позвонили и сказали, что памятник нужно ставить и что Министерству культуры СССР дано соответствующее указание. Из Министерства поступил запрос, какому художнику мы хотели бы поручить работу над памятником. Мы решительно заявили: скульптору Белашовой, частой гостье в заповеднике.

Екатерина Федоровна Белашова давно работала над воплощением образа великого поэта. В 1952 году она создала бюст Пушкина, а в 1954 году — большой скульптурный портрет. Этот портрет впоследствии был экспонирован на Всесоюзной выставке в Москве, посвященной 40-летию Великого Октября. Он привлек к себе внимание мастерством, глубоким содержанием и оригинальностью решения. С 1955 года Белашова стала работать над монументом для Пушкинских Гор. Она изучала пушкинскую иконографию, рукописи, автопортреты. Сколько бесед, споров было у нас с нею!

Вскоре определился и архитектор. Это был Л. Холмянский, в содружестве с которым Екатерина Федоровна давно работала.

Дважды на коллегии министерства рассматривался

проект памятника. В ноябре 1957 года он был утвержден.

И вот наконец памятник поэту стоит на окраине поселка, носящего его имя, неподалеку от того места, где находится священная могила. Природа собрала здесь всё, чтобы сказать: вот она, неповторимо прекрасная Русь. Горы, холмы, леса, рощи, поля... Куда ни кинешь взгляд — всюду ширь и простор!

Памятник установлен на небольшом естественном возвышении у края площади. Отсюда начинается живописная дорога в Михайловское. По этой дороге устремляются сегодня в заповедник люди. Их всегда встречает Пушкин!

Белашова изобразила поэта в годы изгнания, в период жизни его в Михайловском. Пушкин сидит в спокойной созерцательной позе. Кажется, что он только что присел, чтобы передохнуть после далекой прогулки. Он как бы ведет поэтический разговор с миром — с землей, с небом, с людьми, как бы шепчет только что родившиеся строки. Не те ли, обращенные к «племени младому, незнакомому»?.. Белашова сумела психологически тонко раскрыть образ Пушкина — и человека и поэта. Ясная пластическая форма, ее трепетная легкость — всё это верно передает замысел скульптора, живое и острое чувство художника нашего времени.

Памятник Белашовой изящен и скромен, фигура поэта лишена всякой помпезности. Прост небольшой по размерам серый гранитный пьедестал, спроектированный Л. Холмянским. А как великолепно памятник вписывается в окружающий пейзаж! Смотришь и думаешь: это конечно же Пушкин — Пушкин жизнеутверждающий, простой, вечно юный, близкий, красивый, как красива та русская природа, которая его окружает.

Вряд ли есть в мире художник, который смог бы вместить в одно произведение весь круг раздумий и образов, связанных с грандиозным понятием «Пушкин»,

Ведь еще Белинский писал, что «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное».

Вот это новое и стремилась воплотить Е. Ф. Белашова, замечательный народный художник нашей Родины.



„ЗДЕСЬ ДРЕМЛЕТ ЮНОША-МУДРЕЦ, ПИТОМЕЦ НЕГ И АПОЛЛОНА...“

Как-то, будучи в Ленинграде, я встретился с моим старым другом поэтом М. А. Дудиным. Он не только мой друг, но и друг многих пушкиногорцев. Ему даже присвоено звание «Почетный гражданин Пушкинских Гор». Он воспел в своих стихах заповедные пушкинские места, он один из основателей Праздника поэзии в Михайловском!

При каждой встрече Михаил Александрович обязательно чем-нибудь порадует меня: то поможет приобрести для музея какую-нибудь редкостную вещь или книгу, то познакомит с хорошим художником, писателем. Ведь это он «сосватал» Лениздату мои рассказы о пушкинской земле! Прямо скажу — не счесть того доброго, что он сделал для Михайловского и лично для меня как литератора и хранителя заповедника!

Вот и теперь он вдруг сказал: «Знаешь, Семен, у тебя есть возможность получить для заповедника скульптуру Пушкина, которую недавно закончила молодая ленинградская художница Галина Васильевна Додонова. Изваяние крупноформатное, в бронзе! Вещь очень интересная...» Я растопырил уши, а Дудин продолжал: «Она сейчас на хранении в Высшем художественном училище имени Мухиной. Сделана по заказу какой-то школы в Невском районе... Давай пойдем к мухинцам и посмотрим. А там видно будет — что и как!»

Мы сразу же собрались и пошли в «Соляной городок» к тогдашнему ректору училища. И тут я впервые узрел Пушкина, созданного скульптором в 1969 году. Пушкин — юноша. Он только что окончил Лицей. Приехал к родителям в Михайловское. Сброшен с плеч ли-

цейский мундир. Он очарован всем, что видит вокруг. А вокруг — рощи, сад, пруд, цветы, деревья, небо, уютный дедовский дом... Все ему приветливо. Во всем блаженство, слышен живой напев соловья, песни иволги, жаворонка. Благодать. Тепло. Томно. Подошел к пруду, где «светлые ручьи в кустарнике шумят», выкупался, вышел из воды и прилег на берегу. Вынул из кармана книгу стихов. Может быть, Парни, Шенье, может быть, Гёте...

В душе зазвучали стихи: «Здесь дремлет юноша-мудрец, питомец нег и Аполлона...»

Михайловское! К нему обращены бессмертные строки юноши-поэта — его «Деревня» и «Домовому», стихи о вдохновении, о радости бытия!

Много раз ходил я в училище Мухиной смотреть на додоновского Пушкина. И каждый раз я видел в скульптуре что-нибудь новое. По совету ректора написал письмо в исполком с просьбой о передаче скульптуры заповеднику. Получил благоприятный ответ. Зимой скульптуру привезли в Михайловское и установили в саду, почти рядом с дорожкой, ведущей с южной окраины сада к «Острову уединения». Около этой дорожки площадка. Отсюда скульптура очень хорошо видна. Она — в гармонии с Михайловским садом.

Скульптура Г. Додоновой рассчитана на пленэр — на воздух, открытое пространство. Она сливается с окружающей природой. Природа усиливает эмоциональный характер и художественность формы произведения, завораживает зрителя, будит его воображение. Скульптура Додоновой монументальна и вместе с тем изящна и проста. В фигуре поэта много жизни, движения.

Когда вы подходите к площадке, откуда лучше всего рассматривать скульптуру, у вас, несомненно, родится впечатление, будто бы Пушкин только-только бродил по рощам, любовался Соротью, ветряной мельницей, холмами, нивами, рассматривал все здесь сущее. Он полон творческого вдохновения. Прекрасно переданы До-

доновой руки поэта. Одною он облокотился о землю, другая приподнята. Будто поэт ждет явления Музы... Мгновенье — и «стихи свободно потекут».

Прекрасен сад Михайловского с его зеленым ковром, яблонями, вишнями, сливами, скворечниками, незабудками, ромашками, колокольчиками... Сегодня он стал еще прекраснее. В нем чудесное изваяние Пушкина. Приедете в Михайловское — обязательно посмотрите, и благо вам будет!



ВЕЛИЧАНИЕ ПУШКИНУ

Когда стоишь у подножия Михайловского холма, на котором высится обращенный к небу Дом Поэта, кажется, что ты в Афинах и стоишь перед Олимпом, и пред тобой вот-вот явятся музы — Поэзии, Музыки, Зрелищ...

Когда стоишь у подошвы Синичьей горы в Святогорье и смотришь на древний Успенский храм, кажется, что ты в Большом театре в Москве и сейчас вот загудят колокола и начнется выход пушкинского царя Бориса...

Когда стоишь перед одной из трех гор древнего Воронича и смотришь на портик дома друзей Пушкина Осиповых-Вульф, невольно вспоминаешь, что именно этот портик послужил основой художественного оформления дома Лариных первой (да и не только первой!) постановки «Евгения Онегина» на отечественной сцене...

Когда проходишь мимо Поэтической поляны Михайловского, всегда слышишь эхо Пушкинского народного праздника поэзии, который здесь ежегодно проходит в день рождения Александра Сергеевича.

И всюду, всюду слышен голос И. С. Козловского!



Нет, Иван Семенович не «участвует» в наших юбилеях и праздниках, он «создает» их, вкладывая всю душу певца, гражданина, подвижника. Сколько раз он пел на усадьбе Михайловского, где сценой ему было простое

крыльцо Дома-музея! Сколько раз он пел в саду, мимо которого проходили тысячи гостей Пушкина! Сколько раз пел на Поэтической поляне стотысячной толпе «Славу» Пушкину! Ему вторили и «лес и долы», и все, присутствующие на поле. Сколько раз он пел на Синичьей горе реквием Пушкину — старинные печальные народные песни, песни Глинки, Мусоргского, Римского-Корсакова, песни, написанные нашими современными поэтами и музыкантами, посвященные памяти Пушкина!



К 175-й годовщине со дня рождения поэта им было приготовлено и впервые исполнено с хором Псковского культпросветучилища на могиле Пушкина замечательное произведение С. В. Рахманинова «Монолог Пимена».

Какое надо иметь сердце, какую любовь к отечеству, к родной культуре, к своему народу, чтобы так вдохновенно пропеть это ВЕЛИЧАНИЕ Пушкину! Древние «голосники», вделанные в стены и «паруса» здания пятьсот лет тому назад, поднимают пение артиста до неописуемой высоты! Все слушают, затаив дыхание. У многих слезы на глазах. А сколько народу стоит за монастырской стеной, на всех дорогах, ведущих к Пушкинскому некрополю. Всяк ловит каждый звук, несущийся с вершины горы.

Только такой художник, как Иван Семенович Козловский, смог заставить «запеть» древние «голосники» и богатырские стены монастыря-крепости. Только он смог раскрыть до конца шедевр Рахманинова, его «Пимена»...

Проходят годы, а голос Козловского и его искусство по-прежнему несут нам свое очарование, берут в плен души наши. Ивану Семеновичу уже за 85. А он по-прежнему молод! Он не просто замечательный певец нашей эпохи — он ее легендарный песнетворец.

Для всех, кто любит по-настоящему искусство, имя Козловского «не пустой для сердца» звук, а одно из самых дорогих. Спасибо вам, дорогой друг Пушкиногорья!



ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН ПУШКИНОГОРЬЯ

Только вобрав в себя все лучшее из содеянного человечеством за многие века, можно создать нечто новое, качественно новое, нужное человеку и человеческому обществу!

Среди передовых людей наших дней, изучающих прошлое и создающих новое, мы не можем не назвать имя Ираклия Луарсабовича Андроникова — человека, отдавшего всю свою жизнь родной стране, ее истории, ее культуре.

Жизнь Андроникова — писателя, ученого и общественного деятеля — находится в неустанном стремлении увязать прошлое с настоящим, отдать свое горячее слово публициста читателям и слушателям. О ком и о чем бы Андроников ни писал, — о Лермонтове, Гоголе, Пушкине, о поисках и находках, за всем он видит Россию, душу народа, веру и надежду его.

Безграничен талант Андроникова. Он не только крупный ученый-литературовед, он и выдающийся мастер живого слова, редкостный рассказчик. Сколько живых характеров создал он в цикле телевизионных передач «Слово Андроникова»! Это «Слово» — о многом, очень многом!

Особой любовью он любит Пушкина и наш заповедный пушкинский край. Он наш добрый гость, наш консультант в разные годы. Он возглавил в 1967 году Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии, который стал сегодня традиционным. Он был одним из его организаторов, сценаристом, режиссером. В своей статье, посвященной Празднику поэзии, он пишет о немеркнущей любви нашего народа к Пушкину: «Эта любовь вечная и всегда новая, возвышенная, любовь благодарная и

нежная, необыкновенно простая в своем бесконечном ощущении Пушкина как живого, знакомого нашего человека и величайшего из поэтов... Сменяются поколения, но Пушкин по-прежнему остается солнцем нашей поэзии... Вряд ли можно назвать другого в мире поэта, к которому на день рождения собирались бы без всякого особого зова десятки тысяч людей ежегодно...»

Ираклий Андроников бывал в Пушкинских Горах и его заветных рощах, парках, исторических усадьбах и музеях много-много раз, и всегда всюду звучал его голос, его совет, его наставничество. Он сделал науку о музеях искусством. Выступая по телевидению с рассказами о Пушкине, Михайловском, Тригорском, Петровском, он делал всем нам — хранителям, экскурсоводам, лекторам, пропагандистам — своеобразную прививку выразительного слова. В книгах посетителей Пушкинского заповедника он оставил много записей в пятидесятых, шестидесятых, семидесятых годах. Перечитывая их, чувствуешь в каждом слове истинного друга, доброжелателя, артиста.

Вот одна из записей Ираклия Луарсабовича:

«Суббота. 13 мая 1967 года. 6 часов вечера. В первый раз я вижу заповедные места такими тихими. Не слышно голосов. По-прежнему извивается и путается в прибрежных травах, сверкая в разливе под солнцем, Сороть... Она словно расплавленная... Тихо в домике Пушкина. Ни разу не чувствовал я здесь с такой удивительной силой ход времени, и постоянство времени, и Пушкина, каким он остался жить в этих возвышенных его пером лугах и аллеях, в этом „Лукоморье"...»

За бескорыстную и верную помощь заповеднику благодарные пушкиногорцы присвоили своему бесценному другу звание Почетного гражданина.

Спасибо, дорогой Ираклий Луарсабович, за то, что вы есть и всегда с нами. Будьте с нами и впредь долго-долго.

ДОБРЫЙ ДРУГ

Я познакомился с Василием Михайловичем Звонцовым — ныне народным художником РСФСР — в 1953 году, когда он был секретарем Василеостровского райкома партии в Ленинграде. В те времена Пушкинский заповедник входил в состав Пушкинского дома Академии наук СССР, находящегося в этом районе. Меня уже тогда покорили рассуждения Василия Михайловича о пушкинской теме в русском искусстве. Вскоре он закончил Академию художеств, и его беседы стали особенно весомы для меня.

Прошло несколько лет. И вдруг я встречаю Звонцова в Михайловском, куда он приехал, как преподаватель, с группой студентов-графиков для прохождения творческой практики. Тут началась наша дружба, наше братство, которое крепнет с каждым годом.

Вот уже двадцать семь лет прошло с того дня. Сколько молодых студентов-репинцев здесь, в Михайловском, получили пушкинскую «прививку»! Отличительной чертой практики, которой руководил В. М. Звонцов, было изучение природы, воспетой Пушкиным, проба «самостоятельного пера»: не только зарисовки, эскизы, наброски, но и создание композиций. На берегах Сороти и Великой, сказочных озер и ручьев художник устраивал студентам встречи утренней зари и вечерние проводы ее, литературные вечера. Все это создавало для молодежи атмосферу, благоприятную для ее духовного развития.

С каждым годом мы совершенствовали студенческое «природоведение», так как многие молодые люди отродясь не видели, что называется, — «ни лошадей, ни те-

леги», не были знакомы с обыкновенным деревенским бытом. Им было трудно войти в круг того, что видел Пушкин. В. М. Звонцов учил этому своих ребят. А мы, музейщики, ему помогали.

Сам Василий Михайлович в Михайловском всегда с этюдником, карандашом или резцом в руках. Он неизменно участвует в проведении всех здешних памятных пушкинских дат.

Особо отмечается в наших местах день освобождения заповедника от гитлеровцев. Для В. М. Звонцова — ветерана Великой Отечественной войны, участника боев за освобождение псковской земли от фашистов — это праздник особо торжественный. Не случайно дипломной темой его была война.

Шесть раз устраивались в заповеднике персональные выставки этого художника. С выставкой его офортов-миниатюр я ездил в Киев, Петрозаводск, Мурманск, Северодвинск и другие города нашей родины.

Василий Михайлович исключительно добрый человек. Создавая свои прекрасные мини-офорты, посвященные Михайловскому, Тригорскому, Петровскому, Вороничу, он не одну тысячу их «в разные годы» подарил мне, чтобы я в свою очередь одаривал ими гостей заповедника, доброхотов, приезжающих помогать нам благоустраивать парки и рощи. Миниатюра Звонцова — это подарок, привет, поздравление, добрый сувенир на память о паломничестве в пушкинское Святогорье.

В. М. Звонцов — неизменный иллюстратор всех моих рассказов. Он оформлял все издания моего «Лукоморья», всякий раз что-то добавляя и совершенствуя свои рисунки.

Мы часто бываем в гостях друг у друга, пишем друг другу письма в стихах, обмениваемся шутками-прибаутками. Приезжая каждый год на побывку в Михайловское, Василий Михайлович, как член правления Союза художников и признанный мастер изобразительного

искусства, проводит занятия с нашей музейной молодежью и экскурсоводами.

Звонцов говорил мне, что если сегодня он представляет собою что-то как художник, то это произошло в значительной степени благодаря Михайловскому. Пушкинский заповедник — вторая его родина. Я смело заявляю, что лучшие его вещи рождены здесь.

Его офорты чем-то близки лирической поэзии. Как и в стихах, маленькая деталь — средство для того, чтобы подчеркнуть главное, без многих слов выразить большое чувство. Смотришь на запечатленный им бутон шиповника, растущего на околице Михайловского, так и кажется, что сейчас он раскроет свои лепестки...

Когда я показываю миниатюры В. М. Звонцова экскурсантам, туристам, книголюбам, я делаю все, чтобы зрители воспринимали их как иллюстрации к стихам Пушкина.

Звонцов по натуре не только художник, но и писатель, поэт. Его чудесные письма ко мне, его стихи подтверждают это. Здоров ли я, болен ли, весел или печален, он всегда находит слова, укрепляющие надежду на грядущую радость.

ДОБРОХОТЫ

В Пушкинском заповеднике — его музеях, парках, рощах, садах, городищах и селищах — побывали сотни тысяч паломников.

Не смогли бы музейные и парковые хранители, смотрители, садовники, лесники, уборщицы, ремонтеры и реставраторы содержать заповедное царство во всей его красоте, благопристойности и чистоте, если бы в этой работе не участвовали сами паломники. Сотни доброхотов со всех концов нашей страны ответили на наш призыв по радио и телевидению и стали приезжать сюда, чтобы поработать для Пушкина. Они убирают самосев дикого кустарника, сажают деревья и цветы, подметают аллеи и дорожки, рассыпают свежий гравий, поливают растения, окрашивают газоны, приствольные круги, парковые бровки... Ежегодно работает свыше тысячи человек. Мы их называем «доброхотами», выражаясь этим старинным русским словом, которое Даль в своем словаре разъясняет как выражение покровительства, радушной заботы, усердного способствования благому делу.

Доброхоты бывают самые разные — сильно здоровые, лихие, молодецкие, бывают и «голубки дряхлые». А бывают и молодые, но измученные бытовой домашней неурядицей люди, у которых что-то не вышло в их семейной жизни, не получилось того, чего жаждала душа...

Живя и работая на природе, воспетой Пушкиным, они видят вокруг себя красоту, простоту, ясность, сердечность. И человек преображается. В душу его при-



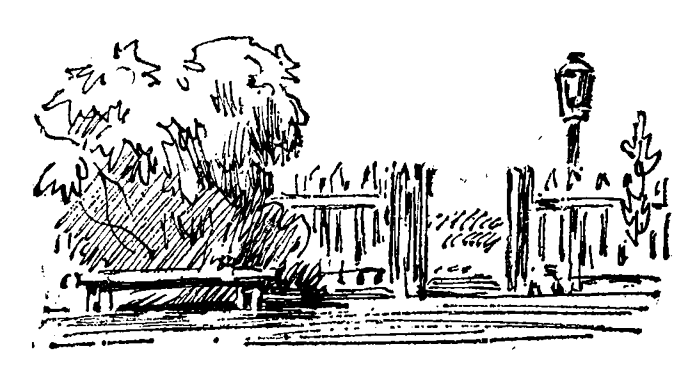
ходят покой и мир. Смиряется ее тревога, и впереди видится счастье.

Магическим действием обладает эта земля с ее «заповедями блаженства»!

Учителя, которых особенно много, ученые, инженеры, разные мастера, студенты, проводящие у нас свой отпуск, работают безвозмездно: кто неделю, кто две, а кто и целый месяц. Ими очищены от зарослей тысячи квадратных метров охранной зоны, берега Сороти, собраны и сожжены сучья-паданцы в Тригорском, Михайловском. Очищено и подготовлено к восстановлению место, где при Пушкине находилась водяная мельница, где он задумал свою «Русалку». Вновь засиял белый мрамор балюстрады и обелиска у могилы Пушкина, которые доброхоты чистили и полировали почти два месяца, поскольку работа эта очень трудоемкая и кропотливая. Воссоздана заново садовая беседка в Михайловском. Ребята-старшеклассники из Баку навели порядок и на «Острове уединения».

Москва, Ленинград, Рига, Таллин, Минск, Киев, Молодечно, Кишинев, Челябинск, Баку, Черкассы, Харьков... Не счесть городов и весей, откуда доброхоты шлют нам слова благодарности за ту радость, которую они испытали, поработав в заповеднике. «Побывав здесь, мы стали как-то чище, выше, лучше»,— пишут нам из Крыма. «Если бы у меня была не одна, а десять жизней, я все бы отдал этому святому месту. Буду приезжать сюда много, много раз, чтобы помочь чем могу»,— пишет столяр Ю. Золотарев из Таллина.

Особенно чудесен труд детей-школьников, о котором я хочу поведать читателю поподробнее. Какой-то особой любовью любят они Пушкина. Он при них с детства. Он учит их слову, литературе, любви к Отечеству, родной земле, природе. Со многими школами мы дружим долгие годы. Особенно активны школьники Мурманска, Кустаная, Череповца, Ростова-на-Дону,



Львова, Киева, Харькова, Новой Усмани, Баку, Малаховки, Петрозаводска, Чебоксар, Красноярска, Коврова... Не говоря уже о школах Москвы, Ленинграда, Пскова... Мы консультируем работу многих литературных кружков, театральных постановок, пишем рецензии на стихи ребят.

Поразительна активность школьников Вологды. Несколько лет они собирались к нам в гости. Совершали воображаемые экскурсии в Михайловское... И вот, наконец, приехали. Радость, вдохновение ребят были безмерны. Они хорошо поработали в парках, устроили у нас в Доме-музее Тригорского выставку своих рисунков, посвященных жизни Пушкина в псковской деревне, иллюстраций к «Евгению Онегину», «Борису Годунову», его сказкам. Уезжая из Пушкинских Гор, они увезли с собой немало зарисовок Михайловского, Тригорского, Петровского. Возвратясь к себе в Вологду, они открыли в Центральном Доме культуры выставку своих работ, посвященных Пушкиногорью.

Особенно много приезжает к нам школьников в летние каникулы. Едут с Украины, Кавказа, из Сибири, Белоруссии. И почти все стараются оставить по себе добрую память. Работы у нас хватает на всех! И она благотворно сказывается на сознании ребят.

Как и все доброхоты, ребята живут в Пушкиногорье лагерно, жизнь у них походная: все просто, смиренно и даже немного сурово, никаких следов пустяковщины, баловства. Приятно и радостно смотреть на их труд и труд их наставников — учителей. Здесь я должен назвать имя директора Псковской детской туристической станции Эммы Васильевны Смирновой, для которой труд экспедиции в Михайловском — святое дело. Эту святость она стремится привить всем ребятам, которых привозит сюда уже много лет.

В благодарность мы дарим ребятам сувениры, книги, Почетные грамоты. Уезжая к себе домой, они с полным правом могут повторить слова Пушкина:

Но там и я свой след оставил,
Там ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель.



ЗДЕСЬ „ВСЁ ПОЭЗИЯ, ВСЁ ДИВО...“

Трудно переоценить значение водоемов для Михайловского, и не только прудов, а особенно озер Маленец и Кучане и их кормилицы и поилицы славной речки Сороти. Они воспеты Пушкиным. Они являются одним из главнейших элементов пушкинского ландшафта. К великому нашему огорчению, эти мемориальные места находятся в стадии перерождения и умирания. Причин очень много: тут и отмирание родников, издревле подававших воду в озера, тут и заиление и зарастание их различными растениями, что объясняется подкормкой этих растений различными удобрениями, смываемыми с полей, а также распахиванием находящихся вблизи озер пойменных лугов.

Процесс отмирания начался очень давно. Ведь озера-то старые, они насчитывают десятки тысяч лет. Только за последние пять лет с Псковской земли исчезло тридцать два озера, однотипных с озерами Михайловского. Так утверждают специалисты-гидрологи, ведущие наблюдение за жизнью наших озер. Процесс отмирания Маленца и Кучане особенно активизировался 100—150 лет тому назад. Еще в 1834 году родители Пушкина, жившие тогда в Михайловском, писали своей дочери в Варшаву: «...озера наши и наша река скоро станут твердой землей...»

В 1925 году профессор К. К. Романов — главный консультант Академии наук СССР по делам памятников истории русской культуры в своей «Записке о состоянии Пушкинского заповедника» писал: «Желательно со временем вычистить озера и большой пруд, совершенно погибающие...»

В 1939 году президиум Академии наук направил в заповедник группу ученых для проведения исследования причины умирания михайловских озер и составления плана практических мероприятий по сохранению их. В результате обследования ученые выяснили, что «ванна озера Маленец заполнена илом (при толщине до семи сантиметров) на три четверти своего объема, а водная растительность захватила всю толщину со всевозрастающей быстротой и мощностью». Это написал в своем анализе профессор М. Соловьев.

Вскоре Академия наук постановила приступить к очистке озер в ближайшие годы и поручила Ботаническому институту разработать план и смету на очистку водоемов.

К сожалению, война помешала осуществлению этих работ.

В годы фашистской оккупации заповедника и послевоенный период захирение озер продолжалось еще активнее. На это было обращено особое внимание Псковского облисполкома и Института мелиорации СССР. Были приняты меры по дальнейшему благоустройству заповедных мест, предусмотрена разработка проекта оздоровления и очистки заповедных озер и проведения работ по осуществлению проекта. Четыре года ученые научно-исследовательского института «Ленгипроводхоз» совместно с работниками заповедника изучали мемориальные озера. В результате был разработан проект восстановления их. Проект предусматривает несколько вариантов, один из них — очистка озер при помощи специального гидроснаряда.

Сегодня у устья Маленца, на берегу Сороти, псковские мелиораторы, имеющие большой опыт работы по очистке озер, установили новый мощный агрегат. При его помощи начинается реставрация пушкинских озер. Мелиораторы хорошо понимают, какое ответственное дело берут на себя. С большой осторожностью они под-

вели на заповедную землю свои мощные машины. Кстати, они даже хотели свой агрегат подать в Михайловское вертолетами, чтобы не попортить заповедной дороги...

* * *

Вы идете медленным шагом по дороге из Михайловского в Тригорское, Савкино, Пушкинские Горы, по дороге, которой часто хаживал Пушкин...

Сейчас самый тихий месяц года — август. Кругом ни звука, разве что негромкий гул машины у Сороти, выбрасывающей ил из Маленца на луга, что у деревни Дедовцы. За вами следует печальный запах осени, сырой земли, прибрежных сосен и можжевельника, густой запах озерной воды, освобождаемой от ила,



Над озером, как всегда в это время, летящие стаи диких уток, они собираются в большие стаи, готовятся к скорому отлету из Михайловского в теплые края...

Есть какая-то особенная прелесть в водах Михайловского. Все водоемы такие разные — пруд на аллее Керн, черный Ганнибалов пруд, пруд во фруктовом саду Михайловского... У каждого из них свои тайны, легенды, сказки, загадки.

Стаи маленьких пичуг летят за стадами уток и гусей... Серые цапли, сидящие на соснах, вытянув свои длинные шеи, смотрят в только что очищенный старый-престарый пруд...

Всю эту земную красу любил Пушкин, всем этим любуетесь и вы, когда приходите под сказочную сень михайловских рощ.



„В ДЕРЕВНЕ, ГДЕ ПЕТРА ПИТОМЕЦ...“

Когда вы входите под торжественную сень Петровского парка и поднимаетесь по центральной липовой аллее, осененной сплошным темно-зеленым шатром, взгляд ваш начинает искать дом прадеда поэта, и в памяти невольно звучат стихи:

В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой, арап,
Где, позабыв Елисаветы
И двор, и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденны леты
О дальней Африке своей...

Ганнибаловский дом погиб много лет назад; на месте его буйно разрослись бузина и орешник, ольха и боярышник. Время жестоко расправилось с этим неповторимым историческим уголком.

Грустно сознавать это, но вместе с тем и отрадно оттого, что еще недавно совсем заброшенный уголок снова принадлежит Пушкину, и дом, и парк, и парковый грот, и пруды, и фруктовый сад с неповторимой «ганнибаловской антоновкой», и беседки — всё восстановлено, и в доме открыт новый Пушкинский музей, посвященный предкам Александра Сергеевича, его дедам и прославленному прадеду — «птенцу гнезда Петрова» — знаменитому арапу Петра Великого.

Приступая к восстановлению Петровского, мы хорошо понимали, что взялись за задачу, которую в принципе невозможно решить со стопроцентным успехом.

Восстановление Петровского — значительно более трудное дело, чем, скажем, восстановление Михайловского или Тригорского. В них — Пушкин, его личная жизнь, поэзия, его труды вдохновенные, свидетельства современников и многое другое. Музей Михайловского воссоздавался несколько раз на протяжении почти семидесяти лет; к созданию его в разное время приложили свои таланты крупнейшие ученые, художники, архитекторы...

Петровское же стало заповедным имением значительно позднее — юридически оно вошло в состав Государственного заповедника только после Великой Отечественной войны. Никто из ученых не изучал этот памятник, и почти ничего не сохранилось из его бытовой исторической обстановки. Почти всё здесь — вне личной жизни Пушкина. Он бывал здесь редко. Но здесь его предки, его родословная.

Придумать новый музей в Петровском — не просто. Тут требуется не только знание истории памятника, тут нужны фантазия, знание старины во всех ее бытовых особенностях, знание судеб людей, живших в этом доме.

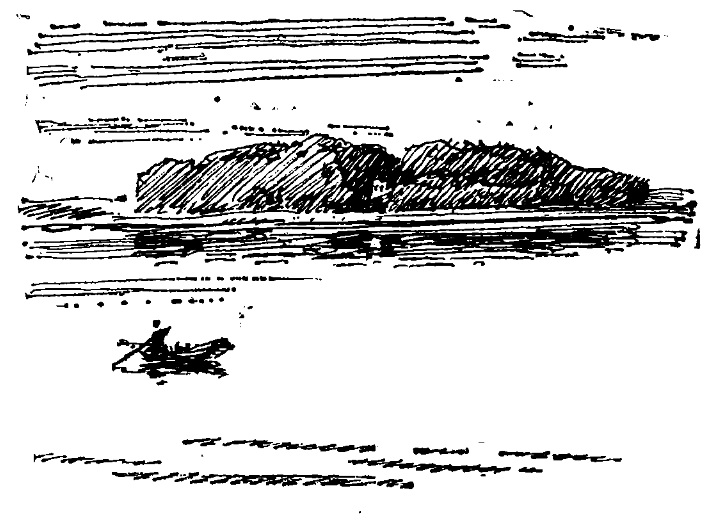
Нам, хранителям заповедника, повезло. В разных местах, временами совсем неожиданных, удалось собрать много старинных изображений дома и парка, приобрести завещание Вениамина Петровича — последнего Ганнибала, жившего здесь до 1839 года. В этом завещании перечислено имущество, находившееся в доме: столы, стулья, кресла, картины, посуда и прочее. Удалось найти и завещание Ибрагима Ганнибала.

Мы обследовали архивохранилища и фундаментальные библиотеки Ленинграда, Москвы, Прибалтики. Нашли в них интересные документы о жизни Абрама Петровича, его трудах и днях во Франции, Петербурге, Ревеле, Сибири; обнаружили ряд его личных вещей, реликвии. Мы заручились обещанием помощи со стороны

Государственного литературного музея, Государственного Русского музея, Эрмитажа и других центральных музеев в предоставлении музею в Петровском портретов современников великого арапа, изображений мест, где он жил и трудился. Нам удалось приобрести через закупочную комиссию ряд прекрасных предметов бытовой обстановки эпохи.

Знаменитый предок Пушкина был не просто замечательный боевой офицер своего времени. Он был образованнейший человек тогдашней России: ученый, строитель крепостей, «главнокомандующий по строительству Ладожского канала», «директор крепости Кронштадт», «обер-комендант Ревеля», начальник «российской артиллерии», педагог, верный близкий человек Петра Великого, по выражению поэта,— «царей, цариц любимый раб».

Библиотека, собранная Абрамом Петровичем, была замечательной по тому времени. Его кабинет был ла-



бораторией ученого. Возведенному за ум и труды в самые высокие чины и ранги, ему было присвоено потомственное дворянское звание. Сам Петр сочинил для него родословный герб, вырезал на токарном станке фамильную печать. В парадном зале Петровского дома в специальном киоте много лет хранились «царские милости» — благословенная икона, высокие сапоги Петра I, его портрет, патенты на звание и ордена.

Удивительная жизнь Абрама Петровича была наполнена не только радостями и успехами, но бедами и обидами, опалой и ссылкой.

Обо всем этом и должен рассказать музей в Петровском. Это его главная «изюминка».

Этот музей рассказывает посетителям и о наследниках Ибрагима Ганнибала: его сыновьях и внуках, осевших повсеместно на Псковщине, из которых вышли и герой Наварина и Чесмы, и декабрист, и просто добрые люди, а в четвертом колене его кровь дала миру стремительный пушкинский нрав. В экспозиции показаны связи Александра Сергеевича с Ганнибалами, раскрыта «ганнибаловская тема» в его творчестве.

Дом в Петровском — большое сооружение, его объем почти в четыре раза больше, чем в Михайловском,— 2231 кубический метр. Длина по фасаду — 27 метров, ширина — 15 метров. Внутри его одиннадцать комнат. Из них в нижнем этаже — семь, и в антресолях — четыре.

В 1952 году группа студентов Института имени Репина Академии художеств произвела тщательные раскопки фундамента старого Петровского дома. Раскопки помогли нам установить то, о чем молчат архивные документы. Мы узнали, что в доме были «печи в пестрых изразцах», большой подвал со сводчатыми перекрытиями, дубовые полы «плашками». Тогда-то и выяснились основные элементы планировки и размеры

«покоев» дома и наличие в нем большой парадной залы, выходившей окнами в сторону парка.

Довольно высокий каменный цоколь, широкие балконы с двумя портиками, о четырех колоннах каждый, стены, обшитые досками, большие окна и непременный с флагштоком бельведер, венчающий здание,— таков общий вид дома Петра Абрамовича.

Сегодня к этому уголку земли прикованы взоры многих людей. В заповедной вотчине предков Пушкина завершена работа по восстановлению исторического дома Ганнибалов.

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал Пушкин.



ВОЗРОЖДЕНИЕ

Мне, одному из хранителей и пропагандистов наследия великого поэта, много думалось о том, как воспринимают люди реально существующий в Пушкиногорье мир Пушкина. В чем сказывается его влияние на человека, к чему его подталкивает, от чего удерживает, как выверяет его жизненный путь в царство добра и света?

Я получил тысячи писем-отзывов от паломников, встречался и беседовал с очень многими людьми. И вот что мне стало ясно. Приходя сюда, люди стараются раскрыть в себе то хорошее, что в них есть, свои чувства и мысли об Отчизне, давшей миру Великого поэта, свою доброту, ум, сердце. Они стараются, если говорить словами создателя Толкового словаря русского языка В. Даля, «глубоко вникнуть в суть того действия, куда пришли по велению сердца». А когда они покидают это священное заповедное место, то выходят с новыми мыслями, чувствами, с проникновением в понятие красоты, любви, дружбы, товарищества, «чувств добрых», милосердия...

Многие пушкинские места до наших дней в подлинном виде не сохранились, и вещественный мир Пушкина успешно восстанавливается вот уже много-много лет. Сам поэт ничего для себя не строил, во дворцах и торжественных хоромах, во все времена строившихся навечно, не жил и даже об этом не мечтал и жил проще простого, а временами даже как «человек с чемоданом». Но ведь пушкинские памятники — это не только личное жилье поэта и предметы, в нем содержащиеся, но это и дома, и усадьбы, сады, парки, рощи, хозяйст-

венные сооружения, «овины дымные и мельницы крилаты» его друзей, с которыми он сроднился, у которых он, как говорится, «дневал и ночевал». Но и это еще не всё. Среди памятников, связанных с жизнью Пушкина, есть просто «места» — лужайки, дорожки, ручьи, камни, деревья, кусты, цветы, травы и прочее и прочее. После смерти поэта многое бесследно кануло в Лету или переменилось до неузнаваемости. От этого восстановителю еще труднее решать задачу возрождения памятника. Временами, приступая к реставрации, восстановитель как бы начинает ткать большое полотно былой жизни из тонкой паутины стежек...



Восстановитель мемориального дома — это прежде всего музейный хранитель. Весь процесс восстановления он должен видеть с первого такта. Он не строитель, не архитектор, но, однако, он должен хорошо чувствовать расстановку стен восстанавливаемого дома, разделе-

ние пространства, устройство комнат, уголков и закоулков в доме. И дело это прежде всего его, а не архитектора. Хранитель должен знать то, чего никто на свете не знает, он близкий друг «хозяев дома», он лекарь дома. Ведь дом всегда как нечто живое. Не успеешь воздвигнуть, как начинается его старение и разрушение. Всё в нем трескается, расщепляется, лупится, вспучивается, начинает ржаветь, сыреть, ползти, тускнеть, плесневеть, рассыхаться, расшатываться, оседать, коробиться, прогибаться, сохнуть, терять цельность, лоск, живость, и самое любопытное заключается в том, что всё это надо позволить. Потому что, когда время прикладывает руку к вашему новому, красивому, чистенькому зданию, оно снимает с него всё, принесенное вашей наукой, и появляется то, что называется патиной.

Я временами в отдельных случаях усиливаю даже эту патину. Когда я восстановил, помню, Тригорское — оно такое новенькое получилось, что просто оторопь брала. Поэтому я кое-где посадил пятна, кое-где осаживал немножко здания, кое-где дырявил крышу, кое-где сажал кусты так, чтобы они лезли в окошко. Все это делало заповедное место более доходчивым для паломников. Они переставали замечать, что всё это восстановлено.

У хранителя должна быть страсть хозяина-собственника. Он — «скупой рыцарь» места, он — «домовой» и «колдун» дома. Иной раз мне думается, что нельзя любить старое место, его издавна обжитые камни и землю, и не верить в «приметы», о которых так много говорил Пушкин. Но, веря в приметы, нельзя не верить и снам, которым верил Пушкин и о которых писал. Бывает, иное, долго искомое, восстановительное решение хранитель находит не наяву, а во сне... Так, чтение старых писем бывает более реально, чем точные расчеты и объяснительные записки инженера-строителя. Каждая комната, ее уголок имеют свои приметы и заклинания

и свое «эхо». Уберите их из восстановленных в 1962 году горниц Тригорского или ранее восстановленной светлицы няни, и в этих местах всё потускнеет, погаснет.

Когда мы возрождаем памятные пушкинские места, комнаты, парковые уголки, мы, хотим того или не хотим, всегда делаем их лучше, чем они были когда-то. Ведь всё, что мы сейчас в заповеднике делаем, исходит от нашей любви к Пушкину. И мы приносим его светлой тени лучшие цветы и венки...

Когда мы спасаем памятное место от гибели, возрождаем его, мы по-пушкински «заклинаем небо» помочь нам в этом трудном деле. И тогда в нас самих укрепляется что-то хорошее, мы делаемся крепче и добрее. Это прекрасно подметил еще друг Пушкина П. А. Вяземский, специально приехавший в Михайловское четыре года спустя после гибели Александра Сергеевича, чтобы увидеть следы ушедшей жизни поэта.

Вдоль горы,
поросшей лесом...
Есть уютный уголок.
Он под ветреным
навесом
Тих и свеж и одинок.
. . . .
Здесь с любовью,
с нежной лаской
Ночь, как матерь,
в тихий час
Сладкой песней,
чудной сказкой
Убаюкивает нас.
. . . .
Улыбалась здесь
красиво
Ненаглядная звезда,
К нам слетевшая
на диво
Из лазурного гнезда...

Каждому мемориальному пушкинскому памятнику дана особая власть над людьми. Он в известной мере — сердечное святилище и алтарь.

Если у восстановленного дома Пушкина нет власти над людьми, если паломник, приехавший в Михайловское, не увидит в нем постоянно мерцающую «ненаглядную звезду», слетевшую всем нам «на диво», — все нами сделанное здесь никчемно, все напрасно!

Обо всем рассказанном в этом маленьком очерке думали мы, восстанавливая дом в Петровском.

У нас из года в год растет посещаемость. Проблема затаптывания, засматривания, проблема снятия этакого лирического каше — проблема серьезная. Как ее избегнуть? Охранная зона у нас уже давно. И я считаю, что заповедную территорию нужно делать как можно шире. Все места, где жили друзья поэта, родственники, знакомые, надо постепенно превращать в заповедные, чтобы одни шли в Петровское, другие в Тригорское, третьи — в Савкино, иные в Воскресенское, в Михайловское. Тогда мы избежим этого вытаптывания.

Самое страшное — не количество людей, а чтобы одновременно не шли. Надо дать ей подняться, травке-то.

У нас есть одно великое благо. Наши экскурсанты приезжают на автотранспорте. Железная дорога не восстанавливается. И я всей душой за то, чтобы она не восстанавливалась. Что это дает? А то, что до девяти часов утра здесь никого нет. Летом с четырех часов до приезда первых экскурсантов природа делает свое таинственное дело. Она гнездуется, она выращивает свое поколение, она поет, она славит всё сущее на земле. В пять часов экскурсанты должны покинуть нас, чтобы успеть переправиться к поездам, автобусам, самолетам. До десяти вечера у нас еще пять часов. И природа берет реванш. Вот где секрет, что в заповеднике нет

пустынности, безъязычия, а всё наполнено птичьим пением и какими-то таинственными следами зверей — одним словом, всем тем, чем отличается хороший парк от дурного парка культуры и отдыха.

И горше всего слышать порой снобистские слова некоторых наших гостей, что, мол, как много народа, за людьми леса не увидишь. Но это значит позволить видеть себе и запретить другим. А Пушкин принадлежит не только каждому, но и всем вместе.

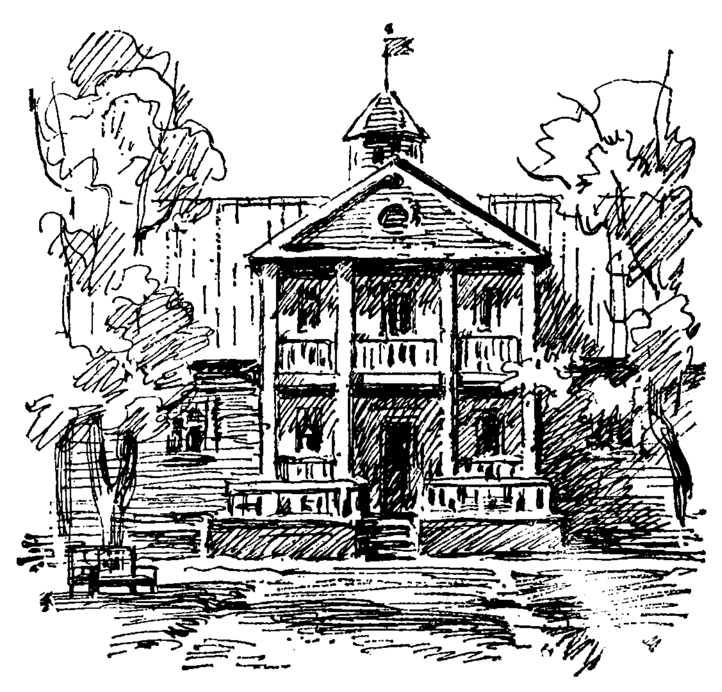


ТАМ, ГДЕ ЖИЛ „АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО“

Как известно, вскоре после смерти поэта умер и последний хозяин Петровского Вениамин Петрович Ганнибал. Нити, связывавшие Петровское с Михайловским, оборвались, и оно ушло в руки владельцев, для которых имя Пушкина было пустым звуком... Так было до 1918 года, а потом имение сгорело, и после пожара в нем остались лишь тлен и камни. В заглохшем парке стало пустынно, и только старые липы шептали о прошлом. А потом пришла страшная война, нашествие фашистов, и этому искалеченному уголку был нанесен еще больший урон. Многие старые деревья были вырублены, разбиты снарядами. А когда война кончилась, сюда пришли местные жители — погорельцы, вырыли себе в парке землянки и жили до тех пор, пока понемногу не стала налаживаться новая жизнь и они смогли перейти в родные деревни, к своим пенатам.

Но только в 1956 году, через десять лет после юридического включения Петровского в состав заповедника, находившаяся на территории его колхозная ферма была переведена из Петровского в другое место, и усадьба и фруктовый сад — всё целиком стало заповедным имением. С тех пор начался уход за парком, его изучение, стали лечить его больные деревья.

Исследователи пришли к единодушному мнению, что усадьба и парк, в том виде, в каком они сохранились до революции, были построены в конце XVIII века Петром Абрамовичем Ганнибалом, сыном сподвижника Петра I Абрама Петровича. Эти выводы были сделаны на основании тщательного изучения межевого



плана Петровского, составленного Опочецкой межевой конторой в 1786 году. На этом плане указаны границы имения и господской усадьбы, приведены сведения об угодьях, крепостных крестьянах и дворовых при барском доме. Сличая местоположение усадьбы в нынешнее время с тем, что показано на плане, мы увидели, что границы ее сохранились в неизменном виде. И на плане, и в сегодяшней натуре усадьба представляет собой прямоугольник, обращенный одной стороной к озеру, другой — к речке Кучановке.

На плане 1786 года нет того господского дома, который сгорел в 1918 году. Нет даже намека на какой-ли-

бо парк. Этот-то план и позволил исследователю В. З. Голубеву, обнаружившему его в 1937 году, сделать заключение, что дом и парк были построены Петром Абрамовичем.

Мнение Голубева поддержали все позднейшие исследователи.

Но ведь имение-то, усадьбу, основал не Петр Абрамович, а его отец. Неужели, думалось мне, от того времени в Петровском не сохранилось никаких следов?

Доподлинно известно, что Абрам Петрович получил псковское имение согласно сенатскому указу от 14 января 1742 года и жалованной грамоте царицы Елизаветы от 6 февраля 1746 года, подтверждавшей права Ганнибала на это имение. Ведь совершенно ясно, что, для того чтобы юридически оформить свои права на земли, Абрам Петрович должен был лично явиться к местным властям. Владение было немалое — одних деревень надлежало принять числом сорок семь!

В том же 1746 году, вскоре после получения жалованной грамоты, Ганнибал просил начальство разрешить ему «отъехать хотя бы на зимнее время в свои деревнишки...», просил «уволену быть, где бы по новозаводившемуся случаю хотя бы малое поправить что мог...» Документы, обнаруженные в Ленинградском Историческом архиве Н. Малевановым, рассказывают, что в том году Абрам Петрович был в Петровском, там по его распоряжению на месте пяти крестьянских дворов старой деревни Кучане начал создаваться хозяйственный центр. Ганнибал поселил здесь для нужд своей новой усадьбы двадцать восемь дворовых людей.

Ряд других документов того же Ленинградского архива свидетельствуют, что в 1746 году Абрам Петрович привез в Петровское свою семью, детей — Петра, Осипа, Евдокию, Анну и Елизавету. Он спешил с организацией имения, ему хотелось поскорее его освоить и придать усадьбе нужный вид.

В 1747 году, как сообщают документы, найденные в Государственном архиве Эстонии исследователем Г. А. Леецом, Ганнибал добился высочайшего соизволения на свою просьбу о новом длительном отпуске из Ревеля, где он служил обер-комендантом, «для устройства своего псковского имения». Получив разрешение, он приехал в Петровское, где прожил со своей семьей более пяти лет кряду. Здесь, в Петровском, у него родился сын Исаак.

Имея большую семью, Абрам Петрович был вынужден как можно быстрее благоустроить усадьбу и создать в ней всё, приличествующее ему как особе одного из первых классов по тогдашней «табели о рангах».

Пять лет — срок большой. За эти годы можно было многое построить, что несомненно он и сделал, так как был умелым инженером и строителем на все руки.

Как свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, приезжал Ганнибал в свое Петровское и позже, в шестидесятых и семидесятых годах.

Обласканный царями, знаменитый, богатый, окруженный многочисленным семейством, он особенно любил своих сыновей. Получив в дар многие земли, мечтал о создании своего ганнибаловского «парадиза» — родового гнезда, которое было бы совсем не хуже, чем у представителей старой родовой знати. Ему хотелось еще при своей жизни устроить имение так, чтобы каждый сын владел отдельным «усадищем»; так, Петровское он мыслил после своей смерти оставить Петру, Ивановское — Ивану, Генварское — Януарию (Осипу), Воскресенское — Исааку (родился в день «святого воскресения»).

Какие же постройки возвел в Петровском Абрам Петрович? На межевом плане 1786 года показано одиннадцать сооружений. Центральное из них — большой, замкнутый с четырех сторон, прямоугольный двор. К нему вплотную примыкает другой замкнутый двор, в

центре которого показано небольшое квадратное сооружение. Через дорогу, в сторону речки Кучановки, расположены еще два довольно крупных продолговатых здания. В сторону Сороти стоят еще пять зданий, из них два больших, длинных; дальше расположен какой-то закрытый двор. Никаких следов парка на плане нет. Но к усадьбе примыкает не пустыня, а рощи, лес, луга и нивы... На дороге через речку Кучановку хорошо видны мост на плотине и огромный пруд с извилистыми берегами. Рисунок пруда очень своеобразен и чем-то напоминает сказочное «чудо-юдо рыбу-кит». Что это не естественное озеро, а пруд, говорит плотина и еще одна любопытная деталь — довольно большой, четкой овальной формы островок. От берега со стороны усадьбы к острову ведет узенький пешеходный мостик. В центре острова показано какое-то сооружение, возможно павильон-беседка — «эрмитаж», что по-русски значит «уединение», или традиционный для той эпохи «остров уединения».

Есть на плане в центральной части усадьбы еще один пруд, четкой прямоугольной формы. Он существует и сейчас. Обследовавшие его совсем недавно ученые-гидрологи датируют сооружение не концом, а первой половиной XVIII века.

Что же могло находиться в зданиях, показанных на межевом плане 1786 года? Согласно всем тогдашним помещичьим традициям, во всякой загородной усадьбе должен был находиться прежде всего господский дом, и если не большие хоромы, то хотя бы «заезжая господская светлица», как то рекомендовал Петр I своим приближенным. Рядом с домом совершенно необходимыми сооружениями считались: баня, поварня (кухня), людская, амбары, конюшня, сарай, птичник, скотный двор и проч. Несомненно, что часть этих построек, возведенных Абрамом Петровичем, была сохранена его сыном, когда тот производил реконструк-

цию усадьбы в конце века. Создавая свою усадьбv. Абрам Петрович, по-видимому, не успел свершить всего задуманного. Парк он только замыслил, а построил уже Петр Абрамович. И построил его не так, как это было модным для конца XVIII века, в стиле английского пейзажного парка, а в стиле старомодном, характерном для первой половины XVIII века,— французском, регулярном.

* * *

Когда историк не находит ответа в книжных источниках, он обращается к архивным документам. Если же и в них он не находит ответа, он обращается к земле. Земля — великолепное хранилище прошлого. Археологические раскопки часто позволяют нам яснее видеть и понять то, что не удается прочесть в книге или рукописи. Никто, конечно, не может сказать заранее, что́ будет найдено на месте раскопок. Но нельзя искать и вслепую. Мы организовали раскопки в Петровском, будучи уверены в том, что земля сохранила следы деятельности Абрама Петровича, и мы не ошиблись в своей уверенности. Нам помог опыт раскопок в Михайловском, Тригорском, Святогорском монастыре, на Вороничe, в Савкине, результаты которых помогли восстановлению этих исторических памятников.

Раскопки в Петровском производились дважды. Первый раз, летом 1952 года, нам удалось обнаружить скрытый в земле почти целиком сохранившийся фундамент дома Петра Абрамовича, что дало возможность составить план исчезнувшего здания. Было найдено много фрагментов бытовых вещей, в основном второй половины XIX века и незначительное — начала века.

Вторые раскопки были произведены в 1971 году при участии бригады студентов-строителей Московского

университета. Прежде чем начать раскопки, я еще раз хорошо просмотрел немногие старинные фотографии Петровского, снятые в начале нашего столетия А. Красусским и Е. Сафоновой. На одной из этих фотографий («Вид пруда на усадьбе») я заметил на втором плане снимка дом, формы которого довольно необычны для архитектуры конца XVIII века. Дом квадратный в плане, двухэтажный: первый этаж его каменный, верхний — деревянный, рубленый, стены обшиты досками. Вокруг верхнего этажа по всему периметру его балкон («обходная галдерея»), по краям его — белая деревянная точеная балюстрада. Кровля на четыре ската, крыта гонтом в три ряда. Края кровли опоясывает резное украшение в виде цветочной гирлянды. В каждой стене по нескольку больших окон с резными наличниками. Оконные рамы в мелкий косой переплет не обычные, распахивающиеся по сторонам, а так называемые голландские, каждая из двух створок поднимается вверх. Кровлю венчает невысокая, довольно причудливой формы башенка — бельведер, с полуциркульными проемами с каждой стороны. В дом ведет крылечко, в центре которого видно оконце.

Что это могло быть? Что это не сарай и не амбар или людская изба — сразу видно. Сооружение носит явно «господский» характер. Архитектурно-декоративная отделка подчеркивает это. И тут мне вспомнилось письмо Абрама Петровича, хранящееся в фонде Всесоюзного музея Пушкина в Ленинграде. Письмо адресовано сыну Петру. В нем он пишет о своих соображениях по поводу строительства дома: «Сын мой Петр Абрамович! Присланный от тебя счет столярной работы в *каменных покоях* (подчеркнуто мною. — *С. Г.*) я видел. Весьма безмерная цена мне несносна. При сем посылаю табель. Почем цену подрядчики требуют и почем давать, о том на полях от меня написано в той же табели. А когда по моей цене показанной не возьмут,

то нужды в них нет, и наши столяры смогут поставлять (т. е. сделать. — *С. Г.*), хотя не так скоро и не вдруг. Я тебе рекомендую, сколько потребно купить сухих досок, сколько потребно для полов, панелей, ставней и прочая...»

Содержание письма свидетельствует о постройке в имении не какого-то простого хозяйственного сооружения, а «каменных покоев», то есть жилья господского, с хорошими полами, настенными панелями и ставнями.

Не о постройке ли на усадьбе каменного дома, который мы видим на старинной фотографии Петровского, идет речь в послании Абрама Петровича? Весьма вероятно, что это так.

Дом этот давно не существует, он был уничтожен во время пожара 1918 года. От него остались лишь котлован да камни подполья. Часть камней фундамента, по свидетельству жителей деревни, была увезена для постройки колхозной фермы.

Раскопки 1971 года были начаты в июне, а закончены в августе. В результате мы нашли немало интереснейших вещей, частью в виде фрагментов, частью целиком. Среди них фаянсовая «китайская» посуда, фарфоровые тарелки, миски, глиняная посуда, железные вилки, курительная трубка, много серебряных и медных монет, датируемых 1727—1800 годами. В числе находок нужно назвать фрагменты штофов зеленого стекла, стеклянные флаконы, бронзовый запор от оконной рамы, замок от пистолета, кованые гвозди и болты, печные расписанные кобальтом изразцы. Особенный интерес представляет фигурка маленького слоненка, сделанная из коренного лошадиного зуба (как известно, на гербе Ганнибалов изображался слон).

Большинство предметов датируются первой половиной XVIII века. Они позволяют утверждать, что это

место — точный вещественный след господского дома прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала.

Мы думаем раскопки в Петровском продолжить. Мы надеемся на новые находки, которые помогут Музею-заповеднику более реально представить себе характер и быт ее первого владельца.



БИБЛИОТЕКА АБРАМА ПЕТРОВИЧА ГАННИБАЛА

В январе 1742 года в Санкт-Петербурге произошло событие чрезвычайной важности. Утром 17-го числа на улицу вышли глашатаи и при барабанном бое громко объявили всем жителям столицы, что 18 января в десять часов утра на площади, что перед зданием Двенадцати коллегий (теперь здание университета), последует публичная казнь врагов Российского государства — разных военных чинов немецкой нации — бывших правителей: Миниха, Остермана, Левенфольда, Менгдена и прочих... Их вводили на эшафот, клали головы на плаху, а затем читали царское помилование и немедля отправляли в пожизненную ссылку в Сибирь. Новая царица — «дщерь Петрова» Елизавета не замедлила заявить, что она во всем будет держаться правил своего великого родителя, что впредь не будет предпочтения иноземцам и важнейшие места в управлении государством будут занимать прежде всего отечественные люди. Она приказала немедленно узнать, нет ли среди них «к произведению в высший чин достойных».

Вскоре соратники Петра Великого были возведены в новые чины и ранги. В феврале в связи с коронацией Елизавета Петровна объявила длинный ряд пожалований: множество опальных людей были возвращены из ссылки в столицу и получили в награду богатое имущество, земельные угодья и другие блага. «Понеже они за Отечество страдали»,— говорилось в манифесте царицы.

Пожаловала Елизавета своею милостью и «арапа Петра Великого», жестоко пострадавшего при разных временщиках. «В рассуждении... им оказанных долго-

временных верных его заслуг» царица пожаловала Ганнибалу генеральский чин, назначила обер-комендантом Ревеля и наградила богатыми землями в Псковской губернии, в «вечное владение».

Так началась история Ганнибалова имения на Вороniче — знаменитого сельца Петровского.

Из всех сооружений Ганнибалов-Пушкиных в Псковской округе дом в Петровском был самым величественным, усадьба совсем не хуже, чем у иных знатных «птенцов гнезда Петрова». Для описания прелестей усадьбы нужно было немало хороших слов, ибо это имение напоминало многие чудесные затеи Петра I.

Абрам Петров много лет жил при особе царя. Служил ему секретарем, писцом, переводчиком, денщиком. Слышавший многие рассуждения Петра об искусстве, культуре, роли их в жизни людей, общества и государства, он толково исполнял многие его поручения, копировал чертежи проектов зданий и сооружений, парковых затей в Петербурге, Петергофе, Стрельне и проч. и проч.

С 1706 года он был при Петре всюду; будучи крестным сыном царя, носил данную ему фамилию Петров. Вначале царь лично обучал его русской грамоте и всяким наукам, а потом приставил к нему хороших учителей, прививая любовь к знанию, к книге. Всё это принесло нужные плоды. В 1709 году Петр взял с собой арапчонка на Украину, где тот участвовал в Полтавском бою в качестве барабанщика...

Петр радовался успехам мальчика и, направляя в 1717 году талантливую молодежь за границу для обучения разным наукам и художествам, отправил во Францию и своего питомца, где тот в течение почти шести лет учился в высшей инженерной школе. Здесь он получил специальность инженера-строителя, стал ученым, педагогом, хорошо освоил общий «политес», изучил латинский и французский языки... В Париже

он познакомился с культурой и искусством не только Франции, но и всей Европы. Видимо, здесь он приобрел некоторые книги, которые составили основу его будущей библиотеки — одной из лучших частных библиотек столицы того времени.

Возвратясь в 1723 году в Петербург, Абрам вновь был определен к персоне царя, был в «смотрении его величества кабинета, в котором все чертежи, прожекты и библиотека имелись»,— писал он много лет спустя в своем письме к Екатерине II.

В феврале 1724 года царь назначил Абрама Ганнибала обучать инженерному делу и математическим на-



укам молодых воинов и приказал ему быть главным переводчиком иностранных книг при царском дворе. Есть основания полагать, что Абрам специально занимался личной библиотекой Петра и царь подарил любимцу отдельные понравившиеся ему книги. К моменту смерти царя у Абрама Петровича сложилась прекрасная библиотека.

В старинных каталогах Библиотеки Академии наук СССР сохранились собственноручные письма Ганнибала и списки книг его личной библиотеки, из которых явствует, из чего она состояла. Большая часть ее — это книги по математике, военным наукам, философии, истории, художественная литература. Здесь было полное собрание сочинений Расина, Мольера, Корнеля, были «Илиада» и «Одиссея» Гомера, были различные справочники, были книги и по истории его родины — «Известия об Абиссинии и Эфиопии». Имелся Коран... Любопытен интерес его к книгам по истории английской революции. Были и книги, необходимые для тогдашнего светского молодого человека — модные романы и проч. и проч.

Всего в библиотеке Ганнибала насчитывалось 347 книжных наименований...

Кончина Петра I была крушением всей судьбы его воспитанника и крушением любимого им книжного собрания. Предвидя будущую опалу, Ганнибал предложил приобрести его книги Библиотеке Академии наук. Библиотека согласилась, и книги поступили в библиотечный фонд Академии.

Но вот пришел 1742 год. Фортуна вновь повернулась к нему лицом, и Абрам Петрович начал усиленно хлопотать о возвращении библиотеки. Разрешение было получено, но, к сожалению, не все книги удалось разыскать. Часть из них была утрачена. Полученные книги вскорости были отправлены в Ревель, где жил Ганнибал. Само собой разумеется, что собрание книг

библиотеки Ганнибала начало вновь расти. Но состав этой библиотеки, к сожалению, нам неизвестен. Известно лишь, что позже библиотека Ганнибала находилась частично в его имениях Суйда и Петровское...

В конце своей жизни Абрам Петрович приобрел для библиотеки ряд церковных книг, в их числе Библию и все двенадцать больших томов книги «Четьи-Минеи», издания 1768 года. В 1775 году он подарил эти книги в свою поместную церковь в Суйде, сделав на ней собственноручно «вкладную запись». В этой записи вкладчик обычно подробно указывал свое имя, чин, звание и храм, куда делал вклад. Так сделал и Ганнибал.

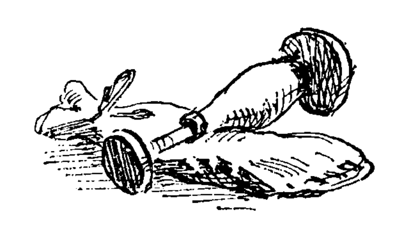
Две книги из двенадцати и один лист от третьей книги нам удалось найти и доставить в Михайловское. Удалось приобрести и еще одну редчайшую книгу из библиотеки Ганнибала, книгу Гуго Гроциуса «О войне и мире», изданную в Париже, с автографом кардинала Мазарини и оттиском его печати. Эти книги, наряду с другими приобретенными мною книгами, характерными для петровского времени, позволяют достойным образом украсить кабинет великого предка А. С. Пушкина.

...Под конец своей жизни, сидя долгими вечерами в своем кабинете, снедаемый старческими немощами, Абрам Петров делал вкладные полузашифрованные надписи на многих-многих листах толстенных книг, которые дарил своему храму. Эти надписи были расшифрованы в 1913 году одним из потомков Абрама Петровича — Анной Семеновной Ганнибал и опубликованы ею в 17-м томе книги «Пушкин и его современники» (издание Академии наук).

Вот собранный воедино текст, по буквам рассыпанный на многих листах книг: «1775 году июля 21 дъня его высокопревосходительство генерал-аншеф и разных орденов кавалер Авърам Петрович Ганнибал в

Суйдовской мызе в церковь Воскресения Христова дал въкладу сию книгу именуемую месячною Минеею».

На чистом листе одного из томов рукою Абрама Петровича сделана надпись по-латыни и набросок герба Петергофа с вензелем в виде двух перекрещенных латинских букв «П», что означает «Петр Примус» — Петр Первый.



ПО СЛЕДАМ „АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО"

В истории Ибрагима Ганнибала всё удивительно, и его происхождение, и его странная жизнь, и его приключения. Удивительна судьба многих его имений, его библиотеки, рукописей, коллекции инструментов, его прижизненных портретов. К сожалению, большинство документов личного архива Ганнибала, его письма, рукописи, почти на девять десятых утрачены, а те, что сохранились, до сих пор мало изучены. Труден поиск следов его жизни.

Как-то осенней порой решил я провести свой отпуск в путешествии по ганнибаловским местам. Я побывал под Ленинградом — в Красном Селе, Гатчине, Суйде, Кронштадте, съездил в Таллин, Петрозаводск, на курорт Марциальные Воды, где жил и трудился Абрам Петрович, строя крепости, каналы, порты, мосты, дороги... Я побывал в Москве, Киеве, Полтаве — и всюду мне удалось почувствовать тень этого удивительного человека, увидеть вещественные следы его бытия. В Петрозаводске я побывал в том доме, где Петр I обсуждал с Ибрагимом проект учреждения в России Академии наук, на курорте Марциальные Воды я увидел чертеж местности, снятой Ганнибалом по просьбе царя. В Киеве увидел Домик Петра I, где Ганнибал, затаив дыхание, слушал знаменитую речь Феофана Прокоповича о значении победы Петра Великого над Карлом XII под Полтавой для исторических судеб России и ее великого народа.

Мне повезло: в Москве удалось найти очень интересный, доселе не опубликованный документ от 21 февраля 1750 года — письмо настоятеля лютеранской

церкви в Петербурге Веннинга «О приглашении по просьбе генерала Ганнибала из Германии толкового студента на должность домашнего учителя в семейство оного А. П. Ганнибала»...

В другом месте удалось обнаружить книгу из личной библиотеки Абрама Петровича. Книга называется «Книга систима или состояние мухаммеданской религии. Печатается повелением Его Величества Петра Великого Императора и Самодержца Всероссийского в типографии царствующего Санкт-Питербурха лета 1722 декабря в 22 день». Это очень редкое издание, оно украшено изящной гравюрой работы русского художника эпохи Петра I Алексея Зубова. Книга посвящена Петру I. Посвящение написано знаменитым сподвижником Петра поэтом Дмитрием Кантемиром. На одном из первых листов имеется оттиск личной печати Ганнибала.

Любопытна судьба этой книги. Как свидетельствует полистовая «вкладная надпись» на книге, сделанная после смерти Ибрагима Ганнибала, она каким-то чудом очутилась в... Опочке у местного священника Петра Погонялова. Но главное чудо не в этом, а в том, что в кожаной обложке книги теперешним владельцем ее недавно были обнаружены вклеенные в переплет двадцать шесть писем и других подлинных документов А. П. Ганнибала! Среди них: «Экстракт (сжатое изложение. — *С. Г.*) о состоянии Псковской крепости в 1724 году», письмо 1756 года, адресованное опочецкой помещице Василисе Евстигнеевне Богдановой, которую он величает своей благодетельницей, и ответное письмо Абраму Петровичу о покупке у нее для Петровского «девяти крестьян мужеска и женска полу из сельца Брюхова». Кстати сказать, это сельцо существует на своем старом месте и в наши дни.

Любопытна реляция управляющего красносельским имением Ганнибала «О побеге из Суйдовской мызы

девки Агафьи Ивановой, выданной замуж (по-видимому, насильно!), и розыске ее в других местах». В этом письме содержится весьма колоритное описание предметов гардероба бежавшей, оставшихся у ее отца.

Среди писем и «репортов» 1756—1761 годов, посланных из «Военно-походной канцелярии Генерал-аншефа и Кавалера Ганнибала», есть бумаги, рассказывающие о ходе строительства Ладожского канала, количестве солдат, «работных людей», лошадей и колодников (арестантов), находящихся на строительстве и заготовке леса, камня и других материалов.

Есть черновик новогоднего поздравления, посланного генералу Шиллингу, реестры писем, отправленных в разное время разным лицам и в присутственные места, и полученных писем.

Особый интерес для устроителей музея в Петровском представляет распоряжение Ганнибала об изготовлении для его рабочего кабинета мебели: трех столов на точеных ножках, в их числе двух дубовых, большого бельевого шкафа, двенадцати стульев, сундучка — длиною полтора аршина, высотою в пол-аршина, шкатулки дубовой... вышиною четыре вершка и проч.

Много интересного удалось нам узнать из этих документов, не говоря уже о том, что писаны или правлены они рукою самого «арапа Петра Великого». Ведь всякая мелочь, всякий даже небольшой оставшийся след от великого человека не может не волновать исследователя и устроителя Мемориального музея.

«Странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям»,— писал когда-то Пушкин. Сегодня многие найденные документы о знаменитом предке великого поэта сняли покрывало с отдельных неясных страниц его биографии. Обнаруженные материалы заняли достойное место в экспозиции Дома-музея в Петровском.

ГАННИБАЛЫ—ЛАБИННАГИ

Ганнибалы — потомки знаменитого арапа Петра Великого — были люди горячей африканской крови, и многие из них по старому помещичьему праву прижили от своих крепостных крестьян и дворовых людей «женска полу» детей. Сын Ибрагима Ганнибала Петр Абрамович завел у себя в Петровском целый гарем крепостных дев, присвоив себе право первой ночи. Своих наложниц и их детей он потом поселял в особую деревню, названную Арапово, существующую и поныне. Брат его Иосиф при живой законной жене женился на другой и имел от нее детей.

Сын Петра Абрамовича Вениамин Петрович прижил от своей дворовой девушки одиннадцать человек внебрачных детей. Многие из этих бесправных потомков вышли потом, как говорится, в люди и, тяготясь своим «подлым сословием», всячески добивались у правительства разрешения носить фамилию «Ганнибал».

Царь Николай I, щепетильно относившийся к чистоте дворянских родов, требовал от своих подчиненных тщательного предварительного разбора таких прошений: проверенных свидетельских показаний, клятвенных заверений и «объяснений о господах дворянах, свершивших такого рода проделки», а также поддержки прошений губернским предводителем дворянства.

Однажды летом 1845 года, находясь на отдыхе в своей петергофской Александрии, Николай I, рассматривая прошения незаконных потомков Ганнибалов, впал в сомненье: почему так часты такие прошения, почему их такое множество, в чем дело, кто это такие? Из Пскова был срочно вызван губернатор для объясне-

ний. Царь сделал ему нагоняй за «падение нравов и либерализм во вверенной ему губернии...». Спросил губернатора, в каких городах и уездах ныне проживают Ганнибалы и много ли их вообще? Удивился тому, что живут они повсюду — и в Пскове, и в Опочке, в Порхове и Великих Луках, Новоржеве и Острове, а также в Санкт-Петербурге и Москве и многих иных городах империи... И добавил: «Да, фамилия знатная, целая Ганнибальщина получается». Потом, подумав, усмехнулся и, взяв перо, «собственною высочайшею рукою» начертал: «Присвоить просителям фамилию Ганнибал, но только задом-наперед — сиречь Лабиннаг, а не Ганнибал. Николай».

История эта невыдуманная. «Дело» о присвоении незаконнорожденным детям псковских помещиков Ганнибалов фамилии родителей сегодня находится в Ленинградском государственном историческом архиве.



СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ МУЗЫКАНТА АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВА — БРАТА „АРАПА ПЕТРА ВЕЛИКОГО“

Это произошло на далеком севере, в Архангельской губернии, в 1716 году.

Январь в этих краях суров и многоснежен. По поселку ехал некто в крытых санях. И хотя он прятал свой лик от глаз людей, кое-кто заметил, что был он черен, как уголь, курчав, губы имел толстые, ноздри открытые, глаза чуть навыкате, большие и желтоватые. В Санкт-Петербурге к нему привыкли, там были «арапляне» и кроме него. А здесь, в этих белых краях, таких людей доселе никто не видывал. О них только сказки сказывали бывалые солдаты да заезжие купчишки.

Этот некто избегал постоялых дворов и почтовых станций, где вокруг его повозки сразу же собиралась толпа мужиков, баб и ребятишек, указывавших на него пальцами и разглядывавших как чудо-юдо. Старался ехать не главным трактом, а проселками. Одет был тепло, в шинель и шубу, а сверху — в бараний тулуп. Но всё равно дрожал от холода, потому что был человеком из теплых краев, из дальней Африки.

Был у него в Санкт-Петербурге родной брат Абрам, приближенный великим царем к себе, ко двору, выполнял разные государственные поручения, ибо был особо любознательным и преуспевал во многих науках. А он, Алексей, его брат, состоял в придворных музыкантах, играл в оркестре на гобое то на царских пирах, то на приемах послов и высоких гостей, то в походах. Царь любил обоих братьев, но больше младшего, Абрама. Крестил обоих, присвоил фамилию Петров. Его — Алексея — крестил в 1696 году в Преображенском, на-

звал Алексеем в честь своего сына... Таскал арапчонка с собой повсюду, куда бы ни пришлось ему ехать. В 1702 году, будучи в Архангельске, царь женил его на девице из дому князя Василия Васильевича Голицына — Авдотье, послуживице князя. Князь был штрафной за очень уж верную службу ненавистной Петру царевне Софье, и скоро и самого князя, и всю семью его и челядь царь сослал в Пустозерский острог. Увезли туда и Авдотью, которая состояла при сыне князя Петре.

Арап просил повелителя о свидании с супружницей. Царь приказал дать арапу разрешение на поездку в острог. Для проезда из Петербурга до Пустозерска дано было ему, Алексею Петрову, отпускное письмо, подписанное самим Алексеем Макаровым — тайным кабинет-секретарем царя, подорожная на две подводы, скрепленная государственной печатью, да прогонные деньги...

Дорога была глухая, петербургским ямщикам неведомая. Дни в том краю короткие, всё больше ночь да ночь. Только наконец въехали в Олонецкий уезд, как напали на путешественника разбойники, раздели, разули и даже штаны сняли, оставив беднягу в одном исподнем... А отпускное свидетельство, подорожная и деньги были спрятаны в кафтане... Забрав всё имущество, воры избили бедного арапа смертным боем и исчезли как дым. И остался бедняга без ничего...

К счастью, выручил проезжавший спустя какое-то время мимо некий добрый человек — горожанин Мартын Галкин, направлявшийся из Петербурга в Архангельск. Он взял арапа на свое попечение, помог во время остановки «на государевых заводах» составить челобитную о случившейся беде. Довез до города Каргополя, снабдил деньгами на пропитание. От Каргополя Алексей ехал на наемной подводе, для чего карго-

польский комендант Петр Касаткин выдал ему два рубля денег.

Наконец путник прибыл в Архангельск. Не заходя никуда, он поспешил явиться к вице-губернатору П. Е. Лодыженскому, которому поведал о своем несчастии, и допрошен был со всею откровенностью. Вице-губернатор распорядился вернуть незамедлительно Алексея Петрова обратно в Петербург, и на третий день незадачливый путешественник в сопровождении солдата местного гарнизона Ульяна Скорнякова был выдворен из Архангельска восвояси. Солдату был вручен пакет с соответствующим доношением Лодыженского.

Так бедному мужу и не удалось добраться до своей благоверной. Обратный путь был еще более невеселым. Стоял март, началась весенняя распутица. Еле живой арап явился в Петербург, проведя в дороге почти три месяца. По прибытии он немедля был доставлен в Сенат, где 12 марта его допросили и вынесли решение: Алексея Петрова отослать на государев двор и отдать его Василию Мошкову, дворцовому управителю Петра I. По сему указу в дом царского величества вышеписанного арапа Алексея Петрова Мошков принял и расписался.

История эта основана на двух документах 1716 года, недавно обнаруженных в Государственном архиве древних актов. Документы эти особенно ценны тем, что фактически впервые подтверждают справедливость утверждения А. С. Пушкина о брате своего прадеда.

ПОИСК ПРЕДКОВ ПУШКИНА В ЭФИОПИИ

В мае 1960 года корреспондент газеты «Известия» Николай Петрович Хохлов впервые побывал в Африке и с тех пор бывал там много раз. Потом вышла в свет его книга «Присяга просторам». В ней автор повествует о Сомали, Уганде, Конго, Габоне, Эфиопии, об их старых и новых проблемах, о пустынях и джунглях, горах и озерах, животных и птицах, о человеке, культуре и национальных традициях.

Для нас, пушкиноведов, особенно интересна глава книги «Лоскут абиссинского неба», которая начинается с пушкинского эпиграфа:

> В деревне, где Петра питомец,
> Царей, цариц любимый раб
> И их забытый однодомец,
> Скрывался прадед мой арап...

Глава эта посвящена Эфиопии, которая гордится тем, что один из ее сыновей был сподвижником Петра I, что через Абрама Петровича Ганнибала ее народ связан родственными узами с великой страной, с великим русским поэтом Александром Пушкиным.

Попав в Эфиопию, Хохлов поставил перед собой задачу разыскать в ней следы предков Ибрагима Ганнибала бахар негашей, о которых до настоящего времени наша наука мало что знала. Он разговаривал с историками, художниками, поэтами; в архивах и библиотеках пересмотрел все старинные географические карты, чтобы точно определить, где, в каком месте сделал Ганнибал первые шаги на пути к России, как он попал в Турцию, по какой дороге его могли туда увез-

ти. Он жаждал узнать, что такое «Логань», о которой писал Пушкин в своих заметках о родословной.

Н. П. Хохлову удалось установить, что пушкинское «Логань» — это не имя, и вовсе не Логань, а лого — название народности, небольшого племени в провинции Тигрэ, в Эритрее. Что земли этой провинции были испокон веков известны как владения бахар негашей, из рода которых вышел Абрам Петрович, что бахар негаш — это не фамилия, а титул, звание, даваемое негусом Эфиопии начальнику северной части страны. Что слово «бахар» — значит в переводе «море», а «негаш» — правитель, губернатор. Бахар негаш — губернатор приморской провинции.

Образованные эфиопы знают о родстве бахар негашей с Пушкиным. Во многих домах висят на стенах портреты нашего поэта. К сожалению, в Эфиопии фамилии, как таковой, нет. Есть два имени: собственное и имя отца. Имя деда уже не сохраняется: деды, прадеды, прапрадеды, их дела, жизнь, чины остаются лишь предметом семейных воспоминаний. Вот почему так трудно отыскать следы предков Абрама Петровича.

И всё же Николай Петрович нашел. Потомки их сегодня живут в Добарве, что на реке Мареб. Это Кирос Хагос, его брат Гардмаш Хагос, дядя Хайле Техазге. Все они знают имя Пушкина, гордятся им. Хохлову показали развалины старинного дворца бахар негашей, церковь, единственную дорогу, ведущую к берегу моря. На вопрос хозяину Киросу Хагосу, не сохранилось ли у него каких-нибудь документов о бахар негашах, тот ответил отрицательно и сказал: «Прошло очень много времени. Частые войны разорили край. Мой дед хранил какие-то записи; материалы были у него и портреты бахар негашей. Всё отобрали итальянские солдаты. Наш род был когда-то знатным. А теперь мы крестьяне...»

Свой рассказ о предках «арапа Петра Великого»

Хохлов иллюстрирует интереснейшими фотографиями видов Мареба, Добарвы, развалин дворца и портретами потомков бахар негашей.

Мне удалось встретиться с автором книги, побывать в его доме, познакомиться с его коллекцией интереснейших предметов искусства и быта эфиопов, послушать рассказы Николая Петровича. Рассказ об истории жизни Абрама Петровича, основанный на эфиопских источниках, был им уже написан. Мы работали тогда над созданием музея в Петровском, и я попросил у него несколько фотографий видов родины Абрама Петровича для нашей экспозиции. Николай Петрович охотно согласился и передал мне несколько крупноформатных снимков Эфиопии и портрет Кироса Хагоса, а также несколько снимков с рисунков 1809—1810 годов английского путешественника Генри Солта, хранящихся в Национальной библиотеке Эфиопии, в их числе портреты бахар негаша Иясу и бахар негаша Суобхарта. Считается, что они могли быть четвероюродными братьями А. С. Пушкина.



В ВОССТАНОВЛЕННОМ ЗАЛЕ ДОМА ГАННИБАЛОВ В ПЕТРОВСКОМ

Дом Ганнибалов снаружи торжествен и красив. К нему ведет недавно отстроенная дорога, идущая из пушкинского Святогорья. Спокойно и властно легла она среди колхозных полей, нив и рощ — березовых, сосновых, еловых... А рощи — одна другой краше! Вдали, по сторонам дороги,— холмы, древние валуны, старинные деревни, некогда входившие в состав Ганнибаловской вотчины, с усадьбами теперешних рабочих совхоза «Крыловский», с чудесными фруктовыми садами, уютными сельскими баньками и амбарчиками...

День рождения Пушкина — это весна. В Святогорье всё в полном роскошестве, в цвету, благоуханье, соловьином пении.

Луга и поляны, парки и рощи заботливо прибраны, под ногами людей, идущих по аллеям и дорожкам, аппетитно хрустит свежий гравий.

Широко раскрылись ворота новой парадной ограды усадьбы. Над кровлей дома высоко взлетел флюгер, на котором изображен слон — родовой знак хозяина имения, Ганнибала. И парк, и дом предстоят в одной красивой картине, и каждому входящему кажется, что парк — это тоже дом, только в доме этом вместо потолка небо...

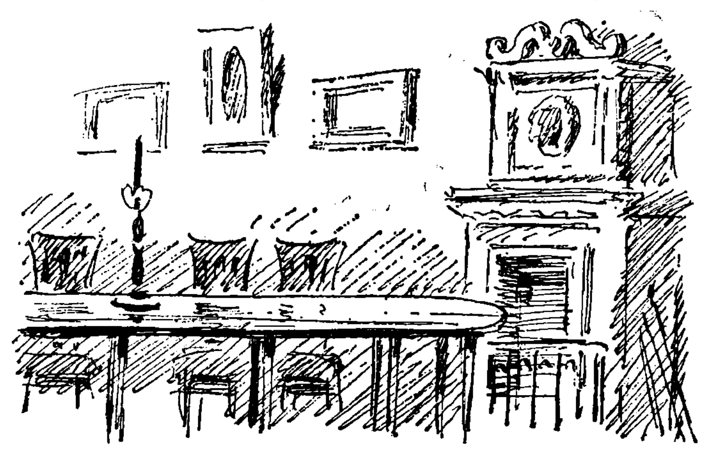
Площадка перед домом сливается с широким балконом, окаймленным, как кружевом, белой балюстрадой. Три широкие двери ведут с балкона в зал.

Зал большой, в нем и сто человек разместиться могут. Всё в нем просто, но простота торжественная и величественная. С высоких потолков свисают старинные медные люстры. На стенах — бра, парадные портреты Петра I

и его крестного сына арапа Ибрагима, картины, изображающие петровские баталии — первые сражения, в которых участвовал молодой Ганнибал: «Полтавский бой», «Битва при Гангуте»... У стены, что напротив балкона,— большой лепной камин, украшенный барельефом на военную тему, в углу, в дубовом киоте, «Спас нерукотворный» — образ, полученный Ганнибалом из Италии в 1724 году, и «Прославление отца Отечества — Петра Великого». Это подарок музею Государственного Эрмитажа.

Посреди зала огромный овальный стол, в центре доски которого выложена деревянной мозаикой надпись: «Anno 1742» — год признания заслуг и высоких наград «птенца гнезда Петрова», год основания сельца Петровского. Стол — копия парадного стола петровского времени, сделанная мастерскими Псковского мебельного комбината.

На столе и в витринах — подлинные ганнибаловские реликвии, приобретенные нами в последние годы в разных местах страны: личная печать Абрама Пет-



ровича, книги из его библиотеки, его письма и деловые бумаги, предметы, полученные нами в Государственном Эрмитаже, Литературном музее Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинском доме), Государственном историческом музее, Музее этнографии Академии наук, Всесоюзном музее А. С. Пушкина, и предметы, найденные во время археологических раскопок, произведенных в Петровском перед началом реставрационных работ...

Восстановленный зал дома Ганнибалов был подарком X Всесоюзному Пушкинскому празднику поэзии от нас, хранителей и сотрудников музея-заповедника, и реставраторов Псковской научно-реставрационной мастерской.



НА УСАДЬБЕ МИХАЙЛОВСКОГО

У входа на усадьбу Михайловского со стороны поляны, где народ собирается на Праздник поэзии, лежит большая «книга». Да-да, книга! Только она особенная, необычная. Это пруд, вокруг которого растут высоченные серебристые ивы, посаженные нами сразу же после войны взамен срубленных гитлеровцами. Когда они удирали из Михайловского, стараясь испакостить все вокруг, они даже плотину пруда взорвали и выпустили воду в Сороть.

Теперь этот пушкинский пруд стал еще более красивым, чем был. Он всегда полон свежей водой. В саду постоянно работает артезианская скважина: незримый насос подает сам воду, когда зеркало пруда этого хочет. Это еще одно «чудо», которое сделано нами в дополнение к тем чудесам, о которых Пушкин поведал в своей поэме «Руслан и Людмила».

У пруда всегда люди. Им здесь любо. Весной все слушают иволгу и соловья. Летом смотрят, как стаи карасей весело справляют свой свадебный обряд. Как и при Пушкине, сегодня этот «пруд под сенью ив густых — раздолье уток молодых». Тут паломники, особенно дети, угощают утят своими гостинцами — печеньем, пряниками, конфетами. Утята резво, наперегонки носятся по глади вод за угощеньем. Здесь всегда весело и радостно.

По вечерам раздаются серенады лягушек. Им вторят соловьиные рулады. А совсем недавно здесь поселилась — кто бы вы думали? — выдра! Чистые берега, свежая зелень, всегда ключевая вода, никаких охотников, купальщиков... Все это прельстило древнего на-

сельника Сороти, и она перебралась сюда. Нравится ей здесь...

Как-то осенью выдра переводила свое потомство с верхней части пруда к нижней, к плотине. Дело было вечером, на усадьбе пустынно, только какой-то фотограф ходит и щелкает своим аппаратом. Шла выдра по дорожке, а ей навстречу фотограф. Приметив зверя, он бросился в густой куст чумизы, стал на колени и приготовился снимать. И что бы вы думали сделала выдра? Она оставила своих ребятишек, а сама бросилась к фотографу, дала ему лапкой по физиономии и зашипела: «А ну, давай отсюда подальше, не видишь разве, кто идет!»

Особенно интересна эта «книга» зимой, когда пруд скован льдом, запорошен снегом. Смотришь утром на снег и читаешь следы ночных гостей Михайловского. Вот беличьи следы, вот следы косого, который летел куда-то в сад, несомненно, поглодать спустившиеся от мороза к земле яблоневые ветви. А вот следы горностая, прибежавшего на водопой... Он живет под домом, где обычно летом останавливается Михаил Александрович Дудин. Там горностай выводит свое потомство — зверята возятся, пищат... Один раз они так перепугали писателя, что тот всю ночь заснуть не мог.

А это что за веревочка из кругленьких следов, прямая, как по линейке? Это следы старого «друга» Михайловского — Лисы Патрикеевны. Она ходила к вольеру полюбоваться петухом и утками, сидящими в клетках... Что она им напевала-выговаривала — об этом в старинной сказке хорошо рассказано.

А это что за кружево из маленьких точек? Это куда-то перебегала мышка-норушка — полёвка...

А вот и следы ночных похождений моего михайловского «кота ученого» — Василия, который переловил всех мышей в домике няни, амбаре — повсюду...

А вот и диво-дивное — огромные, прямо лошадиные



следы! Они ведут к моей избе, к поленнице дров, к кустам смородины, к кормушке, где лежит зерно для пичуг. Это гулял здесь ночью лось. Он часто проходит по Михайловскому. Любит почесать пузо о штакетную ограду, попробовать ветви фруктовых деревьев...

Я люблю читать эту «книгу». Иной раз, по прочтении ее, то кормушку переставлю на другое место, то корму добавлю. А неподалеку от «Острова уединения» лесники наши поставили для лося стожок сена и лоток с зерном.

Когда вы идете по горбатому мостику и глядите на пруд, попробуйте сами почитать «книгу», о которой я вам поведал,— честное слово, жалеть не будете!



ЗА ОКНОМ МОЕЙ ХИЖИНЫ...

ТУЧА

За окном моей хижины — стоит высокая старая ель. Ей уже больше полутораста лет. Так утверждают лесоводы, но я и сам вижу, какая она старая. В осенние дни на вершину ее часто садятся серые тучи, им хочется отдохнуть, прежде чем лететь дальше, на юг, вдогонку за птицами...

— Эй,— кричу я туче,— куда это ты, растрепа, плывешь?

Она долго молчит. Ее корежит мозглятина, трясет свирепый ветер, и я еле слышу хриплый шепот:

— Лечу туда, не зная куда...

— Ну и лети с богом! — ору я.

И туча исчезает.

А я вновь припадаю к окну, и гляжу, и гляжу на все, что делается в саду, у речки, за холмом, смотрю глазами усталого старого кота. А на вершину ели уже уселась другая туча...

ЯБЛОНЯ

За окном моей хижины стоит яблоня. Я сажал ее сорок лет тому назад. Саженцу было тогда лет семь-восемь. А теперь яблоне уже под пятьдесят, и она старая-старая.

Яблони быстрее старятся, чем люди. Когда дереву пятьдесят лет, это значит, что человеку за то же время стукнуло сто. «Такова природа вещей», как сказал когда-то старик Лукреций.



Месяц назад люди увели с яблони ее веселых, румяных ребятишек, и дерево стало нищим, убогим и еще более дряхлым...

Я давно приметил, что яблоневое дерево, расстающееся с яблоками, старается спрятать хоть одного своего детеныша, спасти его от жадных человеческих рук. Прячет дерево своего последыша, помогают ему все сучья, ветви, листья. Ловко прячут, сразу ни за что не найдешь!

Долго висело последнее яблочко на моей яблоне. Где оно было спрятано — знали лишь яблоня да я. Я все смотрел на дерево и ждал того мига, когда яблочко пропадет, когда его заклюет свиристель, или украдет сойка, или сорвет и съест человек.

* * *

И вот однажды пришел в сад сторож. Долго и хитро разглядывал он каждое дерево, особенно

мою старую яблоню: задирал ей подол, тряс сучья, работал, как сыщик на обыске в несчастном доме... Глядел, глядел — и все-таки нашел, что искал. А яблочко то было не простое, а наливное, как вино в хрустальном бокале!

Сторож схватил яблоко, открыл пасть и исчез за углом.

— Эй, стой, куда ты? — крикнул я ему вдогонку.

Сторож повернул назад, подошел к моему окну, оскалил зубы и сказал весело:

— Здравствуйте, а я яблочко нашел!

— Вижу, вижу... приятного тебе аппетита,— ответил я и отвернулся.

* * *

За окном моей хижины стоит старая бедная яблоня. Она совсем голая. Голо и пусто всё вокруг. Голо и пусто и в сердце моем. Так бывает всегда в октябре, когда приближается снег.



ПУШКИНСКАЯ БЕЛОЧКА

Белка там живет ручная,
Да затейница такая!
Белка песенки поет
Да орешки всё грызет...

Пушкин

У Пушкина в Михайловском полным-полно всякой пернатой живности. Аисты, цапли, дрозды, клесты, синицы, дятлы разные, иволги — одним словом, все сорок сороков русских птиц. А скворцам и счету нет. Их, почитай, с тысячу будет. Вокруг только моего дома висят пятьдесят скворечников. Когда осенью скворцы готовятся к отлету на юг, они любят собираться здесь все вместе, старые и молодые, усаживаются на ивы около пруда, голосят на все лады. И кажется, что это не только они поют, а поет и вода, и деревья, и сам воздух. После отлета скворцов к их квартирам-домикам немедленно устремляются воробьи, синицы, белки.

Есть у меня под окном старая береза. Огромная, толщиной в метр, красавица. Она стоит рядом с прудом, на самом краю берега. Перед нею небольшая светлая поляна, вокруг которой венком расположились густые ивы, а дальше — фруктовый сад. Живет береза барыней, у нее всегда много и воды, и солнца, и защитников от ветров. Хотя она и старая, но выглядит очень молодо. Зелень у нее густая. Кора могучая, никакого сушняка не заметно. Из окна мне хорошо видна эта береза, я знаю все ее повадки и секреты, мне хорошо известно, когда и что с нею происходит, кого она принимает, кто у нее в гостях и о чем она ведет беседы с паломниками по пушкинским местам.

Я люблю делать для птиц скворечники, птичники, дуплянки. Просмотрел много книг с описанием, как некогда изготовлялись птичники. А делались в старину,

нужно сказать, чудесные домики — сказочные терема, и дворцы, и часовенки. Особенно понравились мне многоэтажные резные скворечники.

Вот я и соорудил в Михайловском скворечник-хоромы. Первый этаж с портиком, а второй — с резной антресолью. Уж не знаю почему, но домик показался моим скворцам подозрительным. Они долго его рассматривали и спереди, и с боков, и с крыши, заглядывали в окошко, но зайти внутрь не решались. Так мой домик и не был в тот год заселен. Я даже обиделся на неблагодарную тварь.

Прошло лето, прошла зима, и наконец показалась новая весна. И вот в один февральский день я увидел, что в моем домике есть жильцы. Это были белки — самец и самка. Самец облюбовал себе верхний этаж — антресоли, самка поселилась внизу.

Целыми днями они таскали в свой дом какие-то мебели и оборудование. Бывали дни, когда часами они сидели в своих хоромах, высунувшись в окошки, и о чем-то беседовали, поглядывая на мой дом.

Ни я, ни домашние мои — никто их не тревожил. Мы старались делать вид, что ничего не замечаем. Всем нам очень хотелось, чтобы белки к нам привыкли. Так это в конце концов и получилось. Белки стали подбегать к садовому столику, который издавна стоит под этой березой, и принимали наши дары: желуди, шишки, орехи, сахар, сушеные яблоки и грибы, которые мы с вечера им подготавливали. Спустя некоторое время я увидел, что супруг белочки скучает в одиночестве, его благоверная куда-то исчезла. Выяснилось, что у них прибавление семейства — пятеро маленьких бельчат.

Наконец весна совсем разгорелась, стали раскрываться почки на березе, и в окошечке появились малюсенькие зверьки. Когда они слишком высовывались из окошка, папа сверху угрожающе фыркал, мама кричала, в домике была слышна возня и писк. Вероятно,

папа и мама прививали своим детенышам необходимые культурные навыки.

Проходили дни. Я непрерывно наблюдал беличье семейство, стараясь увидеть всё, что происходит в домике. И вот однажды вижу, как выходит из дому белка-мама, а за нею гуськом бельчата. Шествие замыкает папа. Вот все зверьки уселись на толстый сук. Папа о чем-то поговорил с мамой и вдруг сделал в воздухе сальто-мортале. Перепрыгнул на другой сук и вернулся обратно. Потом он вновь перепрыгнул на сук, который поближе. Прыгнул медленно, словно показывая детям, как это нужно делать. И так несколько раз. Я успел разглядеть, что он присел на задние лапки, потом оттолкнулся ими от сука, выкинув лапки вперед. Мать и ребятки внимательно смотрели на папины упражнения. «Ну, вот так,— сказал папа,— давайте начнем...»

Бельчата запищали и стали растерянно ползать по суку, трясясь от страха. Тогда разгневанный папа бешено запрыгал с сука на сук и стал зло кричать на маму и детей. Испуганная мама прыгнула, за ней стали прыгать и малыши. Но один бельчонок всё же не решался оторваться от сука, к которому прижимался, и ревел благим матом. Наконец и он прыгнул. Сделал всё так, как учил отец,— присел на задние лапки, кинулся вперед, выставив передние лапки, но чуточку не долетел, успел только схватиться коготками за кору дерева да так и повис.

Всё семейство забегало, запищало. Вдруг малыш сорвался и полетел вниз на землю с высоты почитай десять метров. Я бросился к нему. Он лежал на боку, дергая лапками. Я осторожно взял несчастного зверька и побежал домой. Там положил его в мягкую шапку и стал думать, что же теперь делать.

Зверек оказался живучим и быстро отлежался.

На другой день утром я увидел, что скворечник на

старой березе пуст. Вся беличья фамилия исчезла. Остался лишь мой малыш.

Неудачник был еще совсем несмышленыш. Нужно было его кормить. А как кормить? Взяли мы глазную пипетку, согрели молочка и дали ему пососать. Он сразу же догадался что к чему. Через несколько дней пипетка уже не годилась, потребовалась маленькая бутылочка с игрушечной соской... Наш питомец ловко схватывал ее лапками и, зажмурив глаза, сосал молоко.

А потом всё пошло как по-писаному. Наш бельчонок стал быстро расти, шубка его делалась все гуще и красивей. За лето он вырос в великолепную белку.

Подошла осень. Поспели яблоки, орехи, грибы — до всего этого бельчонок был большой охотник. Назвали мы его Ваней. Эту кличку он запомнил, и сразу отзывался на нее. Потом к клетке я пристроил дупленку, куда он отправлялся на ночлег и где у него было свое одеяльце и кормушка.

Сидя в своей клетке, бельчонок стал делать запасы на зиму, складывать под одеяло орешки и грибы. Стоило подойти к клетке и сделать вид, что хочешь подобраться к его зимним запасам, как он начинал сердиться и спустя некоторое время перепрятывал запасы в другое место.

Раз-два в неделю мы выпускали его погулять. Что тут делалось! Он носился по комнате, делал фигуры высшего пилотажа, забирался на мою кровать, под подушку и оттуда вылетал как пуля и снова влетал в свою клеточку.

Особенно Ваня любил сахар и конфеты. Он знал, что у меня в пиджаке есть для него заветный кармашек, а в том кармашке — сладкое. Стоило мне войти в комнату и открыть клетку, как бельчонок прыгал на меня и бросался в карман, ухитряясь залезть в него весь целиком, набивая за щеки сладости.

Ваня знал, что я возвращаюсь с работы в пять часов. Это время сторож в Михайловском отбивает пятью ударами в старинную чугунную доску, и точно в этот час Ваня садился у окна, поджидая моего прихода...

Так прошла долгая деревенская зима, и вот вновь весна. Наш Ваня затосковал, стал каким-то другим: то лежит соня соней, то вдруг как с ума сойдет, такие начнет выделывать фортели.

Однажды я уехал на несколько дней в командировку в Ленинград. Вернувшись обратно, я увидел, что мои домашние смотрят на меня виновато.

— А где Ванечка? — спросил я.

Ванечки дома не было. Что же произошло? Оказывается, убирая комнату, забыли закрыть форточку. Зверек воспользовался этим, выскочил через окно в сад, только его и видели.

И вот теперь, когда я гуляю по Михайловским рощам и иной раз вижу рыжую белочку, шелушащую шишку, мне всё кажется, что это мой зверек, и я кричу ему: «Ваня!.. Ванечка!..»

Может, это и не моя белочка, белок ведь в Михайловском много, только я думаю, что это всё же моя, мой пушкинский Ваня.



ЕНОТЫ

И звери и птицы Михайловского привыкли к людям. С ними часто заигрывают белки, когда видят, что человек предлагает им пряники, орешки. На дорогах и аллеях можно увидеть енотов, которые шуруют по урнам для мусора.

Однажды я наблюдал такое. Возвращаюсь как-то ночью из Пскова в Михайловское, еду на машине по берегу Маленца. Дорога вбежала в темный лес. Вдруг посреди дороги показался некто с круглым фонарем. Шофер остановил машину. Выйдя из машины, я увидел... енота, на голову которого была надета стеклянная консервная банка. Вероятно, в поисках пищи он наткнулся на банку с остатками чего-то вкусного, просунул в нее голову, а вытащить обратно не смог. Вот и бегал по лесу, ища спасения, и в конце концов прибежал к человеку. Подойдя к зверьку, я быстро и осторожно схватил банку и стащил ее с головы енота — тот, почувствовав облегчение, моментом юркнул в придорожный кювет и был таков!

...Однажды одна тетя, гулявшая в лесу, подошла к вывороченному пню, у основания которого грелась на солнышке семья енотов. Енотихе показалось, что пришел охотник: она схватила экскурсантку за брюки. Та стала кричать благим матом на весь лес — сбежались люди. Енотиха со своими ребятами юркнула в нору. Экскурсанты долго смеялись над перепуганной тетей.

ЦВЕТЫ МИХАЙЛОВСКОГО

> **Цветок засохший, безуханный,**
> **Забытый в книге вижу я...**
>
> *Пушкин*

Когда погожим июньским днем вы ходите по пушкинским полянам, сорвите пучок травы и посмотрите — чего только нет в вашем букете! Тут и ромашки, и колокольчики, дикая гвоздика и куриная слепота, незабудка и фиалка, земляника и зверобой. В ваших руках цветочная краса здешнего края — пестрое смешение красок и ароматов. Всё это видел Пушкин. Говорят, что наши незабудки столь ярки потому, что они впитали голубизну михайловских озер и весеннего неба. Может быть, это и так. А может быть, они впитали в себя голубизну глаз Пушкина.

Случалось ли вам бывать в гостях у Пушкина летом, когда михайловское разноцветье и разнотравье ложится в «душистые скирды» на лугу возле дома поэта? Всюду, куда бы вы ни пошли, за вами следует запах теплого сена.

Бродили ль вы по парку в сентябре, когда отлетают золотые, желтые, бурые листья, когда всё кругом успокоилось и притихло в преддверии перемены времени года? И вдруг, неожиданно, как последний подарок уходящего лета, встретила вас на полянке у липовой аллеи запоздалая семья колокольчиков! У каждого она вызовет в душе что-то свое: один обрадуется, будто нашел жемчужное зерно, другой грустно улыбнется, но оба вспомнят пушкинские «цветы последние»...

Цветы украшали жизнь Пушкина. Они сопровождали его в радости и горести. Они обогатили его поэтический словарь, придали деревенским главам «Онегина» особый колорит.

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам душой... —

благодарно восклицает он.

Пушкин всегда любил цветы. В Михайловском полюбил их особенно. Всем сердцем он «стремился к жизни полевой, в деревню, к бедным поселянам, *к своим цветам*» (курсив мой. — *С. Г.*). «У меня на окне всегда цветы»,— благодарно писал он Прасковье Александровне Осиповой. Потом Пушкин принес хозяйке Тригорского свой поэтический дар — «Цветы последние...», которые для него были «милей роскошных первенцев полей»... Великий Гете, по чудесному выражению поэта Баратынского, «умел слушать, как растут цветы». Умел слушать и понимать тайный смысл цветов и Пушкин. Цветы были для него одним из тех лирических компонентов, которые составляли главное в его поэзии «жизни мирной».

Цветочное царство Михайловского поистине сказочно. Чего-чего тут только нет! Есть цветы, которые пришли сюда неведомыми путями еще сотни тысяч лет назад — из сибирской тайги, с альпийских лугов, есть цветы с востока, из южнорусских степей... Есть цветы, отцветающие, не успев появиться на свет божий, они — «как мимолетное виденье». Есть цветы, которые природа наградила даром долгой жизни. Ученые-цветоводы утверждают, что михайловской сирени более 250 лет! Есть цветы всякие.

Местное народное поверье угадывало в цветах разные символы. В альбомах уездных красавиц пушкинского времени часто можно не только читать, но и видеть лирические стихи и романсы. Они были изъяснены на языке нарисованных цветов. Считалось, например, что изображение цветов шиповника и гвоздики означает пылкую любовь, желтой розы — любовь без измены, навеки, лилии — чистоту верного сердца, подснежника — утешенье в печали, фиалки — скромность,

тюльпана — объяснение в любви, бархатца — поэтическое вдохновение. Все это, несомненно, знал Пушкин, как знали все люди в те времена.

В пушкинское время барометр был редкостью. Ему была исстари замена — цветок под названием ванька мокрый — сорт бальзамина. Ежели ожидается хорошая погода — вёдро, сочный стебель ваньки сух, а ежели непогода — с ваньки каплет вода. Не было дома, на окошке которого не стоял бы в горшочке ванька-«барометр». В Михайловском, как и в других сельских усадьбах, были цветочные часы. Они не требовали никакого ремонта, показывали же время очень точно. Известно, например, что летом цветы шиповника раскрываются в четыре часа утра, а закрываются в восемь вечера, мак раскрывается в пять утра, фиалка двухцветная — в семь, вьюнок в восемь часов и т. д. Такие «часы» росли в Михайловском повсюду.

Как и все смертные, Пушкин мог и прихворнуть: то насморк подхватит, то хандра на него нападет, то зуб заболит. Мало ли что с человеком случается! Лекарство от всех болезней было рядом с домом, на огороде,



в цветнике, на лугу, а лекарь — всё она, его «мамушка»,— Арина Родионовна. Она всё знала, про всё ведала — она была ходячей энциклопедией тогдашней сельской жизни. Простудился — пожалуйте принять кленового соку с парным молоком или взвару из цветов заячьей капустки, голова заболела — втягивайте в нос сок плющихи, прыщ вскочил на носу — выпей-ка настоя из анютиных глазок.

Одуванчик — милый, первый весенний цветок, похожий на солнышко, его в наше время выпалывают из цветников, как сорняк. При Пушкине к нему относились почтительно, считая эликсиром жизни. Корень его принимали при болезнях печени, настойка из цветов считалась лучшим средством от ожога. Ромашкой молодежь «золотила» в бане свои кудри. Настой из цветов барбариса снимал лихорадочное состояние заболевшего. Есть у меня старинная, конца XVIII века, рукописная книга в добротном кожаном переплете, написанная неизвестным псковичом. Купил я ее случайно лет двадцать назад на базаре в Опочке. Называется она «Записки о земных произращениях, цветах и благовониях». Чего-чего только в этой книге нет!

В конце XVIII века помещичьи усадьбы на Псковщине запестрели яркими красками гвоздики, анемонов, мячиковых георгинов, левкоев. Стали появляться куртины сирени, белых, красных и желтых роз, впервые завезенных в Россию еще в XVII веке. Стали заводить клумбы с бархатцами, с геранью, которую рекомендовал для садов Петр I, устраивать цветочные куртины, партеры, клумбы, вавилоны, пилигрины, лабиринты. Обо всем этом рассказывается в моей замечательной книге. Она позволила определить многие старинные сорта цветов и фруктовых деревьев, помогла найти нужный рисунок цветников, установить, где в Михайловском находился «парнас», а где «лабиринт». Она заставила меня организовать поиск цветов, характерных для

русского сельского садово-паркового искусства пушкинского времени. Поиск увенчался успехом: удалось найти интересные сорта шиповника, фиалки, сирени...

Долго искал я цветок, ставший в наше время исключительной редкостью,— клен-малину. Нашел я его в двадцати километрах от Михайловского, в бывшей усадьбе приятельницы Пушкина Евпраксии Николаевны Вревской (Вульф), у которой как-то, будучи в гостях, Пушкин сажал в саду деревья.

Сегодня кусты этого цветка вновь украшают сад поэта. Листья цветка — подобны кленовым листьям. Цветет он, как шиповник, душист, как малина, и весел, как праздничный ситец. Весною и летом цветет себе и цветет...

Как память о горячем почитании памяти Пушкина звучат названия «пушкинских» цветов, вывезенных в разное время из Михайловского учеными и любителями-селекционерами. А много лет тому назад крупнейший русский естествоиспытатель Дмитрий Петрович Кайгородов посадил здесь новый цветок в память Пушкина. Такого цветка раньше в Михайловском не было. Об этом он писал 10 мая 1907 года А. Ф. Онегину — известному собирателю пушкинских реликвий: «Я привез в Михайловское и посадил в честь поэта цветы — «Пушкина зеиллоидес» — маленькие луковичные растения, родом, кажется, из Персии. Первоцветы его в виде баранчиков зацветают 20 апреля — 3 мая (старого стиля. — *С. Г.*)». Эти цветы быстро распространились в садах Михайловского и Тригорского.

В юбилейный 1949 год цветоводы Прибалтики удивили нас — работников заповедника — цветочными подношениями. Из Таллина, Тарту, Риги поступили новые сорта георгинов, гладиолусов, пионов, хризантем, названных их авторами именами героев пушкинских произведений: «Онегин», «Татьяна Ларина», «Ленский», «Арап Петра Великого»... Цветы эти были привезены в

Пушкинские Горы и благоговейно возложены на могилу поэта, а часть их высажена в цветники Михайловского.

Михайловские цветы и травы изучались многими ботаниками. В 1970 году в издании Ленинградского государственного университета вышла в свет книга «Конспект флоры Псковской области». Эта книга — итог многолетнего труда большой группы ленинградских ученых, среди которых я должен назвать имя ученого-ботаника Н. А. Миняева — моего школьного товарища. Будучи в Михайловском, он помог мне распознать забытые старинные растения и новые, появившиеся здесь в послепушкинское время. Так, например, он установил виды древнейших сортов сирени, культура которой была известна на Псковщине уже в конце XVI — начале XVII века. Им был обнаружен в Тригорском куст такой сирени, какой больше нигде на Псковщине нет.

Как-то, будучи в заповеднике, ленинградский селекционер, доктор биологических наук П. Ф. Медведев обратил внимание на одно растение на полянке, возле аллеи Керн, показавшееся ему интересным с точки зрения селекционера,— это была разновидность ежи сборной. Он взял семена растения, увез их к себе в Ленинград и высадил в лабораторной теплице. Растение прошло основные этапы селекционного процесса. И вот оно размножено и высеяно для конкурсной оценки. Изучение его на урожайность продолжалось пять лет. Сорт, выведенный из образца, собранного в Михайловском, был назван ученым Пушкинским. Делясь со мной этим радостным известием, П. Ф. Медведев писал: «Название сорта занесено в Государственную книгу „Сорта Советского Союза“».

Замечательная трава эта, урожайная, питательная, долговечная, растет на одном месте многие, многие годы. Она будет служить нам — хранителям заповедных лугов и газонов — великолепным средством, чтобы содержать травяной покров всегда опрятным, изумруд-

ным, ибо пушкинская ежа не терпит соседства с пустяковыми и мусорными травами.

Михайловское всегда было царством цветов и трав. Люди не только берегут это царство, но и приумножают это богатство во славу великого поэта — певца русской природы.



ГЕРБАРИЙ

Когда Пушкин приехал в Михайловскую ссылку, первыми его встретили цветы. Они ведь тут всюду, и всюду разные, разные во всякое время года. В своих стихах Пушкин не только упоминал цветы, но старался раскрыть их душу.

Предчувствуя свою гибель, Пушкин просил жену не забывать Михайловское, похоронить его на этой земле. Наталья Николаевна выполнила его желание. Она приезжала сюда дважды, в 1841 и 1842 годах. Она позаботилась о возведении памятника на могиле поэта. Она взяла у местных крестьян клятвенное обещание беречь пушкинскую землю, ее парки, сады и рощи. Она привезла сюда детей и с ними и со своими родными и знакомыми участвовала в «ботанической экспедиции» по Михайловскому и его округе.

В 1841 году вместе с Натальей Николаевной в Михайловском жили ее сестра Александра Николаевна и ее знакомые Густав и Наталья Ивановна Фризенгофы. Наталья Ивановна была приемной дочерью тетки жены Пушкина, Софьи Ивановны Загряжской.

И вот Фризенгофы, Наталья Николаевна и ее дети, решили на память о поэте собрать гербарий цветов и трав Святогорья. Они обошли поля, луга, парки Михайловского, Тригорского и даже побывали в Острове, куда ездили в гости к своим знакомым Корсаковым.

Растений было уже не так много. Утренние заморозки сделали свое дело: «экспедиция» работала с 15 августа по 7 сентября.

Собранные образцы засушили и на отдельных листах альбома сделали композицию. Командовала



Н. И. Фризенгоф — любительница ботаники и хорошая рисовальщица. Композиции были довольно красивые, напоминали гравюры. Под каждым засушенным растением ставилась дата сбора и имя того, кто его принес,— «Маша, Гриша, Ната, Таша (Наталия), Александра Гончарова, Анна Вульф, Густав». Надписи сделаны по-французски. Над растениями кроме дат и цифрового обозначения собирателя указаны места сбора: Михайловское, Тригорское, Остров. Растения, представленные в гербарии,— это широко распространенные на Псковщине при Пушкине и в наши дни вереск, полевой хвощ, тысячелистник, пижма, плаун, купырь... В гербарии есть и культурные растения — космос, кореопсис, гайлярдия, петуния...

Просматривая цветы в сегодняшних рабатках, клумбах, газонах н парковых полянах, мне удалось найти все, вошедшее в гербарий 1841 года.

У кореопсиса много разновидностей — свыше двадцати. Михайловский кореопсис боится холода. Размножается своими семенами, растет на усадьбе. Космос, или, как его псковичи называют, «красотка», цветет весьма живописно, живет до заморозков. У него несколько сортов, наш сорт называется «Слава». Петуния — один из главных декоративных цветов старинных помещичьих парков. У нее много названий: «вероника», «цельсия», «лужица», «мытник», «наперстянка», «львиный зев»... В Михайловском его можно всегда видеть на околице усадьбы. Гайлярдия — цветок садовый, многолетний, красиво цветущий, разных оттенков. Прибыл в

Россию в XVIII веке из Франции. Название свое получил от фамилии французского ботаника Гайлярда. Есть десять сортов его. Я нашел этот цветок в Михайловском, на окраине фруктового сада.

Гербарий Михайловского — это отнюдь не все цветы, растущие в нем. Составители не ставили своей целью собрать все цветочное царство Михайловского. Это был только альбом на память — сувенир.

Гербарий сохранился до наших дней. Он был семейной реликвией Пушкиных. Потом попал в Бродзяны — имение Г. Фризенгофа, который в 1852 году женился на сестре Натальи Николаевны — Александре.

Сегодня альбом находится в Литературном музее Пушкина в селе Бродзяны, неподалеку от западнославянского города Партизанска. Часть его была передана чешскими коллегами Всесоюзному музею А. С. Пушкина в Ленинграде.



ПТИЦЫ МИХАЙЛОВСКОГО

...Воронич, Воронково, Синичино, Жаворонково, Щеглы, Дятлы, Голубы, Белагули, Коростели, Сорокино, Журавлево, Ястребово, Дрозды, Луни, Воробьево, Галки, Дупли, Луговка...

Из названий деревень, расположенных в округе Михайловского.

„ИВОЛГИ НАПЕВ ЖИВОЙ“

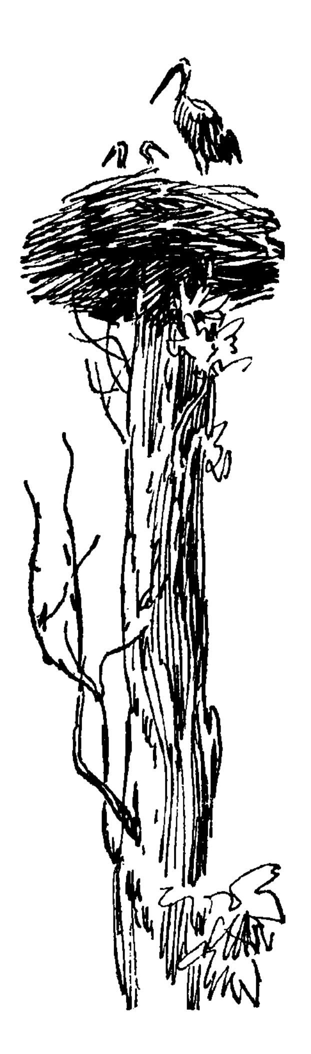
Я прожил в Михайловском полжизни, видел и знаю его во сне и наяву. Давным-давно, еще в сороковых годах, на месте руин и пепелища начал я сажать кусты и деревья, цветы и травы, разводить птиц и зверей. Потом сдружился с ними. Многое понял, чего раньше не знал. На моих глазах молодые ели и сосны, липы и вязы стали пожилыми, и мне кажется, что я наконец понял, какими мог видеть их Пушкин. Мне стал ближе пушкинский мир природы с ее птицами и зверями, понятнее стали «дольней лозы прозябанье» и «незаменные три песни» соловья...

Изучая птичье царство Михайловского, я много думал о животворной его роли в жизни Пушкина и пришел к заключению, что мир птиц привел поэта к новому состоянию, помог ему подняться над своей судьбой. Правда, Пушкин в своем творчестве ни разу не упомянул многих здешних пичуг, которые всегда были у него на глазах. В словаре Пушкина мы встречаем лишь аиста, вóрона, ворону, вальдшнепа, галку, голубя, иволгу, индейку, канарейку, кукушку, кулика, коршуна, курицу, ласточку, лебедя, орла, петуха, пустельгу, рябчика, синицу, скворца, сокола, соловья, сороку, утку, ястреба.

Мы не встречаем ни трясогузки, ни снегиря, нет дятла, жаворонка, поползня, клеста, свиристели, овсянки, зяблика, лазоревки, пеночки, славки, горихвостки и многих других птиц. Но ведь не мог же Пушкин не слышать их сольных концертов, их хорошего пения! Став «пророком», он научился слышать душу всего сущего на земле, и даже «гад морских подводный ход» услышан был им.

Живя в Михайловском анахоретом, Пушкин не мог не видеть и не слышать того, что видим и слышим мы, обретающиеся здесь сегодня. А мы видим и слышим, как живут, поют, наблюдают за нами горлица, дрозд, скворец, зорянка, ласточка, славка...

Пушкин любил птиц. Целыми днями он пропадал в лесу тенистом, внимая птичьим пересвистам. В те времена существовало поверье — если пойдешь в лес утром, натощак, услышишь кукованье кукушки и спросишь у нее, сколько тебе лет еще жить, то сколько раз она в ответ прокукует — столько, стало быть, и жить будешь. Иной раз и Пушкин, гуляя по лесу, кричал: «Кукушка, кукушка, сколько лет осталось мне здесь жить-горе-



вать?» — и она ему куковала, а он считал; если «ку-ку» было одно-два — радовался, а ежели считал до десяти, а то и до двадцати, то свирепо рычал на нее: «Болтушка окаянная, ну погоди, ужо свернет тебе ястреб шею!»

Птичье пенье пробуждало в нем творческие мечты.

> В гармонии соперник мой
> Был шум лесов, иль вихорь буйный,
> Иль иволги напев живой... —

писал он в своем «Разговоре книгопродавца с поэтом», вскоре после того как прибыл в михайловскую ссылку.

Прекрасная песня иволги, услышанная Пушкиным в Михайловском, показалась ему достойным соперником его гармонии. Наряду с соловьем это самая голосистая, мелодичная птица. Ее можно назвать концертмейстером здешнего птичьего хора. Голос ее удивительно чист и нежен, он слышится в садах и рощах во всяк час летнего дня, когда солнце освещает и согревает всё живое, всё сущее на земле. Эта трехколенная песня столь душевно пронзительна, что мне всегда кажется, что ее слышит и глухой.



Птичий хор — одно из величайших наслаждений, какие доставляет природа человеку весной и летом. Скворец, зорянка, дрозд, горихвостка — запевалы этого хора. За ними начинают заливаться зяблики, славки, синицы, мухоловки, пеночки-теньковки. К

восходу солнца весь птичий хор в сборе. Особенно умилительна пеночка. Она обычно поет, неустанно порхая и прыгая с сука на сук, с дерева на дерево. Она первая прилетает сюда с юга, первая пробуждает дремлющий лес. Она мастер тонкой трели и очень высоких нот. А есть птичка, которая выпевает свои громкие переливчатые трели в Михайловском и зимой, когда сидит в снегу, почти зарываясь в нем, или на заснеженной ветви ели. Это птичка-малютка, у нее хвостик, как вымпел, всегда поднят к небу. Эта чудо-птичка — крапивник.

Есть птицы, которые поют в Михайловском и по ночам. Кроме соловья, это камышевка, козодой, сова...

„РОДНОЙ ОБЫЧАЙ СТАРИНЫ"

Мир птичьего Михайловского был безграничен. Он был великим утешителем и целителем поэта. Птицы были всюду. Не только в рощах и лугах, но и в самой усадьбе. Соблюдая «обычай доброй старины», в его доме, в светлице няни, водились чижи и канарейки, а около дома — голуби, скворцы и ласточки, за которыми ухаживала Арина Родионовна.

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

В этом незаконченном стихотворении, оставшемся в бумагах Пушкина без даты, ощущается реальная ситуация, в которой находился поэт в своем Михайловском доме в годы ссылки.

Долгими зимними вечерами няня часто напевала поэту здешние народные песни. Особенно полюбилась Пушкину старинная «птичья» песня о том, как «Синица за морем жила».

За морем синичка жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмелю взаймы взяла,
Черный дрозд пивоваром был.
Сизый орел винокуром слыл.
Соловушка-вдовушка незваная пришла.
Синичка по сеничкам похаживала.
Соловушке головушку поглаживала.
— Что же ты, соловушко, не женишься?
— Рад бы жениться, да некого взять.
Взял бы ворону, да тетка моя,
Взял бы сороку — щепетливая она.
Взял бы синичку — сестричка моя.
За морем живет перепелочка,
Она мне не мать и не тетушка,
Ее-то люблю, за себя замуж возьму...

Вот теперь все идут в Михайловское на поклон к Пушкину и его няне. Идут простые люди и непростые — художники, поэты, артисты... Иные приходят рано утречком, когда здесь никого еще нет. Им хочется побыть с Пушкиным наедине.

«Я, как завороженный, ходил здесь и пел, пел всё пушкинское, что знаю и над чем работаю»,— рассказывает в своих воспоминаниях о поездке в Михайловское наш замечательный певец Борис Романович Гмыря. «Я пел белкам и скворцам... Мне так хотелось спеть нянину «Синицу» в ее светлице, что я не утерпел и попросил разрешения у хранителя музея... Я пел с таким задором, с каким пел редко, ибо пел я воображаемой старушке, ее лежаночке, пел Пушкину. В няниной «Синичке» мне мерещился сам Пушкин в образе синицы, принимающей гостей со всех волостей...»

В доме Пушкина, за что ни возьмись, всюду птицы: тканые, вышитые, нарисованные: на полотенцах, скатертях, салфетках, простынях. Ведь птицы и знаки птиц — всё это знаки добра, здоровья, это символ радости жизни, плодородия земли... Сел за стол писать — брал в руки перо гусиное, или лебединое, или аистиное.



Велел самовар подать, чтобы чаю испить, а у самовара кран в виде птичьего клюва. Подошел к горшку-водолею руки помыть, у того носик от «золотого петушка». Обедать сел — на столе тарелки и блюда фаянсовые, расписанные птицами... А весною к утреннему чаю на стол подавались печеные крендельки — «жаворонки».

Весною птиц выпускали из клеток на волю... Даже там, на юге, «на чужбине», Пушкин «свято наблюдал» этот «родной обычай старины», обычай древний и трогательный. 25 марта с началом весны, в благовещенье, люди выпускали на волю птиц, до того долгую зиму сидевших у печей.

В пушкинское время было немало стихов на эту тему. В них обычно писалось о радости освобожденной птички, о пробуждающейся весне, о празднике природы. Такие стихи можно было встретить почти в каждом доме, в семейных альбомах друзей и знакомых Пушкина. Листы таких альбомов украшались набросками покинутых птичками «золотых клеток», рисунками, изображающими пичуг, порхающих среди цветов...

Одно из таких стихотворений принадлежит современнику Пушкина, малоизвестному поэту Федору Туманскому. Оно было написано в 1823 году. Пожалуй, это единственное произведение Туманского, которое осталось в памяти народа. Напечатанное в 1827 году, оно пользовалось огромной популярностью.

Вчера я растворил темницу
Воздушной пленницы моей:



Я рощам возвратил певицу,
Я возвратил свободу ей.

Она исчезла, утопая
В сиянье голубого дня,
И так запела, улетая,
Как бы молилась за меня.

Однажды в Тригорском одна из «дев гор» — Анна Николаевна Вульф стала просить Пушкина написать ей в альбом какое-нибудь стихотворение. Пушкин долго отнекивался, потом согласился и написал... «Птичку» Ф. А. Туманского.

В 1823 году написал свое стихотворение «К птичке, выпущенной на волю» А. Дельвиг. Пушкин знал стихи Туманского и Дельвига, и в том же, 1823 году, уже на юге, написал свою «Птичку» с тем же количеством строк, что в стихотворениях Туманского и Дельвига.

В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.

Я стал доступен утешенью;
За что на бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!

Посылая эти стихи Н. И. Гнедичу, поэт писал ему: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в светлое воскресенье выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это».

Современники Пушкина, разделявшие с ним тяжесть общей неволи, искали в этих стихах аллегорический смысл. Одни понимали, что суть этой песенки не столько в птичке, сколько в самом авторе, его намеке, не дарует ли наконец и ему царь свободу. Иные истолковали «Птичку» как призыв поэта к освобождению

всех невинно осужденных людей. Но были и такие читатели, у которых «Птичка» вызывала не умиление и доброе размышление, а раздражение. Они чувствовали в ней старый «деревенский» мотив крамольного Пушкина — призыв к освобождению крепостных крестьян. Так, один псковский крепостник-помещик завел в своей библиотеке специальную тетрадь для записи подозрительных, по его мнению, пушкинских стихов; на обложке ее написал: «Собрание ненапечатанных стихотворений А. Пушкина и других. С примечаниями хозяина книги, начатой в 1824 году 1 августа». Первое стихотворение, которое он записал в свою книгу, была «Птичка». Под текстом стихотворения он сделал ехидное примечание: «А выпускает ли на волю сочинитель своих лошадей?..»

Свято соблюдал Пушкин этот прекрасный народный обычай в Михайловском, как, впрочем, соблюдал и многие другие народные обычаи и обряды. Мне кажется, что, будь на то у поэта власть, он скупил бы всех птиц, посаженных людьми в клетки, и выпустил их на свободу.

ЖИВЫЕ ЭКСПОНАТЫ

Из окна своего кабинета, вероятно, не раз Пушкин наблюдал за веселой белобокой птицей сорокой, разорительницей чужих гнезд — мастерицей жить за чужой счет. Эту птицу можно встретить в Михайловском повсюду: и возле ворот на усадьбу, и у крыльца дома-музея, и около ларька, где торгуют сувенирами. Она падка на всё, что плохо лежит,— карандаш, монета или носовой платок... Зазевается какая-нибудь старушка, положит свою сумочку на садовый диван — сорока тут как тут и даже пытается лапками открыть замочек...

«Скачет сорока возле дома — гостей пророчит», «На своем хвосте сорока дому вести приносит»,— говорит

народная примета. Пушкин хорошо знал эту примету. В незаконченном стихотворении «Стрекотунья белобока», датируемом 1829 годом, он говорит:

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей...

Он любил хаживать к «пруду под ивами». Долго смотрел на его спокойные воды, разглядывая то карасей, весело справлявших свой свадебный обряд, то ворону, охотившуюся за малыми утенятами, то уток-молодух, плывущих за крошками хлеба, которые кидал им дворовый мальчик. Утки резвились и громко хохотали: «Кхря-кхря-кхря!» Он в ответ им ловко подражал, и они вместе хором крякали и потешались. Смотря на их игры, он чувствовал себя веселым, как птица. Так весело ему не бывало никогда.

Потом, в тридцатых годах, когда мечты о свободной, независимой жизни в деревенском поместье — «обители трудов и чистых нег» — получили у Пушкина особенно устойчивую форму, он с грустью вспоминал в своих «Отрывках из путешествия Онегина» об этом чудном уголке природы и его птичьем раздолье...

Много лет я держал дома чижей, синиц, голубей и канареек. Канареек растил, чтобы потом поместить их в светелку няни в качестве музейного экспоната. Моя канарейка Таня научилась петь под аккомпанемент фортепьяно и гитары. В ее песне ясно слышалось человеческое — «люли, люли, люли...». Она любила мое доброе слово, постоянно обращенное к ней и утром, и днем, и вечером: «Пичужка моя!..»

В экспозиции музея Таня пробыла недолго, меньше недели: ее буквально замучили своими ласками посетители... Теперь в светелке осталась от Тани пустая клетка, сделанная мною по старинному образцу...

НА ОЗЕРЕ КУЧАНЕ

Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон...

Пушкин

Дом, в котором я живу, стоит на окраине усадьбы Михайловского. Окна его расположены по четырем сторонам света. Через них я всегда могу видеть всё, что захочу,— пушкинский сад, голубятню, пасеку, Сороть и дали за ней, и «пруд под сенью ив густых», и кто куда идет и по какому делу... Дому этому уже более ста лет. В нем всегда жили управители имения. А теперь живу я, вот уже сорок лет.

Зимой, когда от снегов всё вокруг бело, Сороть застывает и становится почти незаметной, сливаясь с озером Кучане. Тогда озеро кажется особенно большим, потому что его края растворяются в бескрайних заснеженных лугах.

Как только лед окрепнет, на озеро приходят рыбаки с удочками. Они вырубают во льду лунки, устраивают из хвои седалища и начинают трясти свои маленькие удочки. Трясут, пока не стемнеет. Ловят обычно всякую мелочь, и редко-редко кому удается поймать большую рыбину.

Тогда в Михайловском всё приходит в движение. Рыбину приносят на усадьбу, экскурсанты смотрят, ахают, пытаются торговать...

Заканчивая ловлю, каждый рыбак, прежде чем покинуть озеро, опускает в свою лунку жерлицу с живцом — маленькой плотицей или какой другой рыбкой: авось ночью жадная щука схватит рыбку с крючком.

Поглядывая на рыбарей, вижу я непременных спутниц их — ворон, сидящих на низеньких прибрежных ивах.

Сидят вороны весь день, безмолвно и зорко наблюдая за рыбаками. Но вот рыбари начинают сворачи-



вать свои снасти, опускают жерлицы в проруби, подвязывают концы их к колышку или ледышке и уходят. И тут сразу же, как по команде, на их места прилетают вороны. Они тщательно всё осматривают, ищут, не осталось ли чего после рыбаков, какой-нибудь крошки, которой можно поживиться. А затем начинают таскать из воды жерлицы. Схватят за конец у колышка и тянут, пока не покажется живец.

Знает ворона, что вкусный живец — на крючке, потому, вытащив его, расправляется осторожно, чтобы самой не попасть в беду.

Много раз наблюдал я за этими птицами, но ни разу не видел, чтобы хоть одна из них попалась на крючок. Очень сообразительная птица серая ворона, и живет она и трудится только там, где человек, хотя и относится к нему с большой опаской. Вероятно, поэтому у нее и повадки эдакие человечьи. Лесники считают ее вредной, потому что она не только ловит полевых мышей, но и разоряет птичьи гнезда, истребляет птенцов, зайчат и другую мелкую живность, населяющую заповедный край.

ЛЕБЕДЬ НА СОРОТИ

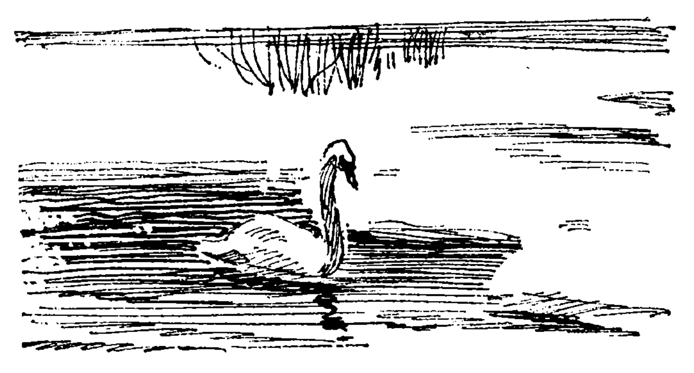
Я люблю смотреть на Сороть, всегда люблю: весной и летом, осенью и зимой. В ней я вижу начало начал прославленного ландшафта Михайловского. Она бескрайна и уютна, величественна и интимна. В ней ощущаешь великое совершенство пушкинской природы, бесконечность пространства, нескончаемого во времени. Здесь, конечно же, здесь пронзило великое видение Пушкиным России и ее таинственного духа...

У берегов Сороти он видел все сущее — воду-живицу,

поющую, вопиющую, спящую, чудеса творящую. Вокруг нее старое, новое, вечное: селища, городища, холмы, нивы, дедовцы-зимари, колдовские камни, знаки, дорожки, ведущие куда угодно, и даже «к богу в рай, на самый край...».

Здесь пролегает осенняя трасса, по которой идет перелет птиц из Египта в Мурманск, из Никарагуа в Псков, из болгарского Пловдива в Пушкинские Горы. На древнем озере Кучане пролетающие птицы — гуси, утки, лебеди — обычно отдыхают. Бывает иной раз, проходишь по берегу, сядешь на лаву, знаешь, что вокруг никого нет, и в то же время понимаешь, что все-таки есть кто-то. И вдруг видишь цирковой прыжок какого-то зверя. Кто это? Это выскочила из своей норы выдра и бросилась в речку. Ах, как красиво, с какими фокусами купается она!

Однажды, когда пришла зима на Сороть и Кучане и сковало их льдом, вода текла открыто лишь в устье реки. Проходя по берегу, я вдруг услышал странный крик. Стал вертеть головой туда-сюда и вдруг увидел... лебедя, который в торжественном одиночестве важно плавал от берега к берегу, то вверх по течению, то вниз...



С тех пор я целый месяц каждый день по утрам шел на Сороть и смотрел на своего красавца и кричал ему: «Здоро́во!» Он молча отплывал от берега. Так было в ноябре. Вскоре я уехал в отпуск. Вернулся во второй половине декабря. И сразу же побежал на Сороть. Смотрю — лебедь мой на месте. Все как прежде было.

Но вот неожиданно в Михайловское пришла оттепель. Все раскисло. Дождь лил целую неделю. Затрещал лед. Вода хлынула на берега и затопила все, как это обычно бывает весной, а не зимой... Лебедю стало вольготней. Изредка он стал подплывать к лаве, выскакивать на южный берег и подходить все ближе к дороге, которая ведет к моему дому. Он останавливается, поднимает голову и слушает, как мои домашние гуси и утки резвятся на «пруду под ивами» и радостно гогочут. Лебедь слушает их голоса. Замирает. Что-то чудится ему. Видно, хочет подлететь ближе к пруду, познакомиться с моими зимородами, но не решается.

Каждый день подходя к Сороти, смотрю на своего лебедя и думаю: «Ох, ох, спаси бог птицу. Только бы какой-нибудь прохиндей-охотник не подстрелил ее!»

Как-то рано утром, делая обход усадьбы, я подошел к плотине, что у «пруда под ивами», стал смотреть на Сороть — искать глазами своего друга. Вижу — тут... Он подплыл, прилепился к кромке берега, засунул голову под крыло и замер... Вдруг из воды выскочила выдра и прыгнула на спящую птицу. Дикая уточка, что была неподалеку от лебедя, громко крякнула, взлетела к небу и понеслась в сторону Савкиной горки. Лебедь встрепенулся, раскинул свои широкие крылья, словно орел на старинном знамени, взвился над водой и прыгнул на зверя. И вдруг исчез... Мне показалось, что выдра схватила его за ногу и юркнула с ним под воду, в свою нору. «Конец! Конец!» — подумал я. Долго стоял, смотрел, смотрел, но так и не увидел больше своего друга. Конец... «И се заплакася горько», пошел домой. Через

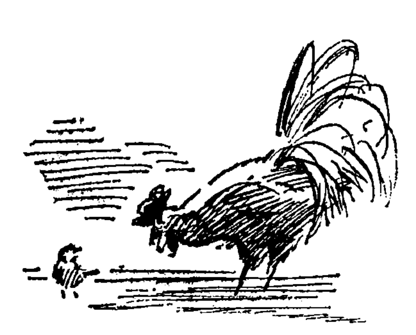
час-полтора опять иду по плотине и по привычке поворачиваю голову к Сороти и — глазам не верю... Вижу чудо! Мой красавец на месте — жив! Опять гордо и величественно плавает по Сороти. Урра!

ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК

Зима на пушкинской земле бывает капризная — «то как зверь она завоет», то такими снежными сугробами все занесет, что еле-еле доберешься до Михайловской усадьбы. У дома Пушкина сугробы высотою в два метра и выше. Холодно. Куда-то попрятались все птицы. И только в домах, где люди, повсюду тепло. Теперь в Пушкинских Горах и в округе печи не только дровяные, как были при Пушкине, но и газовые, электрические, паровые...

Только у птиц все как было встарь. Для них такая зима — беда! Все в снегу: и земля, и деревья, кусты и кормушки. Все похоронил снег...

У меня дома свое птичье царство. В нем не только воробьи, голуби, утки, но и поползни, синицы, дятлы, сойки и... Золотой петушок. Петухи особенно боятся морозов. А мой петух не простой, а ученый — пушкинский, летом все им любуются... Вот я и решил благоустроить его вольер: обил стены дерюгой, на пол положил соломенный тюфячок, двери обил войлоком, провел внутри электричество. Лампочка большого накаливания не только светит, но и греет петушиную хибарку. В стенке домика я сделал дырку — вентилятор с задвижкой. Благодать!



Стал мой Золотой жить в полном благополучии. Узнавши про его блаженство, местные воробьи, ютившиеся под застрехой дома, стали залетать в вольер через «вентилятор». В петуховой хоромке не только тепло и светло, в ней и кормушка с зерном и хлебными крошками, и кринка с теплой водицей... Сперва прилетел воробышек-разведчик, а за ним и целая стая. Петя против гостей не возражал. Одиночество ему было в тягость. А тут — целая стая веселых пичуг. Одни стали пете перышки чистить, другие песенки чирикать, третьи плясать...

Поначалу, когда я утром приходил в вольер, чтобы его почистить и накормить хозяина и гостей, воробышки забивались от страха в угол, под потолок. Потом привыкли. Как только открывал я утром двери, все хором кричали:

— Здравствуйте, Семен Степаныч, здравствуйте!

— Ну, как вы тут живете? — спрашивал я.

И все хором мне отвечали:

— Дружно, дружно!

А мой Золотой радостно пел:

— Ку-ка-реку!

ВОРОБЕЙ-РАЗБОЙНИК

Весна. Как всегда, над карнизом дома Пушкина ласточки слепили гнездо. И вот какой-то местный воробей-прохиндей решил присвоить себе его. Очень уж оно ему понравилось. Залез в чужой дом, закричал: «Мой, мой дом, мой, мой...» Как ни старались ласточки изгнать насильника — ничего не получалось. Воробей топорщил крылья, лез в драку... Отлетели в сторону бедные хозяева, стали взывать о помощи. Слетелась целая стая птиц. Посмотрели на воробья и улетели. Вскоре стали прилетать обратно. У каждой птицы в клюве был кусочек земли. Одна за другой они стали подлетать к гнезду

и заделывать отверстие. Вскоре воробей оказался замурованным, и стая разлетелась. Пленник поднял неистовый крик.

Глядючи на все это действо, пожалели мы воробья. Принесли лестницу, вскрыли «тюрьму». Воробей выскочил из гнезда, как из пушки, и был таков. А ласточки вернулись в свой домик и запели радостную песню.

Совершенно толстовская история!

„ЧУВСТВА ДОБРЫЕ"

Когда в 1962 году замечательный русский художник Сергей Тимофеевич Коненков приезжал в Михайловское, он как-то по-особому слушал здешних птиц. Он долго смотрел на игру голубя турмана в небе, на купанье белых голубей в пруду, а прослушав пенье канарейки Тани, растрогался чуть не до слез и сказал: «Знаете, про что здешние птицы пели Пушкину? Они пели ему про «чувства добрые», про рай, дорогу в который он искал всю свою жизнь. Михайловское и было для него раем. Незадолго до смерти он это хорошо понял, и стремился только сюда. Лучше Михайловского он на всем свете места не нашел. Теперь его тень постоянно на страже у входа в этот рай... Вот что такое Михайловское!..»

Птицы хорошо отличают доброго человека от злого.

Пушкин был добрый и доверчивый человек и не мог не любить птиц, и они не могли не быть доверчивы к нему.

Вероятно, и при Пушкине в Михайловском огороде стояло пугало. Стоит оно и теперь, в виде этакого молодого столичного прохиндея: шест, на шесте куртка и штаны в модных заплатах, на голове грива, на гриве шляпа, а в кармане куртки поселилась... синица, и сейчас торчат из этого кармана головы орущих пичуг... Экое диво!

На усадьбе Михайловского вечером горят фонари. А в фонаре сидит на своем гнезде мухоловка. Хоть ей и жарко, но вольготно, и тепло птенцам, и не страшно, что ворона схватит и разорит ее семейство.

В Михайловском всё испокон веков. И в этом неповторимость сегодняшнего заповедного места.

Куда бы вы ни пошли, всюду птица — добрая, доверчивая к тем людям, для которых Пушкин и всё пушкинское священно и неприкосновенно.

В центре усадьбы, там, где летом бывает особенно много народу, растут густые кусты шиповника, жасмина, сирени, дикого винограда. За ними хорошо ухаживают, и они всегда в своей полной красе. И не удивительно, что почти в каждом из них летом живут и гнездятся птицы.

Однажды я сделал большую глупость. Обнаружив гнездо дрозда в кусте жасмина, растущем неподалеку от домика няни, я решил показать его публике во время экскурсии. Я подвел экскурсию к жасмину и, как фокусник, раздвигая ветви его, сказал: «А теперь, дорогие друзья, посмотрите, что тут делается!» Публика была в восторге. А к птице пришла беда. Ее гнездо стали показывать другие экскурсоводы. Иные стали пальцами трогать гнездышко... Одним словом, началась суета, и дрозд покинул свое гнездо.

А разве неудивительно, что дикие утки, много лет кряду выводящие утят в зарослях ганнибаловского Черного пруда, после того как птенцы вылупятся, уводят их по Еловой аллее к месту своего постоянного пребывания — реке Сороти или озеру Кучане. Обычно это случается в день Пушкинского праздника поэзии, когда по аллее, как по Невскому проспекту, бежит несметная толпа людей. Все спешат, ничего не замечают, гонятся за пролетающим экскурсоводом... И среди этой толпы — семья молодых утят, важно шествующих к реке. Иные люди и замечают это чудо, но им кажется,

что так здесь всегда, что, мол, это один из заповедных, постоянно действующих пушкинских экспонатов!..

На околице Михайловского всегда немноголюдно. Она так велика, что и тысяча человек на ней малоприметна. Такое редко где увидишь, разве что во сне. Здесь всегда спокойно и ласково. В особенности в час, когда день подходит к концу и наступает вечер, когда засыпают воды, травы, деревья. Лишь на лугах таинственно перекликаются дергачи. В небе спешат какие-то большие снежно-белые, поразительной красоты птицы — это аисты. Дом аиста на высокой, очень старой, еще ганнибаловской ели — единственной на околице. Аистов радостно встречают молодые аистята — они безмолвно размахивают крыльями, кружатся хороводом по гнезду...

Неподалеку чуть слышится какая-то другая возня и воркотня. Это цапли готовят своих малышей на сон грядущий... Михайловские серые цапли! Их много — около полусотни гнезд. Живут большой колонией в больших гнездах, на самых больших соснах. Эта птица вообще любит лишь те места, где есть озера, реки, болота, где водится много рыбы, лягушек, змей, до которых она большой охотник. В Михайловском всего этого вдоволь, и цапли здесь издревле. О них святогорский монах еще в XVIII веке писал в духовную консисторию, что «птица, именуемая «зуй» любит места сии богом данные, понеже в древние времена здесь был монастырь Михаила архангела».

И деревенское название Михайловского — Зуёво, так и Пушкин его называл.

От зари до зари цапли в полете и охоте. Отдельные пары их летают из Михайловского почти до Пскова, а то и дальше — до побережья Чудского озера. Это заметили псковские краеведы еще много лет тому назад. Днем цапли бродят по лугам Михайловского и Тригор-

ского. Часами стоят у воды и высматривают в ней рыбу. Количество семей их из года в год меняется. Этому много причин. Одна из главных — гибель при перелетах с юга на север. В этом году гнезд было около пятидесяти, а пять лет тому назад было тридцать пять.

В 1922 году, когда Михайловское было объявлено Государственным заповедным имением, колония цапель значительно пополнилась. Сюда прилетела группа цапель, жившая дотоле в вековой роще у стен древнего Спасско-Елизаровского монастыря, находившегося в 20—25 километрах к северу от Пскова. После Октябрьской революции монастырь опустел, монахи разбежались, и в 1921 году он был передан Псковскому институту народного хозяйства для размещения в нем естественнонаучной станции и общежития студентов.

«Время было тяжелое, с питанием студентов было очень плохо, и ребята стали лазать на деревья, забирать птичьи яйца, охотиться за цаплями... — рассказывает бывший преподаватель института, ныне ленинградский профессор-геолог Л. Н. Дзенс-Литовский. — И вот однажды вся Елизаровская колония цапель исчезла. А вскоре стало известно, что эта стая переселилась в Михайловское».

Цапля — птица беззащитная. Обороняться от недругов она не умеет. Природа наделила ее лишь истошным криком. Вот ястреб или орел налетает на зуёво гнездовье, и всё пушкинское село оглашается сплошным птичьим воплем. В другом месте этого не услышишь...

Иной раз бывают у цапли ссоры с надоедливыми посетителями Михайловского. Подойдет какой-нибудь суетливый человек поближе к сосне, на которой гнездо цапли, начинает кричать и хлопать в ладоши, чтобы заставить птицу помахать крыльями и дать голос. Тогда разгневанная цапля повернется задом к такому дяде, поднимет хвост и пустит в него большую белую струю...

Когда молодые цапли начинают учиться парить, они часто выпадают из гнезда. Я их подбираю, зову ветеринара, он осматривает птицу и, если есть в ней какая поломка, накладывает лубок. Лечим ее, кормим свежей рыбешкой, лягушками. Птица живет в вольере, в саду Михайловского, а потом она выходит в сад, пробует летать, а там, смотришь, взмоет в небо и улетит к своим сородичам у озера Маленец.

В последние дни октября, когда ложится на землю осенний туман и «сребрит мороз увянувшее поле», птицы всей стаей собираются на своих соснах, отпоют прощальную песнь и улетают в дальний путь.

И тогда в Михайловскую обитель приходит грустное безмолвие.

МИХАЙЛОВСКИЙ СКВОРЕЦ ЗАЛЕТЕЛ В БОЛГАРИЮ

В Михайловском много птичьих домиков, штук триста будет. Деревья в заповеднике большей частью старые, ветхие, больные. На них постоянно нападают разные жучки-вредители — точильщики, пилильщики и другие всякие. Ученые говорят, что истинные спасители таких деревьев — птицы, что тысяча семей скворцов, например, за одно только лето уничтожает два вагона древесных вредителей.

Здешние лесники — народ изобретательный, заботливый. Они понаделали птичников самых разных. Тут и маленькие терема, избушки, светлицы, колоды,— не только обыкновенные ящички. И всюду в них гнездятся пернатые друзья заповедного места.

Ставили как-то ранней весной в Михайловском новые домики для скворцов и синичек. Разница между теми и другими небольшая — дырка-лазок у синичников поменьше, вот и всё. Ставили новые на тех местах, где были старые, прохудившиеся.

В одном старом домике уже устроился скворец. Улетел рано утром из старого, а прилетел вечером и не заметил, что домик-то новенький. Как на грех, лесники сделали ошибку: на место скворечника поставили синичник. Подлетел скворец, сунулся к дырке, туда-сюда — пролезть не может. Решил проскочить с ходу, разлетелся — ничего не получается. Наконец как-то втиснулся. Вскоре в домике послышалась возня. Оказывается, туда-то скворец залезть ухитрился, а вот обратно вылететь — не может, бьется, словно в тюрьму попал.

Смотрю: что дальше будет? Скворец и так и этак пробует вылететь — ничего не получается. Запищал даже с горя. Решил я помочь беде пичугиной. Взял лестницу, приставил ее к дереву и полез к домику, чтобы садовым ножом увеличить леток. Смотрю — скворец в ужасе забился в угол, притаился и глаза закрыл. Увеличил я дырку, спустился на землю и жду. Замер скворец, не показывается, да так долго, что и я уже стал думать: может, птица со страху богу душу отдала? Смотрю, нет. Появился в дырке кончик клюва, потом клюв, за клювом голова — и... скворец пулей вылетел из домика. Два дня мой сосед и близко не хотел подлетать к домику, а потом всё же вселился — вероятно, решил, что тюрьма ему приснилась.

В новом домике скворец уже вывел на свет пятое поколение. Я окольцевал одного праправнука, вырезав на колечке: «СССР, Пушкин. Михайловское, 24 мая 1965 года». А на другой год получил нежданно-негаданно письмо из Софии, от болгарских школьников — друзей Пушкина, с которыми переписываюсь. Они сообщали мне о том, что михайловский скворец попал в сети юных орнитологов и был ими выпущен на волю. Весною он снова явился в свои пушкинские края.

* * *

Много примечательного в птичьем царстве Михайловского. Есть и чудо-чудеса. Вот одно из них. Осенний отлет птиц в теплые края. Зрелище это неописуемое. Птицы стаями и караванами разлетаются в разные страны: соловьи и горихвостки летят в Эфиопию — на родину прадеда Пушкина Ибрагима́ Ганнибала; стрижи — на Мадагаскар; аисты летят в Африку... Скворцы отправляются на юг Украины, в Болгарию...

Особенно трогательно прощание с Михайловским скворцов. Они чувствуют расставание уже тогда, когда мы еще совсем не замечаем приближения «унылой поры» года. И вот наступают последние дни того месяца, когда опускается на землю какая-то особенная тишина и последняя ласковая теплынь, тогда в Михайловском происходит великий птичий сбор. Кажется, что слетели разом в одно место все птахи. Их тысячи и тысячи, все они садятся на высокие ивы, что у горбатого мостика, и исполняют торжественное песнопение.

Я каждый год с замиранием сердца жду этого часа, и мне всегда грустно оттого, что вижу и слышу это чудо только я и лишь немногие со мною.

АРХИВ СТАРОГО АИСТА

Или вот тоже почти чудо — находка «архива» старого михайловского аиста.

На усадьбе Михайловского издревле живет аист. Говорят, что эта птица приносит счастье тому месту, где она поселилась...

Много лет назад аист жил на огромной старой кривой сосне, стоявшей на околице, на выходе со двора в сторону озера Маленец. Когда эта сосна засохла — в нее ударила молния, расщепила ствол дерева и повредила гнездо,— сосну спилили, древний пушкинский на-

сельник перебрался на другое место, во фруктовый сад, на старую березу, и жил здесь до войны. Когда же пришла война и фашисты стали рубить Михайловские рощи, аист отсюда ушел совсем. Он вернулся только вместе с людьми, когда фашистов не стало и в Михайловское вновь пришли тишина и мир. Это было весною 1945 года.

Аист вновь поселился на березе, гнездо было очень большое, а береза уже ветхая: во время войны немало ран нанесли ей осколки вражьих снарядов и пуль.

Летом 1956 года налетел на Михайловское ураган и повалил березу на землю вместе с гнездом.

Три года птицы летали над Михайловским, подыскивая для себя новое удобное место. Подыскивал для них новое место и я. Приказал поставить на шести разных деревьях — двух березах, двух липах и двух елях — колеса и бороны, как учит народная примета. И вот наконец птица остановила свой выбор на высокой липе, что стоит при входе на усадьбу с восточной стороны ее — там, где экскурсоводы начинают свой рассказ о деревенском Пушкине. С тех пор на этой липе наши аисты вырастили уже десятое поколение.

Говорят, что аисты петь не могут, что они только трещат. Это неправда! Аист действительно трещит при встрече с другими аистами, при возвращении с полета в свое гнездо, при нападении на его жилище хищника. Треск его напоминает барабанную дробь. Но аист и поет. Это бывает рано утром, на заре, или вечером, при заходе солнца, в тот период, когда подрастает выводок и когда вся семья в сборе. Поет он не очень громко. Пенье его жалостливое и очень приятное.

Недавно на усадьбе пришлось менять одно из двух имеющихся старых аистовых гнезд. Обветшала вершина дерева, на котором гнездо стояло, и аист убоялся в нем плодить свое потомство. Это значит, что люди, которым аист доверил свой род, должны позаботиться о

новом гнезде или произвести капитальный ремонт старого.

Как делается ремонт? Просто и непросто. Отважные люди лезут на вершину дерева, удаляют старое гнездо и снимают с его основания борону или колесо, потом удаляется сгнившая часть дерева и на здоровую его часть опять поднимается и ставится большое колесо или борона. Мы в Михайловском обычно ставим колесо. Такое гнездо стоит около десяти лет. За десять лет своего существования гнездо делается огромным, ибо птица каждый год в него что-нибудь добавляет: сучья, ветви, разную траву...

Когда в этом году мы закончили операцию по ремонту старого гнезда, я произвел тщательное обследование старья. Чего-чего в нем только не было: разное-разное тряпье и... целый бумажный архив! Здесь были фрагменты газет «Известия», «Псковская правда», страница специального выпуска «Пушкинский праздник поэзии 1973 года», билет для входа в дом-музей, «Памятка для экскурсанта», обрывок любовного послания какого-то Алеши к какой-то Танечке... Вот так-то!

Кое-что из птичьего царства пушкинского Михайловского сегодня утрачено. Теперь уже нет в наших рощах черного аиста. Есть только белый. Последняя семья «черногуза» погибла несколько лет назад. Гнездо этой птицы, находящееся на южной окраине заповедного имения, разорил какой-то проходимец.

В связи с наблюдающимся в последние годы обмелением озер ушли от нас дикие гуси. Но это дело поправимое. Ведь удалось же нам возвратить в Михайловское других птиц.

СТРАШНЫЕ ГОДЫ

Известно, что гитлеровцы, три года хозяйничавшие на пушкинской земле, тоже были «большими любителя-

ми» птиц, и не только птиц, но и пчел. Пчел любили за их чудесный липовый мед. Поэтому в парках Михайловского и Тригорского гитлеровцы срезали старинные липы, в дуплах которых жили большие семьи пчел, и было у них много меду. «Любили» они вальдшнепов, тетеревов, уток, куропаток. «Любили» и птицу певчую — ловили и отсылали ее к себе в Германию в качестве особо ценного трофея. Подумать только — трофей из заповедного имения великого русского поэта!

К моменту боевого поединка нашей армии с гитлеровцами на берегах Сороти и Великой птичье царство Михайловского сильно поредело.

А когда по окончании войны всё здесь стало возрождаться, стали восстанавливать в нем и мир птиц. Добрый аист прилетел сам, скворец — тоже. Утки и разная другая дичь размножались очень быстро... Плохо было с певчей птицей. Птичьи домики, синичники, скворечники, дуплянки были разорены. Гнездиться птице было трудно. Поэтому одновременно с восстановлением исторических зданий и сооружений восстанавливались и зеленые насаждения и сооружались «домики» и кормушки для птиц.

Их было построено около тысячи, самых разных, простых и затейливых, по старинным образцам. Нам много помогли в этом здешние ребята-школьники. Птицы быстро поняли заботу о них и при весенних перелетах на север стали всё больше и больше останавливаться в Михайловском и гнездиться в нем.

А вот соловьи пропали. Соловей—птица малая, нежная, не любящая людской суеты и грязных отходов человеческой жизни: мазута, ржавого железа, разной тухлятины. А тут еще пушечная вонь и разные отбросы гитлеровской солдатни...

Как-то приехал в Михайловское ленинградский лесовод-орнитолог Д. Терентьев. Поговорили с ним. Он посоветовал обратиться к своему старому знакомому —

птицелову Ивану Матвеевичу Климкову, бывшему егерю бывшего барона Гревеница, бывшее имение которого когда-то находилось за Ораниенбаумом. Дал мне Терентьев адрес Климкова. Встретился я со стариком. Достал мне егерь две пары соловьев, и я сразу же привез их в Михайловское. Выпустил их в сад, где в то время, на месте теперешней водокачки, был посажен кустарник желтой акации, сирени, смородины и боярышника...

Прошло много лет. Теперь в Михайловском как при Пушкине:

В лесах, во мраке ночи праздной,
Весны певец разнообразный
Урчит и свищет, и гремит...

И не только в лесах, но и в саду можно услышать прекрасные птичьи концерты, а у кого душа богатая, тот сможет услышать и пушкинские «незаменные три песни соловьиные».

Разводил я в Михайловском и другую пернатую тварь, которая водилась на усадьбе Пушкина при жизни поэта.

По описи 1838 года, на усадьбе был богатый «птичий двор с двумя избами и курятниками», а в нем много индюшек, гусей, кур, уток... Были и фазаны и цесарки. Кое-что развести мне удалось, а с фазанами и индюшками не повезло. Их прикончил коршун. Разбойничьи повадки этой хищной птицы Пушкин прекрасно описал в поэме «Руслан и Людмила». «С порога хижины моей» он наблюдал, как

Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Приняв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.

Эту картину можно видеть и сегодня с порога михайловского дома Пушкина — эта птица камнем летит

с большой высоты в Сороть и хватает зазевавшуюся щуку или леща.

БЫЛАЯ СЛАВА ПСКОВСКИХ ГУСЕЙ

С древних времен на Псковщине была своя порода домашних гусей. Они назывались «псковские лысые» и отличались вкусным мясом, добротным чистым пером, мощными красными лапами и большой лысой головой на длинной шее. У жителей столицы они пользовались большой славой. На Сенной площади Петербурга был даже особый торговый ряд, в котором продавали только псковских гусей.

Разводили гусей на Псковщине повсеместно, в том числе и в Святогорье. Были они в фаворе и у помещиков, и у простых крестьян, в особенности тех, что жили вблизи рек Сороти, Великой, Луговки, Кучановки.

Гусь — птица неприхотливая, сама себе добывает корм. Летом огромные стада их покрывали берега, словно белые пуховые ковры. Один из таких ковров всегда стелился на Сороти под горой, на которой стоял дом Пушкиных.

Гусей в Михайловском было много и при Пушкине, и при его сыне Григории Александровиче, который жил здесь помещичьей жизнью почти тридцать лет. При нем в Михайловском птичнике содержалось полторы сотни гусей. Тысячи их водились у жителей деревень, лежащих вокруг Михайловского, — Дедовцев, Зимарей, Савкина, Бугрова...

Осенью гусей большими стадами, пешим ходом отправляли на продажу в Псков и Питер. Гнали их мужики, хорошо знавшие это дело, вооруженные длинными хворостинами. А чтобы во время долгого пути птицы не сбивали себе ног, им заранее смазывали пятки густой смолой...

А когда приходила зима и реки одевались льдом, нередко можно было видеть картину, нарисованную с натуры Пушкиным в одной из деревенских глав «Евгения Онегина».

На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает...

Во время Отечественной войны псковские гуси почти совсем пропали. Сейчас во многих хозяйствах области они возродились, чего нельзя сказать о домашних гусях колхозников, живущих у берегов Сороти. Теперь на михайловских и тригорских лугах уже давно не слышатся гусиные клики, не стелятся пуховые ковры... Только думается мне, что придет время и возродится старинная традиция: держать каждому дому своих гусей на славной пушкинской речке — реке отчичь и дедичь местных жителей.

„ХУТЕН И ИКТУ"

Временами к птицам Михайловского приходит лихо. Оно бывает разное. Иной раз всю зиму настоящей зимы нет. Она проходит без морозов и снегов. Весна наступает рано, поэтому и птицы с юга прилетают рано. И вдруг весеннюю благодать рушат холода и снегопады. В поисках тепла скворцы лезут в скворечники, набиваются в них, как сельди в бочке, давят друг друга, и в конце концов многие оказываются задушенными. Ласточки слетаются большими группами к какому-нибудь гнезду, лепятся друг к другу, образуя огромные гроздья. Но это не спасает их от холода, они коченеют и гибнут. Бывает и наоборот — зима очень лютая, метровой толщины снег покрывает землю, тридцатиградусные морозы стоят подолгу. В рощах и парке часто слышится гром-

кая пальба. Это «стреляют» старые деревья, в стволах которых образуются морозобойные глубокие трещины. Живущие в дуплах этих деревьев птицы в страхе покидают их и летят на усадьбу — поближе к людскому жилью, к птичьим кормушкам. Зимняя стужа для птицы — время трудного поиска корма.

На стенах моей избы две кормушки — одна у входных дверей, другая под окном столовой комнаты. А вот и мои постояльцы, их, почитай, сотни две будет! Это — синицы, большие и малые, поползни, дятлы — пестрые и зеленые, сойки, воробьи... Прорываются к столу и вороны, но я их отгоняю, очень уж вредная эта птица, зимой пожалеешь — весной не отгонишь... Утром, задолго до рассвета, мои подопечные начинают меня будить, барабаня носами и лапками в оконную раму. В их стуке мне ясно слышится: «Эй, хозяин, вставать пора, пора на стол накрывать!..»

Когда бывает особенно холодно, я приоткрываю окна в сенях и в одной из теплых комнат, чтобы дать возможность закоченевшим пичугам залететь и обогреться. Мне всегда кажется, что в сердце птицы живет благодарность человеку за то, что он помог ей пережить суровое время.

Есть сегодня в михайловском саду особый вольер — маленькая лечебница. Она работает летом, когда здешнее птичье царство всё в сборе. В ней мы содержим птиц, нуждающихся в людской помощи. Часто экскурсанты, в особенности дети, приносят сюда то чистенка, то цапленка, то кукушонка, выпавшего из гнезда и подвернувшего лапу или крылышко. У меня есть знакомый фельдшер — отличной души человек. Не успею ему позвонить — как он тут как тут, и помощь птице обеспечена. Хлопот с больными пичугами много, бывает и много слез... Не всегда удается приучить птенца брать пищу с рук. Если удастся — будет жить, а нет — умрет. Радостно бывает глядеть, как выздоравливающий детеныш

начинает взлетать, сперва на куст, потом на яблоню. Сидит и смотрит в ту сторону, где живут его родичи. А потом, когда вовсе окрепнет, он вдруг взлетит в небо и улетит к своей братии.

На дверях вольера вывеска, красиво нарисованная художником Р. Яхниным, на ней написано:

ХУТЕП И ИКТУ

— Дяденька,— спрашивают меня дети, пришедшие на экскурсию в Михайловское,— можно посмотреть птичек?

— Можно, посмотрите,— отвечаю.

— А что тут написано? — указывают они на вывеску.

— А ты прочти, только читай не слева направо, а наоборот.

Господи, радости-то сколько, когда надпись прочитана!

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Я давно приметил, что птицы своей кротостью и доверием к человеку часто напоминают нам, что в этом мире больше милосердия, чем зла.

Послушайте маленькую историю, поучительную и добрую.

В 1951 году в Михайловском рядом с основным домом восстанавливали флигелек, в котором некогда были кухня и людская. Оплели стены хмелем, поставили плетенёк, скамейку, рядом с крыльцом устроили собачью будку для Жучки, и получился не домик, а загляденье — сказка. Внутрь домика принесли всё, что свойственно ему иметь. Всякую деревенскую радость и рукоделие. Когда всё было готово, уселись строители домика на скамеечку, чтобы сфотографироваться на память, и вдруг

видят: влетела на крыльцо ласточка, покрутилась-покрутилась и стала лепить свой домик на низеньком косяке входной двери.

В доме открылся музей, стали приходить люди, они шли сюда, чтобы посмотреть, как жили дворовые люди Пушкина, с которыми поэт особенно сдружился в годы ссылки. Здесь они видели вещи, названия которых обогатили поэтический словарь Пушкина: огромную деревенскую ступу, в которой баба-яга по ночам бродила в Михайловских лесах и рощах, расписные прялки, за которыми пушкинские девицы-красавицы пряли свою пряжу и друг другу сказки сказывали. Когда-то здесь слышалась музыка маленьких жерновов домашней мельницы, моловшей всё, муку любую.

Каждого человека, приходящего в домик, ласточка встречала веселой песней, в которой ясно слышалось: «Мир вам».

Не все сразу замечали птичку и ее гнездо. Стали замечать лишь тогда, когда появились птенцы. Они доверчиво глядели на людей любопытными своими черными бусинками.

Ласточка была очень чистоплотной. Никаких следов не оставляла, все убирала за собой и птенцами. Музейные уборщицы умилялись, видя такую ее чистоту и порядок.

Многие посетители, входившие в дом, не хотели верить, что гнездо и ласточка настоящие, думали, что это музейный макет, и пытались потрогать гнездо пальцем. Другие, сидевшие на скамейке, будто на часах, кричали на них: «Зачем вы трогаете гнездо, неужели не видите, что оно настоящее!» Какой-то заботливый дядя из Дома туристов однажды явился к домику, принес с собой фанерный щиток с тесемочками и подвесил его под гнездом — чтобы птицам было спокойней. Другой сделал объявление: «Граждане посетители музея, входите осторожнее. Здесь живет ласточка!»

С тех пор экскурсанты стали входить в людскую на цыпочках. Ласточкино гнездо стало одним из экспонатов деревенского пушкинского музея.

Но вот прошло время, младое племя выросло, и птицы покинули родное гнездо. Сказка кончилась. Одни лишь ласточки радовались. Они весело летали по пушкинской усадьбе и пели свою короткую красивую песенку.

Здешние старики говорят, что у ласточки две песни: одна о том, что самое доброе на земле — мир, а другая — песня-скороговорка: «В нашем доме все сусеки хлебом позасыпаны...»

ЧЕРНЫЙ ВОРОН

Подъемлю солнце я с востока...

Пушкин

У Поклонной горки, где стоит старая часовня Михайловского,— группа строгих великанов сосен. Они как часовые на страже. На одной — большое гнездо, прочное. Видно, что живет в нем птица не простая, суровая, гнездо не прячет. Каждый лесник хорошо ее знает. Это черный ворон. Говорят, что ворон живет на свете сотни лет. Кто знает, когда поселился ворон здесь! Сосна очень старая, двухсотлетняя...

В июне 1967 года была в Михайловском большая гроза. Сильная молния ударила прямо в вершину сосны, стоящей почти рядом с той, на которой живет ворон. От удара кора на дереве расщепилась и разлетелась в стороны, у земли вспыхнула голубым огнем молодая поросль, а стародавний ворон, сидевший в гнезде, даже не встрепенулся.

Утром на заре ворон поворачивается головой к востоку и приветствует восходящее солнце громким кри-

ком, и в этом крике явственно слышится слово «аллах». Не верите — послушайте сами!

Ученые пишут, что, когда к старому ворону приходит смертный час, он умирает глядя в ту сторону, откуда восходит солнце,— на восток.

Впрочем, так делают многие птицы и звери. Это одна из нераскрытых тайн природы.

СИМВОЛ ВЕЧНОСТИ

Деревенский дом Пушкина вскоре после смерти поэта дал приют его вдове и детям-сиротам. Но он был уже настолько старым и ветхим, что жить в нем было невесело, и его все покинули.

И вот в дом въехали другие жильцы. Над камином в кабинете Пушкина устроилась сова, в самом же камине поселилось семейство хомяков... Все они жили здесь, пока старый дом совсем не развалился и на его месте не стали строить новый.

Сто и еще много лет прошло после смерти Пушкина, но и теперь сова навещает место, где он жил. Каждый год осенью, когда усадьба и рощи Михайловского пустеют, она лунными ночами прилетает к дому поэта, садится между двух беленых труб, на коньке высокой кровли, и громко плачет. Именно плачет. Это подметил еще Пушкин, когда писал:

То был ли сон воображенья
Иль плач совы...

В старину русские люди называли сову «сирин — птица вещая». А древние греки и римляне считали ее символом вечности. Сова в Михайловском и есть символ вечности великого Пушкина.

* * *

Давно известно, что для любого поэта места, где складывалась его судьба, где открылись его «вещие зеницы», особенно дороги. Они остаются для него навсегда самыми примечательными на свете.

Начало своей творческой биографии сам Пушкин связывал не только с царскосельскими садами, но и с михайловскими рощами. В Михайловском он осознал, «зачем на свет родился». Он постиг в нем истинную щедрость природы, ее безграничность, «красу, вечно сияющую». И он отдал сердце и любовь здешнему небу и земле, ее хлебу, цветам, деревьям и птицам. Михайловское было его домом, через окна которого он увидел свою Отчизну. Оно было его судьбой и счастьем.

Через любовь к цветам, птицам и травам к великому поэту пришла любовь к своему народу, любовь светлая, жизнерадостная, как чудесная песнь соловья или иволги.

Через любовь к природе Михайловского приходит радость и ко всем нам.



СОДЕРЖАНИЕ

Семен Степанович Гейченко

У ЛУКОМОРЬЯ

Рассказы
хранителя Пушкинского заповедника

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Редактор Н. А. Чечулина
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Портрет на фронтисписе
В. П. Ахломова
Технический редактор Л. П. Никитина
Корректор Т. П. Гуренкова

ИБ № 3809

Сдано в набор 08.01.86. Подписано к печати 16.04.86. М-29614. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,70. Усл. кр.-отт. 22,05. Уч.-изд. л. 20,29. Тираж 100 000 экз. Заказ № 305.
Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Гейченко С. С.

Г27 У Лукоморья: Рассказы хранителя Пушкинского заповедника. — 5-е изд., доп. — Л.: Лениздат, 1986. — 494 с., ил.

Семен Степанович Гейченко — директор заповедника в Пушкинских Горах — хорошо известен всем, кто любит Пушкина. Многие слышали его увлекательные рассказы во время экскурсий по пушкинским местам на Псковщине, иные видели в телевизионных передачах, а те, кто читал книжку «У Лукоморья», уже пятый раз выпускаемую Лениздатом, знакомы с ним и как с литератором.

Настоящее издание «У Лукоморья», как и предыдущие, дополнено новыми рассказами, а также рисунками энтузиаста пушкинских мест — художника Василия Михайловича Звонцова.

Г $\frac{4702010200-130}{М171(03)-86}$ 201—86 84.3(2)7





1 р. 80 к.